

ЛЕВЫЕ КОММУНИСТЫ В РОССИИ (1918-1930-е гг.)

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Книга посвящена малоизвестной истории российских левых коммунистов, ставших в оппозицию советскому партийно-государственному режиму еще при жизни Ленина и затем пытавшихся вести борьбу против сталинской диктатуры. Представители этого течения осуждали политику правящей коммунистической бюрократии как измену революции, видели в советском «социализме» государственный капитализм и внесли свой вклад в осмысление тоталитарной трансформации большевизма. В серии статей британских исследователей – членов Интернационального коммунистического течения рассматриваются идеи и деятельность различных левокоммунистических группировок - от фракции левых коммунистов в РКП(б) 1918 года до федерации левых коммунистов, созданной в 1933 г. в Верхнеуральской тюрьме для политзаключенных.

Книга включает основные программные тексты левых коммунистов 1918-1930-х гг., большая часть которых никогда прежде не публиковалась в России.

Для историков, политологов, всех, интересующихся историей XX века.

Содержание

Предисловие	2
Часть I. Исследования	
Ян Геббс. Российские левые коммунисты после 1920 года	8
Левые коммунисты в России. 1918-1930-е гг.	40
1918: Революция критикует свои ошибки	82
Год 1921-й: Пролетариат и переходное государство	104
1922-1923гг: Борьба коммунистических фракций против контрреволюции	127
1924-1928 гг: Торжество сталинистского государственного капитализма	146
Часть II. Документы	
Тезисы «левых коммунистов» о текущем моменте	168
А. Коллонтай. Рабочая оппозиция	183
Из воззвания группы «Рабочая правда»	231
Манифест Рабочей группы Российской Коммунистической Партии (б)	239
Обращение сторонников «платформы 15-ти» к XV съезду ВКП(б)	296
Г.И. Мясников. Очередной обман	303
Часть III. Памяти Яна Геббса	
Ян: салют коммунистическому борцу	354
Салют коммунистическому борцу	357
Основные позиции Интернационального Коммунистического течения	359

Предисловие

Одним из худших последствий поражения революционеров в борьбе 1917-1923 годов было погребение подлинного марксизма под огромной насыпью лжи и искажений. С конца 20-х годов имя коммунизма было узурпировано сталинизмом, представлявшим собой, наряду с фашизмом и «демократией», авангард буржуазной контрреволюции. К тому же, во время и после Второй мировой войны к псевдокоммунистическим партиям присоединилась псевдооппозиция – троцкистские группы, превратившиеся в важное подспорье сталинизма и демократического антифашизма. В эти годы торжества контрреволюции, знамя политической борьбы марксистов – а значит и самого марксизма, который неотделим от нее – было подхвачено небольшими организациями левых коммунистов, в особенности итальянских, голландских и немецких. Эти течения во главе с такими деятелями, как Бордига в Италии и Паннекук в Голландии и Германии, возникли первоначально как наиболее стойкие защитники марксизма от оппортунистического вырождения, признаки которого стали проявляться в Коммунистическом Интернационале с начала 20-х годов. В мрачный период 30-40-х гг., когда капитализм вверг человечество во вторую империалистическую резню, эти группы (самой последовательной среди которых являлась фракция итальянских левых) взяли на себя миссию борьбы за принципы интернационализма, в то время как все остальные отступили от них под давлением господствующей идеологии. Эти организации постарались также извлечь из исторического поражения пролетариата уроки для будущих поколений. Несмотря на изоляцию и труднейшие материальные и политические условия, им удалось выполнить эту задачу, ибо их труды стали незаменимым звеном исторической традиции, воспринятой новыми революционными течениями, которые родились из очередного подъема борьбы рабочего класса в конце 60-х годов.

Важной обязанностью этого нового поколения революционеров является обращение к работам его «забытых» предшественников – не только для того, чтобы выявить историческую преемственность, но и потому, что без овладения наследием и учета опыта левых фракций новые группы не могут обрести теоретические и организационные основы, необходимые для их собственного выживания и развития. ИКТ, которое всегда рас-

сма тривало себя как продукт синтеза наиболее ясных принципов и теоретических выводов левых фракций, посвятило этой работе много времени и усилий. В «Интернэшнл ревью» напечатано немало исследований истории и взглядов различных фракций, а также целый ряд давно не публиковавшихся работ представителей итальянского, немецкого, голландского, мексиканского и других отрядов левокоммунистического движения. На этой основе нами были подготовлены и изданы монографические труды об итальянском и немецко-голландском левом коммунизме. Настоящая книга – последняя в данной серии.

Политическая значимость различных левокоммунистических течений в Европе находилась в тесной связи с масштабом революционной борьбы масс в странах происхождения этих течений. Не случайно, что именно пролетарское движение в Германии и Италии обладало в период после Первой мировой войны наибольшим революционным потенциалом. Однако высшего своего подъема революционная волна достигла, конечно, в России, что явилось, с одной стороны, результатом ясности представлений марксистского авангарда в этой стране – партии большевиков, а с другой, еще одним фактором, способствовавшим выработке такой ясности. Изоляция российской революции, вызвала, как мы знаем, быстрый процесс перерождения партии, возглавлявшей прежде октябрьское восстание, но ее по-настоящему пролетарский характер нашел выражение в очень существенном сопротивлении этому негативному процессу со стороны наиболее твердых революционных элементов внутри самой партии. Известно, что такие лидеры, как Ленин и Троцкий, несмотря на ошибки, допущенные ими в тяжелейших условиях гражданской войны и международной блокады, постепенно начали осознавать смертельные опасности, проистекавшие из все большего сращивания партии с государственным аппаратом; с 1923 г. имя Троцкого было неразрывно связано с борьбой левой оппозиции против сталинизма. Однако гораздо менее известным является то, что левая оппозиция и ее взгляды не могут быть сведены к той зачастую ограниченной критике, которой подвергал процесс перерождения Троцкий; мало знают и о том, что помимо оппозиции во главе с Троцким существовали и другие группы, чье сопротивление контрреволюционной волне, захлестнувшей большевистскую партию и Советское государство, носило более бескомпромиссный характер.

Эти левые течения имели сходство с группами левых коммунистов в Германии и Италии, хотя и были выкорчеваны сталинистской контрреволюцией раньше и более основательно, чем их европейские единомышленники. Так, «Рабочая группа», созданная Г. Мясниковым и другими в 1923 г., критиковала оппортунистическую коминтерновскую тактику «единого фронта» и «рабочего правительства» примерно с тех же позиций, что и Бордига в тот же период. Прямые параллели видны также между тем, как понимали задачи революционеров перед лицом вырождения пролетарской партии мясниковцы, и левокоммунистическими концепциями, которые разрабатывались в 30-е годы журналом «Билан». Другие группы, такие как «демократические централисты», внесли важный вклад в осмысление процесса перерождения большевистской партии и Советского государства. Цель настоящего сборника состоит, таким образом, в том, чтобы вернуть эту традицию из забвения и ознакомить с ней всех, кто стремится понять исторические корни политических позиций и теоретических концепций, отстаиваемых революционерами сегодня.

Как увидит читатель, настоящая книга отличается по форме от двух предыдущих тем, что ее составляют главным образом статьи, перепечатываемые из различных изданий ИКТ, а также документы российских левых коммунистов. Это связано со специфическими обстоятельствами, которые обусловили ее появление. В середине 90-х гг. наш товарищ Ян Геббс работал над исследованием о русских левых коммунистах, основанным на первоисточниках, однако в 1997 г. он скоропостижно скончался. К тому времени его работа находилась еще в начальной стадии, и хотя мы не имели ресурсов продолжать намеченный Яном весьма широкомаштабный проект, мы попытались сделать все, чтобы плоды его труда не были потеряны. Это было необходимо и как дань уважения его памяти, и потому, что изучение и осмысление идей и деятельности российских левых рассматривалось нами как важная политическая задача. Недавнее возрождение пролетарских течений в самой России сделало эту задачу – имеющую большое международное значение – еще более актуальной.

Можно со всей определенностью утверждать, что настоящая книга в очень значительной степени является результатом работы Яна – не

только из-за того, что она включает в себя одну из его работ об организациях российских левых, но и потому, что именно им был вновь извлечен на свет ряд документов, также публикуемых в данной книге.

Влияние Яна присутствует и во включенных в сборник статьях из «Интернэшнл ревью», написанных в последние несколько лет. По нашему мнению, эти статьи показывают, что понимание ИКТ многих вопросов – таких, как роль Троцкого и левой оппозиции или значение борьбы левых фракций в коммунистическом движении – стало более зрелым. Более ранние статьи из «Интернэшнл ревью», относящиеся к 1977 г., хотя и являются в целом правильными, обнаруживают пережитки враждебного отношения к самому принципу организации, что было связано с тем воздействием, которое оказывал на революционные группы, возникшие после 1968 г., «коммунизм советов». Это нашло отражение, в частности, в том, что в ранних статьях лишь с большой неохотой признается пролетарский характер большевистской партии в период после 1921 г. и аналогичная природа течения, сформировавшегося вокруг Троцкого. В статьях же последнего времени, наоборот, дается более глубокий анализ вклада Троцкого в идейную борьбу против сталинизма, оценивается его значимость и более подробно рассматриваются позиции тех, кто, подобно Сапронову и Мясникову, отказывался списывать со счета большевистскую партию и даже в конце 20-х гг. боролся за ее возрождение в качестве политического инструмента рабочего класса.

Работа, начатая Яном и продолженная ИКТ, до сих пор остается незавершенной. Целый ряд текстов, например, написанных Мясниковым, еще ждет своей публикации и анализа, и мы обращаемся ко всем в пролетарской среде – особенно к товарищам из новых групп в России – помочь нам донести эти документы до нового поколения революционных активистов.

Интернациональное коммунистическое течение, январь 2005 г.

Часть I

Исследования

Это исследование было написано Яном Геббсом как его бакалаврская диссертация. Оно является наиболее полной из его работ по истории левых коммунистов в России и должно было стать основой для более обширного труда, создать который помешала автору преждевременная смерть. Мы публикуем данную работу как она есть, внося лишь несколько грамматических исправлений. Вместе с тем, из текста не всегда ясно, о каких именно левокоммунистических группах идет речь. Ян был убежден, что группа под названием «Коммунистическая рабочая партия России» реально существовала в начале 1920-х гг., хотя это требует дальнейшей проверки; в любом случае, как отмечает он сам, отличие этой организацией от более известной «Рабочей группой» Г.И. Мясникова вовсе не является очевидным. Проблема усугубляется также тем, что в оригинальном тексте Яна организация Мясникова именуется «Коммунистической рабочей группой» (КРГ), и это порождает дополнительные трудности: иногда аббревиатуры КРП и КРГ употребляются как синонимы – то ли по причине неясности самого исторического материала, то ли вследствие опечаток. К сожалению, Яна, который мог бы прояснить эти вопросы, уже нет с нами; поэтому мы приняли решение повсюду называть группу Мясникова «Рабочей группой» (РГ).

Российские левые коммунисты после 1920 года

Ян Геббс

Введение

В этом тексте рассматривается деятельность левых коммунистов в России в период после 1920 года. Группы, о которых пойдет речь, составляли левое крыло Российской коммунистической партии (большевиков) – РКП(б) – и вели свое происхождение от фракции «левых коммунистов», образовавшейся в 1918 году. Те немногие историки, которые уделяли внимание этой фракции, не прослеживают ее дальнейшую судьбу, как будто столь влиятельное течение – а в 1918 году оно было близко к тому, чтобы привлечь на свою сторону большинство в центральных партийных органах и рабочих Советах – исчезло без следа. Почти все исследователи видят в более поздних левокоммунистических группах продолжение совершенно иных политических тенденций (например, «Рабочей оппозиции») или/и считают, что эти группы прекратили свое существование в начале 1920-х годов вследствие репрессий. Выбор периода после 1920 года обусловлен тем фактом, что большинство историков не рассматривает левых коммунистов в то время как организованную силу или же ограничивается констатацией существования этого явления в 1920-1921 гг. вне всякой связи с левокоммунистической фракцией 1918-1919 гг. Наша задача, таким образом, состоит в том, чтобы установить преемственность левых коммунистов 20-30-х гг. с их предшественниками и опровергнуть распространенный миф о том, что «левая оппозиция» (во главе с Л.Д. Троцким) была в это время единственной оппозиционной силой.

Попытка вычеркнуть из истории российские левокоммунистические группы как организованную силу является отражением определенной социальной реальности. Левые коммунисты были немногочисленным и организационно раздробленным меньшинством, которое испытывало на себе воздействие усиливавшегося контрреволюционного террора. Поскольку они действовали в условиях глубокого подполья, их документы редко

попадали на Запад и сохранились, главным образом, в малотиражных коммунистических газетах 1920-х годов, которые отсутствуют даже в ряде крупнейших архивов. Редкость этих документов и недостаток информации делают невозможным детальное исследование эволюции левокоммунистических групп и их взаимоотношений друг с другом. Тем не менее, в нашем распоряжении достаточно источников, подтверждающих, что в указанный период подобные группы продолжали существовать и оказывали влияние на такие более известные течения, как троцкистская «левая оппозиция» и группа «Демократического централизма» (децисты).

Левые коммунисты отличались от других групп, возникших в Российской коммунистической партии, следующими позициями:

- характеристика социал-демократии и Второго Интернационала как капиталистических организаций, левого крыла буржуазии. Отсюда следовало утверждение об их контрреволюционном характере повсюду в мире (а не только в России). Такая точка зрения обусловила неприятие левыми коммунистами политики «единого фронта». Они отвергали ленинское определение социал-демократических организаций как «буржуазных рабочих» партий, не считая возможным усматривать в них правое крыло рабочего движения;
- убежденность в том, что советы и советская демократия составляют основу диктатуры пролетариата;
- неприятие субституционизма (замещения класса авангардом) и слияния партии с государственным аппаратом;
- отрицание представления о государственном капитализме как прогрессивном и необходимом этапе борьбы за коммунизм;
- неприятие права наций на самоопределение и отношении к национально-освободительным войнам как к реакционным;
- поддержка оборонительной и экономической борьбы рабочего класса во всех ее проявлениях;
- стремление к установлению коллективного рабочего контроля над производством;
- отрицание парламентаризма и участия в выборах;
- неприятие тред-юнионизма во всех его формах.

Что касается последних, то в использовании парламентаризма и тред-юнионизма Коммунистическим Интернационалом левые коммунисты видели уступку социал-демократии.

Таким образом, сопротивление левых коммунистов бюрократизму в государстве и партии основывалось на иных предпосылках, чем те, из которых исходили другие оппозиции, также критиковавшие эти явления. Коммунистические левые оценивали Брестский мир, а затем нэп как серьезные поражение, обозначивший наступление контрреволюции в мировом масштабе и в России. В отличие от децистов, они боролись за демократию как в партии, так и в рабочем классе в целом. И в отличие от всех фракций, образовавшихся в ходе дискуссии о профсоюзах, они считали предмет этого спора не столь важным, как вопрос о необходимости советов, основанных на рабочей демократии. Они также понимали, что *субституционизм* и слияние с государством разрушают партию и делают ее неспособной выступать в качестве революционного авангарда, ибо, становясь неотделимой от государственного аппарата, партия вынуждена уступать соображениям *gealpolitik*.

Российские левые коммунисты после 1920 года.

Неслучайно одна из самых загадочных групп левокоммунистической направленности, действовавших внутри и вне РКП(б), возникла в Москве. Этот город, являвшийся одним из центров пролетарской активности, в 1918 г. был оплотом фракции «левых коммунистов», а затем и децистов, которые долго сохраняли там влияние среди рабочих и в партии, несмотря на неоднократные чистки, переброски и другие бюрократические репрессии. Группа, о которой не идет речь, не упоминается в работах Р.В. Дениэлса, Л. Шапиро и Э.Х. Карра, хотя ее документы более доступны для исследователей, чем материалы других небольших группировок, отколовшихся от РКП(б). Главным источником по истории этой группы на английском языке, являются публикации в левокоммунистической газете «Уоркерс' дредноут» за 1922 год. Первый документ, подписанный «Группой революционно-левых коммунистов (Коммунистической рабочей партии России)», напечатан в № 12 этого издания. В нем объявляется о том, что группа «вышла из социал-демократической Российской коммунистической партии» и поддерживает основание Четвертого Интернационала в

составе КРПГ (Коммунистическая рабочая партия Германии), КРПН (Коммунистическая рабочая партия Нидерландов), КРП (Коммунистической рабочей партии Великобритании, издававшей газету «Уоркерс’ дредноут»), а также болгарских левых коммунистов. Судя по этому документу, московская группа какое-то время уже поддерживала связь с КРПГ, испытала ее влияние, и между ними было налажено регулярное сообщение по нелегальным каналам. Дальнейшим подтверждением этого является «Призыв российской рабочей оппозиции»,ⁱ из которого явствует, что группа, действуя в условиях подполья, смогла собрать среди российских рабочих денежную сумму, необходимую для печатания ее литературы в Германии (в России это было невозможно). Но, как указывал «Уоркерс’ дредноут», из-за высокой инфляции в России «миллионы рублей», «собранные с большим трудом» обесценились настолько, что суммы, полученной при их обмене, едва хватало на покрытие почтовых расходов – поэтому российские товарищи призывали помочь работе деньгами. В «Призыве» подчеркивались, что свои главные задачи как революционного авангарда группа видит в борьбе «против проводимой российским советским правительством Новой экономической политики и единого фронта». «Мы вступили в борьбу против предательства первых завоеваний революции, – писали «революционно-левые коммунисты». – Наша миссия состоит в том, чтобы двигать революцию дальше». Называя и партию, и советское правительство «российскими», они давали понять, что считают их «национальными» (т. е. непролетарскими) структурами, отошедшими от принципов интернационализма. Как и остальные члены КРИ (Коммунистического Рабочего Интернационала),ⁱⁱ они были склонны недооценивать масштабы контрреволюции и переоценивать возможности нового подъема классовой борьбы в мировом масштабе под воздействием активизации пролетариата в Германии и оживления борьбы рабочих в России в 1922-1923 гг. Поэтому они стали на сторону Эссенской организации КРПГ в ее полемике с Берлинской организацией, считавшей провозглашение Четвертого Интернационала преждевременным, и послали одного делегата на V съезд КРПГ в Ганновере, где тот докладывал о «нелегальной работе» в России.

В том же выпуске «Уоркерс’ дредноут» (29 июля 1922 года) содержится более обширный текст КРП России, посвященный провалу политики «единого фронта». В нем говорится о «настоящих коммунистах в Рос-

сии, выступающих против единого фронта и государственного капитализма и поддерживающих позицию КРПГ» (стр. 6). В документе доказывалось, что Третий Интернационал пошел по пути Второго и «Двухполовинного» Интернационалов – он и его профсоюзный аппарат «по уши увязли в болоте оппортунизма и реформизма». Далее следует жесткая критика политики «единого фронта», «выборов и парламентской деятельности», заявляется о том, что «только... пролетарская революция сможет спасти весь мир из того тупика, в который нас завел капитализм с социализменниками». Таким образом, КРП обличает «примиряющий оппортунистический единый фронт Ленина» как политику «соглашательства и сотрудничества с буржуазией». В другом, более раннем тексте, опубликованном в «Уоркерс' дредноут» (17 июня 1922 года), проводится мысль о связи концепции «единого фронта» с внутренней политикой «капитализма, введенного вновь в России». «Единый фронт» характеризуется как «откровенно правая платформа, перейдя на которую, Интернационал изменил своим принципам». Несмотря на такую позицию, КРП не была карикатурной группой ультралевых сектантов, обличающей всех и вся во круг. Сохраняя справедливый скептицизм в отношении центристской «так называемой Рабочей оппозиции» и ее сдвигающегося вправо руководства, названного «беспринципным и мягкотелым», КРП заявила о своей готовности «поддержать все, что еще остается революционного в РКП». Поскольку в то время децисты и левая часть «Рабочей оппозиции», а также члены «Рабочей группы» продолжали вести оппозиционную работу внутри РКП(б), такая установка КРП не являлась ни сектантской, ни утопичной. Однако группа все же призывала эти силы начать строительство новой партии. К «Рабочей оппозиции» «революционно-левые коммунисты» первоначально относились неоднозначно, что объяснялось разнородностью последней: признавая, что РКП(б) не может быть реформирована изнутри и что, «во всяком случае, “Рабочая оппозиция” на это не способна», КРП заявляла: «Все тезисы и требования рабочей оппозиции мы приветствуем и поддерживаем, как и все её прочие выступления, там, где они революционны и соответствуют достоинству и историческим задачам рабоче-коммунистической борьбы». При этом КРП критиковала руководство Рабочей оппозиции за то, что оно стремится «улучшить дело единого меньшевистско-буржуазного фронта в нашей стране». Таким образом, «революционно-левые коммунисты» четко разделяли сдвигающее-

ся вправо руководство «Рабочей оппозиции», с одной стороны, и ее рядовых членов, испытавших влияние борьбы рабочих, а также левых коммунистов и децистов, с другой. Левокоммунистические группы и партии в то время активно распространяли в международном масштабе информацию об идеях и деятельности «Рабочей оппозиции». Однако впоследствии КРП России отказалась от ограниченной и весьма критической поддержки этой оппозиции, которая в изданиях левых коммунистов стала именоваться с тех пор «так называемой Рабочей оппозицией».

Таким образом, КРП России действовала как подпольное объединение, которое вело работу вне РКП(б), поддерживало связь с зарубежными товарищами через группу эмигрантов в Берлине и насчитывало небольшое количество сторонников среди московских партийцев и в рабочем классе в целом. Это почти все, что можно сказать об этой организации, хотя ее сторонники в Берлине заявляли о себе как о секции КРИ и выступали в поддержку других аналогических объединений и отдельных активистов левокоммунистического толка в России.

КРП не следует путать с более известной «Рабочей группой РКП», которая образовалась в феврале-марте 1922 года. Хотя эти организации стояли во многом на сходных позициях, КРП, в отличие от «Рабочей группы», не вела деятельность внутри РКП(б) и изначально не разделяла идею Мясникова о том, что в России профсоюзы представляют собой поле для коммунистической работы. Однако главным пунктом разногласий служил вопрос о характере российской революции и контрреволюции. Под влиянием КРПГ КРП России стала на точку зрения, согласно которой Октябрьская революция являлась буржуазной или имела двойственную природу, тогда как «Рабочая группа» продолжала считать, что это была пролетарская революция, положившая начало борьбе рабочего класса в мировом масштабе. Здесь группа Мясникова по-прежнему следовала традиционному левокоммунистическому анализу 1918 года. Рассматривая процессы попятного движения революции внутри страны и наступления контрреволюции, нашедшие проявление в поражениях 1918-1920 гг., РГ интерпретировала все это как следствие задержки мировой революции, а не ошибки, совершенной в 1917 году, когда пролетариат взял власть. Тем не менее, КРП и «Рабочая группа» сходились на том, что нужно создавать новую партию и Интернационал, а также выступать против нэпа в России и «единого фронта» за рубежом. Обе группы были готовы поддержать

классовую борьбу против партийно-государственного аппарата и вести нелегальную работу. Маловероятно, что эти левокоммунистические группы, базирующиеся в Москве, не контактировали между собой, такого рода контакты или полемика между ними не получили отражения в доступных на сегодняшний день документальных источников. Известно лишь, что берлинская группа КРП опубликовала Манифест «Рабочей группы», перевела его на иностранные языки и распространяла за границей. КРПГ, однако, критически отнеслась в Манифесту и, хотя в 1924 году «Рабочая группа» упоминалась как «российская секция Четвертого Интернационала», по имеющимся документам трудно составить точное представление об эволюции «мясниковцев» и КРП. Можно с уверенностью утверждать, что ужесточение репрессивного режима в РКП(б) и «рабочем государстве» вынудили Мясникова и «Рабочую группу» отказаться от дальнейших попыток работы в партийно-государственных структурах, ибо такая работа сделалась практически невозможной. Кроме того, они стали на антипарламентскую и антипрофсоюзную точку зрения, разделяемую КРПГ и КРИ, и приняли название «Коммунистическая рабочая партия», что является свидетельством эволюции их позиций. Вместе с тем, «Рабочая группа» так и не согласилась с критикой КРПГ в свой адрес и реально не вступила в КРИ, считая само его создание преждевременным. Последнее было связано с тем, что «мясниковцы» не ожидали в ближайшем будущем нового мощного подъема пролетарской борьбы в России и в международном масштабе. Кроме того, «Рабочая группа» не желала идти на полный разрыв с Третьим Интернационалом, не отрицала пролетарский характер революции в Россииⁱⁱⁱ и не отвергала участие в повседневной и оборонительной борьбе рабочих, различное отношение к которой привело к глубокому расколу и ослаблению левых коммунистов в Германии. Таким образом, остается неясным, произошло ли слияние «Рабочей группы» РКП(б) и российской КРП, несмотря на их разногласия. Известно, однако, что со временем «Рабочая группа» увеличила свою численность и влияние и, наряду с децистами, продолжала действовать в России до середины 30-х гг. Что касается КРП, она вскоре прекратила свое существование в России, хотя группа российских эмигрантов в Берлине использовала это название еще на протяжении некоторого времени.

«Рабочая группа» сложилась вокруг Гавриила Мясникова, старого большевика, вступившего в партию до 1905 года. Некоторые исследова-

тели ведут происхождение этой группы от «Рабочей оппозиции» или левого ее крыла, другие считают, что ее «вдохнителем» был Игнатов. Однако, хотя отдельные члены «Рабочей оппозиции» и игнатовской группы действительно вступили в «Рабочую группу», этот факт объясняется их тесным сотрудничеством во внутрипартийной борьбе 1920-1921 гг. Запрет фракций сплотил левые течения и привел к их радикализации. «Рабочая оппозиция» всегда представляла собой относительно эклектичное течение, склонное к центризму, который проявлялся в ее попытках даже после запрета как фракции играть роль лояльной оппозиции. Правые рассматривали ее как наименее опасную среди левооппозиционных группировок. Это вызывало все большее разочарование в ее левом крыле, среди представителей которого находили отклик аргументы и анализ децистов и других левокоммунистических течений в РКП(б), продолжавших линию фракции «левых коммунистов» 1918 года. Распавшаяся на несколько разнородных частей группа Игнатова, судьба которой символизировала невозможность компромисса между левыми коммунистами и РКП(б) в целом, никак не могла «вдохновить» «Рабочую группу», ибо последняя являлась прямой политической преемницей группировки «левых коммунистов» и на основе своей политической программы привлекла на свою сторону ряд членов как «Рабочей оппозиции», так и самой группы Игнатова. Ярким примером такой преемственности был Мясников, в прошлом член левокоммунистической фракции, работавший на Украине – в регионе, являвшемся одним из ранних оплотов левого коммунизма, и в Самаре и Саратове, где находилось ядро этой фракции.

«12-13 мая (1918 года) состоялась объединенная конференция парторганизаций Перми и Мотовилихи с участием Мясникова, находившегося в авангарде кампании левых, – пишет в своем исследовании Р. Ковальский. – После пламенных речей Борчанинова и самого Мясникова, осуждавших Брестский мир – за то, что он не дал реальной передышки, и за вызванные им отступления от социалистического курса – тридцатью голосами против двадцати была принята резолюция в поддержку решений областной конференции.»^{iv}

Мясников пользовался уважением многих партийцев, включая даже его оппонентов, и сумел привлечь на свою сторону ряд членов самарских сторонников «Рабочей оппозиции», выступая в дискуссионных клубах, которые были созданы и функционировали в конце 1921-1922 гг. с позво-

ления партийного руководства, которое видело в них своего рода предохранительные клапаны. В Самаре левые элементы «Рабочей оппозиции» все еще контролировали в то время местный партийный аппарат. Встретившись перед съездом партии с 37 делегатами от «Рабочей оппозиции», Ленин предпринял маневр, целью которого было отделить руководителей этой группировки от децистов и ее собственного левого крыла.^v Однако призыв сдержать своих активистов и прекратить фракционную деятельность не оказал на оппозиционных лидеров нужного воздействия, и дискуссионные клубы, ставшие центрами оппозиции в Москве и на Урале, были закрыты.

В 1923 году от имени «Рабочей группы» РКП был выпущен Манифест. По мнению Р.В. Дениэлса, он «в основном повторял программу “Рабочей оппозиции”» (с.160), а сама группа являлась «прямым ответвлением “Рабочей оппозиции”» (с.159). Однако Э.Х. Карр ничего не говорит о преемственной связи «Рабочей группы» с Рабочей оппозицией, а Л. Шапиро указывает на то, что, хотя Г.И. Мясников временами был готов поддержать «Рабочую оппозицию», его имя «отсутствовало среди подписавших ее платформу». Тот факт, что эволюция «Рабочей группы» и ее политические позиции шли в русле левого коммунизма, а ее ведущие активисты уже в 1918 г. принадлежали к левокоммунистической фракции, определение Р.В. Дениэлсом этой группы как левого ответвления «Рабочей оппозиции» представляется ошибочным. Левое крыло «Рабочей оппозиции» действительно имело сильное влияние в Пермском регионе. Очевидно и то, что Пермь и Самара являлись оплотами левокоммунистических активистов, все еще сохранявших позиции в партийных организациях. В этих условиях «Рабочая группа» могла привлечь на свою сторону тех членов «Рабочей оппозиции», которые были недовольны правым курсом ее руководства, а также часть децистов. Работа в тесном контакте с левыми коммунистами, дискуссии с ними, а также совместное противостояние усиливавшимся в 1921-1922 гг. внутрипартийным репрессиям способствовали разделению «Рабочей оппозиции» на две части – тех, кто искал примирения с партией и государственным аппаратом, и тех, кто сделал из развития событий более радикальные выводы. К первым принадлежало большинство «Рабочей оппозиции» и примкнувшая к нему основная часть группы Игнатова. Левое крыло этой группы, составлявшее меньшинство, присоединилось к децистам. В условиях такой поляризации

«Рабочая оппозиция», которая даже после ее запрета как фракции пыталась выступать в качестве оппозиции, лояльной партии, и представляла собой наиболее эклектичное из всех левых течений, неизбежно должна была претерпеть целую серию расколов.

«Рабочая Правда»

«Рабочая Правда» являлась первой левокоммунистической группой, возникшей «вне» РКП(б). Название группы совпадало с названием ее газеты. В первом номере «Рабочей Правды» (сентябрь 1922 года) было напечатано обращение, очерчивающее программные взгляды группы. Газета выходила нелегально в Москве, где группа вела свою основную работу, уйдя в подполье еще до того, как была объявлена вне закона. Р.В. Дениэлс и Э.Х. Карр, в чьих исследованиях приводится некоторая информация о «Рабочей Правде», сходятся в том, что группа состояла, главным образом, из интеллигентов и нескольких рабочих и, вероятно, откололась скорее от Пролеткульта, находившегося под влиянием А. Богданова, нежели прямо от РКП(б). «Рабочая Правда» разделяла некоторые идеи Богданова, и это, возможно, стало причиной ее изоляции от других левокоммунистических группировок как внутри, так и вне РКП(б), а также ее безразличия или враждебности по отношению к ним, несмотря на близость политических позиций по многим важнейшим вопросам.

Хотя Богданов был одной из ключевых фигур левого крыла РСДРП(б), в отличие от большинства членов группы «Вперед» (1908-1917 гг.), он не вступил в РКП(б), сосредоточившись на организации Пролеткульта. В партийном памфлете «О группе “Рабочая правда”» («Большевик», 1924, № 7-8) детально прослеживается влияние концепций и терминологии Богданова на «Рабочую правду» и утверждается, что группа разделяет его взгляды. Однако сам Богданов заявлял, что не одобряет и не поддерживает платформу «Рабочей правды» и не является ее лидером. На фоне подъема забастовочного движения в 1923 году партийно-государственное руководство испытывало такой страх перед растущим влиянием левых коммунистов в партии и за ее пределами, что простого подозрения человека в содружестве или связи с «Рабочей Правдой» было достаточно для его ареста органами ГПУ.

О тех, кто входил в группу «Рабочая Правда», известно мало. Неясно даже, сколько вышло номеров газеты. Вероятно, ядро группы насчитывало не более 20 человек при 200-400 сочувствующих. Группа участвовала в забастовках 1922-1923 гг., и именно это навлекло на нее репрессии, положившие конец ее существованию. В 1923 году «Правда» сообщала об исключении из РКП(б) 13 человек – 7 членов «Рабочей Правды» и 6 сочувствующих. Позднее, в том же году меньшевистский журнал «Социалистический вестник», выходивший в Берлине, сообщал о четырехстах (?) членах «Рабочей Правды», изгнанных из партии в ходе массовой общероссийской кампании по очищению РКП(б) от левокоммунистических элементов. Даже если, как полагает Э.Х. Карр, меньшевистское издание завысило численность «Рабочей Правды», нельзя согласиться с мнением Р.В. Дениэлса, что руководство РКП(б) не воспринимало всерьез такие группы и не видело потенциальной угрозы с их стороны.

Усиление репрессий против левых коммунистов было вызвано не просто паранойей ГПУ и крепнущей бюрократии – это крошечное коммунистическое ядро, чья численность все же росла, последовательно критиковало отступление и перерождение революции в России, связывая свою критику с поддержкой повседневной борьбы рабочих против политики партийно-государственного аппарата. Именно это отличало левых коммунистов от возникшей позже «левой оппозиции»: хотя Троцкий признавал, что возникновение «Рабочей неправды», как он ее называл, свидетельствовало о наличии проблем в партии и в ее отношениях с рабочим классом, но это ни в коей мере не помешало ему поддержать исключение членов группы из РКП(б) и репрессии против нее, а также осудить борьбу рабочих в 1922-1923 гг. Проявленное Троцким сектантское отношение к левым коммунистам и в дальнейшем оставалось характерной чертой троцкистской оппозиции, которая отказывалась воспринимать группы, подобные «Рабочей Правде», всерьез, списывая их со счета как «ультра-левые» или «идеалистические». Несмотря на это, члены «Рабочей Правды», как и некоторые другие левые коммунисты, переписывались с Троцким в частном порядке, однако их переписка до сих пор не опубликована.

В «Обращении» 1922 года «Рабочая Правда» выступала за образование солидарных с ее позицией пропагандистских кружков «на заводах, фабриках, в профорганизациях, на рабфаках, в совпартшколах, Коммунистическом Союзе Молодежи и партийных организациях». Группа призы-

вала к созданию новой «рабочей партии», но одновременно была готова работать в старых парторганизациях. Последнее отражало как общую сложность выработки практически-политической линии в тогдашних условиях, так и путаницу в воззрениях группы, делавшую ее неспособной эффективно противостоять наступавшей контрреволюции. В этом отношении «Рабочая Правда» явно была слабее децистов и «Рабочей группы», с которыми она вела дискуссии и поддерживала контакт. Другие левокоммунистические группы не соглашались с «Рабочей правдой» в том, что она ставила под вопрос оправданность пролетарской революции в 1917 году и роль партии, приводя аргументацию, схожую с той, что выдвигали в свое время меньшевики, а впоследствии «коммунисты советов».

Общее неприятие нэпа, «единого фронта» и развития государственно-го капитализма, а также стремление использовать немногие остающиеся возможности работы в профсоюзных и партийных организациях и одновременно вести нелегальную деятельность вне этих структур и даже против них не могли скрыть усиливавшихся расхождений между «Рабочей группой» и «Рабочей Правдой». Последняя склонялась к тому, чтобы пытаться политизировать текущую борьбу рабочих, видя, что «организаторы государственного капитализма находятся в материальных условиях, резко отличных от условий существования рабочего класса», и что в основе этого лежат подавление и эксплуатация пролетариата. Однако тредюнионистская сосредоточенность на вопросах зарплаты и условий труда рассматривалось ею как проявление слабости, возрождение прежнего экономизма. Здесь позиция «Рабочей Правды» резко отличалась от воззрений Коммунистической рабочей партии, которая характеризовала профсоюзы как органы партийно-государственной системы, инструменты поддержания государственно-капиталистической дисциплины и эксплуатации. Хотя обе группы сходились в том, что профсоюзы стали органами, защищающими «интересы производства, т. е. госкапитала», выводы они из этого делали диаметрально противоположные. РГ не признавала профсоюзы защитниками непосредственных интересов рабочих – с ее точки зрения, это были не просто реформистские и нереволуционные, а контрреволюционные структуры. Поэтому РГ не верила в возможность реформирования профсоюзов изнутри и не отождествляла борьбу рабочих за частичное улучшение их положения с оборонительным тред-

юнионизмом. В стачках и повседневной борьбе она видела вовсе не экономизм и арьергардные бои пролетариата, а единственную основу возрождения революционной активности рабочего класса и его коммунистического меньшинства. Такое возрождение РГ связывала с восстановлением рабочих советов и фабрично-заводских комитетов, сознательно противостоящих профсоюзам.

Более глубокие разногласия между рассматриваемыми организациями существовали по вопросу о смысле государственного капитализма в контексте российской экономики. По иронии судьбы, «Рабочая Правда» разделяла веру Ленина в его исторически прогрессивный характер. Утверждая, что «в результате Октябрьской революции все преграды на пути экономического развития России уничтожены», она, в противоположность другими левокоммунистическим группировкам, видела в этом не начало мировой пролетарской революции, а процесс, призванный развиваться в сугубо национальных российских рамках: «После успешной революции и гражданской войны перед Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма». Неудивительно, что Мясников ставил в вину «Рабочей Правде» отказ от большевистского интернационализма в пользу меньшевистского националистического подхода и от пролетарской борьбы в пользу реакционной концепции «стадий», приписывающей государственно-капиталистической экономике прогрессивную роль. Признавая, что слияние партии с государственным аппаратом превратило ее в агента капитализма, и призывая рабочих сопротивляться эксплуатации, «Рабочая Правда» страдала фатализмом, вызванным поражением рабочего класса, который, с ее точки зрения, был «далеко отброшен чуть ли не на десятилетия назад» и «сколь-ко-нибудь влиятельной роли играть не способен». Отсюда следовало, что предстоит долгая работа по созданию пропагандистских кружков в ожидании нового подъема борьбы пролетариата. Однако признание поражения рабочих все же не удержало «Рабочую Правду» от погони за немедленными результатами, когда в 1922-1923 гг. она решила, что сможет «политизировать» забастовки.

В отличие от децистов и «Рабочей группы», «Рабочая Правда» не сумела выжить в качестве коммунистической фракции и пала под ударами первой волны контрреволюционного террора в 1923 году. Хотя отдельные бывшие члены этой группировки упоминались впоследствии в бюллетене-

нях «левой оппозиции», после 1923-го как организации ее больше не существовало. В 1924 году Мясников писал, что «Рабочая Правда» не имеет ничего общего с его группой, так как «пытается выбросить все, что было коммунистического в революции 1917 года и, следовательно, является чисто меньшевистской». Неспособная порвать с противоречивыми взглядами Богданова, под влиянием которых она рассматривала буржуазную контрреволюцию как предпосылку прогрессивного развития капитализма в России, «Рабочая Правда» осталась изолированной как внутри страны, так и за ее пределами. Ее представление о преждевременности революции 1917 года сближало ее с меньшевиками. Однако инстинктивная защита интересов рабочих делала ее слишком радикальной для правого крыла и центра большевистской партии, равно как и для консервативных меньшевиков, а ее оценка Октябрьской революции оттолкнула от нее левых коммунистов.

Таким образом, «Рабочая правда» представляла собой коллектив, среди членов которого практически не было известных фигур и который сформировался на базе неприятия нэпа, осмысления государственного капитализма, негативного отношению к процессам внутри партии и поддержки повседневной борьбы рабочих. Вместе с тем, как и Бердинская организация КРПГ, эта группа была склонна к переоценке собственных возможностей, «наступательности» и восприятию оборонительной борьбы рабочих как недостаточной. В своих организационных воззрениях она предвосхитила концепции «коммунистов советов», предпочитая форму «коллектива» структуре централизованной фракции. По сути, «Рабочая Правда» являлась маргинальной и эфемерной группировкой, отличаясь в этом смысле от децистов и «Рабочей группы», в деятельности которых выражалось преимущество развитие левокоммунистической фракции РКП(б), борющейся сначала внутри, а затем вне и против партийно-государственных структур.

«Рабочая группа»

Главными источниками по истории «Рабочей групп РКП», использованными в настоящем исследовании, являются переводы ее документов, которые публиковались в различных международных левокоммунистических газетах в 20-30-е гг. С нашей точки зрения, РГ была в политическом

и организационном отношении преемницей фракции «левых коммунистов» и составной частью международного левокоммунистического движения. Для того чтобы очистить от мифов историю этой группы, необходимо подвергнуть критике подходы других историков, которые осознанно или неосознанно мифологизируют и фальсифицируют ее судьбу, если вообще уделяют ей какое-либо внимание. Даже в работах ведущего специалиста по русскому анархизму, либертарного историка Пола Аврича (*Bolshevik Opposition to Lenin: G.T. Miasnikov and the Workers' Group// The Russian Review, vol. 43, 1984, pp. 1-29*) и либертарного марксиста Роберто Синигалья (*Mjasnikov et Rivoluzione Russa. Milano, 1973*), наиболее известных и написанных с сочувствием, внимание фокусируется на личности Мясникова и мало говорится о деятельности «Рабочей группы», которая, как предполагают авторы, перестала существовать в качестве организации в середине 20-х годов.

Говоря об истоках РГ, историки обычно начинают с отношений этой группы с «Рабочей оппозицией». Так, известный исследователь Р.В. Дениэлс, автор книги «Совесть революции: Коммунистическая оппозиция в Советской России» (*The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia, pp. 160-161*), пишет: «В начале 1923 года Мясников, поддержанный небольшой группой бывших членов “Рабочей оппозиции”, выпустил длинный манифест от имени “Рабочей группы Российской коммунистической партии”. Программа в основном была взята от “Рабочей оппозиции”». Исаак Дойчер, по-видимому, соглашается с этим: «“Рабочая оппозиция” была повержена и распалась. Тем не менее, отколовшиеся от нее группы оказались в какой-то степени вовлечены в забастовочную агитацию, по большей части спонтанную. Самой знаительной из этих групп являлась “Рабочая группа”». Аналогичным образом Ричард Саква утверждает, что РГ была «вдохновлена “Рабочей оппозицией”», от которой она откололась. Однако Л. Шапиро (р. 306, п. 33) и П. Аврич (*ibid.*, р. 6) отмечают, что Мясников никогда не принадлежал к «Рабочей оппозиции»; о том же говорил один из ее лидеров А.Г. Шляпников. Хотя несколько ведущих членов РГ действительно состояли в рядах «Рабочей оппозиции», изучение полного списка известных членов группы показывает, что многие из них были «левыми коммунистами» в 1918 году или примыкали к фракции децистов. Эта преемственность обходится большинством авторов стороной с тем, чтобы сделать акцент на якобы орга-

нической связи РГ с «Рабочей оппозицией». Левокоммунистические группы действительно привлекли на свою сторону ряд представителей боевого левого крыла «Рабочей оппозиции», но это было результатом их критики центристского и колеблющегося руководства данного течения, окопавшегося в аппарате профсоюзов и связанного с профсоюзной бюрократией. Как и группа Игнатова, которая раскололась на левое крыло, присоединившееся к децистам, и правое большинство, вступившее в ряды «Рабочей оппозиции», последняя переживала процесс дробления под влиянием левых коммунистов из КРП и РГ, а также различных самостоятельных левокоммунистических ячеек, возникавших в период 1921-1923 гг. В то время как руководство «Рабочей оппозиции» шло по пути примирения с все более авторитарным партийно-государственным аппаратом, многие ее рядовые активисты стали на сторону тех рабочих и крестьян, которые боролись за свои насущные интересы против растущего гнета государственного капитализма и контрреволюции. Реагируя таким образом на усиливающийся политический и экономический кризис, эти элементы порывали с политической линией лояльной оппозиции и вступали в более решительные левокоммунистические группировки, какой была, в частности, РГ. Особенно часто это происходило в Москве и промышленных центрах Урала и Украины, являвшихся оплотами левокоммунистической фракции в 1918 году. Одной из групп, отколовшихся от «Рабочей оппозиции», была «Рабоче-крестьянская партия» Панюшкина, которая была организована в Москве и успела провести одну демонстрацию перед тем, как ее ликвидировало ГПУ. Даже эта группа, возникшая как реакция на нэп, очевидно, испытала влияние взглядов Мясникова на Кронштадтские события^{vi} и его идеи о необходимости крестьянских союзов. Учитывая все это, а также расхождения политических установок «Рабочей оппозиции» и РГ, точку зрения на отношения между данными организациями Р.В. Денилса следует признать полностью ошибочной, игнорирующей ясно выраженные позиции группы Мясникова, которые она защищала на протяжении пятнадцати лет своего существования. «Рабочая оппозиция» не была «вдохновительницей» РГ. Последняя с самого начала открыто призывала рядовых членов этой оппозиции порвать с ней в организационном и политическом отношении и отрицала какую-либо возможность эволюции ее как целого в позитивном направлении.

Действуя в исключительно трудных обстоятельствах, РГ первоначально имела двойственную ориентацию: с одной стороны, группа работала внутри РКП(б) в качестве подпольной фракции, с другой – с самого начала действовала как ядро новой рабочей партии. Ее большевистское происхождение исключало какие-либо отношения с меньшевиками или социалистами-революционерами. Группа также избежала соблазна поставить под сомнение пролетарскую сущность Октябрьской революции и именно по этой причине осудила «Рабочую правду» как «меньшевистскую по сути», несмотря на очевидную левизну последней, а позднее порвала отношения с КРИ, который в середине 1920 годов отверг всякую возможность создания единого фронта с Третьим Интернационалом. Вопреки мифам, созданным «левой оппозицией» и лично Троцким, левые коммунисты из РГ не были сектантами. В действительности они продолжали работать в партии до тех пор, пока это стало практически невозможным вследствие чисток, ссылок, повальных арестов, тюрем и пыток. В период до запрещения фракций левые коммунисты сотрудничали по отдельным вопросам с «Рабочей оппозицией» и децистами, и именно к левым элементам этих групп, а также к искренним членам «Рабочей правды» они обращались с призывом создать новую партию на основе новой программы. Таким образом, они вышли за рамки стратегии лояльной оппозиции – стратегии, которая в конечном итоге привела к расколу децистов и которой до конца следовала «левая оппозиция (большевикиленинцы)». Стратегия РГ основывалась на тезисе о невозможности реформирования РКП(б) в целом или завоевания позиций в ее руководстве. В то же время группа признавала необходимость активной работы в партии и контролируемых ею рабочих организациях. Эта стратегия была обрисована в документе, опубликованном в «Социалистическом вестнике» (6 июля 1924 года). В нем говорится, что «членами Рабочей Группы могут быть:

- 1) члены РКП(б);
- 2) исключенные из РКП(б) по политическим мотивам;
- 3) беспартийные, получившие рекомендации для вступления в РКП(б)».

Именно такой подход, который базировался на опыте подпольной работы большевистской фракции в царской России, позволил РГ выстоять перед лицом репрессий, сокрушивших такие группы, как «Рабочая прав-

да», «Рабоче-крестьянская партия» и «Рабочая оппозиция». В большинстве работ принимается за данность, что РГ исчезла как организация в 1924 году. Даже в пространных исследованиях Синигальи и Аврича изложение дальнейших событий сводится лишь к описанию личной судьбы Мясникова и его деятельности в эмиграции. Однако в каком-то смысле самые впечатляющие достижения РГ относятся именно к последним годам ее существования. Воссоздать ее историю в этот период помогают документы группы, переводы которых публиковались в малотиражных левокоммунистических изданиях; эти источники до настоящего момента не использовались ни одним автором, обращавшимся к данной теме. В основу настоящей работы положены именно эти документальные материалы середины 20-х гг., имеющие огромную значимость. Тот факт, что РГ смогла сохраниться как организация вплоть до 1938 года, когда все ее члены были уничтожены в ходе чисток, служит свидетельством ясности ее политических позиций и организационной силы. Почти до самого конца группа поддерживала связь со своими членами, находившимися за границей, сначала в Берлине, а затем в Париже, где работал Мясников.

С самого начала РГ была одной из сильнейших левокоммунистических группировок – «самой смелой» (Э.Х. Карр), «самой значительной» (И. Дойчер), «самой интересной» (А. Коллонтай). РКП(б) угрожала не численность группы, а ее стремление участвовать в рабочих забастовках и потенциальная способность возглавить и организовать оппозиционные элементы внутри партии и среди беспартийных. Ядро РГ составляли опытные и авторитетные рабочие-большевики, работавшие там, где идеи левых коммунистов хорошо помнили с 1918 года. Это были районы с наиболее высокой концентрацией пролетариата, отличавшегося боевым настроем даже в тяжелых условиях 1923-1924 гг. Конечно, забастовки возникали спонтанно, как реакция на усиливающийся экономический и политический кризис, но активисты РГ были готовы поддержать их и предложить политическую программу тем, кто стремился бороться против нэпа, как внутри партии, так и за ее пределами. РГ выпускала подпольные листовки, манифесты и периодические издания, а также распространяла литературу среди партийцев. Для этой цели была налажена сеть, при помощи которой нелегальная литература ввозилась в Россию и переправлялась в места заключения. Даже в 1930 году группа была способна

регулярно выпускать в Москве газету «Рабочий путь к власти» (см.: L'Ouvrier Communiste, № 6, Jan. 1930).

В марте 1923 года в Москве тремя рабочими – Г.И. Мясниковым, Н.В. Кузнецовым и П.Б. Моисеевым – был сформирован первый центральный орган РГ, Временное центральное организационное бюро. В феврале они составили и начали распространять, размножив на гектографе, «Манифест Рабочей группы РКП». Этот документ, разошедшийся по России и получивший известность за рубежом, они намеревались представить XII съезду партии, запланированному на апрель. Манифест, в котором видна преемственность с воззрениями левокоммунистической фракции 1918 года, развивал идеи, изложенные в двух более ранних работах Мясникова.^{vii} Бюро стало руководящим органом РГ, а позднее КРП. О степени воздействия Манифеста можно судить по той негативной и позитивной реакции, которую он вызвал в рабочем классе и в партии. Определить реальное количество членов группы достаточно трудно. Так, Кузнецов заявлял, что она насчитывает 3 тысячи членов в Москве и 19 тыс. по всей стране. Аврич (*ibid.*, p. 20) утверждает, что это «дикое преувеличение», ссылаясь на Сорина (*ibid.*, p. 115-117), но не объясняет, почему следует так считать. Он пишет, что «к лету у группы имелось около 200 членов в Москве, где находился ее центр, и небольшое число сторонников, рассеянных по другим городам: многие являлись старыми большевиками и почти все – рабочими» (Синигалья также пишет о 200 членах в Москве: *ibid.*, p. 59). Но даже если эти цифры верны, то, учитывая тот факт, что участие в РГ требовало высокого уровня политической активности и убежденности, и что существовали также другие левые группы и течения, можно сделать вывод о довольно существенном политическом влиянии левых коммунистов в Москве. В начале 1917 года большевиков там было всего 1655 человек. Однако, по другим данным, РГ насчитывала 1000 человек по всей России и пользовалась более широким влиянием, чем принято считать. В Москве самыми активными членами группы, кроме тех, кто входил в Бюро, были И. Мах, заменивший Моисеева в Бюро, С.Я. Тиунов, В.П. Демидов, Берзина, И.М. Котов, Г.В. Шоханов, А.И. Медведев (не путать с С.П. Медведевым, одним из лидеров «Рабочей оппозиции»), Порестатов, Трофимов, Лукин, К.Р. Дучкин. 5 июня группа провела в Москве конференцию, которая избрала Московское Бюро из 8 человек и делегировала Маха в Центральное Бюро. В отсутствие Мясникова, аре-

стованного в мае, роль лидера группы перешла к Кузнецову. Работа РГ по-прежнему разворачивалась внутри РКП(б), особенно среди сторонников тех внутрипартийных центристских группировок, которые были к тому времени на грани распада. Мясниковцы контактировали с их руководителями, давая возможность рядовым членам по достоинству оценить качества таких оппозиционных деятелей, как Лутовинов, Коллонтай и Игнатов. Последние «симпатизировали» ультралевым, но на практике не делали ничего, что могло бы поставить под угрозу их собственное положение в партии. Они хотели ограничить критику рамками внутрипартийной дискуссии и в результате вообще оказались вынуждены умолкнуть. Другие деятели, с которыми контактировала РГ, такие, как Рязанов, также отказались нарушать партийную дисциплину и защищать левых коммунистов от репрессий ГПУ. Члены группы вместе со сторонниками «Рабочей оппозиции» принимали участие в составлении «Заявления 22-х» – обращенного к международной аудитории протеста против подавления инакомыслия в коммунистическом движении. Однако это заявление стало тем рубежом, после которого «Рабочая оппозиция» бесповоротно отступила, а впоследствии официально отказалась от своих позиций.^{viii} В этих условиях РГ, которой удалось привлечь на свою сторону ее левое крыло, вскоре отказалась от дальнейших попыток работать с этим течением.

На июльской конференции «Рабочей группы» был избран секретариат из четырех человек и, по свидетельству Кузнецова, образовано бюро для работы среди молодежи, в состав которого также вошли четыре человека. В это время группа только планировала издание журнала, но печатный станок в Москве у нее уже имелся.

Первая реакция руководства РКП(б) на деятельность мясниковцев была не слишком жесткой.^{ix} Раздав левые фракции внутри партии, оно надеялось запугать оппозиционеров путем исключения из партии и репрессий против отдельных лиц. 25 мая, через месяц после XII съезда РКП(б), который объявил РГ контрреволюционной и, следовательно, стоящей вне закона, был арестован Мясников. Партия еще не стала тогда чисто буржуазным органом, и потому на съезде децист Косиор и Троцкий с симпатией говорили о товарищах, впавших в «ультралевые заблуждения» вследствие ошибок партии и объективных трудностей. Партийные деятели все еще были готовы вести, хотя и неофициально, политическую дискуссию с оппонентами; распространявшийся в партийных организациях

критический памфлет Сорина о левых коммунистах носил относительно объективный характер. Троцкий, присоединивший свой голос к хору обличителей РГ как объективно контрреволюционной и антипартийной организации, тем не менее, вел с децистами и мясниковцами частную переписку. Даже Бухарин лично пытался переубедить Мясникова, но безуспешно.

Репрессии против группы в целом начались в связи с волной забастовок в августе и сентябре 1923 г. Первый удар был нанесен, когда стало известно, что РГ ведет активную агитацию на заводах и готовит однодневную всеобщую забастовку и массовую демонстрацию в память о Кровавом воскресенье 9 января 1905 года (в начале шествия предполагалось нести портреты Ленина). Центральный комитет принял резолюцию, объявляющую РГ антикоммунистической и антисоветской организацией, и приказал ГПУ пресечь ее деятельность.

В сентябре было арестовано 28 членов РГ. К тому времени пятерых из них уже исключили из партии. На этот раз исключению подверглись еще девять человек, включая Моисеева, Тиунова, Берзину, Демидова, Котова и Шоханова, а оставшимся четырнадцати объявили выговор. В конце 1923 года был повторно арестован Мясников, несмотря на обещанную ему Зиновьевым и советским послом в Берлине неприкосновенность. На основании этих фактов Аврич (*ibid.*, p. 24) заключает, что, «когда в январе 1924 года умер Ленин, «Рабочая группа» уже молчала. Это было последнее диссидентское движение в партии, ликвидированное еще при жизни Ленина, ...разгромленное с благословения всех высших советских руководителей». Синигалья и другие авторы, по-видимому, согласны с этим выводом, но в действительности дело обстояло иначе. Большинство исследователей сходится на том, что в условиях растущей инфляции, безработицы и увеличения числа забастовок РКП(б) имела все основания опасаться влияния групп вроде РГ, которые пытались политизировать рабочую борьбу. Но при этом историки упускают из вида важные свидетельства, указывающие на то, что мясниковцы вели работу в Красной Армии, где их позиции находили определенный отклик. В то время, когда еще живы были воспоминания о 1917 годе, эта деятельность представлялась властям вполне осязаемой угрозой.

Выступая против коминтерновской тактики «единого фронта» на международной арене, РГ признавала единый фронт с рядовыми членами

РКП(б) и ее левым крылом внутри страны. Но поскольку фракционная работа в партии постепенно стала практически невозможной, мясниковцы решили объявить себя самостоятельной новой партией, приняв наименование «Коммунистическая рабочая партия». При этом, возможно, произошло их объединение с уже существовавшей левокоммунистической группировкой под этим названием, которая испытала влияние КРПГ. В результате РГ углубила критику профсоюзов и, в конечном счете, отказалась от работы внутри этих государственно-капиталистических организаций. Вновь провозглашенная КРП с самого начала заняла в отношении профсоюзов резко критическую позицию, отдавая предпочтение фабрично-заводским комитетам и рабочим советам как органам защиты интересов пролетариата, призванным сыграть ключевую роль в процессе возрождения пролетарской демократии.^x

Вот какую оценку «Рабочая группа» давала профсоюзам (из переписки, перехваченной органами госбезопасности): «Безликая армия господствующей в РКП группы»; «слепая армия в руках бюрократов»; «бюрократический придаток Политбюро». (*Sinigaglia*, op. cit., pp. 64-65).

Отрицательным было и отношение Коммунистической рабочей партии к парламентаризму, что сближало ее с КРПГ и итальянскими левыми. Таким образом, группа была открыта для дискуссий с зарубежными левыми коммунистами, связь с которыми поддерживалась через эмигрантское бюро под руководством румынской активистки Кати Румоновой и других. Бюро помогало печатать и посылать материалы в Россию, распространяло за границей информацию о работе КРП России. С октября 1930 года центром этой деятельности стал Париж, куда прибыл Мясников. В самой России КРП регулярно издавала бюллетень. Оттуда взято большинство приводимых ниже выдержек, дающих некоторое, хотя и неполное, представление о характере и формах работы организации:

«В Москве в октябре 1924 года ГПУ арестовало группу солдат Красной Армии, пользовавшуюся поддержкой нескольких офицеров в Спасских казармах. Их обвинили в том, что они обсуждали с КРП партийную резолюцию о запрете группы и высылке ее активистов из Москвы...

7 ноября 1924 года левые коммунисты организовали в Москве демонстрацию в знак протеста против подавления их взглядов. Вместе с членами КРП ГПУ арестовало и беспартийных, последних – только за то, что они сочувствовали левым коммунистам...

8 декабря 1924 года московская организация КРП выпустила листовку в связи с арестом одиннадцати членов ее ячейки на Урале (Пермь). Арестованные объявили голодовку, требуя объяснения причин их ареста и открытого суда...

27 декабря 1924 года приговоренные к ссылке члены КРП под вооруженным конвоем ГПУ были посажены на поезд для отправки в тайгу на севере России (Шадринск)...»

В том же месяце ГПУ во второй раз разгромило подпольную типографию КРП...

В декабре появились сообщения о новых волнениях в войсках. Сообщалось, что ГПУ раскрыла контрреволюционный заговор – были арестованы коммунисты, создавшие подпольную организацию в Красной Армии. Они называли нэп «новой эксплуатацией пролетариата» и призывали к борьбе за коммунизм. КРП отметила иронию, скрытую в обвинении в подпольной деятельности – ведь именно таким образом Третий Интернационал должен был подрывать изнутри капиталистические армии. На следующий день в ответ на действия ГПУ часть кремлевского батальона заявила о своем недовольстве политикой руководства и солидарности с КРП, за что была переведена в Смоленск.»

В бюллетене также говорилось о репрессиях на Украине, где центральное бюро КРП республики арестовали в полном составе.^{xi}

Несмотря на отсутствие точных деталей, можно с уверенностью утверждать, что КРП просуществовала в организованной форме, выпускающая обращения, листовки и манифесты, по крайней мере, до 1929 года – в этом году у нее все еще сохранялась подпольная типография в Москве. Ее активисты были разбросаны по всей России, многие из них находились в изгнании, изоляторах и лагерях или скрывались от ГПУ. Эта сеть поддерживалась при помощи располагавшегося в Берлине, а затем во Франции эмигрантского центра, который вел переписку и время от времени издавал бюллетени. В Англии документы КРП публиковались в газетах «Уоркерс' дредноут» и «Комьюн», в Германии их печатали издания КРИ/КРПГ и др. Однако лучшим источником информации о деятельности российских левых коммунистов в начале 30-х гг. является журнал «Уврие коммунист» («L'Ouvrier Communiste»), выпускавшийся бывшими бордигистами и членами КРПГ, с которым сотрудничал Мясников, будучи в эмиграции во Франции. Сведения, приводимые в документах находят частич-

ное подтверждение в троцкистском «Бюллетене оппозиции (большевик-ленинцев)» и работах Троцкого, в которых РГ/КРП высмеивается как сборище маргинальных ультралевых сектантов, называемых «мясниковцами». Однако в ходе дальнейших событий активисты РГ получили возможность влиять на дискуссии в левокоммунистическом крыле РКП(б). Усиливающийся политический и экономический кризис, восхождение Гитлера к власти в Германии, неспособность троцкистов и зиновьевцев противостоять наступающей сталинской контрреволюции – все это в сочетании с капитуляцией ряда большевиков-ленинцев и децистов привело к радикализации довольно значительного левого меньшинства оппозиционеров («непримиримых»). Децисты, как отмечал Цилига, в течение десяти лет «колебались» – «то уступая ультиматумам Ленина, то поддерживая троцкистов в их борьбе со Сталиным. Их позиции... привели в тупик. Принятие пятилетнего плана до основания потрясло группу. Большинство децистов, как и большинство троцкистов, капитулировало». В оправдание капитулянты говорили, что ликвидация нэпа и буржуазии означает реальный переход к строительству социализма. Такая линия поведения была неприемлема для той части децистов, которая объединилась вокруг Тимофея Сапронова и вела свое происхождение от левокоммунистической фракции 1918 года. Цилига показывает, как эта группа (сторонники «Платформы 15-ти») привлекала на свою сторону все новых и новых активистов из числа «непримиримых» большевиков-ленинцев; в конечном итоге она завоевала среди заключенных оппозиционеров большинство. По свидетельству Мясникова, РГ вступила с этой группой в дискуссию, признав, что ее платформа, в которой говорилось о сталинской контрреволюции и Термидоре, отражает качественную эволюцию ее взглядов и разрыв с прежней ориентацией децистов, недостаточно критичной к Ленину. Развитие связей РГ с сапроновцами стало подтверждением правоты позиции группы Мясникова по отношению к РКП(б): даже признав невозможность ее реформирования, мясниковцы не поддались сектантскому соблазну объявить всю партию целиком контрреволюционной. Политические установки «Рабочей группы» позволили ей убедить сапроновцев и большинство «непримиримых» оппозиционеров, а также некоторых бывших членов «Рабочей оппозиции» и «Рабочей правды» объединиться в федерацию левых коммунистических групп. Целью данной организации было координировать деятельность активистов и развивать дискуссию о

международных и российских перспективах пролетариата. РГ рассматривала это как шаг к воссозданию КРП России на более широкой основе. Однако децисты и экс-троцкисты сохраняли разногласия по различным вопросам. Старшее поколение децистов было настроено менее критично в отношении большевизма, хотя некоторые его представители считали необходимым создание новой партии. Другие (меньшинство) полагали, что нужно призвать к образованию Четвертого Интернационала.^{xii} Активисты РГ Цанков и Тиунов сомневались в целесообразности такого шага, памятуя о неудачном опыте с преждевременным основанием «четвертого» («Коммунистического Рабочего») Интернационала в начале 20-х гг. Но полное единодушие по этому вопросу отсутствовало и в самой РГ, что видно из ее ориентации на строительство коммунистических партий в «Советском» Союзе. Вместе с тем, ряд позиций был определен совершенно однозначно – прежде всего, относительно контрреволюционного характера государства и государственно-капиталистической природе экономики СССР.

Анте Цилица, который в своем изложении событий склонен фокусировать внимание на позициях отдельных лиц, не сумел понять, что именно РГ являлась главной силой, стоявшей за перегруппировкой левых элементов, не ограниченной лишь пределами Верхнеуральского политизолятора (где объединились 20-25 товарищей), как и то, что «Группа 15-ти» более не относилась к децистам, а представляла собой новое объединение (такое упущение можно понять, учитывая условия, в которых действовала эта группа). Аналогичная попытка объединения левых имела место в августе 1928 года, когда состоявшаяся в Москве конференция, в которой участвовали представители «Группы 15-ти», Бюро РГ и несколько бывших членов «Рабочей оппозиции», создала бюро и выпустила призыв к созданию Коммунистической рабочей партии России. Описываемые Цилицей дискуссии в политизоляторах могли быть продолжением этой инициативой или развиваться вне связи с нею. Автор датирует эти дискуссии 1933 годом, так что, учитывая временной разрыв, можно предположить, что прямой связи между данными событиями все же не было.

Первоначально, как это видно из ее названия, «Рабочая группа» считала себя фракцией РКП(б) и добивалась объединения революционеров на основе собственной программы посредством работы как внутри партии, профсоюзов, кооперативов и советов, так и вне этих органов, к тому вре-

мени оказавшихся подчиненными государству. Группа поддерживала рабочие забастовки и демонстрации. Последнее означало разрыв с советской легальностью и со стратегией лояльной оппозиции, которой руководствовались децисты – работавшие исключительно внутри партии – и формировавшаяся в более правой части политического спектра «левая оппозиция». Однако РГ не была сектантской организацией; с самого начала она призвала сторонников «Рабочей оппозиции» и «Рабочей Правды» покинуть эти группировки и сформировать в России подлинную коммунистическую партию – и ей действительно удалось привлечь на свою сторону целый ряд активистов этих и других объединений. К РГ с самого начала примкнули некоторые представители левого крыла «Рабочей оппозиции» фракции «левых коммунистов» 1918 года. Вероятно, РГ включила в себя и членов Коммунистической рабочей партии России, превратившись тем самым в единую организацию российских сторонников КРИ.

КРГ была готова работать с Третьим Интернационалом в рамках единого фронта против буржуазии, включавшей в себя, по мнению группы, и социал-демократию как левое крыло капиталистических сил. В отличие от децистов и «левой оппозиции» (большевиков-ленинцев), РГ не верила в возможность реформирования РКП(б) и Третьего Интернационала. С ее точки зрения, даже если партия и Коминтерн все еще оставались рабочими организациями, они все более определенно становились препятствиями для мирового развития революции. В связи с этим РГ считала «левую» и «объединенную» оппозиции центристскими или правоцентристскими объединениями, не способными остановить наступление контрреволюции в России и в мире. Несмотря на запрет властями ее деятельности и объявление антипартийной контрреволюционной группировкой, несмотря на репрессии, РГ продолжала в течение определенного времени существовать как подпольная группа во многих регионах СССР и оказывать влияние, несоизмеримое с ее малочисленностью. Группа сумела выжить благодаря политическим и организаторским качествам ее членов, многие из которых были старыми большевиками с опытом подпольной работы в дореволюционной России.

Список источников и литературы

Источники

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. В 4-х т. М., 1990.

Коллонтай А. Рабочая оппозиция. М., 1921.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55-ти т. М., 1970-1983.

Тезисы о текущем моменте// Коммунист. № 1, 20 апреля 1918 г.

Обращение группы «Рабочая Правда» к XIII съезду РКП// Социалистический вестник. Берлин. 1923, № 19.

Обращение к революционному пролетариату и всем революционным элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему классу// Социалистический вестник. Берлин. 1923, № 3.

Cahiers Leon Trotsky: 7/8 Numero Special. Les Trotskyistes en Union Sovietique.

Ciliga A. The Russian Enigma. 1979.

«The Commune»:^{xiii}

“Persecution in Russia”// June 1924;

“Communism suppressed in ‘Soviet’ Russia: Antiparliamentarians imprisoned without trial for propagating communism against compromise”// November 1924;

“The Persecution of Miasnikov”// November 1925;

“Halt this counter-revolution”// February 1926;

“Letter to Katia Rumonova from Miasnikov’s group in Berlin// December 1926;

“The German Movement”// July/August 1927;

“Anti-parliamentarianism abroad”// September/October 1927;

“Shall Labor Liquidate Socialism or Capitalism”// November 1927;

“The Struggle in Russia”// December 1927.

Dune E.A. Notes of a Red Guard. Chicago, 1993.

Economics of the Left Opposition – special issue of Critique no.13, Glasgow 1981.

Leon Trotsky: The Challenge of the Left Opposition vol. I. 1923-25; vol. 2. 1926-27, vol. 3 1928-29. «Pathfinder», 1981.

Rakovsky C. Selected Writings on Opposition in the USSR 1923-30. 1981.

Two Documents of the Communist Left in Russia// Workers’ Voice, Liverpool no. 14, 1974.

«Workers’ Dreadnought»:

“From Russian Workers, the group of revolutionary left wing communists (Communist Workers’ Party) of Russia on the failure of the United Front”// 1922, July 29th.

“An account of the delegate from Russia to the 5th Special Congress of the KAPD”// Ibid.

«Left wing imprisonment in Russia: with an appeal to the Communist International and its sympathising proletariat from various International groups of the left communists and an additional appeal by the CWG of Russia»// 1924, May 31st 1924.

Литература

Дойчер И. Троцкий: Вооруженный пророк 1879-1921. М., 2006.

Дойчер И. Троцкий: Безоружный пророк 1921-1929. М., 2006.

Карп Э. Большевистская революция 1917-1923. М., 1990.

Avrich P. Bolshevik Opposition to Lenin: G.I. Miasnikov and the Workers' Group// The Russian Review, vol. 43, Jan. 1984, pp.1-28.

Barrot J., Authier D. La Gauche Communiste en Allemagne 1918-1921. P., 1976.

Carr E.H. The Interregnum 1923-1924.

Idem. Socialism in One Country 1924-1926, vols. 1-3.

Idem. Foundations of a Planned Economy 1926-1929, vols. 1-2.

Chase W.J. Workers, Society and the Soviet State Labor and Life in Moscow, 1918-1929. Chicago, 1990.

Evans Clements B. Bolshevik Feminist, Life of A. Kollontai. 1979.

Daniels R.V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. 1969.

Elwood R.C. Innessa Armand. Cambridge, 1992.

Getzler I. Kronstadt 1917-1921: The Fate of Soviet Democracy. Cambridge, 1983.

Kowalski R. The Bolshevik Party in Conflict: The Left Opposition of 1918. 1991.

Law D.C. The Left Opposition in 1923// Critique, no. 2, Glasgow.

Maximoff G.M. The Guillotine at Work. Vol. I. The Leninist Counter-revolution. 1979.

McAuley M. Bread and Justice: State and Society in Petrograd 1917-1922. 1991.

Rigby T.H. Lenin's Government Sovnarkom 1917-1922. Cambridge, 1979.

Ross D. *Revolution and Counter-Revolution in Russia/ Workers' Revolutionary group*. Chicago, s. d.

Sabatier G. *Traité de Brest-Litovsk 1918: Coup d'Arrêt à la Révolution*. P. 1977.

Sakwa R. *Soviet Communists in Power*. 1990.

Schapiro L. *The Origins of Soviet Autocracy Political Opposition to the Soviet*

State First Phase 1917-1922. 2nd edition. 1977.

Sie J. *Sur la Période de Transition: Les Positions des Gauches de la IIIe Internationale*. Leiden, 1986.

Sinigaglia R. *Mjasnikov e la Rivoluzione Russa*. Milano, 1973.

Sirianni C. *Workers' Control and Socialist Democracy: The Soviet Experience*. L., 1982.

Smith S.A. *Red Petrograd – Revolution in the Factories 1917-1918*. Cambridge, 1983.

Sochor Z.A. *Revolution and Culture: Bogdanov-Lenin Controversy*. 1988.

Ward C.D. *The Communist Left in Russia 1918-30// International Review*, nos. 8 & 9, 1977.

Примечания

ⁱ Это название было дано документу редакцией «Уоркерс' дредонут». К группировке «Рабочей оппозиции», возглавлявшейся Шляпниковым и Коллонтай, он отношения не имел. Такой вводящий в заблуждение заголовок отражал нехватку за рубежом информации о взаимоотношениях различных групп в России.

ⁱⁱ КРИ именовал себя также «Четвертым Интернационалом». Впоследствии это название было использовано международной троцкистской организацией, которая образовалась в 1938 г. и не имела к КРИ никакого отношения.

ⁱⁱⁱ КРИ считал, что революция в России носила двойственный, буржуазно-крестьянский характер.

^{iv} Kowalski R.I. *The Bolshevik Party in Conflict*, pp. 18-19. Ковальский ссылается на журнал «Коммунист» (№ 4, 1918).

^v Scharpiro L. *Op. cit.*, p. 314.

^{vi} В отличие от сторонников «Рабочей оппозиции» и децистов, участвовавших в подавлении Кронштадтского восстания, Мясников и некоторые другие левые коммунисты осудили действия властей в отношении Кронштадта и поддержали происходившие в тот момент забастовки.

^{vii} Этими работами, как пишет Пол Аврич, были брошюра 1921 года «Больные вопросы» и основанный на ней неопубликованный памфлет «Тревожные вопросы». См.: *Russian Review*, vol. 43, pp. 16-17.

^{viii} «Заявление 22-х» было направлено в Исполком Третьего Интернационала и отвергнуто им. Переправка документа происходила нелегальным образом, при помощи берлинских членов КРПГ. В то время российские левые коммунисты все еще работали с более умеренной «Рабочей оппозицией» и левой группой Фишер-Маслова в КПП. Однако их контакт с немецкими левыми коммунистами в Берлине положил конец этому сотрудничеству.

^{ix} После X съезда Ленин поощрял создание дискуссионных клубов, чтобы партийцы могли обсуждать поднимаемые оппозициями вопросы. Однако в Москве и на Урале эти клубы подпали под влияние децистов и «Рабочей оппозиции» и стали рассматриваться как рассадники инакомыслия и оппозиционных настроений. На Украине и особенно в Самаре, где было сильно влияние левого крыла «Рабочей оппозиции», в клубах наблюдалось возрождение левокоммунистических концепций и рост популярности идей Мясникова. Клубы, созданные для того, чтобы давать контролируемый выход недовольству и сдерживать рост численности левых в партии, стали восприниматься аппаратом как угроза, и бюрократия поспешила ликвидировать эту арену внутрипартийных дебатов, в которых она не могла добиваться успеха и которые не была способна держать под контролем.

^x Вследствие недостатка источников, доступных на английском языке, и противоречий в них, установить в точности, каковы были взаимоотношения между КРП и КРГ, не представляется возможным.

^{xi} Цит. по: *The Commune, second series*, vol. 1. См. список источников и литературы.

^{xii} Эта позиция разделялась некоторыми «непримиримыми», т.е. левым крылом оппозиции «большевиков-ленинцев», вопреки взглядам их руководства в то время.

^{xiii} Эта газета издавалась гаем Олдричем в Глазго с мая 1923 по май 1929 гг.

Левые коммунисты в России 1918-1930 гг.

(«Ревю энтернасьональ», № 8-9, 1977 г.)

Введение

Когда говорят о революционной оппозиции перерождению русской революции или Коммунистического Интернационала, обычно имеют в виду левую оппозицию, которая возглавлялась Л.Д. Троцким и другими вождями большевиков. Запоздалая и неадекватная критика перерождения теми, кто сам немало способствовал ему в свое время, принималась за альфу и омегу коммунистического сопротивления внутри России и в Коминтерне. Значительно более глубокий и серьезный анализ, проделанный «левыми коммунистами» *задолго до* возникновения в 1923 году троцкистской оппозиции, остается неизвестным или же к нему относятся с презрением как к бредням безумных сектантов, оторванных от «реального мира». Подобное искажение прошлого вызвано длительным влиянием контрреволюции, пришедшей на смену революционному периоду 20-х гг. Контрреволюционная буржуазия неизменно заинтересована в сокрытии или искажении истории и подлинно революционных традиций рабочего класса и его коммунистических меньшинств, потому что лишь таким образом она может надеяться завуалировать *историческую* природу пролетариата как класса, призванного вести человечество к царству свободы.

Этому искажению прошлого революционеры должны противопоставить изучение исторической борьбы пролетариата, не из чистого любопытства к истории как к таковой, а потому, что опыт прошлого класса вместе с его нынешней и будущей деятельностью подобен *неразрывной* цепи; потому, что без постижения прошлого невозможно понимание настоящего, будущего и своего места в них. Надеемся, что работа о российских левых коммунистах послужит восстановлению важной главы в истории коммунистического движения, очищенной от искажений буржуазных историографов, являются ли они академическими учеными или леваками. Но, прежде всего, мы надеемся, что она будет способствовать прояснению некоторых уроков, которые можно извлечь из борьбы, не-

удач и успехов российских левых, ибо урокам этим предстоит сыграть важнейшую роль в воссоздании коммунистического движения сегодня.

«В России проблема могла быть только поставлена... Она не могла быть решена в России» (Роза Люксембург).¹

Контрреволюция, последовавшая во всем мире за великим революционным подъемом 1917-1923 гг., породила миф о большевизме как специфическом продукте российской «отсталости» и азиатского варварства. Уцелевшие голландские и немецкие левые коммунисты, глубоко деморализованные перерождением и гибелью революции в России, скатились на полуменьшевистские позиции, сделав вывод, что развитие России в 20-30-е гг. по буржуазному пути являлось неизбежным, ибо страна не созрела для коммунизма; большевизм определялся ими как идеология «интеллигенции», которая стремилась лишь к капиталистической модернизации России и в результате осуществила ее вместо бессильной буржуазии, совершив «буржуазную» или «государственно-капиталистическую» революцию при опоре на незрелый пролетариат.

Вся эта теория являлась полнейшей ревизией подлинно пролетарского характера русской революции и большевизма и способствовала отречению многих левых коммунистов от собственного участия в героической драме, начавшейся в октябре 1917-го. Но, как и все мифы, она содержала в себе долю истины. При том, что рабочее движение по сути своей является продуктом международных процессов, оно имеет и некоторые характерные черты, обусловленные особыми историческими и национальными факторами. Например, сегодня не случайным является тот факт, что возрождающееся коммунистическое движение получило наибольшее развитие в странах Западной Европы и почти не существует в странах Восточного блока. Причиной этого является специфика исторических процессов последних 50 лет, в частности, различие форм капиталистической контрреволюции в различных странах. Точно так же, если исследовать революционное движение в России до и после Октября, его истинный характер можно уяснить лишь в контексте международного рабочего движения, однако для понимания некоторые свойственных ему сильных и слабых сторон необходимо учитывать особые условия России.

¹ Рукопись о русской революции//Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991, с. 333.

Слабости российского революционного движения во многом являлись оборотной стороной его силы. Способность российского пролетариата быстро прийти к революционному разрешению своих проблем во многом обуславливалась характером царского режима. Авторитарный, загнивающий, неспособный создать никакого «буфера» между собой и пролетарской угрозой, царизм порождал ситуацию, когда всякое усилие, предпринимаемое пролетариатом для самозащиты, заканчивалось силовым столкновением с репрессивными силами государства. Российский пролетариат, молодой, но очень боевой и отличавшийся высокой степенью концентрации, никогда не имел ни времени, ни политических условий для развития в своей среде реформистских умонастроений, которые способствовали бы отождествлению защиты им своих непосредственных материальных интересов с обороной «отечества». Поэтому в период после 1914 года российские рабочие не были склонны поддерживать развязанную при участии царизма войну и в 1917-м сочли разрушение политического аппарата самодержавия необходимой предпосылкой движения вперед. В общем, хотя было бы неправильно механически ставить знак равенства между всем российским пролетариатом и революционными меньшинствами в нем, можно констатировать, что это преимущество рабочего класса России явилось одним из факторов, позволивших большевикам, с их неизменным осуждением войны и бескомпромиссным отстаиванием идеи разрушения буржуазной государственной машины, оказаться в авангарде мирового революционного движения и в 1914, и в 1917 годах.

Но, как мы уже отмечали, данное преимущество имело свою оборотную сторону: незрелость российского пролетариата, отсутствие у него организационных традиций, внезапность наступления революционной ситуации – все это обуславливало значительные пробелы в теоретическом арсенале его революционных меньшинств. Показательно, например, что наиболее последовательная критика реформистской практики социал-демократии и профсоюзов разрабатывалась в странах, где подобная практика получила наибольшее развитие, в частности, в Голландии и Германии. Именно там, а не в России, где пролетариат еще боролся за парламентские и профсоюзные права, революционеры впервые осознали пагубность и опасность реформистских методов. Так, деятельность Антона Паннекука и голландской группы «Трибуна» в годы, предшествующие первой мировой войне, подготовила почву для решительного отказа

немецких и голландских революционеров от старой реформистской тактики после войны. То же самое можно сказать о Фракции абстенционистов под руководством Бордиги в Италии. Большевики, напротив, так никогда до конца и не поняли, что период реформистской «тактики» раз и навсегда завершился со вступлением капитализма в стадию агонии в 1914 году; по крайней мере, они не смогли полностью осознать необходимость приспособления революционной стратегии к требованиям новой эпохи. Конфликты по вопросам парламентской и профсоюзной тактики, которые раздирали Коминтерн после 1920 года, во многом явились результатом неспособности российской партии по-настоящему осмыслить характер и задачи нового исторического периода; причем неспособность эта проявилась не только у большевистского руководства - она нашла свое отражение также в том, что критика синдикализма, парламентаризма, субституционизма и других социал-демократических пережитков российскими левыми коммунистами никогда не поднялась до того уровня ясности, которого достигли голландская, немецкая и итальянская левые фракции.

Делая данное замечание, мы, однако, не должны забывать о международном характере революционного процесса. Слабости большевистской партии не являлись непреодолимыми именно потому, что это была подлинно пролетарская партия, открытая для всего нового, что вытекало из опыта пролетарской борьбы на этапе ее подъема. Если бы Октябрьская революция распространилась на другие страны, эти слабости могли быть преодолены; социал-демократические деформации в большевизме закрепились и превратились в основное препятствие на пути революционного движения лишь тогда, когда мировая революция пошла на спад, и пролетарский бастион в России оказался в изоляции. Стремительное соскальзывание Коминтерна к оппортунизму, главным образом, под воздействием доминировавшей в нем российской партии, явилось, в числе прочего, результатом попыток большевиков согласовать потребности выживания советского государства и развития мировой революции – попыток, которые все более путались в противоречиях по мере того, как спадал революционный подъем. В итоге от них вообще отказались во имя «строительства социализма в одной стране», что означало смерть Коминтерна и торжество контрреволюции в России.

Полная изоляция российского бастиона, помешавшая большевистской партии преодолеть свои изначальные ошибки, затруднила в то же время и

идейное развитие левокоммунистических фракций, которые выделились из этой перерождавшейся организации. Полностью отрезанные от дискуссий, постоянно происходивших в европейских левых фракциях, страдавшие от беспощадных репрессий становившегося все более тоталитарным государства, российские левые были склонны ограничиться формальной критикой российской контрреволюции и лишь очень редко обращались к вопросу о глубинных причинах перерождения. Абсолютная новизна российского опыта и быстрое развитие событий вызвали в головах целого поколения революционеров полную путаницу относительно происходящего. Лишь в 30-е и 40-е гг. у сохранившихся коммунистических фракций начало складываться целостное представление о сущности событий и процессов в России. Но подобный подход отличал, главным образом, европейских и американских революционеров; российским левым мешала непосредственная вовлеченность в происходящее: они стояли слишком близко к предмету исследования, что не позволяло им анализировать его по-настоящему объективно и всесторонне. Поэтому нам остается лишь согласиться с оценкой российских левых коммунистов, сделанной товарищами из «Интернационализма»:

«Эти маленькие группы, которые пытались осознать новое положение вещей, не могли ни осмыслить сущность государственного капитализма, начинавшего формироваться у них на глазах, ни разработать целостную программу возрождения революции – их главная заслуга состоит в другом: именно они забили тревогу и одними из первых выступили с обличением утверждавшегося государственно-капиталистического режима; своей деятельностью они политически доказали, что российский пролетариат не смирился безропотно с поражением» (Allen J. A contribution on the question of state capitalism// Internationalism, № 6).

Кто такие левые коммунисты?

Один из аспектов мифа об «отсталости» или «буржуазности» большевизма нашел выражение в идее о том, что существует непреодолимая пропасть между большевиками, представляемыми как сторонники государственного капитализма и партийной диктатуры, с одной стороны, и левыми коммунистами, которые изображаются подлинными защитниками рабочей власти и коммунистического переустройства общества, с другой. Эта идея особенно нравится «коммунистам советов» и либертариям, ко-

которые видят себя наследниками лишь того, что их привлекает в рабочем движении прошлого, и отвергают действительный классовый опыт, лишь только усматривают в нем несовершенство. Однако в мире реальном между изначальным большевизмом и левыми коммунистами 20-х гг. и более позднего времени существует прямая и бесспорная преемственность.

Большевики находились на крайне левом фланге довоенного социал-демократического движения - в особенности, потому, что решительно отстаивали четкие организационные принципы построения революционной партии и ее независимость от любых реформистских и сеющих путаницу течений в рабочем движении.² Их позиция по отношению к войне 1914-1918 гг. (или, точнее, позиция Ленина и его единомышленников в партии) – «превратить войну империалистическую в войну гражданскую» - была самой радикальной в социалистическом движении, а их призыв к ликвидации буржуазного государства сделал их центром притяжения для всех самых непримиримых революционных течений в мире. Немецкие «левые радикалы», вокруг которых в 1920 году образовалось ядро КРПГ, непосредственно вдохновлялись примером большевиков, в особенности, когда стали требовать создания новой революционной партии в пик социал-патриотам из СДПГ.³ Таким образом, до определенного момента большевики и Коминтерн, основанный во многом по их инициативе, представляли довоенных «левых», образовавших коммунистическое движение. *Возникновению левого коммунизма* было не чем иным, как реакцией на *перерождение* этого коммунистического авангарда и предательство его первоначальных целей. Таким образом, левый коммунизм органически вырос из коммунистического движения, во главе которого стояли большевики и Коминтерн.

² В период перед первой мировой войной в рядах самих большевиков появились крайне левые течения, в частности, «ультиматисты» и «отзовисты», которые критиковали парламентскую тактику большевистской организации после революции 1905 года. Но поскольку они возникли в конце восходящей фазы капитализма, мы не будем подробно рассматривать их в этом исследовании. Напротив, левые коммунисты явились специфическим продуктом рабочего движения периода капиталистического упадка: их течение выросло из критики «официальной» линии Коминтерна относительно задач революционного пролетарского движения на новом историческом этапе.

³ См.: *Lessons of the German Revolution// International Review*, № 2.

Все это становится ясным, если рассмотреть происхождение российских левых коммунистов. Все левокоммунистические группировки, существовавшие в России, возникли в самой большевистской партии. Это само по себе доказывает пролетарский характер большевизма. Будучи живым проявлением активности рабочего класса, единственного класса, способного радикально и постоянно подвергать критике свою собственную практику, большевистская партия беспрестанно порождала революционные фракции. На каждом этапе перерождения в партии раздавались голоса протеста, образовывались группы, которые, действуя внутри РКП или откальваясь от нее, обличали отход от первоначальной программы большевизма. Эти фракции перестали возникать лишь тогда, когда партию окончательно похоронили ее могильщики-сталинисты. Все российские левые коммунисты являлись большевиками; именно они отстаивали преемственность с большевизмом героических лет революции, а те, кто клеветал на них, преследовал и губил, какую бы известность они ни получили, порвали с самой сущностью большевизма.

Часть первая:

Левые коммунисты в героические годы революции (1918-1921 гг.)

Первые месяцы

Партия большевиков стала первой партией обновленного рабочего движения, в которой возникли левые течения. Это произошло именно потому, что большевики оказались первой партией победоносного восстания против буржуазного государства. В представлениях рабочего движения того времени роль партии заключалась в организации захвата власти и взятия в свои руки управления новым «пролетарским государством». Согласно этим представлениям, пролетарский характер государства обеспечивался, по сути, тем, что во главе его стояла пролетарская партия, стремящаяся привести рабочий класс к социализму. Глубоко ошибочный характер этой двойной или тройной подмены (партия-государство, государство-класс, партия-класс) раскрылся в послереволюционные годы, и трагедией большевистской партии стала как раз реализация на практике теоретических ошибок всего рабочего движения, демонстрация глубокой порочности господствовавших прежде концепций на собственном негативном опыте. Весь позор и предательство, ассоциирующиеся с больше-

вистской партией, были вызваны тем, что революция началась и погибла в России, и партия большевиков, идентифицировав себя с государством, ставшим внутренним агентом контрреволюции, превратилась в могильщика революции.

Если бы революция началась и переродилась в Германии, а не в России, имена Люксембург и Либкнехта, возможно, вызывали бы сегодня столь же неоднозначные, двусмысленные ассоциации, как имена Ленина, Троцкого, Бухарина и Зиновьева. Лишь располагая практическим опытом грандиозного большевистского эксперимента, революционеры сегодня могут однозначно утверждать: роль партии заключается не в том, чтобы захватить власть от имени рабочего класса, а интересы последнего вовсе не идентичны потребностям формирующегося после революции государства. Но революционным силам потребовались долгие годы нелегких размышлений и самокритики, чтобы суметь усвоить эти на вид столь простые уроки.

С того самого момента, как партия большевиков взяла на себя в октябре 1917 г. управление Советским государством, она начала перерождаться, хотя перерождение это произошло не сразу, не было неуклонным линейным процессом, и, пока мировая революция оставалась на повестке дня, не являлось необратимым. Тем не менее, общий процесс перерождения начался немедленно. Если прежде партия могла свободно действовать как наиболее решительная часть класса, всегда стремившаяся к углублению и расширению классовой борьбы, после взятия государственной власти большевикам стало все труднее участвовать в классовой борьбе пролетариата и воспринимать ее как свою основную задачу. Начиная с этого момента, потребности государства все больше превалировали над потребностями класса; и, хотя эта коллизия не сразу проявилась в открытом виде из-за интенсивности революционной борьбы, она, тем не менее, стала фактом, отразившим фундаментальное противоречие между природой государства и сущностью пролетариата. Если государство неизменно стремится к сохранению общественной стабильности, удержанию классовой борьбы в рамках социального статус-кво, то интересы пролетариата и его коммунистического авангарда могут заключаться лишь в расширении и углублении классовой борьбы вплоть до ниспровержения всего существующего порядка. Таким образом, пока революционное движение класса в России и в мире находилось на стадии подъема, Советское государ-

ство могло использоваться для защиты завоеваний революции, служить инструментом в руках рабочего класса. Но с условиях спада реального классового движения порядок, защищаемый государством, должен был неизбежно стать отражением интересов капитала. Такова была общая тенденция, однако на практике противоречия между пролетариатом и новым государством начали возникать сразу же, чему способствовала неподготовленность класса и большевиков к взаимодействию с государственными институтами и, самое главное, изоляция революции в границах России, тяжелые последствия которой немедленно дали о себе знать внутри завоеванного пролетариатом бастиона. Столкнувшись с многочисленными проблемами, которые возможно было разрешить лишь на международном уровне – задачами организации разрушенной войной экономики, выстраивания отношений с огромными крестьянскими массами России и враждебным капиталистическим окружением, – большевики не имели достаточно опыта для принятия мер, способных хотя бы смягчить самые разрушительные проявления этих проблем.

По сути, их действия привели, скорее, к усугублению, а не преодолению трудностей. И огромное большинство совершенных ошибок обуславливалось тем, что большевики оказались во главе государства и полагали, что вполне правомерно идентифицировать интересы пролетариата с потребностями Советского государства, в сущности, подчинив первые последним. Хотя ни одна коммунистическая группа в России не сумела в то время подвергнуть всесторонней критике эту ошибочную подмену – что явилось недостатком всех российских левых, – революционная оппозиция государственной политике большевистского руководства возникла уже через несколько месяцев после прихода Коммунистической партии к власти. С критикой выступила группа «левых коммунистов», которая сформировалась вокруг Н. Осинского, Н. Бухарина, К. Радека, В. Смирнова и других, опиралась в основном на Московское областное бюро РКП(б) и издавала фракционный журнал «Коммунист». Эта оппозиция начала 1918 года стала первой большевистской фракцией, критиковавшей попытку партии подчинить рабочий класс жесткому контролю сверху. Однако непосредственной причиной для образования группы «левых коммунистов» послужило подписание Советской России мирного договора с немецким империализмом в Брест-Литовске. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным, выступавшие за революционную войну против Гер-

мании и считавшие заключение мира «предательством» мировой революции, выступили против позиции Ленина, который защищал Брестский мир как способ дать «передышку» для того, чтобы собраться с силами. Левые делали упор на следующее:

«Принять условия, продиктованные германскими империалистами, означало бы совершить действие, противоречащее всей нашей политике революционного социализма. Это привело бы к отказу от верной линии международного социализма как во внешней, так и во внутренней политике и могло бы повлечь за собой оппортунизм худшего толка» (Цит. по: Daniels R. *The Conscience of the Revolution*, p. 173).

Считая технически невозможным для Советского государства вести обычную войну против германского империализма, они ратовали за стратегию истощения немецкой армии действиями подпольщиков, подвижных отрядов красных партизан. Сам факт ведения подобной «священной войны против германского империализма», надеялись они, послужил бы примером мировому пролетариату и побудил бы его присоединиться к борьбе.

Нам не хотелось бы развивать здесь задним числом дискуссию о стратегических возможностях, открывавшихся перед советской властью в 1918 году. Подчеркнем лишь, что как Ленин, так и левые коммунисты признавали: единственная надежда пролетариата заключалась в распространении мировой революции. Все их побуждения и действия обуславливались интернационализмом, и они открыто излагали свои аргументы российскому пролетариату, организованному в Советы. Вот почему мы считаем недопустимым определять подписание мира как «предательство» интернационализма. Тем более что последующие события показали – оно никоим образом не означало краха революции в России или в Германии, как того опасался Бухарин. Во всяком случае, эти стратегические рассуждения – в определенной степени всего лишь детали. Важнейший *политический* вопрос, возникший в дискуссии о Брестском мире, состоял в следующем: является ли «революционная война» основным средством распространения революции? Должен ли рабочий класс, ставший у власти в одном регионе, нести революцию мировому пролетариату на штыках? В этой связи интересны комментарии итальянских левых по вопросу о Брестском мире:

«Если говорить о двух течениях в большевистской партии, столкнувшихся по вопросу о Брестском мире, ленинском и бухаринском, мы полагаем, что именно позиция первого в наибольшей степени соответствовала интересам мировой революции. Точка зрения фракции, руководимой Бухариным, по мнению которой, пролетарское государство было призвано освободить трудящихся других стран посредством «революционной войны», противоречила самой природе пролетарской революции и исторической роли пролетариата» (Parti-Etat-Internationale: L'Etat prolétarien// Bilan, № 18, avril-mai 1935.).

В отличие от буржуазной революции, которую вполне можно экспортировать военным путем, пролетарская революция основывается на сознательной борьбе пролетариата каждой страны против собственной буржуазии: «Победа пролетарского государства над капиталистическим (в смысле установления контроля над его территорией) никоим образом не означает победу мировой революции» (там же). Вступление Красной армии в Польшу в 1920 году лишь толкнуло польских рабочих на сторону их собственной буржуазии, и это доказывает, что военные победы, одержанные пролетарским бастионом, не могут заменить собой сознательную деятельность самого мирового пролетариата. Распространение революции является прежде всего задачей *политической*. Поэтому создание в 1919 году Коминтерна явилось более важным вкладом в дело мировой революции, чем могла быть любая «революционная война».

Подписание Брестского мирного договора, его ратификация партией и Советами (при явно выраженном нежелании левых идти на раскол в партии по этому вопросу) знаменовали собой окончание первой стадии деятельности левокоммунистической фракции. Как только Советское государство получило «временную передышку», перед партией сразу же встали вопросы организации российской экономики, разрушенной войной. И именно в связи с этими проблемами группой «левых коммунистов» были высказаны наиболее проницательные суждения, касавшиеся опасностей, с которыми сталкивался революционный бастион. Бухарин, будучи горячим сторонником революционной войны, проявлял меньшую активность в критике внутривнутриполитической линии большевистского руководства; развитие критического анализа этой линии в значительной степени взял на себя Н. Осинский, который оказался гораздо более последовательным оппозиционером, чем Бухарин.

В первые месяцы 1918 года большевистское руководство пыталось справиться с экономическим хаосом в России, действуя в духе поверхностного «прагматизма». В речи, произнесенной перед Центральным Комитетом партии большевиков и опубликованной под названием «Очередные задачи Советской власти», Ленин выступил за формирование государственных трестов, в которых оставались бы буржуазные эксперты и собственники, но под наблюдением «пролетарского» государства. Рабочим же предлагалось принять систему «научной организации труда» Тейлора (которую сам Ленин обличал в прошлом как рабское подчинение человека машине) и «единое руководство» на заводах:

«...Революция, и именно в интересах социализма, требует *беспресловятого повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса» (Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти// ПСС, 3-е изд., 1929, т. 22, с. 462-463).

Все это означало курс на сдерживание движения фабзавкомов, с быстротой молнии распространившегося после февраля 1917 года; отказ от поощрения захвата средств производства этими органами; сведение их полномочий на предприятиях к простой функции «контроля» и превращения их самих в придатки профсоюзов, организаций гораздо более управляемых и уже включенных в новый государственный аппарат.

Большевистское руководство представляло эту политику как лучший способ предотвращения экономического хаоса и рациональной организации экономики в преддверии перехода к социализму, который станет возможным после победы мировой революции. Ленин откровенно назвал такую систему «государственным капитализмом»; этим термином он обозначал контроль пролетарского государства над капиталистической экономикой в интересах революции.

В полемике с «левыми коммунистами» («О “левом” ребячестве и мелкобуржуазности») Ленин утверждал, что подобная система государственного капитализма бесспорно является шагом вперед для столь отсталой страны как Россия, где основная опасность контрреволюции исходит от мелкобуржуазной, архаичной и атомизированной массы крестьянства. Эта концепция стала своеобразным кредо большевиков, помешав им увидеть, что агентом внутренней контрреволюции являлось прежде всего государство, а не крестьяне. «Левые коммунисты» также опасались перерождения революции в систему «мелкобуржуазных хозяйственных отношений»

(«Тезисы о текущем моменте», «Коммунист», № 1, 20 апреля 1918 г., с. 7). Они разделяли и убеждение партийного руководства в том, что национализация средств производства «пролетарским» государством является мерой по своей сути социалистической; более того, они требовали огосударствления всей экономики. Хотя и не сознавая в полной мере реальную «государственного капитализма», «левые коммунисты» благодаря классовому инстинкту быстро разглядели угрозы, которыми была чревата система, претендующая на организацию эксплуатации трудящихся в интересах социализма. Пророческое предупреждение Осинского ныне хорошо известно:

«Мы не стоим на точке зрения «строительства социализма под руководством организаторов трестов». Мы стоим на точке зрения строительства *пролетарского социализма* – классовым творчеством самих рабочих, не по указке «капитанов промышленности». [...] Ставя вопрос таким образом, мы исходим из *доверия* к классовому инстинкту, к классовой самодетельности пролетариата. Иначе и невозможно его ставить. Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда, – никто за него это не сделает и никто его к этому не принудит. Палка, поднятая над рабочими, будет находиться в руках такой общественной силы, которая или находится под влиянием другого общественного класса, или должна подпасть под его влияние. Если эта палка будет в руках советской власти, то советская власть вынуждена будет опереться против рабочих на другой класс (напр[имер], крестьянство), и этим она погубит себя как диктатуру пролетариата. Социализм и социалистическая организация труда будут построены самим пролетариатом, или они не будут вовсе построены, а будет построено нечто иное – государственный капитализм» («Строительство социализма»// Коммунист, № 2, 27 апреля 1918 г., с. 5-6.).

Чтобы противостоять этой угрозе, левые коммунисты ратовали за рабочий контроль над производством путем создания системы фабзавкомов и «советов народного хозяйства». Себя самих они рассматривали как «ответственную пролетарскую оппозицию» внутри РКП, призванную воспрепятствовать «уклонению» партии и советского режима «на гибельный путь мелкобуржуазной политики» («Тезисы о текущем моменте», с. 9).

Опасность, о которой предупреждали левые, не ограничивалась лишь экономической сферой – она должна была проявиться и в области поли-

тики. Предостерегая против попыток навязать трудовую дисциплину пролетариату сверху, «левые коммунисты» писали:

«С политикой управления предприятиями на принципе широкого участия капиталистов и полубюрократической централизации естественно соединяется рабочая политика, направленная на водворение среди рабочих дисциплины под флагом «самодисциплины», введение трудовой повинности для рабочих (соответствующий проект предлагался правыми большевиками), сдельной платы, удлинения рабочего дня и т. п.

Форма государственного управления должна развиваться в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющегося с низов “государства-коммуны”» («Тезисы о текущем моменте», с. 8).

Защита журналом «Коммунист» фабзавкомов, советов, самостоятельности рабочего класса была важна не потому, что заключала в себе рецепт решения хозяйственных проблем, с которыми сталкивалась Россия; не была она ориентирована и на немедленное построение коммунизма; левые четко заявляли, что «социализм не может быть построен в одной стране, особенно в такой отсталой» (Цит. по: Schapiro L. *The Origins of the Communist Autocracy*, p. 137). Речь шла о сохранении политического господства российского рабочего класса, которое подрывалось государством, навязывавшим работникам трудовую дисциплину и включавшим независимые органы пролетариата в структуру государственного аппарата. Как неоднократно подчеркивало ИКТ,⁴ политическая власть класса является единственной подлинной гарантией победоносного исхода революции. И эту политическую власть могут осуществлять лишь массовые органы класса, его комитеты, общие собрания трудовых коллективов, советы, ополчение. Ослабляя значение подобных органов, политика большевистского руководства создавала серьезную угрозу для самой революции. Признаки этой опасности, которые так ясно увидели «левые коммунисты» в первые месяцы революции, еще более выявились в период Гражданской войны. Именно в то время во многом определилась последующая судьба революции в России.

⁴ Cf.: “The Degeneration of the Russian revolution”; “The Lessons of Kronstadt”// *International Review*, № 3.

Гражданская война

Опыт Гражданской войны в России (1918-1920 гг.) показал, с какими огромными опасностями обречен столкнуться пролетарский бастион, оставшийся без непосредственной поддержки со стороны армий мировой революции. Поскольку революции не удалось распространиться за пределы России, российский пролетариат вынужден был практически в одиночку отражать атаки белой контрреволюции и ее империалистических союзников. В военной сфере российские рабочие одержали победу. Но политически пролетариат вышел из войны поредевшим, ослабленным, разобщенным и более или менее утратившим реальный контроль над Советским государством. Изю всех сил стремясь одержать верх в боевых действиях, большевики все более милитаризовали общественную и хозяйственную жизнь, что способствовало прогрессирующему упадку политического влияния рабочего класса. Концентрация реальной власти на высших уровнях государственной машины позволяла эффективно и беспощадно вести войну, но ослабляла реальное средоточие революции – органы массовой самоорганизации рабочего класса. Произшедшая в этот период бюрократизация советского режима стала необратимой, когда после 1921 года мировая революция пошла на спад.

С началом военных конфликтов в 1918 году большевистская партия сплотила свои ряды, ибо каждый сознавал необходимость единства действий перед лицом опасности извне. Группа вокруг журнала «Коммунист», издание которого прекратилось после суровой критики со стороны партийного руководства, распалась, а ее участники в условиях Гражданской войны пошли двумя разными путями.

Первая тенденция, представленная Бухариным и Радеком, с энтузиазмом поддержала экономические мероприятия, продиктованные военными нуждами. В их понимании широкомасштабные национализации, подавление товарно-денежных отношений и реквизиции у крестьянства, то есть меры так называемого «военного коммунизма», представляли собой разрыв с прежним «государственным капитализмом» и важный шаг вперед к действительно коммунистическим производственным отношениям. Бухарин даже написал книгу «Экономика переходного периода», где доказывал, что дезинтеграция экономики и даже принудительный труд знаменуют неизбежный этап движения к коммунизму. Он пытался «теоретически» обосновать тезис о «военном коммунизме» (который стал результа-

том серии чрезвычайных мер, вызванных отчаянным положением страны) как системе, эволюционирующей в направлении полного и настоящего коммунизма. Бывшие левые коммунисты вроде Бухарина оказались вполне готовы к тому, чтобы отказаться от своей прежней критики «единого руководства» и трудовой дисциплины, поскольку, по их мнению, Советское государство уже не пыталось заключить компромисс с капиталом внутри страны, а решительно выступало как орган коммунистических преобразований. В «Экономике переходного периода» Бухарин доказывал, что *упрочение* Советского государства и все больший охват этим государством общественной и экономической жизни являются решающим шагом на пути к коммунизму:

«"Огосударствление" профессиональных союзов и фактическое огосударствление всех массовых организаций пролетариата вытекают из самой внутренней логики трансформационного процесса. Мельчайшие ячейки рабочего аппарата должны превратиться в носителей общеорганизационного процесса, планомерно направляемого и руководимого коллективным разумом рабочего класса, получающим свое материальное воплощение в высшей и всеобъемлющей организации, его государственном аппарате. Так система государственного капитализма диалектически превращается в свою собственную противоположность – в государственную формулировку рабочего социализма» (Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990, с. 137).

Подобными идеями Бухарин «диалектически» опровергал марксистский тезис о том, что движение к коммунистическому обществу будет сопровождаться постепенным ослаблением, «отмиранием» государственного аппарата. Бухарин еще оставался революционером, когда писал «Экономику переходного периода», однако между его теорией этатистского «коммунизма» в рамках одного государства и сталинской теорией «социализма в одной стране», безусловно, существует преемственность.

В то время как Бухарин примирился с «военным коммунизмом», те левые, которые были более последовательны в защите рабочей демократии, продолжали отстаивать ее принципы перед лицом растущей милитаризации режима. В 1919 году вокруг Осинского, Сапронова и других образовалась группа «Демократического централизма». «Децисты», как называли членов этой группировки, по-прежнему подвергали критике принцип единоличного руководства в промышленности, защищая прин-

цип коллективности («коллегиальности») как «сильнейшее орудие против возрождения ведомственности и бюрократического омертвления советского аппарата» («Тезисы о коллегиальности и единоличии»// Ленин В.И. ПСС, 1-е изд., т. XXV, с. 547). Признавая необходимость использования буржуазных специалистов в промышленности и в армии, они одновременно подчеркивали, что этих «спецов» следует контролировать снизу: «Никто не оспаривает необходимости использования специалистов – спор идет о том, как их использовать», – говорил, в частности, Т. Сапронов (цит. по: Daniels P. Op. cit., p. 109). При этом «децисты» протестовали против утраты местными советами инициативы и ратовали за ряд реформ, направленных на возрождение Советов как эффективных органов рабочей демократии – на этом основании их критики утверждали, что «децистов» больше интересует демократия, чем централизм. Выдвигалось и требование восстановления внутрипартийной демократии. На IX Всероссийской конференции РКП(б) в сентябре 1920 года «децисты» выступили с осуждением бюрократизации партии, растущей концентрации власти в руках незначительного меньшинства. Тот факт, что съезд завершился принятием резолюции, в которой энергично призывалось развивать «более широкую критику как местных, так и центральных учреждений партии» и отвергались «какие бы то ни было репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими», показывает влияние, которое подобная критика еще могла иметь в партии (резолюция IX конференции РКП(б) «Об очередных задачах партийного строительства»).

В целом, представление «децистов» о задачах советского режима в период Гражданской войны нашло выражение в словах Осинского, произнесенных на той же конференции:

«Основной лозунг, который мы должны выдвинуть в нынешний период – это объединение военных задач, военных форм организации и методов управления с инициативой сознательных рабочих. Если, прикрываясь военными задачами, вы начнете на самом деле насаждать бюрократизм, мы растратим наши силы и не сумеем выполнить наши задачи».

Несколько лет спустя левый коммунист Г.И. Мясников дал группе «Демократического централизма» такую оценку:

«У этой группы не было платформы, имевшей какую-либо теоретическую ценность. Единственным пунктом, который привлекал внимание всех групп и партии в целом, являлась ее борьба против чрезмерной цен-

трализации. Лишь теперь можно увидеть в этой борьбе не вполне определенную попытку пролетариата сместить бюрократию с позиций, которые она только что завоевала в экономике. Группа умерла естественной смертью безо всякого насилия в отношении нее» (Цит. по: *L'Ouvrier Communiste*,⁵ 1929).

Критика «децистов» оставалась «не вполне определенной» именно потому, что их группа возникла в то время, когда большевистская партия и революция еще оставались живыми силами, и в этих условиях всякая критика партии неизбежно выливалась в призывы к большей демократии, большему равенству в партийных рядах и т. п. Иными словами, критиковалась преимущественно организационная практика, а вопросы базисных политических принципов не затрагивались.

Многие из «демократических централистов» участвовали также в «военной оппозиции», возникшей на короткое время в марте 1919 года. Потребности Гражданской войны вынудили большевиков создать централизованные вооруженные силы, Красную армию, состоявшую не только из рабочих, но и из мобилизованных крестьян и представителей других слоев населения. Очень быстро эта армия начала соответствовать иерархической схеме, установившейся в государственном аппарате. От выборов офицеров вскоре отказались как от «политически бессмысленной, а технически нецелесообразной» практики (*Троцкий Л.Д.* Труд, дисциплина и порядок. 1918.). Были восстановлены смертная казнь за неповиновение приказам на фронте, отдавание чести и особые формы обращения к вышестоящим, а также упрочены иерархические различия, особенно с назначением на высшие армейские командные посты бывших царских офицеров.

«Военная оппозиция», глашатаем которой был Владимир Смирнов, выступала против тенденции построения Красной армии по образцу типично буржуазной. Оппозиционеры не противились формированию Красной армии как таковой и привлечению «военспецов», но критиковали углубление в вооруженных силах неравенства и чрезмерное ужесточение воинской дисциплины, стремясь подчинить военное строительство принципам, которые не расходились бы с общеполитическими установками большевиков. Обвинения в адрес «военной оппозиции», выдвигавшиеся партийным руководством – будто бы она желает разрушить армию, заме-

⁵ “*L'Ouvrier Communiste*” – издание французской группы, близкой по взглядам к Коммунистической рабочей партии Германии.

нив ее системой партизанских отрядов, более приспособленных к крестьянской войне, – были несправедливы: как и во многих других случаях, большевистские вожди видели единственную альтернативу своей «пролетарской государственной организации» в мелкобуржуазной, анархической децентрализации. В действительности же они сами очень часто путали *буржуазные* формы иерархической централизации с пролетарским централизмом, основанном на самодисциплине и сознательности. В конце концов, требования «военной оппозиции» были отвергнуты, и группа тотчас распалась. А иерархическая структура Красной армии облегчила впоследствии, начиная с 1921 г., ее использование для *подавления* пролетариата (заводские красногвардейские отряды были расформированы).

Несмотря на то, что в годы Гражданской войны внутри Коммунистической партии постоянно действовали оппозиционные течения, необходимость единства перед лицом воинствующей контрреволюции спланировала ряды самой партии, рабочего класса и тех социальных слоев, которые поддерживали советский режим против белых. В этот период внутренние противоречия режима, как правило, не выступали наружу – но как только вооруженный конфликт прекратился, и перед властями встала задача восстановления разоренной страны, они не замедлили проявиться. Общественные разногласия относительно дальнейших шагов советского режима нашли выражение в 1920-1921 гг. в крестьянских восстаниях, недовольстве на флоте, забастовках рабочих в Москве и Петрограде. Кульминацией этих событий стало рабочее восстание в Кронштадте в марте 1921 г. Эти антагонизмы не могли не отразиться и в самой партии, где в критический период 1920-1921 гг. возникла группа «Рабочей оппозиции», ставшая основным очагом политического недовольства среди большевиков.

Рабочая оппозиция

X съезд РКП(б) в марте 1921 года в РКП стал ареной внутрипартийной дискуссии, которая все более обострялась после окончания Гражданской войны – дискуссии *по профсоюзному вопросу*. На вид это был спор о роли профсоюзов при диктатуре пролетариата, но фактически в нем нашли отражение более глубокие проблемы, связанные с выбором путей развития советского режима и касавшиеся характера его отношений с рабочим классом.

По данному вопросу в партии существовало три позиции: Троцкого, который выступал за полную интеграцию профсоюзов в «рабочее государство», где их задачей стало бы стимулирование производительности труда; Ленина, по мнению которого профсоюзы по-прежнему должны были действовать как органы защиты рабочего класса, даже от «рабочего государства», которое, как он подчеркивал, являлось в действительности «рабочим и крестьянским государством», страдавшим от «бюрократических деформаций»; и, наконец, точка зрения «Рабочей оппозиции», которая предлагала передать управление производством профсоюзам, независимым от Советского государства. И хотя дискуссия в целом концентрировалась не на самых главных проблемах, стоявших тогда перед коммунистами и пролетариатом, выступления в ней «Рабочей оппозиции» отражали, пусть смутно и непоследовательно, неприятие рабочим классом бюрократических и военных методов, все более присущих режиму, а также надежды на то, что теперь, после окончания войны, ситуация изменится.

Лидерами «Рабочей оппозиции» были, главным образом, представители профсоюзного аппарата, однако она имела значительную поддержку среди рабочих юго-востока европейской части России и Москвы; особой популярностью ее линия пользовалась у рабочих-металлистов, и два видных руководителя оппозиции, А. Шляпников и С. Медведев, являлись выходцами именно из их рядов.. Однако наибольшую известность в качестве лидера этого течения получила Александра Коллонтай, автор программной брошюры «Рабочая оппозиция», в которой развивались идеи, изложенные в тезисах группы «Задачи профессиональных союзов (к X съезду партии)». В работе Коллонтай зримо отразились все сильные и слабые стороны ее группы. Брошюра начинается с утверждения:

«Рабочая оппозиция родилась из недр промышленного пролетариата Советской России, ...ее взрастили не только каторжные условия жизни и труда семимиллионного промышленного пролетариата, но я ряд отклонений, качаний, противоречий и прямо уклонений нашей советской политики от четких, ясных, классово выдержанных принципов коммунистической программы.»

Далее Коллонтай отмечает тяжелейшее экономическое положение советского режима после Гражданской войны, обращая внимание на рост бюрократического слоя, происходящего не из рабочего класса, а из ин-

теллигенции, крестьянства, остатков старой буржуазии и др. Этот слой все более доминирует в советском аппарате и в самой партии, способствуя распространению карьеризма и слепого пренебрежения к интересам пролетариата. По мнению Рабочей оппозиции, советское государство само по себе является не чисто пролетарским органом, а неоднородным институтом, вынужденным поддерживать равновесие между различными классами и слоями российского общества. Коллонтай настаивает на том, что гарантия сохранения революцией верности изначальным целям – не в передаче руководства технократам-непролетариям и социально неоднородным государственным органам, а в самостоятельности и творческой силе самих рабочих масс:

«Но именно это-то простое и ясное для каждого рабочего-практика положение и упускается из виду нашими верхами. Коммунизм нельзя декретировать. Его можно лишь творить живым исканием, временами ошибками, но творчеством самого рабочего класса».

Эти общие выводы «Рабочей оппозиции» отличались существенной глубиной во многих аспектах, однако группа оказалась не способна продвинуться дальше самых общих правильных суждений. Ее *конкретные* предложения, направленные на разрешение кризиса революции, основывались на ряде ложных концепций, что свидетельствовало о трагичности тупика, в котором находился российский пролетариат в то время.

В представлении «Рабочей оппозиции» органами выражения подлинных интересов пролетариата являлись профсоюзы, призванные выполнить задачу построения коммунизма:

«Рабочая оппозиция признает профсоюзы управителями и созидателями коммунистического хозяйства...»

Таким образом, в то самое время, когда левые коммунисты Германии, Голландии и других стран обличали профсоюзы, видя в них основные препятствия для пролетарской революции, российские левые превозносили их в качестве потенциальных органов коммунистического переустройства! Революционерам в России, по-видимому, нелегко было осознать, что в эпоху упадка капитализма профсоюзы уже не могут играть никакой позитивной роли для пролетариата. Хотя возникновение фабзавкомов и советов в 1917 году возвестило смерть профсоюзов как органов рабочей борьбы, ни одна из левых групп в России по-настоящему этого не поняла – ни до, ни после 1921 года. К тому моменту, как «Рабочая оппозиция»

обнаружила в профсоюзах основную опору революции, подлинны органы революционной борьбы – фабзавкомы и советы – уже были выхолащены. Более того, именно интеграция в профсоюзные структуры погубила фабзавкомы как классовые органы в период после 1918 года. Переход решающей власти в руки профсоюзов, несмотря на добрые намерения защитников этой идеи, никоим образом не вернул бы российский пролетариат в положение господствующего класса. Даже если бы подобный проект реализовался, он означал бы просто передачу власти от одной государственной структуры к другой.

Программа «Рабочей оппозиции», нацеленная на возрождение партии, также была в своей основе ошибочна. Оппозиционеры объясняли распространение в РКП оппортунизма исключительно наплывом в ее ряды непролетарских элементов. По их мнению, партия могла вернуться на пролетарский путь в случае ее очищения от нерабочих элементов. Если бы подавляющее большинство партийцев составляли настоящие пролетарии с мозолистыми руками, все шло бы как нельзя лучше. Однако на практике подобное средство борьбы с перерождением партии никогда не достигло бы своей цели, так как в действительности развитие оппортунизма было связано не столько с составом РКП(б), сколько с воздействием проблем, порожденных удержанием государственной власти в становившихся все более неблагоприятными условиях. Управлять государством в обстановке спада революции автоматически означало стать на путь «оппортунизма», и даже самое чистое пролетарское происхождение управленцев ничего изменить здесь не могло. Бордига однажды заметил, что бывшие рабочие – самые худшие бюрократы. Тем не менее, «Рабочая оппозиция» никогда не ставила под сомнение тот тезис, что партия должна руководить государством, обеспечивая тем самым его пролетарский характер. Нужно, писала, например Коллонтай, «чтобы ЦК нашей партии стал высшим идейным центром классовой политики, органом мысли и контроля над практической политикой советов, духовным воплощением основ нашей программы...»

Отождествление «Рабочей оппозицией» диктатуры пролетариата с партийной диктатурой привело ее к фанатичной демонстрации верности партии, когда в разгар X съезда стало известно о восстании в Кронштадте. Видные лидеры оппозиции даже лично отправились на штурм мятежной крепости. Подобно всем прочим левым фракциям в России, они совер-

шенно не поняли значения Кронштадтского восстания как последнего эпизода массовой борьбы российских рабочих за восстановление власти советов. Но участие в усмирении Кронштадта не спасло «Рабочую оппозицию» от осуждения съездом как «мелкобуржуазного анархистского уклона», играющего «объективно» контрреволюционную роль.

Принятое X съездом решение о запрете образования внутривнутрипартийных «фракций» нанесло по «Рабочей оппозиции» сильный удар. Столкнувшись с перспективой перехода на нелегальное положение и подпольной работы, она оказалась неспособной сохранить свою оппозиционность. Отдельные ее участники продолжали борьбу на протяжении 20-х гг., объединившись с другими нелегальными группировками; другие просто-напросто приспособились к сложившемуся порядку. Сама Коллонтай превратилась в конечном итоге в лояльную прислужницу сталинского режима. В 1922 году английская левокоммунистическая газета «Уоркерс' Дредноут» писала о «беспринципных и бесхребетных руководителях так называемой Рабочей оппозиции»; и действительно, программе группы не хватало решительности. Но это зависело не от мужества или его отсутствия у оппозиционеров, а явилось результатом огромных трудностей, с которыми неизбежно сталкивались российские революционеры, если пытались спорить или порвать с партией, бывшей душой революции 1917 года. Для многих искренних коммунистов пойти против партии представлялось чистым безумием; за ее пределами, считали они, их ждет небытие. Преданность партии, столь глубокая, что становилась препятствием для отстаивания революционных принципов, нашла позднее еще более яркое выражение у «Левой оппозиции».

Другим слабым местом воззрений «Рабочей оппозиции» было почти полное игнорирование ею вопросов международного характера. Если наиболее последовательные левые фракции в России черпали силу в понимании того, что единственным подлинным союзником российского пролетариата и его революционного меньшинства является мировой рабочий класс, то программа «Рабочей оппозиции» нацеливала на поиск решений существующих проблем исключительно в рамках самой России.

Больше всего «Рабочую оппозицию» заботило следующее: «*Каким образом осуществлять творчество диктатуры пролетариата в области хозяйственного строительства?*» (Коллонтай). Основная задача, которую она предписывала рабочему классу, заключалась в строительстве в России «ком-

мунистического хозяйства». Первоочередное внимание оппозиционеров к проблемам управления производством и создания будто бы «коммунистических» производственных отношений в России свидетельствовало о полном непонимании важнейшего момента: коммунизм невозможно построить в изолированном бастионе. Главной проблемой, стоявшей перед российским рабочим классом, была не «хозяйственная реконструкция» своей собственной страны, а развитие мировой революции.

Хотя в своей брошюре Коллонтай критиковала «налаживающиеся торговые сношения с капиталистическими державами, сношения, идущие через голову как русского, так и иностранного организованного пролетариата», «Рабочей оппозиции» в целом была свойственна та же тенденция, которая все более крепла в то время в большевистском руководстве - склонность ставить проблемы российской экономики выше задач распространения революции на международной арене. Это общее представление о том, что Россия может долгое время развиваться изолированно, замкнуться в самой себе и не предать при этом интересы мировой революции, имело большее значение, чем разногласия партийных группировок по вопросам экономического строительства.

Исключительно «российская» ориентация «Рабочей оппозиции» нашла отражение и в ее неспособности установить сколько-нибудь прочные связи с левыми коммунистами-оппозиционерами за пределами России. Хотя брошюра Коллонтай была вывезена за границу одним членом КРПГ и опубликована этой партией, а также группой «Уоркерс' Дредноут», Коллонтай вскоре пожалела об этом и потребовала вернуть свой текст! «Рабочая оппозиция» не подвергла никакой реальной критике оппортунистическую политику Коминтерна, одобрила «21 условие» и не попыталась объединить усилия с «зарубежными» оппозиционерами, несмотря на солидарность, которую выказали ей КРПГ и другие. В 1922 году активисты «Рабочей оппозиции» в последний раз обратились к IV конгрессу Коминтерна, но их выступление ограничилось протестом против бюрократизации режима и отсутствия свободы выражения для инакомыслящих коммунистических групп в России. Данное обращение получило лишь очень слабый отклик в Интернационале, который уже исключил к тому времени свои лучшие элементы и вскоре одобрил печально известную политику «единого фронта». После этого для рассмотрения деятельности «Рабочей оппозиции» была создана специальная партийная комис-

сия, которая пришла к выводу, что группа представляет собой «нелегальную фракционную организацию», и последовавшие репрессии почти полностью положили конец ее деятельности.⁶ К несчастью для «Рабочей оппозиции», она выступила в тот момент, когда партия переживала глубокие потрясения, которые вскоре сделали всякую *легальную* оппозиционную деятельность в России невозможной. Желая найти компромисс между легальной, фракционной работой внутри партии и подпольным противодействием режиму, «Рабочая оппозиция» в итоге повисла в пустоте. В дальнейшем факел пролетарского сопротивления понесли люди более решительные и непримиримые.

Часть вторая: Левые коммунисты и контрреволюция (1921-1930 гг.)

После 1921 года большевистская партия оказалась в крайне тяжелом положении. Поражения рабочих восстаний в Венгрии, Италии, Германии и других странах в 1918-1921 гг. обозначили вступление мировой революции в фазу глубокого спада, из которой она так и не вышла, несмотря на кратковременные подъемы борьбы, например, в Германии и Болгарии в 1923 г., в Китае в 1927-м. В России как экономика, так и сам пролетариат находились почти на грани дезинтеграции; активность трудящихся масс упала, и они оказались вытеснены из политической жизни. Перестав быть орудием в руках рабочего класса, советское государство переродилось по сути в механизм защиты капиталистического «порядка». Находясь в плену своих субституционистских концепций, предполагавших фактическое замещение пролетариата авангардной партией, большевики продолжали верить, что смогут управлять этой государственной машиной и капиталистической экономикой, одновременно ожидая нового наступления мировой революции и способствуя развитию революционного процесса. На деле же потребности государственной власти превращали большевиков в явных агентов контрреволюции как внутри страны, так и за рубежом. В России они стали надсмотрщиками над все более ужесточавшейся эксплуатацией рабочего класса. Хотя нэп несколько смягчил государственный диктат в экономике, диктатура партии над пролетариа-

⁶ Хотя «Рабочая оппозиция» прекратила существование после 1922 года, ее название неизменно возникает в связи с подпольной деятельностью вплоть до начала 30-х гг., свидетельствуя о том, что осколки этой группы продолжали борьбу до самого конца.

том не ослабла. Напротив, из-за того, что большевики всегда считали крестьянство основной угрозой революции в России, они пришли к выводу, что предоставление крестьянам экономических уступок следует уравновесить *упрочением политического* господства большевистской партии над российским обществом; внутри РКП(б) отражением этого стало усиленное насаждение принципов монолитности. Единственный способ построить пролетарский оплот, способный выдержать натиск стихии крестьянского капитализма, виделся в усилении контроля со стороны партии и в самой партии.

В международном плане, поскольку императивы российского государства, выразителем которых стала РКП(б), оказывали все более губительное воздействие на политику Коминтерна, господствующее положение в котором занимала российская секция. «Единый фронт», «рабочее правительство» – подобная реакционная «тактика» в значительной степени отражала потребность российского государства найти себе буржуазных союзников в капиталистическом мире.

Хотя большевистская партия еще не отказалась окончательно от пролетарской революции, вся логика ситуации, в которой она находилась, постепенно подталкивала ее к самоотжествлению с потребностями российского национального капитала. Последние работы Ленина свидетельствуют о его доходящей до одержимости озабоченности проблемами «социалистического строительства» в отсталой России. Победа сталинизма лишь окончательно выявила эту логику; она сняла дилемму между интернационализмом и интересами российского государства – отказом от первого в пользу последних.

События пятидесяти последних лет показали, что пролетарская партия не может выжить в период спада или поражения классовых борьбы. Так что единственным способом для коммунистических партий продолжить физическое существование после спада революционной волны был переход со своим оружием и багажом в лагерь буржуазии. В России перерождению компартии способствовало также ее сращивание с государством, ускорявшее адаптацию РКП(б) к потребностям национального капитала. В период поражения защиту революционных позиций могут осуществлять лишь небольшие коммунистические *фракции*, выделившиеся из перерождающейся партии или обретшие организационную самостоятельность в результате ее распада. Это явление имело место и в России,

особенно в период 1921-1924 гг., когда образовался ряд маленьких групп, решительно отстаивавших коммунистические позиции, преданные правящей партией. Как мы видели, оппозиционные течения в большевистской партии возникали и ранее, однако с 1921 года условия, в которых приходилось действовать коммунистическим оппозициям, кардинальным образом изменились.

Предпосылкой защиты коммунистических принципов перед лицом наступления контрреволюции являлась, особенно в России, способность ставить верность этим принципам выше всякой личной, эмоциональной и политической привязанности к организации, какое бы славное прошлое она ни имела, если организация эта ступает на путь предательства интересов рабочего класса. Сила российских левых заключалась как раз в том, что при невозможности работать на дело коммунизма в рамках Коммунистической партии и советского государства они готовы были вести борьбу за коммунистические принципы *вопреки* этим институтам. Коммунистические убеждения стояли для этих людей на первом месте; они считали, что если прежние «герои» революции больше не отстаивают коммунистическую программу, следует их осудить и двигаться вперед без них. Не удивительно, что группы российских левых коммунистов состояли в основном из людей не слишком известных, преимущественно, рабочих, не входивших в большевистское руководство героических лет.

Иначе обстояло дело с троцкистско-зиновьевской оппозицией: Мясников даже насмехался над ней, называя *«оппозицией знаменитостей»*, выступающих против сталинской фракции лишь по собственным бюрократическим соображениям (L'Ouvrier Communiste, № 6, janvier 1930).

Простым рабочим-революционерам, становившимся на левокоммунистические позиции, было гораздо легче понять положение российского пролетариата, чем высокопоставленным большевистским деятелям, утратившим реальный контакт с классом и способным рассматривать проблемы революции исключительно с точки зрения задач государственного управления. Однако малая известность членов левых фракций зачастую составляла их слабость. Их анализ происходящего основывался в большей мере на классовом инстинкте, нежели на глубоком знании теории. В совокупности с историческими слабостями российского рабочего движения, о которых мы говорили выше, и изоляцией российских левых от

коммунистических фракций за рубежом эти факторы серьезно ограничили возможность развития идей левого коммунизма в России.

Хотя левые оказались способны порвать с «официальными» институтами и поддержать классовую борьбу рабочих против них, колоссальный спад классовой активности в России ставил перед этими фракциями ряд трудных и противоречивых проблем. Поскольку советы, фабзавкомы и другие массовые органы пролетарской самоорганизации умерли, а само государство стало инструментом капитала, большевистская партия, несмотря на ее быстрое перерождение в период после 1921 года оставалась все же центром политической жизни российского пролетариата. По причине апатии и безразличия рабочих политические дискуссии и конфликты происходили почти исключительно в партии или вокруг нее. Правда, равнодушные и пассивность самого класса делали большую часть партийных идеологических дебатов в 20-е гг. изначально бесплодными, но тот факт, что ВКП являлась своего рода оазисом политической мысли в пустыне рабочей аполитичности, не мог игнорироваться революционерами.

Эта ситуация поставила перед левыми фракциями тяжелую дилемму. С одной стороны, апатия масс и репрессии со стороны государства крайне затрудняли им деятельность в среде пролетариата «вообще». С другой стороны, всякая работа внутри партии была крайне затруднена вследствие запрета фракций в 1921 году и становящегося все более удушающим партийного режима. Для любой реально оппозиционной группы стало почти невозможно открыто пропагандировать в партии свои взгляды. Даже в довольно умеренной критике, которая содержалась в «Платформе 46-ти» 1923 года (с этого документа началась история «Левой оппозиции»), осуждается то, что «свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло». Более левые течения находились в еще худшем положении, однако все они продолжали совмещать пропагандистскую деятельность среди «широких масс» на промышленных предприятиях с тайной работой в партийных организациях. В манифесте «Рабочей группы» 1923 года говорилось о том, что «становится неизбежным образование Рабочей группы РКП на основе программы и устава РКП(б) для решительного давления на господствующую группу в РКП». В «Обращении» группы «Рабочая Правда» в 1922 году ставилась задача: «Всюду, на заводах, фабриках, в профорганизациях, рабфаках, совпартшколах, Коммунистическом союзе молодежи и партийных орга-

низациях должны быть созданы пропагандистские кружки, солидарные с «Рабочей Правдой»⁷. Подобные декларации о намерениях показывают, с какими громадными сложностями сталкивались попытки этих групп найти отклик в российском пролетариате, и как трудно – даже невозможно – было отыскать эффективные формы организации в период разброда и шатаний.

Необходимо, наконец, иметь в виду, что левокоммунистические группировки подвергались самым суровым гонениям и репрессиям со стороны партии-государства. Именно потому, что Россия являлась «страной Советов», где произошла пролетарская революция, контрреволюция в ней должна была стать тотальной и беспощадной, искореняющей последние остатки всего революционного. Даже до победы сталинской фракции левые группы подвергались преследованиям со стороны ГПУ, их членов арестовывали, отправляли в тюрьмы и ссылку. Лишенным средств, вынужденным постоянно скрываться от госбезопасности, им было трудно вести хотя бы минимальную пропагандистскую работу. Упрочение контрреволюции после 1924 года еще более усложнило их положение. И тем не менее, в мрачные годы реакции левые коммунисты продолжали бороться за революцию. Даже в 1929 году «Рабочая группа» издавала в Москве нелегальную газету «Рабочий путь к власти». Даже в сталинских лагерях оппозиционеров не удавалось принудить к молчанию. Пролетарскую революцию погубить нелегко. Революционеры, продолжавшие борьбу в столь неблагоприятных обстоятельствах, черпали мужество уже в том, что продолжали и защищали дело рабочей революции. Рассмотрим же подробнее основные группы, которые, невзирая на все трудности, продолжали нести революционное коммунистическое знамя.

1. «Рабочая Правда»

Группа «Рабочая Правда» образовалась осенью 1921 года. По видимому, она состояла из представителей интеллигенции и зародилась в среде вокруг «Пролеткульта», идейным вдохновителем которого являлся А. Богданов, партийный теоретик, споривший с Лениным по вопросам

⁷ Выпущенное «Рабочей Правдой» «Обращение к революционному пролетариату и всем революционным элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему классу», было опубликовано в меньшевистском журнале «Социалистический вестник» (Берлин, 1923, № 3, с. 12-14).

философии в первые годы XX века и игравший видную роль в «левых» течениях большевизма того времени. В своем обращении 1922 года «Рабочая правда» характеризовала нэп как «*восстановление нормальных капиталистических отношений*», свидетельство тяжелого поражения российского пролетариата:

«Рабочий класс России дезорганизован, в умах рабочих царит путаница: в стране ли они «диктатуры пролетариата», как неустанно повторяет устно и печатно Коммунистическая партия, или в стране произвола и эксплуатации, в чем убеждает их на каждом шагу жизнь? Рабочий класс влачит жалкое существование, в то время как новая буржуазия (т. е. ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т. д.) и нэпманы роскошествуют и восстанавливают в нашей памяти картину жизни буржуазии всех времен».

По мнению «Рабочей Правды», советское государство стало представителем «общенациональных интересов капитала и лишь руководящей аппаратом государственного управления и регулирования хозяйства организаторской интеллигенции». Одновременно рабочий класс лишился своих органов защиты, профсоюзов, и своей классовой партии. В обращении «Рабочей Правды» XII съезду партии в 1923 году, говорилось, что «современные российские профсоюзы влачат жалкое существование, превратившись из организаций защиты экономических интересов рабочих в организации защиты интересов производства, т. е. госкапитала в первую очередь» (Социалистический вестник. 1923, № 19, с. 13).

Относительно партии в «Обращении» 1922 года говорилось: «РКП стала партией организаторской интеллигенции. Пропасть между РКП и рабочим классом все больше углубляется».

Поэтому члены группы заявляли о своем намерении работать над созданием подлинной «партии российского пролетариата», хотя признавали, что «работа предстоит долгая и упорная, и, в первую очередь, идеологическая».

Хотя относительно скромные цели «Рабочей Правды» как будто отражали понимание поражения, которое потерпел класс, и, следовательно, объективных пределов революционной деятельности в подобный период, видение ею ситуации было крайне искажено противоречивыми представлениями о характере переживаемой *исторической* эпохи и стратегических задачах пролетариата в целом. Основываясь, возможно, на идее Богданова

о том, что пока пролетариат не созрел как организаторский класс, социалистическая революция является преждевременной, группа полагала, что перед революцией в России стояла задача положить начало стадии *капиталистического* развития:

«После успешной революции и гражданской войны перед Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма. В этом несомненное и огромное достижение революции в октябре» («Обращение» 1922 г.).

Такое видение перспектив привело «Рабочую Правду» и к отстаиванию странных идей в области международной политики: призыву к сближению России с «прогрессивными» капиталистическими режимами Америки и Германии против «реакционной» Франции. Одновременно группа, кажется, почти или вовсе не имела контактов с левокоммунистическими фракциями за пределами России.

Несомненно, именно подобные воззрения дали основание «Рабочей группе» Мясникова заявить о том, что она «не имеет ничего общего с так называемой «Рабочей Правдой», которая пытается выбросить все, что было коммунистического в революции 1917 года, и, следовательно, является совершенно меньшевистской» (*Workers' Dreadnought*, 31 May 1924.). Хотя в своем Манифесте 1923 года «Рабочая группа» признавала, что такие объединения, как «Рабочая правда», группа «Демократического централизма» и «Рабочая оппозиция», включали в себя немало искренних пролетарских элементов, которых мясниковцы призывали объединиться на основе собственных программных документов.

Во времена русской революции тех, кто говорил о неизбежности движения России по буржуазному пути, отождествляли, как правило, с меньшевиками. Но в свете последующего опыта мы предпочли бы сравнить позиции «Рабочей Правды» с выводами, к которым пришли немецкие и голландские левые в 30-е гг. Как и российская группа, последние удачно проанализировали некоторые аспекты государственного капитализма, но совершили ошибку, заключив, что русская революция изначально была делом интеллигенции, создававшей государственный капитализм в стране, которая не созрела для коммунистических преобразований. Иными словами, позиции «Рабочей Правды» могут быть охарактеризованы как воззрения революционного течения, деморализованного и дезориентированного поражением революции и в силу этого пришедшего

к сомнению в том, что революция эта изначально носила пролетарский характер. В отсутствие четких и последовательных критериев анализа перерождения подобный уклон был неизбежен, особенно в таких тяжелых условиях, с которыми приходилось иметь дело российским революционерам после 1921 года.

Но, несмотря на некоторый пессимизм и склонность к абстрактному теоретизированию, «Рабочая Правда» без колебаний приняла участие в стихийных забастовках, которые охватили Россию летом 1923 года, пытаясь внести в общеклассовое движение политические лозунги. В результате на группу обрушились репрессии, и уже вскоре она была разгромлена органами ГПУ.

2. «Рабочая группа» и Коммунистическая рабочая партия.

Мы видели, что слабость таких групп, как «Рабочая оппозиция» и «Рабочая Правда», была связана с недооценкой ими международных аспектов рабочего и коммунистического движения. Наиболее же интересными и значимыми представляются те течения в российском левом коммунизме, которые подчеркивали *интернациональный* характер революции и необходимость объединения революционеров всего мира.

По своим воззрениям представители этих течений были очень близки немецкой КРПГ и родственным ей организациям.

3 и 17 июня 1923 года газета «Уоркерс' Дредноут» опубликовал заявление организации, которая образовалась незадолго до этого и приняла название «Группа революционно-левых коммунистов (Коммунистическая рабочая партия) России». В заявлении говорилось, что она вышла из «социал-демократической Российской коммунистической партии, погрузившейся в делячество» (WD, 3 June); и хотя члены группы выражали готовность «поддержать все, что еще остается революционного в РКП», а также солидаризировались со «всеми требованиями и предложениями “Рабочей оппозиции”, которые имеют подлинно революционную направленность», они настаивали на том, что «реформировать РКП изнутри невозможно, во всяком случае, “Рабочая оппозиция” на это не способна» (Ibid., 17 June). Группа осуждала попытки большевиков и Коминтерна заключить компромисс с капиталом как в России, так и за рубежом, и, в частности, критиковала коминтерновскую политику «единого фронта», заявляя, что последняя служит орудием «восстановления мировой капиталистиче-

ской экономики» (там же). Оценивая действия большевиков и Коминтерна как переход на оппортунистический путь, способный лишь привести их к интеграции в капитализм, группа полагала, что настало время создавать коммунистическую рабочую партию в России, связанную с КРПГ в Германии, КРП в Голландии и другими секциями Коммунистического Рабочего Интернационала.⁸

Последующая эволюция этой группы в точности не известна, но, по всей видимости, она была тесно связана с «Рабочей группой» Мясникова – можно даже предположить, что «КРП» 1922 года являлась прямой предшественницей РГ. 1 декабря 1923 года «Уоркерс’ Дредноут» сообщил, что его редакция получила манифест «Рабочей группы», посланный российской КРП одновременно с протестом против ареста в России Мясникова, Кузнецова и других активистов. В 1924 году КРПГ опубликовала на немецком языке Манифест и характеризовала «Рабочую группу» как «русскую секцию IV Интернационала». Как бы то ни было, с этого времени выразителем принципов левого коммунизма, аналогичных идеям КРПГ, стала в России группа Г.И. Мясникова.

Гавриил Мясников, рабочий с Урала, получил известность в большевистской партии в 1921 году, когда, сразу же после решающего X съезда, потребовал «свободы печати для всех, от монархистов до анархистов». Несмотря на все усилия Ленина, направленные на то, чтобы отговорить его от агитации по этому вопросу, Мясников не отступил и в начале 1922 года был исключен из партии. В феврале-марте 1923 года он вместе с другими активистами создал «Рабочую группу Российской Коммунистической партии (большевиков)», которая накануне XII съезда РКП издала свой Манифест. Группа начала подпольную работу среди партийных и беспартийных рабочих и, по некоторым данным, активно участвовала в забастовках лета 1923 года, призывая к массовым манифестациям и пытаясь политизировать по существу оборонительное классовое движение. Участие мясниковцев в забастовках внушило ГПУ уверенность, что они представляют собой реальную угрозу; аресты ряда ведущих активистов группы нанесли ей серьезный удар. Но, как мы видели, она продолжала

⁸ Заявление «Коммунистической рабочей партии» вместе с еще одним текстом данной группы, посвященным проблеме «единого фронта», было впоследствии перепечатано в газете «Workers’ Voice» (№ 19).

свою подпольную работу, хотя и в ограниченных масштабах, вплоть до начала 1930-х гг.⁹

Манифест «Рабочей группы» являлся значительным шагом вперед по сравнению с «Обращением» «Рабочей правды», но и в нем нашли все же отражение колебания и неоформленность идей левых коммунистов того времени, особенно проявившиеся в России.

Манифест, как и другие подобные документы, содержит обличение ужасных материальных условий, в которых жили российские рабочие, и неравенства, сопровождавшего нэп, а также высказывает предостережение, как бы «нэп (новая экономическая политика) не превратилась в «нэп» (новую эксплуатацию пролетариата).» Затем осуждается подавление инакомыслия внутри и вне партии и констатируется опасность перерождения партии в «группу господствующих лиц, держащую в своих руках и экономические ресурсы страны, и власть, [которая] грозит превратиться в олигархическую касту». Говорится, что профсоюзы, Советы и заводские комитеты перестали действовать как пролетарские органы, поэтому рабочий класс более не контролирует ни производство, ни политический аппарат режима. Возрождение всех органов классовой самоорганизации, радикальная реформа советской системы с тем, чтобы вернуть пролетариату господство в экономической и политической сферах – таковы задачи, выдвигаемые в Манифесте «Рабочей группы».

Это подводит нас к важнейшей проблеме, с которой сталкивались российские левые в начале 20-х гг. Как следовало им вести себя по отношению к советскому режиму? Сохранял ли этот режим в той или иной степени пролетарский характер, или же революционерам следовало стремиться к его полному разрушению? Трудность состояла в том, что тогда не существовало ни опыта, ни проверенных критериев для того, чтобы определить, стал ли режим однозначно контрреволюционным. Эта неопределенность нашла отражение в двойственном отношении к нему со стороны «Рабочей группы». Осуждая неравенство, вызванное нэпом, и

⁹ Дальнейшая судьба Мясникова сложилась следующим образом: в 1923-1927 гг. он в основном находился в тюрьме или в ссылке из-за своей подпольной работы; в 1927 году бежал из СССР в Персию, затем в Турцию и в 1930 году окончательно обосновался во Франции. Все это время он не оставлял попыток наладить деятельность своей группы в России. В 1946 году по ему лишь ведомым причинам (быть может, он ожидал после войны новую революцию?) Мясников возвратился в Россию, и больше о нем не слышали.

опасность его «бюрократического перерождения», она одновременно являла: «Нэп – есть прямое следствие состояния производительных сил нашей страны. Она должна быть использована для закрепления позиций пролетариата, занятых в октябре».¹⁰ В Манифесте перечисляется ряд предложений, призванных «улучшить» нэп – рабочий контроль, независимость от иностранного капитала и пр. Точно так же, критикуя перерождение партии, «Рабочая группа», как мы видели, предпочла работать среди партийцев и оказывать давление на партийное руководство. Хотя группа задавалась вопросом, не окажется ли российский пролетариат в будущем вынужден «вновь и вновь начинать борьбу, да, может быть, и кровавую, за свержение олигархии», Манифест в целом ориентировал на *возрождение* советского государства и его институтов, а не на их насильственное ниспровержение.

Такая позиция «критической поддержки» нашла выражение и в том, что перед лицом военной угрозы, возникшей в связи с ультиматумом Керзона в 1923 году, члены «Рабочей группы» заявили о намерении сопротивляться «всем попыткам свергнуть советскую власть».

Вопрос о том, «правильной» ли была защита российского режима в 1923 году, на самом деле не столь важен. Позиции, занятые в то время «Рабочей группой», определенно не являлись контрреволюционными, поскольку классовый опыт тогда еще не разрешил окончательно русский вопрос. Нечеткость представлений мясниковцев о характере российского режима свидетельствовала прежде всего о том, какую громадную сложность представлял этот вопрос для революционеров в те годы замешательства и разброда.

Но важнейшей отличительной чертой «Рабочей группы» был не ее анализ российского режима, а четкая интернациональная ориентация. Показательно, что Манифест 1923 года начинается с впечатляющего описания мирового кризиса капитализма и альтернативы, перед которой стоит все человечество: социализм или варварство. Пытаясь объяснить запоздание рабочего класса с выработкой революционного осознания этого кри-

¹⁰ КРПГ опубликовала манифест Рабочей группы, сопроводив его критическими замечаниями. В частности, немецкие левые не соглашались с данным в нем анализом нэпа. По их мнению, в 1923 году Россия представляла собой страну преимущественно крестьянского капитализма страной, отражением чего и являлся нэп. Соответственно, КРПГ выступала «не за постепенное преодоление нэпа, а за его насильственное уничтожение».

зиса, Манифест ярко разоблачает повсеместную контрреволюционную роль социал-демократии:

«Социалисты всех стран в данный момент – единственные спасители буржуазии от пролетарской революции, потому что многочисленные массы рабочего класса привыкли с недоверием относиться к тому, что исходит непосредственно от их угнетателей, а если то же самое преподносится рабочему классу как защита его интересов, да еще с набором социалистических фраз, то рабочий, отуманенный этими фразами, верит и растрчивает свои силы на бесполезную борьбу. Лучших адвокатов буржуазия не имела и не будет иметь».

Понимание этого позволило «Рабочей группе» подвергнуть резкой критике коминтерновскую тактику «единого фронта» и «рабочего правительства» как способы привязать пролетариат к его классовому врагу. Хотя и не вполне осознавая контрреволюционную роль профсоюзов, группа разделяла точку зрения КРПГ о том, что в новый период упадка капитализма от всей прежней реформистской тактики необходимо отказаться:

«Время, когда рабочий класс мог улучшать свое материальное и правовое положение путем забастовок и парламентских выступлений, безвозвратно миновало. Надо открыто об этом сказать. Борьба за ближайшие цели – есть борьба за власть. В своей пропаганде надо выявить, что, хотя мы и призывали в различных случаях к забастовкам, но они реально улучшить положение ваше (рабочих) не могут, но вы, рабочие, еще не преодолели старые реформистские иллюзии и ведете борьбу, которая истощит только и главным образом вас. [...] Мы пойдем за вами и в забастовке, [...] но знайте, что это не избавит вас от гнета, рабства и нужды беспросветной, а путь к этому миру счастья – это завоевание власти вами, мозолистые руки».

Таким образом, роль партии, по мнению мясниковцев, состояла в том, чтобы повсюду готовить массы к гражданской войне с буржуазией.

Видение «Рабочей группой» новой исторической эпохи обнаруживает значительное сходство с представлением КРПГ о «смертельном кризисе капитализма», разделяя все сильные и слабые стороны данной концепции. Обе организации полагали, что, поскольку капитализм вступил в стадию своего финального кризиса, условия для пролетарской революции налицо в любой момент. Задача партии – послужить детонатором классового революционного взрыва. В Манифесте ни словом не упоминается *спад* ми-

ровой революции, который имел место в то время и требовал тщательного анализа новых перспектив революционного движения. Для «Рабочей группы» в 1923 году мировая революция стояла на повестке дня точно так же, как в 1917-м.

Вот почему группа разделяла иллюзии КРПГ о возможности построения IV Интернационала в 1922 году, и даже позднее, в 1928-1931 гг., Мясников все еще пытался создавать Коммунистическую рабочую партию в России.¹¹ Очевидно, лишь итальянские левые оказались способны по-настоящему понять роль коммунистических *фракций* в период спада, когда деятельность партии уже невозможна. По мнению же КРПГ, группы «Уоркерс' Дредноут», Мясникова и других, партии могли создаваться и существовать когда угодно. Неизбежным следствием подобного близорукого видения являлась непреодолимая тенденция к политической дезинтеграции: немецкие левые коммунисты, как и близкие к ним русские и английские, оказались практически не способны обеспечить свое политическое существование в период контрреволюции, и причиной тому были не только репрессии.

¹¹ В 1929 году в «Уврие коммюнист» был помещен отчет Мясникова о состоявшемся в августе 1928 года собрании, в котором приняли участие представители «Рабочей группы», «Группы 15-ти» Сапронова и остатков «Рабочей оппозиции». Достигнув согласия по ряду программных моментов, участники собрания решили создать Центральное бюро Коммунистических рабочих партий СССР».

Решение создать Коммунистические рабочие партии в СССР могло служить проявлением заботы об обеспечении автономии каждой советской республики и коммунистических партий в них. Эта идея, выраженная уже в Манифесте 1923 года, свидетельствовала о присущих воззрениям «Рабочей группы» «децентрализаторских» тенденциях, которые КРПГ критиковала в своих замечаниях к Манифесту.

О бывшем децисте Сапронове и его группе, Мясников писал следующее: «Товарищ Сапронов создан не из того материала, что вожди оппозиции знаменитостей. Объятия и похвалы Ленина не задушили его и не лишили пролетарского критического ума. В 1926-1927 гг. он вновь выступил как лидер «группы 15-ти». Платформа «группы 15-ти» не имела никакой связи, ни идейной, ни теоретической, с платформой демократического централизма. Это была новая платформа, новая группа, и единственное, что ее связывало с группой демократического централизма, это тот факт, что ее главным представителем являлся Сапронов. «Группа 15-ти» обязана своим названием тому, что ее платформу подписали 15 товарищей. В своих основных положениях, оценке характера государства в СССР, идеях о рабочем государстве программа 15-ти очень близка идеологии «Рабочей группы».

Конкретные предложения «Рабочей группы» относительно объединения революционеров в международном масштабе свидетельствовали о здоровой озабоченности достижением максимального единства революционных сил, но в них нашла отражение уже отмеченная нами неопределенность отношения левых коммунистов в перерождавшемся «официальным» структурам коммунистического движения. Так, категорически отвергая единый фронт с социал-демократами, Манифест «Рабочей группы» призывает к образованию своеобразного единого фронта всех подлинно революционных сил, в число которых он включает, наряду с рабочими коммунистическими партиями, партии III Интернационала. Есть сведения, что «Рабочая группа» вела также переговоры с представителями левого крыла Коммунистической партии Германии (группой Маслова) с целью привлечь их в свое «зарубежное бюро», попытки создания которого так и не увенчались успехом. В комментариях к Манифесту КРПГ решительно критиковала то, что называла «иллюзиями “Рабочей группы”» относительно возможности «революционизировать III Интернационал...», который больше не является орудием борьбы рабочего класса. Вот почему коммунистические рабочие партии образовали Коммунистический Рабочий Интернационал». Однако вопросу о природе советского режима и Коминтерна, стоявшему перед «Рабочей группой», предстояло разрешиться в свете конкретного опыта; победа сталинизма в России побудила ее выбрать более непримиримую линию поведения в отношении бюрократии и ее государства, в то время как быстрый распад Коминтерна после 1923 года с неизбежностью привел к тому, что международными «партнерами» «Рабочей группы» стали впоследствии подлинные левые коммунисты разных стран.

Именно эти «международные связи» с оставшимися активистами периода революционного подъема позволили таким революционерам, как Мясников, достичь относительно высокого уровня ясности в понимании ключевых проблем в то время, как рабочее движение погрузилось в пучину разложения и лжи.

3. Непримиримые левые оппозиционеры.

Мы не можем подробно рассмотреть здесь всю историю «левой» («троцкистской») оппозиции в Коммунистической партии. Хотя путаная защита ею внутрипартийной демократии, китайской революции и интер-

национализма, а также неприятие сталинской теории «социализма в одной стране» свидетельствуют о том, что она была *пролетарским* течением, последней реальной искрой сопротивления в большевистской партии и Коминтерне, *недостаточность* критики ею наступавшей контрреволюции не позволяет считать данную оппозицию в целом составной частью революционной традиции левого коммунизма.

В международном плане ее отказ поставить под сомнение решения первых четырех конгрессов Коминтерна обрек ее на жалкое воспроизведение всех коминтерновских ошибок. В самой России оппозиция не смогла окончательно порвать с партийно-государственным аппаратом и тем самым решительно стать на путь пролетарской борьбы с режимом, которую вели подлинные левокоммунистические фракции. Хотя враги пытались обвинить Троцкого в связи с такими нелегальными группами, как «Рабочая правда», он однозначно отмежевался от них. «Рабочую Правду» он именовал «Рабочей неправдой» и принял личное участие в подавлении «ультралевых», войдя, например, в комиссию, которая расследовала деятельность «Рабочей оппозиции» в 1922 году. Единственное, что Троцкий признавал, - это то, что появление подобных групп являлось симптомом подлинного перерождения советского режима.

Однако «левую оппозицию» в первые годы ее существования нельзя отождествлять исключительно с Троцким. Многие, подписавшие «Платформу 46», были в прошлом «левыми коммунистами» и «демократическими централистами» – например, Осинский, Смирнов, Пятаков и другие. Мясников писал:

«В троцкистской оппозиции состоят не только великие люди, в ней также много рабочих. И последние не захотят следовать за вождями; после некоторых колебаний они вольются в ряды “Рабочей группы”» (L’Ouvrier Communiste, № 6, janvier 1930).

Именно потому, что «левая оппозиция» являлась пролетарским течением, в ней естественным образом возникло левое крыло, которое пошло гораздо дальше робкой критики сталинского режима Троцким и его «ортодоксальными» последователями. К концу 20-х гг. в оппозиции возникло течение «непримиримых», в основном состоявшее из молодых рабочих, которое отвергало стремление «умеренных» троцкистов к достижению соглашения со сталинской фракцией – тенденцию, усилившуюся после 1928 года, когда Сталин, казалось, начал быстро осуществлять троцкист-

скую программу индустриализации. Исаак Дойчер писал о «непримиримых»:

«В этих кругах уже стало аксиомой, что Советский Союз – больше не рабочее государство, что партия предала революцию, и надежда на реформу напрасна. Оппозиции нужно создать новую партию, проповедовать и готовить новую революцию. Некоторые пока рассматривали Сталина как сторонника аграрного капитализма и даже как руководителя «кулацкой демократии», в то время как для других его правление символизировало возвышение государственного капитализма, непримиримо враждебного социализму» (Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991, с. 137).

В своей книге «В стране великой лжи» Анте Цилига рассказал о происходивших на его глазах дискуссиях среди левых оппозиционеров в политизоляторах. По его свидетельству, что одни участники этих дискуссий склонялись к капитуляции перед сталинской системой, другие полагали, что ее еще можно реформировать, третьи выступали за «политическую революцию» и свержение бюрократии (к этой позиции впоследствии присоединился Троцкий). Но непримиримые или «отрицатели», как называет их Цилига, который сам к ним принадлежал, «считали, что не только политический, но также экономический и социальный строй в СССР чужды и враждебны пролетариату. Поэтому мы предвидели не только политическую, но и социальную революцию, которая должна открыть путь к развитию социализма. По нашему мнению, бюрократия являлась самым настоящим классом – классом, враждебным пролетариату».

В январе 1930 года Мясников писал в «Уврие коммунист» о «левой оппозиции»:

«Есть лишь две возможности: либо троцкисты объединятся под лозунгом «мир хижинам, война дворцам» и под стягом рабочей революции (первый шаг, который пролетариат должен сделать, чтобы стать господствующим классом), либо они медленно угаснут и индивидуально и коллективно перейдут в лагерь буржуазии. Такова альтернатива, и третьего пути нет».

События 1930-х гг., когда троцкисты окончательно перешли в лагерь капитала, подтвердили пророчество Мясникова. Однако лучшие представители «левой оппозиции» оказались способны пойти по другому пути, пути революции. Разочарованные отказом Троцкого признать их правоту, они в 1930-1932 гг. порвали с троцкистским течением и начали сотруд-

ничать в тюрьмах с представителями «Рабочей группы» и «децистами», разрабатывая свое понимание краха мировой революции и анализ государственного капитализма. Как подчеркивает Цилига в своей книге, они больше не боялись подойти к самой сути вопроса и признать тот факт, что перерождение революции началось не со Сталина, а получило импульс еще при Ленине и Троцком. Как говорил Маркс, быть радикалом – значит понять вещь в ее корне. Что большего могли сделать левые коммунисты в черные годы реакции, как не добраться бесстрашно до истоков поражения пролетариата?

Некоторые могут увидеть в тюремных дискуссиях левых коммунистов лишь символ бессилия революционных идей перед капиталистическим левиафаном. Но хотя их их судьба отразила тяжелейшее поражение пролетариата, один тот факт, что они продолжали осмысливать уроки революции в столь неблагоприятных обстоятельствах, свидетельствует о том, что временная победа контрреволюции никогда не в состоянии положить конец выполнению исторической миссии пролетариата – даже если торжество реакции затягивается на десятилетия. Когда был арестован Сапронов, Мясников так откликнулся на это событие:

«Теперь Сапронов арестован. Даже ссылка и невозможность быть услышанным не лишили его энергии, и бюрократия не могла себя чувствовать в безопасности, пока он не оказался за прочными тюремными стенами. Но могучий дух Октябрьской революции не заточить в тюрьмы; даже могила над ним не властна. Принципы революции живы в рабочем классе России, и пока будет жить рабочий класс, идея эта не сможет умереть. Вы можете арестовать Сапронова, но не идею революции» (L'Ouvrier Communiste, 1929).

Действительно, сталинская бюрократия давно уничтожила последние остатки коммунистических меньшинств в России. Но сегодня, когда новый подъем пролетарской борьбы находит глухой отзвук даже в российском пролетариате, «могучий дух» второго Октября все больше тревожит сталинистских жандармов в Москве и их последышей в Варшаве, Праге и Пекине. Когда рабочие «родины социализма» восстанут, чтобы раз и навсегда разрушить колоссальную темницу сталинистского государства, они, вместе со своими братьями по классу во всем мире, окажутся наконец способны разрешить проблемы, поставленные революцией 1917 года

и ее самыми преданными защитниками – российскими левокоммунистическими революционерами.

«Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного. В этот последний период, когда мы находимся накануне решающих последних боев во всем мире, важнейшая проблема социализма, самый жгучий вопрос времени – не та или иная деталь тактики, а способность пролетариата к действию, революционная активность масс, вообще воля к установлению власти социализма. В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттенем: “Я отважился!”

Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В *этом* смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди мирового пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И *в этом смысле* будущее повсюду принадлежит “большевизму”» (Люксембург Р. Рукопись о русской революции// О социализме и русской революции. М., 1991. С. 332-333.).

К.Д. Уорд

1918: революция критикует свои ошибки

(International Review, № 99, 2000)

Рабочий класс до сих пор переживает тяжелые последствия поражения русской революции. Главным образом, потому, что это поражение означало неудачу мировой революции, первой попытки международного пролетариата свергнуть господство капитализма. Как следствие, человечеству предстояло пережить самый трагичный век в своей истории. Но также и потому, что поражение это приняло форму сталинистской контрреволюции, которая рядилась в революционные одежды, прикрываясь наследием Ленина и большевизма. В результате мировой буржуазии удалось утвердить чудовищную ложь о тождественности сталинизма и коммунизма. Десятилетиями эта ложь запутывала рабочий класс и вносила в него деморализацию, в особенности же ее разлагающее воздействие проявилось после окончательного краха сталинистских режимов в конце 1980-х гг.

Сегодня ее разоблачение остается для коммунистических организаций одной из важнейших задач. Наша позиция в этом вопросе предельно ясна и составляет прочную основу нашей деятельности:

«Этатистские режимы, которые возникли в СССР, Восточной Европе, Китае, Кубе и других странах и именовались «социалистическими» или «коммунистическими», представляли собой лишь крайнее проявление всеобщей тенденции к развитию государственного капитализма, являющейся одной из главных характеристик периода упадка» (из «Политических позиций ИКТ», публикуемых во всех наших изданиях)

Однако обрести подобный дар ясности было вовсе не легко. Для окончательного разрешения «русского вопроса» понадобилось, по крайней мере, два десятилетия размышлений, анализа и полемики. А еще раньше, в период, когда революция в России еще жила, но уже появились первые признаки ее перерождения, перед революционерами встала задача, заключающаяся в том, чтобы, защищая революцию от врагов, в то же время подвергнуть критике ее ошибки, предупредить о грозящих ей опасностях – задача, которая в определенном смысле может быть признана даже более трудной.

В ряде следующих статей в рамках данной серии мы намереваемся рассмотреть ключевые моменты этой долгой и тяжелой борьбы за ясность в «русском вопросе». И хотя мы не претендуем на то, чтобы дать полное изложение истории этой борьбы, не уделить ей должного внимания было бы непростительным упущением – ведь заявленная цель настоящей серии заключается в том, чтобы проследить, как пролетарское движение шаг за шагом вырабатывало четкое понимание целей и методов коммунистической революции. Очевидно, что понимание того, почему и как потерпела поражение русская революция, необходимо для определения путей развития революции будущего.

Роза Люксембург и русская революция

Марксизм – это прежде всего критический метод, так как принадлежит классу, который только через беспощадную критику всех существующих условий может освободиться от оков. Революционная организация, не способная критиковать собственные заблуждения, учиться на собственных ошибках, неизбежно попадает под консервативные и реакционные влияния господствующей идеологии. Особенно это относится к революционным периодам, ибо революция, по определению, открывает неизведанную территорию, располагая при этом лишь общими принципами в качестве компаса для определения верного пути. После победы революции как никогда прежде насущной становится потребность в революционной партии, способной наилучшим образом пользоваться этим компасом, опираясь на исторический опыт рабочего класса и научный подход марксизма. Но если партия предает забвению критическую сущность марксистского подхода, она перестает помнить уроки истории и одновременно теряет способность учиться в ходе непредсказуемых событий революционного процесса. Как мы увидим далее, одним из следствий того, что большевистская партия стала отождествлять себя с Советским государством, явилась утрата ею способности к самокритике и критической оценке хода революции. Но пока она оставалась пролетарской партией, в ее рядах постоянно действовали меньшинства, которые брали на себя выполнение критической функции революционной организации. Героическая борьба этих большевистских групп будет в центре внимания следующих нескольких статей. Но начнем мы с исследования вклада ре-

волюционера, не состоявшего в большевистской партии – Розы Люксембург. В 1918 году, в тяжелейших условиях, она написала «Рукопись о русской революции», дающую нам наилучший метод критического подхода к анализу революции. Этот метод неразрывно соединяет в себе острейшую критику, с одной стороны, и непоколебимую солидарность и защиту революции от нападков правящего класса, с другой.

«Рукопись о русской революции» была написана в тюрьме перед самым началом революции в Германии. В условиях продолжающейся империалистической бойни очень трудно было получать достоверную информацию о событиях в России – не только вследствие затрудненности коммуникаций, нарушенных войной (не говоря уже о том, что Люксембург находилась в заключении), но и потому, что с самого начала буржуазия делала все возможное для того, чтобы скрыть правду о русской революции за завесой клеветы и небылиц о реках крови. «Рукопись о русской революции» не была опубликована при жизни Люксембург; от имени Союза Спартака Пауль Леви посетил Розу в тюрьме, чтобы убедить ее в том, что в условиях развернутой буржуазией злобной кампании против русской революции публикация рукописи может сыграть на руку врагам. Люксембург согласилась с этим доводом и послала текст рукописи Леви, сопроводив его следующей запиской: «Я пишу это только для тебя, и если я смогу убедить тебя, то мои усилия не были напрасными» (Rosa Luxemburg Speaks, Pathfinder Press, p 366). Только в 1922 г. Леви, движимый далеко не революционными мотивами, опубликовал «Рукопись» Люксембург (описание эволюции Леви, приведшей его к разрыву с коммунизмом, см. в статье о Мартовской акции в Германии в: *International Review*, №.93).

И все же критический метод, примененный в «Рукописи», был абсолютно верным. С самого начала Люксембург твердо защищает Октябрьскую революцию, выступая против каутскианско-меньшевистской теории, согласно которой революции в отсталой России следовало ограничиться «демократической» стадией. Люксембург показывает, что только большевики сумели обнажить реальную альтернативу: буржуазная контрреволюция или пролетарская диктатура. Она отвергает также социал-демократическую идею о том, что завоевание формального большинства является необходимым условием осуществления революционных мероприятий. Этой мертвящей парламентской логике она противопостав-

ляет революционную решительность и смелость большевистского авангарда:

«Как истинные воспитанники парламентского кретинизма, они [германские социал-демократы – Ред.] просто переносят на революцию доморощенную премудрость из парламентской детской: чтобы что-то осуществить, нужно иметь большинство. Значит, и в революции сперва мы завербуем «большинство». Истинная же диалектика революции ставит на голову эту парламентскую премудрость кротов – путь лежит не через большинство к революционной тактике, а через революционную тактику к большинству. Лишь партия, умеющая руководить, т.е. вести вперед, завоевывает приверженцев в ходе штурма. Решительность, с которой Ленин и его товарищи в решающий момент выдвинули единственный способный увлечь вперед лозунг «Вся власть в руки пролетариата и крестьянства», почти мгновенно превратила их из преследуемого, травимого, «нелегального» меньшинства, вожди которого, подобно Марату, вынуждены были скрываться в подвалах, в абсолютных хозяев положения» (Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991, с.313).

Как и большевики, Люксембург совершенно отчетливо сознавала, что смелая тактика восстания, примененная большевистским авангардом, оправдана только в качестве первого шага к мировой пролетарской революции. В этом и заключается пафос знаменитой концовки ее «Рукописи»: «...Им [большевикам – Ред.] принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И в этом смысле будущее повсюду принадлежит «большевизму» (там же, с. 333).

Решение этой исторической задачи Люксембург мыслила очень конкретно: германский пролетариат должен выполнить свой долг и прийти на помощь пролетарскому бастиону в России, совершив свою собственную революцию. Действительно, в тот момент, когда она писала свою «Рукопись», в Германии разворачивались революционные процессы. Правда, в той же работе есть и указание на относительную политиче-

скую незрелость немецкого рабочего класса – оценка, способствующая пониманию последующей трагической судьбы германской революции. Таким образом, Люксембург стояла на позициях, дававших ей право критиковать то, в чем она видела главные ошибки большевиков: она оценивала их не как отвлеченный «наблюдатель», а как товарищ-революционер, сознающий, что главная и непосредственная причина этих ошибок кроется в тех громадных трудностях, которые вызваны изоляцией Советской России. Именно эти трудности требовали от настоящих друзей русской революции подходить к ней не с «некритичной апологетикой» или «революционным «Ура», а с «обстоятельной, вдумчивой критикой»:

«Было бы поистине безрассудным представление, будто при первом всемирно-историческом эксперименте с диктатурой рабочего класса решительно все, что сделано и не сделано в России, могло стать вершиной совершенства. Ведь эксперимент с рабочей диктатурой осуществлялся в немыслимо трудных, аномальных условиях: посреди мирового пожара и хаоса империалистической бойни народов, в железной петле самой реакционной военной державы Европы, при полном бездействии мирового пролетариата» (там же, с.308).

В своей критике большевиков Люксембург фокусирует внимание на трех проблемах:

Аграрный вопрос;

Национальный вопрос;

Демократия и диктатура.

1. Большевики завоевали поддержку крестьян, призвав их захватывать помещичьи земли. Люксембург признает, что это была «превосходная тактика». Однако далее она замечает:

«Но у нее, к сожалению, были две стороны, и оборотная заключалась в том, что непосредственный захват земли крестьянами не имел ничего общего с социалистическим ведением хозяйства... Это мера не только не социалистическая, но она отрезает путь к преобразованию аграрных отношений в социалистическом духе, нагромождает перед ними неодолимые препятствия» (там же, с.314-315).

Как указывает Люксембург, осуществление социалистической политики в экономической сфере требует в первую очередь коллективизации крупной земельной собственности. В полной мере отдавая себе отчет о тех трудностях, с которыми сталкиваются большевики, она не упрекает

их за отказ немедленно приступить к такой коллективизации. Тем не менее, она отмечает, что большевики создают себе проблемы на будущее, способствуя своим призывом делить землю на бесчисленные небольшие участки образованию слоя мелких собственников, которые впоследствии будут сопротивляться любым мерам, направленным на обобществление экономики. Дальнейший опыт подтвердил правоту Люксембург: поддержав большевиков против старого режима, «самостоятельные» крестьяне стали позднее фактором возрастающего консервативного давления на пролетарскую власть. Люксембург оказалась права и в том, что при разделе земли могут выиграть более богатые крестьяне за счет бедняков. Однако необходимо отметить, что сама по себе коллективизация земли, равно как и обобществление промышленности, не могла стать гарантией успешного движения к социализму; такая гарантия была бы обеспечена лишь победой мировой революции, которая разрешила бы и проблемы, связанные с парцеллизацией земли в России.

2. Наиболее резкие критические замечания Люксембург касается вопроса о «национальном самоопределении». С одной стороны, она признает, что защита большевиками лозунга о «праве наций на самоопределение» вытекает из обоснованного стремления бороться со всеми формами национального угнетения и желания привлечь на сторону революции народные массы национальных окраин царской империи, находившихся под игом великорусского шовинизма. С другой стороны, Роза показывает, что означает это «право» на практике: «новые» национальные образования, решившие отделиться от Российской Советской республики, одно за другим вступили в союз с империализмом против власти пролетариата:

«В то время как Ленин и его товарищи, очевидно, ожидали, что они как защитники национальной свободы «вплоть до государственного отделения» сделают Финляндию, Украину, Польшу, Литву, Балтийские страны, кавказцев и т.д. верными союзниками русской революции, мы наблюдали обратную картину: одна за другой эти «нации» использовали только что дарованную им свободу для того, чтобы в качестве смертельного врага русской революции вступить в союз с германским империализмом и под его защитой понести знамя контрреволюции в самую Россию» (там же, с.318).

Далее Люксембург поясняет, что иначе и быть не может, поскольку в капиталистическом классовом обществе не существует абстрактных

«наций», отделенных от буржуазии с ее интересами, а национальная буржуазия гораздо охотнее подчинится господству империалистов, чем заключит союз с революционным рабочим классом:

«Конечно, во всех этих случаях такую реакционную политику в действительности проводили не “нации”, а лишь буржуазные и мелкобуржуазные классы, которые в острейшем противоречии с собственными пролетарскими массами превращают “право на национальное самоопределение” в инструмент своей контрреволюционной классовой политики. Но – и тут мы подходим к самой сущности вопроса – именно в этом заключается утопический мелкобуржуазный характер этой националистической фразы, что она в суровой действительности классового общества, особенно во время предельно обострившихся противоречий, превращается просто в средство буржуазного классового господства. Большевики получили, нанеся огромный ущерб себе самим и революции, урок, что при господстве капитализма не может быть самоопределения “нации”, что в классовом обществе каждый класс нации стремится «самоопределиться» по-своему, что для буржуазных классов интересы национальной свободы отодвигаются полностью на задний план интересами классового господства. Финская буржуазия и украинская мелкая буржуазия были целиком единодушны, предпочитая германский деспотизм национальной свободе, если последняя связана с опасностью большевизма» (там же, с.319).

Более того, заблуждения большевиков в этом вопросе (хотя не следует забывать о том, что в большевистской партии были и такие, в частности Пятаков, кто полностью разделял точку зрения Люксембург) отзывались неблагоприятными последствиями на международной арене, поскольку лозунг «национального самоопределения» был взят на вооружение также Вудро Вильсоном и всеми прочими акулами империализма, которые использовали этот лозунг друг против друга в борьбе за территории. Вся история двадцатого века наглядно демонстрирует, с какой легкостью «права» наций становятся прикрытием империалистических устремлений великих держав и подражающих им более мелких государств.

Люксембург вовсе не игнорировала проблему национальных чувств; она исключала возможность насильственного «присоединения» пролетарским государством территорий других стран. Однако для нее было ясно, что любые уступки националистическим иллюзиям трудящих-

ся этих стран способны лишь еще крепче привязать их к местным эксплуататорам. Пролетариат, завоевавший власть в какой-либо стране, может привлечь на свою сторону зарубежные народные массы только проведением курса на «самое тесное сплочение революционных сил», осуществлением «чисто интернациональной классовой политики», нацеленной на отрыв рабочих от местной буржуазии.

3. Что касается вопроса о демократии и диктатуре, позиция Люксембург глубоко противоречива. С одной стороны, она явно смешивает две разные вещи: демократию вообще и рабочую демократию, т.е. демократические формы, используемые в рамках и в интересах пролетарской диктатуры. Это наглядно демонстрирует решительная защита ею Учредительного собрания, распущенного Советской властью в 1918 г. в полном согласии с тем фактом, что само появление последней сделало старые буржуазно-демократические формы излишними. Однако Люксембург почему-то видит в роспуске Учредительного собрания угрозу для революции. Продолжая в том же духе, автор высказывает сомнения в том, что в целях исключения правящего класса из политической жизни «избирательное право» следует предоставлять не по месту жительства индивидуального гражданина, а по принципу принадлежности к трудовым коллективам (хотя в данном случае Люксембург была озабочена также тем, что в соответствии с этим принципом политического участия могут быть лишены безработные – перспективой, которая, конечно, не входила в намерения большевиков). Такого рода внеклассовые демократические предубеждения резко контрастируют с ее собственным тезисом о том, что «национальное самоопределение» не выражает ничего иного, как «самоопределение» буржуазии. А ведь это положение применимо также и к парламентским институтам, которые, несмотря на свою кажущуюся демократичность, выражают не «народные» интересы, а интересы капиталистического правящего класса.

Взгляды Люксембург на проблему демократии, представленные в рассматриваемом тексте, полностью расходятся с программой Союза Спартака, сформулированной вскоре после написания «Рукописи о русской революции»: эта программа включала требование роспуска всех муниципальных и национальных органов парламентского типа и их замены советами рабочих и солдатских депутатов. Мы можем только предположить, что позиция Люксембург по данному вопросу претерпела стреми-

тельные изменения под влиянием обстоятельств ожесточенной революционной борьбы, когда лозунг Учредительного собрания стал боевым кличем контрреволюции в Германии.

Однако вышесказанное не означает, что критика Люксембург большевистского подхода к вопросу о рабочей демократии полностью ошибочна. Она отлично понимала, что в крайне тяжелой ситуации осажденной крепости, в которой оказалась Советская Россия, существует реальная опасность того, что политическая самостоятельность рабочего класса будет принесена в жертву борьбе с контрреволюцией. Учитывая это, она проявляла озабоченность любыми признаками нарушения норм рабочей демократии, и в этом заключается правота ее позиции. Придя к власти, большевики постепенно - и все быстрее после начала Красного террора - шли к установлению партийной монополии, которая отрицательным образом сказалась как на них самих, так и на политической жизни пролетариата в целом. Таким образом, Люксембург была права, защищая необходимость максимально свободных и широких дискуссий внутри пролетарского лагеря и выступая против насильственного подавления любых пролетарских политических тенденций. Люксембург отнюдь не была противницей концепции диктатуры пролетариата. Но в то же время она подчеркивала:

«Эта диктатура заключается в способе применения демократии, а не в ее упразднении, в энергичных, решительных вторжениях в благоприобретенные права и экономические отношения буржуазного общества, без чего невозможно осуществить социалистический переворот. Но эта диктатура должна быть делом класса, а не небольшого руководящего меньшинства от имени класса, т.е. она должна на каждом шагу исходить из активного участия масс, находиться под их непосредственным влиянием, подчиняться контролю всей общественности, опираться на растущую политическую сознательность народных масс» (там же, с.331).

С поразительной проницательностью Люксембург разглядела опасность выхолащивания политического содержания Советов по мере концентрации власти в руках партии: в течение последующих трех лет именно это и происходило под воздействием тяжелых обстоятельств гражданской войны, являясь одной из главных трагедий революции. Независимо от того, были верны отдельные критические замечания Люксембург по проблеме демократии или нет, ценным для нас является сам

подход, в рамках которого она критиковала большевиков. Этот подход дает нам принципы анализа русской революции и ее поражения. Его суть заключается в бескомпромиссной защите пролетарского характера Октябрьской революции и, соответственно, критике ее слабостей и последующего перерождения как проблемы пролетариата и для пролетариата. К сожалению, имя Розы Люксембург очень часто используется для дискредитации Октябрьской революции. Это относится не только и даже не столько к тем группам «коммунистов советов», которые заявляют о своем происхождении от германских левых, потеряв при этом чувство настоящих традиций рабочего класса, сколько к тем буржуазным силам, которые под лозунгами «демократического социализма», противопоставляют Люксембург Ленину и большевизму. Настоящими профессионалами в этом деле стали политические наследники тех самых сил, которые, спасая буржуазию, организовали в 1919 г. убийство Розы Люксембург: социал-демократы, в особенности левые. Что касается нас, то в своем анализе ошибок большевиков и перерождения русской революции мы стремимся сохранять верность истинному содержанию ее метода.

Первые дискуссии о государственном капитализме

Почти одновременно с написанием Люксембург «Рукописи о русской революции» среди большевиков возникли первые разногласия по поводу путей дальнейшего развития революции. Эти разногласия – возникшие первоначально в связи с подписанием Брест-Литовского договора, но затем затронувшие вопросы форм и методов пролетарской власти – вылились в открытую и свободную внутривнутрипартийную дискуссию. Несмотря на острейшую полемику, не возникало и мысли о том, чтобы подавить мнение меньшинства. Одно время казалось даже, что позиция «меньшинства» относительно Брест-Литовского мира может завоевать большинство в партии. В этот период группировки, защищавшие различные позиции, являлись скорее тенденциями, нежели четко очерченными фракциями, боровшимися против перерождения революции. Другими словами, это были временные коалиции большевиков, возникавшие для отстаивания общих позиций по тем или иным вопросам внутри партии, которая, несмотря на растущее сращивание с государством, все еще оставалась живым авангардом класса.

Тем не менее, существует мнение, что подписание Брест-Литовского договора явилось началом конца или даже концом большевиков как пролетарской партии, обозначив их фактический отказ от курса на мировую революцию (См.: Sabatier G. Brest-Litovsk, coup d'arrêt à la revolution. P.). Со своей стороны, наиболее яростные противники договора, левые коммунисты, – группа, сформировавшаяся вокруг Бухарина, Пятакова, Осинского и других – были склонны рассматривать подписание Советской властью этого крайне невыгодного «мирного» договора с хищным германским империализмом, вместо ведения «революционной войны» против него, как отступление от основополагающих принципов. Их взгляды сближались с позицией Розы Люксембург, хотя она опасалась в первую очередь того, что подписание договора может затормозить развитие революции в Германии и на Западе.

Как бы то ни было, простое сравнение Брест-Литовского договора 1918 г. с Рапалльским договором, подписанным четырьмя годами позже, обнаруживает радикальные перемены в ориентациях Советского государства: если в первом случае имело место сознательное временное отступление под давлением крайне неблагоприятных обстоятельств, то во втором мы видим настоящую торговлю принципами, проложившую путь к вступлению Советской России в мировой клуб капиталистических государств. В первом случае вопрос о заключении мира с Германией был предметом широкой дискуссии в партии и Советах; никто не пытался скрыть настоящее содержание договора, те грабительские условия, которые навязывали германские империалисты; общие рамки той дискуссии были заданы интересами мировой революции, а не «национальными интересами» России. Рапалльский договор, напротив, был тайным, и его условия включали даже поставку Советской Россией оружия для германской армии, т.е. того самого оружия, которое в 1923 г. будет использовано против немецких рабочих в целях защиты капитализма.

Полемика о Брестском мире была в основном сфокусирована на стратегических вопросах: располагает ли Советская власть, установившаяся в стране, к тому времени уже основательно истощенной четырехлетней империалистической бойней, экономическими и военными ресурсами для того, чтобы немедленно начать «революционную войну» (пусть даже войну партизанскую, за которую, по-видимому, ратовали Бухарин и другие левые коммунисты) против Германии? И второе: не отсрочит ли за-

ключение мира революцию в Германии вследствие того, что мирный договор с империалистами будет воспринят мировым пролетариатом как капитуляцию, а германский империализм укрепит свои позиции, получив доступ к жизненно важным ресурсам на Востоке? Нам, как и группе «Билан» в 1930-х гг., представляется, что по обоим пунктам прав был Ленин: Советская власть нуждалась в передышке для перегруппировки сил – но не ради развития своей «национальной» государственности, а потому, что это позволило бы принести делу мировой революции гораздо больше пользы, чем героическое поражение в «революционной войне» (вспомним о решающей роли Советской России в основании Третьего Интернационала в 1919 г.)

Более того, есть основания утверждать, что подписание Брест-Литовского договора несколько не отсрочило революционный взрыв в Германии, а даже ускорило: освободившись от Восточного фронта, германский империализм предпринял новое наступление на Западе, что в свою очередь вызвало бунты в армии и на флоте, с которых и началась германская революция в ноябре 1918 г.

Если можно вывести какие-то принципиальные уроки из ситуации вокруг Брест-Литовска, то это хорошо сделала группа «Билан»:

«Взгляды руководимой Бухариным фракции, согласно которым функция пролетарского государства состоит в том, чтобы освободить рабочих других стран посредством «революционной войны», противоречат самой сути пролетарской революции и исторической миссии пролетариата».

В отличие от буржуазной революции, которую, действительно, можно экспортировать путем военной экспансии, пролетарская революция основана на сознательной борьбе пролетариата каждой страны против собственной буржуазии: «Победа пролетарского государства над капиталистическим государством (в территориальном смысле) ни в коем случае не означает победу мировой революции» (*Parti-Etat-Internationale: L'Etat proletarian// Bilan, № 18, April-May 1935*). К тому времени правильность данной позиции уже была подтверждена практикой: в 1920 году попытка экспортировать революцию в Польшу на штыках Красной армии закончилась катастрофическим поражением.

Таким образом, позиция левых коммунистов по Брест-Литовску, особенно в той форме, в какой ее защищал Бухарин («лучше смерть, чем позор»), не относится к их сильным сторонам, хотя именно в связи с этой

позицией их лучше всего помнят. После заключения «мира» с Германией и подавления первой после Октября волны сопротивления буржуазии и саботажа полемика переключилась на другие проблемы. В ситуации, когда Советская Россия получила передышку и ожидала наступления следующего этапа мировой революции, приоритетным стал вопрос о том, какие меры необходимо предпринять для укрепления Советской власти. В апреле 1918 года на заседании большевистского ЦК Ленин произнес речь, впоследствии опубликованную в виде брошюры под названием «Очередные задачи Советской власти». Полагая, как и многие другие в то время, что худшие моменты гражданские войны позади, Ленин доказывает, что главная задача, стоящая перед революцией, это задача «управления», включающая восстановление разрушенной экономики, укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда, обеспечение строгого учета и контроля в процессе производства и распределения, искоренение коррупции и разгильдяйства и, самое главное, борьбу с мелкобуржуазной стихией, в которой он видел неизбежное зло, обусловленное преобладанием крестьянства и полуфеодальными пережитками.

Наиболее спорные положения речи Ленина касаются методов достижения поставленных целей. Он решительно призывает взять на вооружение методы, которые сам называет буржуазными, как то: использование буржуазных технических специалистов (в чем он видит «шаг назад» от принципов Коммуны, поскольку для «завоевания» специалистов на сторону Советской власти приходится подкупать их более высокими, чем у среднего рабочего, зарплатами); введение сдельной оплаты труда; применение «системы Тэйлора», соединяющей в себе, по словам Ленина, «утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36, с. 189-190).

Наиболее острые разногласия вызвало предложение Ленина искоренить известную «анархию» на предприятиях, особенно там, где было сильно движение фабрично-заводских комитетов, боровшееся со старыми и новыми управленцами за право управления производством. В качестве меры борьбы с «анархией», Ленин призвал к «единоличному руководству» трудовым процессом, делая акцент на том, что «беспрекословное

подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно, необходимо».

Этот отрывок из ленинской брошюры часто и охотно цитируется анархистами и «коммунистами советов» в качестве доказательства того, что Ленин был предшественником Сталина. Но нельзя вырывать цитату из контекста: защищая принцип «диктатуры отдельных лиц» в управлении, Ленин вовсе не исключал широкие демократические дискуссии и принятие решений по общеполитическим вопросам на массовых собраниях; чем выше будет классовое сознание рабочих, отмечал он, тем больше «администрирование» процессом труда станет походить на «мягкое руководство дирижера».

Тем не менее, общая направленность ленинской речи встревожила левых коммунистов, в особенности потому, что в то же самое время были предприняты попытки существенно ограничить власть фабрично-заводских комитетов на предприятиях, включить их в профсоюзный аппарат, отличавшийся большей податливостью.

Группа левых коммунистов, весьма влиятельная как в Петроградском, так и Московском регионах, основала свой журнал «Коммунист». В нем были напечатаны два материала, содержащие принципиальную полемику с ленинским подходом: «Тезисы о текущем моменте» и статья Н. Осинского «Строительство социализма».

Как видно из первого документа, группа отнюдь не была заражена настроениями «мелкобуржуазного ребячества», в чем их упрекал Ленин. Подход левых коммунистов отличался серьезностью; они начинали рассмотрение «текущего момента» с анализа соотношения классовых сил после заключения Брестского мира. Здесь явно проявилась слабая сторона их позиции: они по-прежнему считали, что заключение мира с Германией нанесло серьезный урон перспективам мировой революции, но в то же время предсказывали, что «в течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение империалистической системы» – за эти «смешные поутуги узнать то, чего узнать нельзя», левых коммунистов справедливо осуждал Ленин в своем ответе на «Тезисы».

Сильная сторона документа заключается в критике использования новой Советской властью буржуазных методов. Следует отметить, что в «Тезисах» отсутствует одностороннее доктринерство: в них принимается идея использования диктатурой пролетариата буржуазных технических

специалистов и не исключается возможность установления торговых отношений с капиталистическими державами, хотя и содержится предупреждение об опасности дипломатического маневрирования Российского государства между империалистическими державами, подразумевающего политические и военные альянсы. Подобная внешняя политика, предупреждают далее левые коммунисты, неизбежно должна будет сопровождаться уступками как международному, так «домашнему» российскому капиталу. Этим предсказаниям суждено было сбыться после 1921 года, когда произошел откат революционной волны. Однако в 1918 году наиболее актуальные и непосредственно значимые аспекты левокоммунистической критики касались опасности, которую нес в себе отход от принципов «государства-коммуны» в Советах, армии и на промышленных предприятиях:

«С политикой управления предприятиями на принципе широкого участия капиталистов и полубюрократической централизации естественно соединяется рабочая политика, направленная на водворение среди рабочих дисциплины под флагом «самодисциплины», введение трудовой повинности для рабочих (соответствующий проект предлагался правыми большевиками), сдельной платы, удлинения рабочего дня и т. п. Форма государственного управления должна развиваться в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющегося с низов “государства-коммуны”...

В области военной политики должен наметиться и на деле замечается уклон к восстановлению общенациональной (включающей и буржуазию) воинской повинности [...]; при создании армейских кадров, для обучения которых и руководства которыми необходимы офицеры, упускается из виду задача создания пролетарского офицерского корпуса путем широкой и планомерной организации соответствующих училищ и курсов, и практически, таким образом, восстанавливается старый офицерский корпус и командная власть царских генералов» (Тезисы «левых коммунистов» о текущем моменте// Ленин В.И. Сочинения. Изд. 3-е. Т. XXII. М.-Л., 1929, с. 568).

В приведенном отрывке левые коммунисты вскрывали тревожные тенденции, уже в 1918 году проявившиеся внутри нового Советского режима и усилившиеся в последующий период военного коммунизма. Осо-

бенно их тревожила возможность превращения партии в силу, противостоящую рабочим, в том случае, если большевики сознательно дадут ход указанным тенденциям:

«Введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов в производстве, не может существенно увеличить производительность труда, но оно понизит классовую самостоятельность, активность и организованность пролетариата. Для проведения этой системы в жизнь, при господствующей в пролетарской среде ненависти против «саботажников-капиталистов», коммунистической партии пришлось бы опереться на мелкую буржуазию против рабочих и тем погубить себя как партию пролетариата» (там же, с. 569).

Конечным итогом движения по такому пути могло стать, по мнению левых, перерождение пролетарской власти в систему государственного капитализма:

«Вместо перехода от частичных национализаций к общей социализации крупной промышленности, соглашения с «капитанами промышленности» должны привести к образованию больших руководимых ими и охватывающих основные отрасли промышленности трестов, которые с внешней стороны могут иметь вид государственных предприятий. Такая система организации производства дает социальную базу для эволюции в сторону государственного капитализма и является переходной ступенью к нему» (там же, с. 568).

«Тезисы» заканчиваются собственными предложениями левых коммунистов, направленными на сохранение правильного революционного курса: продолжение наступления на политические силы буржуазной контрреволюции и капиталистическую собственность; строгий надзор за буржуазными промышленными и военными специалистами; поддержка борьбы крестьянской бедноты в деревне; главное же касалось положения рабочего класса:

«Не введение сдельной оплаты и удлинение рабочего дня, которые в обстановке растущей безработицы являются бессмысленными, а введение местными советами народного хозяйства и профсоюзами норм выработки и сокращение рабочего дня с увеличением числа смен и широкая организация производительных общественных работ.

Предоставление широкой самостоятельности местным Советам и отказ от укорачивания их деятельности комиссарами, посылаемыми цен-

тральной властью. Советская власть и партия пролетариата должны искать себе опору в классовой самодеятельности широких масс, на развитие которой должны быть направлены все усилия» (там же, с. 570).

В заключение левые определяли свою роль следующим образом:

«Свое отношение к Советской власти они определяют как позицию всемерной поддержки этой власти, в случае надобности – путем участия в ней, поскольку утверждение мира сняло с очереди вопрос об ответственности за это решение и создало новое объективное положение. Это участие возможно лишь на основе определенной политической программы, которая предотвратила бы уклонение Советской власти и большинства партий на гибельный путь мелкобуржуазной политики. В случае такого уклонения левое крыло партии должно будет стать в положение деловой и ответственной пролетарской оппозиции» (там же, с. 571).

В приведенных отрывках можно обнаружить ряд серьезных теоретических недостатков. Один из них в том, что левые были склонны отождествлять тотальное огосударствление экономики в условиях Советской власти с процессом реального обобществления хозяйства, т.е. непосредственным созданием социалистического общества. В своей ответной статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» Ленин воспользовался теоретической путаницей левых. Комментируя их тезис о том, что «планомерное использование уцелевших средств производства мыслимо только при самом решительном обобществлении», Ленин пишет:

«Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению. В том-то и беда наших «левых», что они этим наивным, ребяческим сочетанием слов: «самое решительное...обобществление» обнаруживают полное непонимание ими гвоздя вопроса, гвоздя «текущего момента»...Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого уменья нельзя» (ПСС, т. 36. с. 293-294).

В процитированном отрывке Ленин хорошо подмечает качественные различия между простой экспроприацией буржуазии, особенно когда она принимает форму огосударствления, и подлинным строительством новых общественных отношений. Впоследствии путаница левых в этом вопросе привела их к отождествлению почти полного огосударствления собственности и даже распределения в период военного коммунизма с аутентичным коммунизмом. Бухарин, например, развил из этой путаницы целую теорию, представленную в его работе «Экономика переходного периода» (см. об этом: *International Review*, № 96). В том, что касается оценки возможностей действительного осуществления социалистических мер в осажденной и обескровленной Советской России при задержке мировой революции, позиция Ленина, таким образом, отличалась значительно большим реализмом.

Вследствие указанных ошибочных предпосылок левые не могли с полной ясностью определить главный источник контрреволюционной угрозы. Да, они видели в возможности установления «государственного капитализма» огромную опасность для революции. Но «государственный капитализм» они рассматривали лишь как выражение более общей и еще более опасной, по их мнению, тенденции: они опасались, «мелкобуржуазного» искажения политики партии, ее превращения в защитницу враждебных пролетариату интересов мелкой буржуазии. В некоторой степени эти опасения отражали реальное положение дел. Действительно, в ситуации, сложившейся после Октябрьского восстания, пролетариат вынужден был не только подавлять яростное сопротивление старых правящих классов, но и противостоять давлению многомиллионных крестьянских масс, интересы которых неизбежно вступали в противоречие с поступательным движением революции. Однако давление этих социальных слоев рабочий класс ощущал на себе преимущественно в его преломлении через государство, которое, стремясь поддерживать в обществе статус-кво, становилось все более автономной и независимой от пролетариата силой. Левые коммунисты, как и большинство современных им революционеров, определяли «государственный капитализм» как систему, в которой государство управляет экономикой в интересах одного из двух классов – крупной буржуазии или мелкой буржуазии. В то время они еще не могли предвидеть возникновение государственного капитализма, способного уничтожить эти классы и все остаться самым настоящим капитализмом.

Как мы видели, в своем ответе левым Ленин наносил главный удар по наиболее уязвимым местам их позиции. Это их путаница в вопросе о последствиях Брестского мира для перспектив революции, их склонность отождествлять национализацию и социализацию. Но и Ленин, в свою очередь, допускал серьезную ошибку, восхваляя государственный капитализм как шаг вперед, безусловное благо для отсталой России и даже необходимую предпосылку социализма. Свою концепцию государственного капитализма Ленин изложил еще в конце апреля 1918 г. в выступлении на заседании ВЦИК. Критикуя прозорливые указания левых на опасность движения в сторону госкапитализма, он развивал совершенно ложную мысль:

«И вот когда я читаю эти ссылки на подобных врагов в газете «левых коммунистов», я спрашиваю: что сделалось с этими людьми, как они могут из-за обрывков книжки забыть действительность? Действительность говорит, что государственный капитализм был бы для нас шагом вперед. Если бы могли в России через малое число времени осуществить государственный капитализм, это было бы победой. Как они могли не видеть, что мелкий собственник, мелкий капитал – наш враг? Как они могли считать государственный капитализм главным врагом? Они не должны забывать, что при переходе от капитализма к социализму наш главный враг – мелкая буржуазия, ее привычки и обычаи, ее экономическое положение, ... Что такое капитализм при Советской власти? Осуществить государственный капитализм сегодня значит возобновить учет и контроль, который вели капиталистические классы. Мы видим образчик государственного капитализма в Германии. Мы знаем, что Германия оказалась сильнее нас. Но если хотя бы немного задуматься о том, что значило бы заложить основы такого государственного капитализма в России, Советской России, всякий, кто в своем уме или не забил голову обрывками книжного знания, должен был бы сказать, что государственный капитализм был бы спасением для нас... Я сказал, что государственный капитализм был бы спасением для нас; если бы мы имели в России его, тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подчитанное, контролируемое и обобщественное, а нам-то и не хватает как раз этого, нам грозит стихия мелкобуржуазного разгильдяйства, которая больше всего историей России и ее экономикой подготовлена и которая

как раз этого шага, от которого зависит успех социализма, нам не дает сделать» (ПСС, т. 36, с. 254-256).

Безусловно, в этих рассуждениях Ленина присутствует элемент революционной честности, неприятие любых утопических схем быстрого построения социализма в России – стране, которая едва выбралась из Средневековья и которая в тот момент не могла воспользоваться непосредственной помощью мирового пролетариата. Однако вся история XX века доказывает ошибочность ленинского представления о том, что государственный капитализм является прогрессивным шагом по направлению к социализму. В действительности государственный капитализм представляет собой последний способ самозащиты капитализма, стремящегося предотвратить свой крах и возникновение коммунизма. Коммунистическая революция – это диалектическое отрицание государственного капитализма. С другой стороны, ленинская аргументация несет на себе отпечаток старого социал-демократического представления о мирной эволюции капитализма в социалистическом направлении. Ленин, конечно, отвергает идею возможности перехода к социализму без разрушения капиталистического государства, но он забывает о том, что новое общество может возникнуть только при условии, если сам пролетариат ведет постоянную сознательную борьбу, нацеленную на освобождение от слепых законов капиталистической экономики и созидание новых социальных отношений, базирующихся на производстве для удовлетворения человеческих потребностей. Путем государственной «централизации» капиталистической экономики, даже если она осуществляется Советским государством, невозможно покончить с законами капитала, с господством овеществленного труда над живым. Вот почему в данном вопросе были правы левые коммунисты, взгляды которых резюмированы в следующих словах Осинского:

«Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда, – никто за него этого не сделает, и никто его к этому не принудит. Палка, поднятая над рабочим, будет находиться в руках такой общественной силы, которая или находится под влиянием другого общественного класса, или должна подпасть под его влияние. Если эта палка будет в руках советской власти, то советская власть вынуждена будет опереться против рабочих на другой класс (напр., крестьянство) и этим погубить себя как диктатуру пролетариата.

Социализм и социалистическая организация труда будут построены самим пролетариатом, или они не будут вовсе построены, а будет построено нечто иное – государственный капитализм» (Осинский Н. Строительство социализма// Коммунист. № 2, 27 апреля 1918 г.).

Таким образом, только через неустанную самостоятельную борьбу за прямой контроль одновременно над государственной машиной и средствами производства и распределения живой труд может поставить свои интересы над интересами мертвого труда. Ленин ошибался, считая эти взгляды доказательством мелкобуржуазного и анархистского характера позиции левых коммунистов. В отличие от анархистов, они не выступали против централизации как таковой. Они отстаивали инициативную роль местных фабрично-заводских комитетов и Советов, но считали необходимым централизовать действия этих органов в рамках вышестоящих экономических и политических советов. При этом они, однако, видели, что к новому обществу можно прийти лишь путем пролетарской централизации. Путь бюрократической централизации ведет совсем в другую сторону, к неизбежной конфронтации рабочего класса и власти, которая, несмотря на свое революционное происхождение, все более отчуждается от пролетариата.

Вышесказанное верно для всех стадий революционного процесса. Но критика левых коммунистов имела и непосредственную практическую значимость. В нашем исследовании российской левокоммунистической традиции (*International Review*, № 8) мы писали:

«Защита “Коммунистом” фабзавкомов, Советов и самостоятельности рабочего класса была важна не потому, что содержала в себе решение экономических проблем, стоявших перед Россией или, тем более, формулу “немедленного построения коммунизма”. Левые определенно заявляли о том, что “социализм невозможно осуществить в одной стране, и в такой отсталой” (цит. по: Schapiro L. *The Origins of the Communist Autocracy*. 1955, p. 137). Навязываемое государством подчинение рабочих трудовой дисциплине, включение органов пролетарского самоуправления в государственный аппарат – все это подрывало в первую очередь политическое господство российского рабочего класса. Как неоднократно указывало ИКТ, единственной гарантией успеха революции является политическая власть пролетариата. А эта власть может осуществляться только массовыми органами класса – его фабрично-заводскими комитетами и собрани-

ями, Советами и милиционными отрядами. Курс на ограничение полномочий этих органов, принятый большевистским руководством, представлял смертельную угрозу для революции. Опасные симптомы, справедливо отмеченные левыми коммунистами в первые же месяцы после Октябрьской революции, обрели еще более угрожающий характер в последующие годы гражданской войны».

Когда после победы Октябрьского восстания формировалось Советское правительство, Ленин не без колебаний занял пост председателя Совнаркома. Политическая интуиция подсказывала ему, что это может помешать его борьбе в передовых рядах авангарда, ограничить его возможности как представителя левого крыла революционной партии, каковым он являлся в период между апрелем и октябрём 1917 г. Позиция, занятая Лениным в споре с левыми коммунистами в 1918 г., хотя и находилась в рамках живой пролетарской партийности, все же отразила давление государственности на большевистскую партию; интересы государства, национальной экономики, сохранения статус-кво уже начали расходиться с интересами рабочих. В этом смысле можно проследить некоторую преемственность между тогдашней ошибочной позицией Ленина и его полемикой в период после 1920 г. против левых течений в международном коммунистическом движении, которым он тоже приписывал «детские болезни» и склонность к анархизму. Но в 1918 г. мировая революция находилась все еще на подъеме, и если бы она вывела Россию из изоляции, было бы легко исправить допущенные на первом этапе ошибки. Когда же международная революционная волна пошла на спад, началось настоящее перерождение партии и Советской власти. Реакцию левых на эти процессы мы рассмотрим в следующих статьях.

Год 1921-й: пролетариат и переходное государство

(International Review, № 100, 2000)

Предметом исследования в предыдущей статье были первые серьезные дискуссии в РКП(б) о курсе новой пролетарской власти. Особое внимание уделялось полемике, инициированной левыми коммунистами, в ходе которой высказывались предостережения о возможности возникновения государственного капитализма в России и опасности бюрократического перерождения революции. Пик дискуссий пришелся на начало 1918 года. В течение следующих двух лет Советская Россия вела ожесточенную борьбу с империалистическими интервентами и внутренней контрреволюцией. В тяжелейших условиях гражданской войны партия, отодвинув разногласия на второй план, сплотила свои ряды. И большинство рабочих и крестьян – хотя их положение с каждым днем ухудшалось – выступило в защиту Советской власти против эксплуататорских классов, пытавшихся вернуть утраченные привилегии.

Программа, принятая VIII съездом в марте 1919 года (см. «International Review», № 95), отразила стремление к единению, возобладавшее в партии, сохранив при этом радикальный дух первых дней революции. Дело в том, что левые течения – главные инициаторы дискуссии 1918 года – еще имели значительное влияние в партии. Во всяком случае, у левых коммунистов с их радикализмом не было непреодолимых разногласий с признанными партийными вождями вроде Ленина и Троцкого, ассоциировавшимися с официальной позицией государства. И действительно, некоторые левые коммунисты – такие, как Радек и Бухарин – постепенно отходили от прежних критических позиций, так как в чрезвычайных мерах военного коммунизма, вызванных гражданской войной, они увидели начало подлинного коммунистического переустройства (см. статью о Бухарине в «International Review», № 96).

Но не все левые коммунисты с такой легкостью удовлетворились широкомасштабной национализацией и практически полным исчезновением денежных форм в период военного коммунизма – бюрократические злоупотребления, об опасности которых они предупреждали в 1918 году, не только продолжались, но и усилились в период Гражданской войны, в то время как «противоядие» – органы пролетарской демократии – ослабе-

вало с каждым днем: военные нужды отодвинули принципы рабочей демократии на второй план, а большинство сознательных рабочих, составлявших ее главную социальную базу, было рассредоточено по фронтам Гражданской войны. В 1919 году вокруг Н. Осинского, Т. Сапронова, В.М. Смирнова и других сформировалась группа «демократического централизма»; она боролась, главным образом, с бюрократизмом в Советах и партии. Эта группа была тесно связана с «военной оппозицией», которая вела подобную же борьбу в армии. Группа «демократического централизма» окажется одной из самых стойких среди принципиальных оппозиций внутри большевистской партии.

Пока приоритетной задачей партии являлась защита советского режима от внешних и внутренних врагов, партийные разногласия не выходили за определенные рамки. Во всяком случае, поскольку сама партия еще оставалась горнилом революционной мысли, ее организационная структура позволяла вести живые внутрипартийные дискуссии.

Окончание Гражданской войны в 1920 году решающим образом изменило ситуацию. Экономика была разрушена до основания. Голод и болезни в пугающих масштабах распространялись по стране. Особенно тяжелым оказалось положение городов - эти нервные узлы революции были доведены до такого уровня социальной дезинтеграции, когда отчаянная ежедневная борьба за выживание легко могла перевесить все прочие соображения. Социальная напряженность, до тех пор сдерживаемая необходимостью объединения против общего врага, начала прорываться на поверхность, и в этой ситуации жесткие методы военного коммунизма только обостряли ее. Крестьян все больше раздражала политика хлебных реквизиций, введенная для того, чтобы накормить голодающие города; рабочие все меньше готовы были мириться с военной дисциплиной на заводах. Наконец, товарные отношения, которые в принудительном порядке были приостановлены государством - но материальные основы которых остались нетронутыми, - все более настойчиво стучались в дверь: «черный рынок», расцветший при военном коммунизме, лишь незначительно смягчал это растущее напряжение в экономике. Оказывая одновременно разрушительное воздействие на социальную структуру.

Важнее всего отметить, что развитие международной ситуации не принесло особого облегчения российским рабочим. 1919 год стал кульминационным пунктом международного революционного процесса, ис-

ход которого должен был решить судьбу Советской власти в России. Но в том же году потерпели поражение восстания пролетариата в Германии и Венгрии, с которыми связывали свои надежды большевики, а в Великобритании и США массовые забастовки так и не перешли в фазу политического наступления. В Италии в 1920 году революционное разрешение кризиса было умело заблокировано изоляцией рабочих на оккупированных ими заводах, а в Германии, стране, от которой больше всего зависела судьба мировой революции, пролетариат уже в ходе Капповского путча вынужден был перейти к обороне. В том же году попытка прорвать блокаду Советской России штыками Красной Армии, брошенной против Польши, потерпела полный провал. К 1921 году – особенно после поражения «Мартовской акции» в Германии (см. «International Review», № 93) – самые прозорливые революционеры начали понимать, что революционное наступление угасает, хотя в то время еще нельзя было утверждать, что эту тенденцию невозможно обратить вспять.

В то время Россия напоминала перегретый паровой котел: страна стояла на пороге социального взрыва. К концу 1920 года волна крестьянских восстаний захлестнула Тамбовскую губернию, Среднее Поволжье, Украину, Западную Сибирь и другие области. Главным требованием повстанцев было свертывание режима реквизиций и предоставление крестьянам права самим распоряжаться продуктами своего труда. Масла в огонь подлила демобилизация Красной Армии: масса вооруженных крестьян возвращалась в родные деревни и пополняла ряды потенциальных повстанцев. Как мы увидим ниже, в начале 1921 года повстанческие настроения охватили и рабочих Петрограда, Москвы... и Кронштадта – городов, которые являлись очагами Октябрьского восстания.

На фоне разрастающегося общественного кризиса расхождения среди большевиков рано или поздно должны были достигнуть критической отметки. Большевики были едины в убеждении, что без победы революции в мировом масштабе пролетарская диктатура в России обречена – это фундаментальное положение по-прежнему признавали все течения в партии, хотя и с различными нюансами. В то же время, поскольку Советская Россия рассматривалась как стратегический бастион, завоеванный армией международного пролетариата, все сходились на том, что необходимо временное закрепление в этом бастионе, что ставило на повестку дня восстановление разрушенного хозяйства и налаживание нормальной

общественной жизни. Предметом разногласий были методы, которые Советская власть может и должна использовать для того, чтобы не свернуть с верного пути и не уступить натиску враждебных классовых сил внутри России и за ее пределами. Восстанавливать экономику было жизненно необходимо – вопрос заключался в другом: каким образом Советская власть сможет реализовать эту цель, оставаясь при этом пролетарской по содержанию. В 1920-м и начале 1921 г. разногласия, существовавшие в большевистской партии по данному вопросу, сфокусировались в так называемой «дискуссии о профсоюзах».

Троцкий и милитаризация труда

На самом деле споры начались еще в конце 1919 года, когда Л.Д. Троцкий огласил предложения по восстановлению разрушенной промышленной и транспортной системы России. Достигнув впечатляющих успехов в качестве организатора Красной армии во время Гражданской войны, Троцкий обратился теперь к проблеме восстановления экономики. Он предложил использовать для ее решения методы военного коммунизма (хотя первоначально колебался и рассматривал совершенно иной подход): это означало введение полной милитаризации труда, необходимой для того, чтобы собрать расстроенные ряды рабочего класса, которому грозило вырождение во множество разрозненных индивидов, живущих мелкой торговлей, воровством или возвращающихся в деревню и сливающихся с крестьянской массой. Впервые Троцкий сформулировал свои взгляды в «Тезисах о переходе от войны к миру» («Правда», 16 декабря 1919 г.) и впоследствии защищал их на IX Съезде партии в марте-апреле 1920 года: «Рабочая масса не может быть бесформенно-текучей массой, бродячей Русью. Она должна быть прикрепляема, перебрасываема, назначается, командироваема». Повинных в трудовом дезертирстве нужно отправлять в штрафные батальоны или трудовые лагеря. На заводах следует установить военную дисциплину. Как и Ленин в 1918 году, Троцкий превозносил преимущества единоначалия и «прогрессивные» аспекты «тейлористской системы». Что касается профсоюзов, то они должны полностью подчиниться государству:

«Строящемуся социалистическому государству профессиональные союзы нужны не для борьбы за лучшие условия труда – это есть за-

дача общественной и государственной организации в целом, – а для того, чтобы организовать рабочий класс в производственных целях, воспитывать, дисциплинировать, распределять, группировать, прикреплять отдельные категории и отдельных рабочих к своим постам на определенные сроки, – словом, рука об руку с государством, властно вводить трудящихся в рамки единого хозяйственного плана.» (Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. Глава «Милитаризация труда»)

Взгляды Троцкого, несмотря на то, что поначалу Ленин в основном их поддержал, вызвали решительную критику со стороны многих партийцев - и не только тех, кто традиционно находился на левом фланге. В ответ на критику Троцкий только ужесточил и теоретически оформил свои взгляды. В книге «Терроризм и коммунизм» (по-видимому, задуманной им как ответ не только деятелям вроде Каутского, который является главной полемической мишенью в этом тексте, но и не в меньшей степени оппонентам-большевикам) Троцкий заходит так далеко, что утверждает следующее: принудительный труд имел прогрессивное значение для предшествующих способов производства, таких, как азиатский деспотизм и античное рабство, и, следовательно, утверждать, что рабочее государство не может использовать такие методы в широком масштабе – значит впадать в сентиментализм. Без тени смущения он заявляет, что милитаризация - это специфическая форма организации труда, характеризующая переход к коммунизму: «Основу милитаризации труда составляют те формы государственного принуждения, без которых замена капиталистического хозяйства социалистическим навсегда останется пустым звуком» (там же). Эта работа Троцкого показывает, насколько укоренилось в партии представление о том, что диктатура пролетариата возможна только как диктатура партии – теперь это положение возводилось в ранг теории, и его защита становилась чуть ли не делом принципа:

«Нас не раз обвиняли в том, что диктатуру Советов мы подменили диктатурой партии. Между тем можно сказать с полным правом, что диктатура Советов стала возможной только посредством диктатуры партии: благодаря ясности своего теоретического сознания, и своей крепкой революционной организации партия обеспечила Советам возможность из бесформенных парламентов труда превратиться в аппарат господства труда. В этой "подмене" власти рабочего класса властью партии нет ничего случайного и нет по существу никакого подмена. Коммунисты выражают

основные интересы рабочего класса. Вполне естественно, если в тот период, когда история ставит эти интересы в полном объеме в порядок дня, коммунисты становятся признанными представителями рабочего класса в целом» (там же).

Излишне говорить о том, как далеки эти рассуждения от Троцкого образца 1905 года – тогда он определял Советы как органы власти, которые преодолевают буржуазные парламентские формы; как далеки они от идей ленинской работы «Государство и революция», написанной в 1917 году, и от большевистской практики в октябре, когда идея захвата власти партией была скорее неосознанной уступкой парламентаризму, чем разработанной теорией – тогда, во всяком случае, большевики проявляли готовность к сотрудничеству с другими социалистическими партиями. Теперь же Коммунистическая партия наделялась «историческим правом» на осуществление пролетарской диктатуры, «даже если эта диктатура приходила во временное противоречие с сиюминутными настроениями рабочей массы» (речь Троцкого на X Съезде партии).

То обстоятельство, что эта дискуссия вращалась, по сути, вокруг вопроса о профсоюзах, может показаться странным, если принять во внимание, что возникновение новых форм рабочей самоорганизации в России (фабрично-заводских комитетов, советов и т. д.) сделало профсоюзный тип объединения устаревшим – вывод, в которому уже пришли многие коммунисты индустриальных стран Запада, где профсоюзы прошли долгий путь бюрократического перерождения и интеграции в капиталистический строй. Тот факт, что профсоюзы оказались в центре партийной дискуссии 1920 года, отчасти объясняется «отсталостью» России, страны, в которой буржуазия не успела создать разветвленный государственный аппарат, способный интегрировать профсоюзы в качестве инструментов обеспечения классового мира. Поэтому далеко не все профсоюзы, созданные до или даже в ходе революции 1917 года, представляли собой органы буржуазии; имела место ярко выраженная тенденция формирования индустриальных союзов, более или менее пролетарских по своему содержанию.

Как бы то ни было, корни разногласий в дискуссии, спровоцированной Троцким, уходили гораздо глубже. В сущности в ней шла речь об отношениях между пролетариатом и государством в переходный период. Главный вопрос был таков: может ли пролетариат, уничтожив старое

буржуазное государство, полностью отождествить свои интересы с новым «пролетарским» государством? Иначе говоря: следует ли рабочему классу отстаивать самостоятельность собственных классовых органов, даже если это противоречит требованиям государства.

Нужно отдать должное позиции Троцкого – он дал четкий ответ: да, пролетариат должен идентифицировать себя с «пролетарским государством» и даже полностью подчиниться ему (как и собственно пролетарская партия, которая должна играть роль инструмента нового государства. Из его теории принудительного труда как метода построения коммунизма видно: Троцкий, к сожалению, в значительной степени утратил понимание того, что составляет отличительную особенность пролетарской революции и коммунизма; он забыл основополагающий принцип, в соответствии с которым новое общество может возникнуть только в результате самоорганизованной и сознательной деятельности самих пролетарских масс. Его рецепты по восстановлению хозяйства только ускорили бы бюрократическое перерождение, к тому времени уже грозившее поглотить реальные формы пролетарской самодеятельности, включая саму партию. Таким образом, другим течениям в партии пришлось выразить классовую реакцию на угрожающие тенденции, содержащиеся в идеях Троцкого, а также на принципиальные опасности, с которыми столкнулась сама революция.

Рабочая оппозиция

Вопрос о профсоюзах породил множество позиций и группировок. Это свидетельствует о том, что дискуссию питали более глубокие разногласия. Комментируя ход «дискуссии о профсоюзах», Ленин писал: «Партия больна. Партию треплет лихорадка» («Партийный кризис», Правда, 21 января 1921 г.). Сам Ленин представлял только одну из многих группировок – т. н. «платформу десяти». В то же время «демократические централисты» и группа Игнатова имели собственные позиции; Бухарин, Преображенский и прочие пытались создать «буферную группу» и т. д. Однако в этом разнообразии группировок, кроме группы Троцкого, особенно выделялись позиции Ленина и «Рабочей оппозиции», возглавляемой Коллонтай и Шляпниковым.

«Рабочая оппозиция», вне всякого сомнения, выражала пролетарскую реакцию на теоретическое оправдание Троцким бюрократизации, дошедшее до апологии принудительного труда, и на бюрократические извращения, разъедавшие пролетарскую власть на практике. Поэтому ни демагогии, ни пустого фразерства не было в словах Коллонтай, когда в брошюре «Рабочая оппозиция» (написанной к X съезду РКП(б) в марте 1921 года) она отмечала:

«Простое и ясное для каждого рабочего-практика положение... упускается из виду нашими верхами. Коммунизм нельзя декретировать. Его можно лишь творить живым исканием, временами ошибками, но – творчеством самого рабочего класса».

«Рабочая оппозиция», в частности, не соглашалась с действиями властей по установлению на заводах диктатуры управленцев, приводившими к тому, что положение промышленного рабочего все более походило на дореволюционное. Возражая против избыточного использования старых специалистов и практики единоначалия, группа защищала принцип коллективного рабочего управления предприятиями.

Рабочей оппозиции также удалось вскрыть суть более общей проблемы, касавшейся характера отношений между рабочим классом и Советским государством. Для Коллонтай этот вопрос был ключевым:

«...Кому осуществлять творчество диктатуры пролетариата в области хозяйственного строительства? Органам ли классовым по составу, непосредственно, жизненными нитями связанным с производством, т. е. производственным союзам или же советским аппаратам, оторванным от непосредственной, живой хозяйственно-производительной деятельности, к тому же смешанным по своему социальному составу? В этом корень расхождения. Рабочая оппозиция стоит за первое. Верхи нашей партии, как бы ни разошлись их тезисы в отдельных менее существенных пунктах, в трогательном единении стоят за второе».

Ниже Коллонтай развивает это положение о гетерогенной социальной природе Советского государства:

«Партии, стоящей во главе смешанного по социальному составу советского государства, приходится волей-неволей считаться и с запросами «хозяйственного мужичка», с его мелкособственническими замашками и отвращением к коммунизму, и с многочисленным слоем мелкобуржуазных элементов прежней, капиталистической России, всяких скупщиков,

посредников, мелких торговцев, приказчиков, хозяйчиков, ремесленников и мелких чиновников, которые быстро приспособились к советским органам. Это они-то, главным образом, и заполняют советские учреждения, являясь «агентами» Наркомпрода, заведующими снабжениями армии, юркими «практиками» в различных главках и центрах... Именно этот слой, широко разлитый по советским учреждениям, слой мелкой буржуазии, мещанства с его враждебностью к коммунизму, приверженностью к косным нравам прошлого, с отвращением и страхом к революционным действиям, и разлагает наши советские учреждения, внося туда дух, совершенно чуждый рабочему классу».

Таким образом, Коллонтай проницательно подметила - хотя и недостаточно осмыслила – тот факт, что Советское государство само по себе не способно стать творческой силой, создающей новое общество: во-первых, его сковывает необходимость примирять интересы рабочего класса и других социальных слоев, во-вторых, новое государство не обладает иммунитетом от вируса бюрократии. Однако приведенные выше цитаты выдают и существенную слабость позиции Коллонтай и ее единомышленников. В полемике против «Рабочей оппозиции» Ленин заклеил ее как мелкобуржуазное, анархистское и синдикалистское течение. Это было неверно: несмотря на все недостатки, группа в подлинно пролетарском ключе ставила вопрос об опасностях, таящихся внутри Советского государства. С другой стороны, обвинение в синдикализме нельзя рассматривать как полностью лишённое оснований. Синдикализм «Рабочей оппозиции» проявился в приписывании профсоюзам главной роли в процессе коммунистического преобразования общества, а также в предложении передать управление экономикой в ведение «Всероссийского съезда производителей». Как было сказано, русская революция продемонстрировала, что рабочий класс уже изжил профсоюзную форму организации; в новую эпоху, эпоху упадка капитализма, профсоюзы становятся силой исключительно консервативной. Российские профсоюзы определенно не являлись гарантией от бюрократизма и от лишения пролетариата средств организационного самовыражения. Действительно, значение фабзавкомов, возникших в 1917 г., было сведено на нет в основном через их включение в профсоюзный аппарат и, соответственно, интеграцию в государство. Стоит также отметить, что забастовки рабочих Москвы и Петрограда, проходившие как раз в то время, когда шла «дискуссия о профсою-

зах», еще раз показали, что профсоюзы как форма самодеятельности рабочих совершенно изжили себя: чтобы отстоять свои насущные интересы, московские и питерские рабочие обратились не к профсоюзам, а к методам пролетарской борьбы, характерным для новой эпохи – спонтанные забастовки, ассамблеи, выборные забастовочные комитеты, члены которых подлежали отзыву по первому требованию рабочих, массовые делегации на другие заводы и т. д. Преувеличение роли профсоюзов выдавало полное разочарование участников «Рабочей оппозиции» в Советах – самых важных пролетарских учреждениях, объединяющих рабочих всех профессий и отраслей и способных решать как экономические, так и политические задачи революции.¹ Пожалуй, это было самым слабым местом в позиции группы Коллонтай. Слепота в отношении исторического значения рабочих советов закономерно вела к недооценке примата политики над экономикой в процессе пролетарской революции. Рабочая оппозиция настолько сосредоточилась на проблеме управления хозяйством, что чуть ли не предлагала развести функции государства (политика) и «съезда производителей» (экономика). Между тем, в рамках диктатуры пролетариата рабочее управление экономическим аппаратом не является самоцелью – это только один из аспектов политического господства пролетариата над обществом. Ленин подверг справедливой критике «Рабочую оппозицию» за ее идею «съезда производителей»: эта идея применима скорее к будущему коммунистическому обществу, в котором исчезнут классы, и все его члены будут производителями. Действительно, цитированный документ Рабочей оппозиции наводил на мысль, что в России можно достичь коммунизма благодаря правильному решению проблем управления экономикой. Примечательно, что в тексте Коллонтай почти не обсуждаются перспективы мировой революции. У группы, кажется, вообще не было отчетливой позиции по проблемам международной политики РКП(б). Было бы неверным считать взгляды Коллонтай и ее сторонников не более чем анархическим уклоном, однако в определенной степени «Рабочая оппозиция» действительно испытала на себе влияние синдикалистской идеологии, что обуславливало слабость ее позиции.

Позиция Ленина в «дискуссии о профсоюзах»

Как мы уже отмечали, Ленин видел в «профсоюзной дискуссии» симптом серьезной болезни партии. Он даже считал, что в тяжелейшей ситуации, в которой оказалась страна, партии следовало бы вообще запретить оказавшуюся столь острой полемику вокруг вопроса, который «по объективным условиям не может стоять на первом месте» (Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта ПСС, т. 43, с. 15). Особенно Ленин был недоволен Троцким, который, спровоцировав «дискуссию о профсоюзах», действовал, по его мнению, как безответственный фракционер. Вероятно, более всего Ленин опасался, что явный внутрипартийный кризис только усугубит разрастающийся кризис и распад российского общества; возможно, он чувствовал при этом, что настоящий корень проблемы кроется в чем-то другом.

Здесь нас интересует, прежде всего, ленинский подход к определению классовой природы Советского государства, намеченный им в ходе рассматриваемой дискуссии. Вот как он ставил вопрос в выступлении перед собранием делегатов-коммунистов в конце 1920 г.:

«А между тем, совершая эту несерьезность, т. Троцкий тут же делает со своей стороны ошибку. У него выходит, что защита материальных и духовных интересов рабочего класса не есть роль профсоюзов в рабочем государстве. Это ошибка. Тов. Троцкий говорит о «рабочем государстве». Позвольте, это абстракция. Когда мы в 1917 году писали о рабочем государстве, то это было понятно; но теперь, когда нам говорят: “Зачем защищать, от кого защищать рабочий класс, так как буржуазии нет, так как государство рабочее”, то тут делают явную ошибку. Не совсем рабочее, в том-то и штука. Тут и заключается одна из основных ошибок т. Троцкого. Сейчас мы от общих принципов перешли к деловому обсуждению и к декретам, а нас от приступа к практическому и деловому тянут назад. У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское – это во-первых. А из этого очень многое вытекает (Бухарин: Какое? Рабоче-крестьянское?). И хотя т. Бухарин сзади кричит: “Какое? Рабоче-крестьянское?”, – но на это я отвечать ему не стану. А кто желает, пусть припомнит только что закончившийся съезд Советов, и в этом уже будет ответ.

Но это мало. Из нашей партийной программы видно – документ, который автору «Азбуки коммунизма» известен хорошо – из этой уже программы видно, что государство у нас рабочее с бюрократическим из-

вращением. И мы этот печальный, - как бы это сказать? – ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода. Что же, при такого рода практически сложившемся государстве профсоюзам нечего защищать, можно обойтись без них для защиты материальных и духовных интересов пролетариата, поголовно организованного? – Это совершенно неверное теоретическое рассуждение... Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства» («О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого». ПСС, т. 42, с. 207-208).

Позже Ленин немного смягчил свои формулировки, признав правоту критики Бухарина:

«Мне надо было сказать: “Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением”. Читатель, который захочет прочесть всю мою речь, увидит, что от этой поправки ни ход моей аргументации, ни мои выводы не изменяются» («Партийный кризис». ПСС, т. 42, с. 239).

В действительности Ленин проявил политическую мудрость, поставив под вопрос применимость понятия «рабочее государство» к Советской России. Даже в тех странах, где крестьяне не составляют значительного большинства населения, переходное государство должно считаться с нуждами и выражать интересы всех неэксплуататорских слоев общества. Следовательно, такое государство в принципе нельзя считать исключительно пролетарским органом; кроме того, консервативный аспект государственности в сочетании с вышеуказанными обстоятельствами не может не порождать бюрократические тенденции, в отношении которых рабочий класс должен быть особенно бдительным. Все это высветила интуиция Ленина в кривом зеркале «дискуссии о профсоюзах».

Стоит также отметить, что в вопросе о классовой природе переходного государства Ленин сближался с «Рабочей оппозицией». Однако, критикуя Троцкого, Ленин отнюдь не симпатизировал этой группе. Напротив, он видел в «Рабочей оппозиции» самую опасную тенденцию в партии; и события в Кронштадте, и деятельность группы Коллонтай и

Шляпникова были в его глазах проявлением одной угрозы – угрозы мелкобуржуазной контрреволюции. Стараниями Ленина на X Съезде партии прошла резолюция о «Синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», которая открыто осуждала оппозицию:

«Поэтому взгляды «рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелкобуржуазных и анархистских шатаний, практически ослабляют выдержанную руководящую линию коммунистической партии, практически помогают классовым врагам пролетарской революции» («Первоначальный проект резолюции 10 съезда РКП о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». ПСС, т. 43, с. 96).

Как уже отмечалось, обвинения в синдикализме не были лишены оснований. Однако аргументация Ленина была глубоко ошибочна: он видел синдикализм «Рабочей оппозиции» не в том, что она делала упор на решающую роль профсоюзов в управлении экономикой, оставляя без внимания политическое значение советов, – а в том, что она якобы ставила под сомнение монополию Компартии на власть. «Ведь тезисы “рабочей оппозиции” бьют в лицо решению Второго конгресса Коминтерна о роли Коммунистической партии в осуществлении диктатуры пролетариата» («Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта». ПСС, т. 43, с. 42). Как и Троцкий, Ленин окончательно утвердился в том, что:

«Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса» («О профессиональных союзах...», там же, с. 204).

В полемике с Троцким Ленин лишь скорректировал его позицию, выдвинув концепцию профсоюзов как «приводных ремней» от партии к классу в целом. Взгляды же «Рабочей оппозиции» Ленин, не утруждая себя аргументацией, просто объявил антимарксистскими – и такая же участь ожидала любого, кто не соглашался с правом партии на осуществление диктатуры. На самом деле «Рабочая оппозиция» никоим образом не

покушалась на «историческое» право партии монополично осуществлять «диктатуру пролетариата». Так, Коллонтай в цитированной выше работе призывала к тому, чтобы ЦК РКП «стал высшим идейным центром классовой политики, органом мысли и контроля над практической политикой советов, духовным воплощением основ нашей программы».

Именно по этой причине «Рабочая оппозиция» приняла участие в подавлении восстания кронштадтских матросов и рабочих, открыто бросивших вызов большевистской власти.

Трагедия Кронштадта

1. На стороне партии

Кронштадтское восстание последовало за волной забастовок в Москве и Петрограде, когда в столице проходил X съезд РКП(б).ⁱⁱ Забастовки, – на которые государство ответило как репрессиями, так и отдельными уступками, – преследовали, главным образом, экономические цели. Рабочие и матросы Кронштадта, изначально заявившие о солидарности с московскими и петроградскими рабочими, пошли дальше: помимо требования смягчить суровый экономический режим военного коммунизма, они выдвинули и ряд важных политических требований - новые выборы в Советы, свобода печати и агитации для всех пролетарских тенденций, роспуск политотделов в вооруженных силах и других учреждениях, «потому что ни одна партия не может обладать привилегией пропаганды своих идей или получать от государства финансовую помощь для этих целей» (из резолюции, принятой на броненосце «Петропавловск» и на массовом митинге 1-го марта). Суть этих требований заключалась в замене власти партии-государства властью Советов. Ленин, а вслед за ним и официальная государственная пропаганда, объявили Кронштадтский «мятеж» результатом белогвардейского заговора - впрочем, с той оговоркой, что реакционеры использовали в своих целях недовольство мелкой буржуазии и даже отдельных слоев рабочего класса, подверженных мелкобуржуазному влиянию. Как бы то ни было, последнее не меняло сути отношения Ленина к Кронштадтским событиям:

«Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось и на крестьянской

собственности, а кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент» («Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта». ПСС, т. 43, с. 24).

Очень скоро раскрылась несостоятельность официальной версии о белогвардейском заговоре (которым будто бы руководили в Кронштадте бывшие царские генералы), и это не могло не сказаться на психологическом состоянии большевиков после подавления восстания. В биографии Троцкого Исаак Дойчер отмечает:

«Иностранцы коммунисты, приехавшие в Москву несколько месяцев спустя, полагая, что Кронштадт был одним из обычных эпизодов гражданской войны, были “поражены и встревожены”, обнаружив, что большевистские вожди говорят о мятежниках без следа злобы и ненависти, которую испытывали к белогвардейцам и интервентам. О восстании они говорили сочувственно и сдержанно, с печальными и загадочными намеками, которые для постороннего свидетельствовали о неспокойной совести партии» («Троцкий: вооруженный пророк. 1879-1921 гг.» М., 2006, с. 518).

Ленин сразу же понял, что после Кронштадта более невозможно использовать жесткие методы военного коммунизма; введением НЭПа власти в каком-то смысле ответили на призыв кронштадтцев отменить режим реквизиций. С другой стороны, политические требования повстанцев - которые хотели реанимировать советы - были категорически отвергнуты. За этими требованиями Ленин видел происки контрреволюционеров, стремящихся использовать лозунги советов для свержения пролетарской диктатуры:

«Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии едва ли не с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовала в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя Советской власти против Советского правительства России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекуситься в коммунистов и даже наиболее левых коммунистов, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в

России» («Первоначальный проект резолюции X съезда РКП о единстве партии». ПСС, т. 43, с. 90).

Даже когда версия о белогвардейском руководстве мятежом фактически была снята, официальная точка зрения оставалась неизменной в главном: в Кронштадте произошло восстание мелкой буржуазии, которое в случае успеха открыло бы дорогу силам явной контрреволюции. Открыло бы в буквальном смысле, так как речь идет о стратегической морской крепости под самым Петроградом, и в переносном: «успех» восстания мог воодушевить крестьян на всероссийскую антибольшевистскую жакерию. В этой ситуации большевикам оставалось одно – быть охранителями пролетарской власти, даже если последняя более не осуществлялась пролетариатом как классом, а отдельные его группы испытывали симпатии к кронштадтцам. Необходимо отметить, что эту точку зрения разделяло не только большевистское руководство: члены «Рабочей оппозиции» в числе первых отправились на штурм Кронштадтской крепости. В связи с этим Виктор Серж писал:

«Съезд мобилизовал своих делегатов – в том числе многих представителей оппозиции – на борьбу с Кронштадтом! Крайне левый бывший кронштадтский матрос Дыбенко и лидер группы «демократического централизма» писатель и солдат Бубнов отправились на лед сражаться против повстанцев, правоту которых в глубине души признавали» («От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера». М., 2001, с. 158-159).

Что касается европейских левых коммунистов, то они оказались в затруднительном положении. На Третьем конгрессе Коминтерна делегат от Коммунистической рабочей партии Германии Гемпель поддержал Коллонтай в том, что российским рабочим следует предоставить большой простор для инициативы и самостоятельности. Но в то же время, основываясь на принятой в КРПГ теории «русской исключительности», он утверждал:

«В Германии и Западной Европе у нас другая концепция диктатуры пролетарской партии. На наш взгляд, эта диктатура оправдана в России в силу особенностей страны – отсутствие достаточно развитых сил внутри пролетариата означает, что диктатура должна в большей степени осуществляться сверху» (*La Gauche Allemande// Invariance*, 1973, p. 72-73).

Когда Бухарин обвинил Гортера и КРПГ в целом в том, что те встали на сторону повстанцев, Сакс, другой делегат от КРПГ, решительно возражал (хотя, по-видимому, они и его товарищи по партии признавали пролетарский характер Кронштадтского восстания):

«Потом пролетариат в Кронштадте поднялся против вас, против Коммунистической партии, потом вы, опасаясь пролетариата, ввели чрезвычайное положение в Петрограде!... Товарищ Гортер всегда признавал и подчеркивал эту внутреннюю логику событий не только в российской тактике, но и в сопротивлении ей, признавал эту вынужденность ваших действий. Следует прочесть повнимательнее то место, чтобы понять, что ни Гортер, ни КРПГ не принимали сторону кронштадтских повстанцев» (ibid.).

Наверное, лучшее описание тоски и душевной боли, овладевших теми коммунистами, которые - несмотря на критическое отношение к развитию событий в России - все-таки решили поддержать подавление Кронштадтского восстания, было дано Виктором Сержем в книге «Воспоминания революционера». Серж рассказывает о том, как в период военного коммунизма режим ЧК и красный террор превратились в неуправляемую силу, пожирающую не только врагов, но и сторонников революции; как предательски обошлись с анархистами, в частности, с участниками махновского движения, брошенными в застенки ЧК, и как пагубно это отразилось на революции. Он описывает чувство стыда, которое у него вызвала официальная ложь о забастовках в Петрограде и о Кронштадтском мятеже: тогда Советское государство в первый раз сознательно прибегло ко лжи, которая позднее станет отличительным знаком сталинского режима. И, тем не менее, Серж пишет:

«С большими колебаниями и невыразимой тоской я и мои друзья-коммунисты, в конечном счете, стали на сторону партии. И вот почему. Правда была на стороне Кронштадта, Кронштадт начинал новую освободительную революцию, революцию народной демократии. «Третья революция!» - говорили некоторые анархисты, напичканные детскими иллюзиями. Однако страна было полностью истощена, производство практически остановилось, у народных масс не осталось никаких ресурсов, даже нервных. Элита пролетариата, закаленная в борьбе со старым порядком, была буквально истреблена. Партия, увеличившаяся за счет наплыва примазавшихся к власти, не внушала особого доверия... Советской демокра-

тии не хватало вдохновения, умных голов, организации, за ней стояли лишь голодные и отчаявшиеся массы.

Обывательская контрреволюция перетолковала требование свободно избранных советов в лозунг «Советы без коммунистов». Если бы большевистская диктатура пала, последовал бы незамедлительный хаос, а в нем крестьянские выплески, резня коммунистов, возвращение эмигрантов и, наконец, снова диктатура, антипролетарская в силу обстоятельств» (там же, с. 156-157).

Серж указывает на неослабевающую угрозу белогвардейской реставрации: белогвардейцы могли использовать Кронштадт в качестве плацдарма для новой интервенции, а в стране между тем поднималась волна крестьянских восстаний.

2. Против течения

Вне всякого сомнения, контрреволюционные силы были бы не прочь воспользоваться кронштадтским восстанием в своих идеологических, политических или даже военных целях. И по сей день в нападках на большевиков буржуазные идеологи всячески смакуют этот эпизод и преподносят его как еще одно доказательство того, что большевизм и сталинизм - одного поля ягоды. Во время событий в Кронштадте страх за судьбу революции вынудил замолчать многих критически настроенных коммунистов. Многих, но не всех.

Конечно, были анархисты. В то время в России анархизм являл собой пеструю картину из самых разных течений. Некоторые из анархистов – такие, как махновцы - отражали лучшие стороны восставшего крестьянства. Другие просто выражали индивидуалистические интеллигентские настроения. Встречались среди анархистов и откровенные бандиты и чудаки. Течения же вроде «советских анархистов» и анархосиндикалистов по существу были пролетарскими, хотя и находились под влиянием мелкобуржуазного мировоззрения, составляющего саму суть анархизма.

Несмотря на все недостатки, многие анархисты были правы в своем негативном отношении к режиму ЧК и подавлению Кронштадта. Проблема в том, что анархизм не в состоянии осмыслить те события в историческом ключе. По словам видного российского анархиста Волина,

большевики закончили репрессиями против рабочих и матросов, потому что были «марксистами и авторитарными государственниками». Для анархистов марксизм несет в себе диктаторское, репрессивное начало, так как выступает за необходимость пролетарской партии, призывает к сплочению пролетарских сил и признает неизбежность государства в переходный период – такой абстрактный подход бесполезен для понимания живых исторических процессов и извлечения соответствующих уроков.

Но и среди большевиков были те, кто нашел в себе смелость отказаться от участия в подавлении кронштадтского восстания. В самом Кронштадте на сторону повстанцев перешло большинство коммунистов (как и отдельные части Красной армии, посланные на штурм крепости). Некоторые кронштадтские большевики вышли из партии в знак протеста против официальной кампании клеветы о Кронштадте. Другие же образовали Временное партийное бюро, распространившее заявление с опровержением слухов о расстрелах коммунистов в Кронштадте. В заявлении выражалось доверие Временному революционному комитету, сформированному вновь избранным Кронштадтским советом; и заканчивалось оно словами: «Да здравствует власть Советов! Да здравствует единство международного рабочего класса!».

Важно также отметить позицию Гавриила Мясникова, который в 1923 г. сформирует «Рабочую группу Российской Коммунистической партии». Уже в рассматриваемый период Мясников, не принадлежавший ни к одной из существовавших партийных групп, начал открыто высказываться против установления бюрократического режима в партии и государстве. В статье «Большевицкая оппозиция Ленину: Г. Мясников и “Рабочая группа”» П. Аврич показывает, что забастовки в Петрограде и Кронштадтский мятеж оказали глубокое воздействие на взгляды Мясникова (в тот момент он находился в Петрограде): «В отличие от “демократических централистов” и “Рабочей оппозиции” Мясников отказался осудить повстанцев. Он наверняка не принял бы участие в подавлении восстания, если бы его призвали» (The Russian Review, vol. 43, 1984). Далее Аврич цитирует самого Мясникова:

«Если кто и дерзает опять свое суждение иметь, он или шкурник, или, еще хуже, контрреволюционер, меньшевик или эсер. Так и в Кронштадте. Все спокойно и благополучно, и вдруг, ни слова не говоря, прямо в морду. Что такое Кронштадт? Несколько сот коммунистов дерутся про-

тив нас. Что это значит?... Кто виноват, что у руководящей верхушки нет общего языка не только с беспартийной массой, но и с рядовыми коммунистами; они настолько не понимают друг друга, что схватились за оружие. Что же это такое? Это грань, черта». (Социалистический вестник. № 4, 23 февраля 1922 г.).

Несмотря на прозрение отдельных коммунистов в 1921 г., глубокое осмысление уроков Кронштадта пришло гораздо позже. Впервые главные политические выводы из кронштадтских событий были сформулированы Итальянской фракцией коммунистических левых в исследовании «Вопрос о государстве» («Octobre», 1938):

«Может случиться так, что в определенных обстоятельствах пролетариат выступит против пролетарского государства. Допустим даже, что он стал бессознательной жертвой вражеских уловок. Что делать в этой ситуации? Прежде всего, мы должны исходить из принципа, что социализм не может быть навязан пролетариату посредством насилия и принуждения. Лучше было бы потерять (в географическом смысле) Кронштадт, нежели пытаться удержать его силой. В последнем случае результат мог быть только одним: подорвана была сама основа, содержание пролетарской борьбы за социализм.»

В приведенном отрывке поднимается ряд важных вопросов. Во-первых, в нем со всей определенностью утверждается: Кронштадтское движение было пролетарским по характеру. Нельзя отрицать частичное влияние мелкобуржуазной – особенно анархистской – идеологии на взгляды повстанцев. Но утверждать, как Троцкий в своей оправдательной статье «Шумиха вокруг Кронштадта» («New International», April 1938), что в прежнем красном Кронштадте вместо пролетарских моряков возобладали мелкобуржуазная масса, не желавшая мириться с трудностями военного коммунизма и требовавшая для себя «лучшего пайка», чем якобы оттолкнула от себя рабочих Петрограда, – значит противоречить очевидным фактам. Мятеж начался как акция классовой солидарности с бастующими питерскими рабочими; на заводы Петрограда были посланы делегаты с разъяснениями сути требований кронштадтцев и призывом поддержать их выступление. И с «социологической» точки зрения ядро повстанцев было пролетарским, несмотря на все изменения, которые претерпел флот с 1917 года. Достаточно взглянуть на социальный состав Временного Революционного Комитета, избранного повстанцами: боль-

шинство делегатов составляли матросы с большим стажем службы на флоте, выполнявшие чисто пролетарские функции (электротехники, телефонисты, машинная команда и т. д.). Другие делегаты представляли местные заводы; вообще заводские рабочие, особенно рабочие Арсенала, играли ключевую роль в кронштадтском движении. Неправда и то, что они требовали для себя привилегий: пункт 9 кронштадтской «платформы» выражал требование «одинакового пайка для всех трудящихся, за исключением занятых на вредных для здоровья производствах». Их требования, безусловно, носили пролетарский характер и, по сути дела, были направлены на то, в чем отчаянно нуждалась революция – возрождение Советов и прекращение сращивания партии с государством, которое представляло смертельную опасность не только для Советов, но и для самой партии.

Кронштадтское движение было движением пролетарским. Понимание этого обстоятельства обуславливает вывод, которые делают итальянские левые: недопустимо отвечать насилием на недовольство внутри пролетарского лагеря, вызванное трудностями революции, поскольку этим ставится под вопрос само существование пролетарской власти. Недопустимо подавлять любые пролетарские движения, идет ли речь о спонтанных выступлениях в защиту своих интересов или о политическом меньшинстве. Прямо ссылаясь на уроки «дискуссии о профсоюзах» и кронштадтских событий, Итальянская фракция сформулировала и другое важное положение: пролетариат должен отстаивать независимость своих классовых органов (советы, вооруженные отряды и т. д.), препятствовать их поглощению государственным аппаратом и даже, в случае необходимости, противопоставлять их государству. Наконец, не отбрасывая понятие «диктатура пролетариата», Фракция особенно настаивала на необходимости отделения партии от государства в переходный период. Мы еще вернемся к этой теме в следующей статье.

Было бы лучше предоставить кронштадтских матросов и рабочих самим себе, чем подавлять пролетарское движение – это действие, которое лишало смысла революцию. Такое смелое суждение итальянских левых – лучший ответ Сержу, для которого подавление Кронштадта было единственной альтернативой установлению новой, «антипролетарской диктатуры» и последующей «резне» коммунистов. Сейчас мы можем уверенно сказать, что, несмотря на «победу» над Кронштадтом, антипролетарская диктатура, устроившая резню коммунистов, все-таки установи-

лась в России: сталинская диктатура. Более того, расправа с повстанцами только ускорила процесс перерождения революции и объективно способствовала победе сталинской контрреволюции, оказавшейся более трагичной по своим последствиям, чем могла бы быть белогвардейская реставрация. Если бы в России пришли к власти белогвардейцы, то, по крайней мере, вопрос был бы ясен: революцию постигла участь Парижской коммуны. Буржуазия победила, пролетариат потерпел поражение. Самое ужасное, что в России контрреволюция победила, назвавшись именем социализма. Тяжелые последствия, которые это имело для международного рабочего движения, мы не изжили до сих пор.

Партия затягивает петлю на собственной шее

Открытый конфликт пролетариата и «пролетарского государства», о котором свидетельствовали события 1921 г., поставил большевиков перед историческим выбором. Изоляция русской революции на международной арене делала неизбежной трансформацию советской государственной машины в орган капиталистической эксплуатации и угнетения рабочего класса. Большевики могли выбрать одно из двух: пытаться продолжать управление этой машиной – а на деле стать ее функционерами – или «уйти в оппозицию», занять место среди рядовых рабочих с тем, чтобы бороться за их насущные интересы и помочь им перегруппировать силы перед возможным оживлением международной революции. КРПГ со всей серьезностью ставила проблему выбора осенью 1921 г., но большевикам в тот момент она казалась надуманнойⁱⁱⁱ. К тому времени партия буже основательно срослась с государственным аппаратом и до такой степени усвоила идеологию «замещения» пролетариата и соответствующие методы, что ее добровольный отказ от власти и переход в оппозицию был невозможен. Однако вполне реальной являлась борьба левых фракций РКП(б), противостоявших тенденции классового перерождения партии и отстаивавших пролетарские позиции.

К несчастью, из кронштадтских событий большевики сделали ошибочные выводы. Они объявили партию на осадном положении («партия взята в кольцо врагов») и запретили фракции. «Сейчас не время для оппозиций», – говорил Ленин. X съезд завершился принятием резолюции «О единстве партии», которая предписывала роспуск всех оппозицион-

ных групп. Большевики видели в запрете фракций временную меру, которая к тому же не предполагала запрет на критику вообще: указанная резолюция постановляла сделать более регулярным выпуск внутрипартийного дискуссионного бюллетеня.

Однако, всецело сосредоточившись на «внешней» угрозе, большевики не оценили в должной степени угрозы «внутренней» – роста оппортунизма и бюрократизма в самой партии. Для того чтобы бороться с этой угрозой необходимо было существование организованной внутрипартийной оппозиции. Запрещая фракции, партия фактически затягивала петлю на собственной шее: в последующие годы, когда ее бюрократическое вырождение становилось все более явным, резолюции X съезда предстояло сыграть роль важного инструмента удушения любой критики и оппозиции этому вырождению.

ⁱ В статье «Большевистская оппозиция Ленину: Г. И. Мясников и “Рабочая группа”» П. Аврич показывает, что Мясников, не принадлежавший ни к одной из оформленных группировок в рассматриваемой дискуссии, пришел к выводам, во многом сходным с нашими: «Мясников, напротив, считал, что Советы сделали профсоюзы бесполезными. Советы, утверждал он, являлись революционными, а не реформистскими органами. В отличие от профсоюзов, они включали в себя не просто тот или иной профессиональный или отраслевой сегмент пролетариата, но «всех поголовно рабочих», по «производственному признаку», а не по профессиональному. Поэтому Мясников призывал распустить все профсоюзы, а также Советы Народного Хозяйства, разьедаемые «бюрократизмом и канцелярщиной»; управление промышленностью, по его мнению, следовало передать рабочим Советам» (Источник Аврича: Зиновьев (ред.) Партия и союзы, 1921).

ⁱⁱ Подробнее о событиях в Кронштадте см. International Review №. 3.

ⁱⁱⁱ См.: The communist left and the growing conflict between the Russian state and the interests of the world revolution// International Review, N 97, p. 18.

1922-1923 гг.: борьба коммунистических фракций против контрреволюции

Поколению революционеров, сформировавшемуся в ходе подъема классовой борьбы в конце 1960-х гг., довольно трудно было согласиться с утверждением, что в октябре 1917 года произошло пролетарское восстание, а большевистская партия, руководившая им, представляла собой авангард рабочего класса. В качестве реакции на травматические последствия сталинской контрреволюции широкое распространение получили легковесные взгляды «коммунистов советов», считавших большевизм проводником чисто буржуазной революции в России. И даже когда после долгих и тяжелых дискуссий некоторые группы и элементы все-таки признали за Октябрем право называться «красным», отношение к этому событию, имевшему огромное политическое значение, оставалось крайне сдержанным: «Да, большевистская партия была пролетарской, но учиться мы можем, главным образом, на ее недостатках – и только». В карикатурном виде такая высокомерная оценка нашего собственного прошлого была представлена в 1975 г. Коммунистической рабочей организацией (КРО): она настаивала на том, что после подавления Кронштадтского восстания в 1921 г. русская революция умерла, все партии Коминтерна превратились в агентов капитализма, – и более того, все те современные группы, которые не согласны с такой периодизацией, сами являются контрреволюционными¹. Следует сказать, что подобный подход не был чужд и группам, которые в указанный период входили в Интернациональное коммунистическое течение (ИКТ). Так, британская секция ИКТ, «Мировая революция», отвергла первоначальную позицию, согласно которой большевики являлись агентами государственно-капиталистической контрреволюции, но как только речь заходила об истории большевистской партии после 1921 г., в журнале секции появлялись такие суждения:

«Троцкизм в не меньшей степени, чем сталинизм, был продуктом поражения пролетарской революции в России. Левая оппозиция была сформирована только в 1923 г., а до этого Троцкий долгое время был одним из самых беспощадных сторонников и исполнителей антирабочих мероприятий большевиков (подавление забастовочного движения в Петрограде и Кронштадтского восстания, милитаризация труда, роспуск рабочей мили-

ции и т.д.). Его спор с другими фракциями бюрократии был спором о лучших методах эксплуатации русских рабочих и распространения «советской» модели государственного капитализма на другие части света» (World Revolution, № 2).

Поэтому далеко не случайно, что в то время почти не предпринималось серьезных исследований периода между 1921 г. и окончательной победой сталинизма в конце 1920-х гг. Однако с тех пор революционное движение, в частности ИКТ, ушло далеко вперед. И сегодня мы уделяем значительное внимание дискуссиям, раздиравшим большевистскую партию в указанный период, потому что пришли к пониманию настоящей природы политической борьбы 1920-х гг. Эта борьба не была буржуазной междоусобицей – напротив, за ней стояло героическое сопротивление пролетарских течений в РКП(б) попыткам контрреволюции окончательно захватить партию. Рассматриваемый исторический период дает нам бесценные уроки относительно задач коммунистической *фракции* – органа, главная задача которого состоит в политической борьбе против перерождения пролетарской революции.

1922-1923 гг.: Ленин готовится перейти в оппозицию

По определению Ленина, «новая экономическая политика», принятая в 1921 г. на X съезде партии, являлась стратегическим отступлением, вынужденным ввиду изоляции и слабости российского пролетариата. Внутри России пролетариат был изолирован от крестьян, которые в годы гражданской войны согласились поддержать борьбу большевиков против помещиков, но теперь требовали за это материальной компенсации. Большевистское руководство действительно видело в Кронштадтском восстании знак надвигающейся крестьянской контрреволюции и поэтому безжалостно подавило его (см. International Review, № 100). Но лидеры РКП(б) также понимали, что «пролетарское государство» – а большевики видели себя в роли его защитников – не может опираться исключительно на силу. Для того, чтобы обезопасить существующий политический режим, необходимы были уступки крестьянам на экономическом фронте. Эти уступки, воплощенные в НЭПе, включали замену принудительной продразверстки

«натуральным налогом»; для средних крестьян открывалась возможность торговать своей продукцией на рынке; устанавливалась система «смешанной экономики», в которой государственная промышленность существует бок о бок с частнокапиталистическими предприятиями и даже конкурирует с ними.

Наиболее существенным фактором была, однако, международная изоляция российского пролетариата. III Конгресс Коминтерна признал, что провал «Мартовской акции» знаменует спад революционной волны 1917 года. Оказавшись перед необходимостью восстановления разрушенной экономики России, большевики осознали, что в ближайшее время они не могут рассчитывать на помощь международного пролетариата. При этом они исходили из того, что политическая власть, созданная при их участии, должна сыграть определенную роль в ожидаемом новом подъеме мировой революции. Вывод напрашивался сам собой: в данный момент эта власть должна предпринять экономические меры, необходимые для ее выживания.

Свою речь на XI съезде РКП(б) Ленин начинает именно с проблемы выживания. Он говорит о подготовке к Генуэзской конференции, на которую Советская Россия посылала своих делегатов с поручением восстановить торговые отношения между Россией и капиталистическим миром. Ленин рассуждает в сугубо прагматическом ключе:

«Понятно, что в Геную мы идем не как коммунисты, а как купцы. Нам надо торговать, и им надо торговать. Нам хочется, чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду. Как развернется эта борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов» (ПСС, т. 45, с. 70).

И действительно, Ленин совершенно прав, когда разграничивает задачи коммунистов и дела государства. Нет ничего заведомо порочного в том, что пролетарское государство торгует с государством капиталистическим, если это рассматривается как временная тактическая мера и не ведет к отказу от базисных принципов. Как хорошо показала дискуссия вокруг Брестского мира, для революции бесполезны героические жесты самопожертвования. Проблема, однако, заключалась в том, что, пытаясь замориться с капиталистическим окружением, Советское государство начинало торговать принципами. После того, как переговоры с Антантой в Генуе

закончились неудачей, в том же году Советская Россия заключила Рапальский договор с другим государством-изгоем, Германией. Этот договор включал ряд важных секретных статей (в том числе договоренность о поставке Россией оружия для германского Рейхсвера), тогда как в 1918 году большевики выражали принципиальную решимость положить конец тайной дипломатии. Впервые Советское государство вошло в настоящий военный альянс с империалистической державой. И этому военному союзу сопутствовал крепнувший политический союз с буржуазией.

«Тактика» единого фронта, взятая на вооружение Коминтерном примерно в это же время, связала коммунистические партии с социал-демократией, которая в 1919 г. разоблачалась ими как агентура правящего класса. Поиск сильных союзников для Российского государства за границей постепенно становился приоритетной задачей политики Коминтерна. Считалось даже допустимым идти на сотрудничество с немецкими правыми националистами, предшественниками нацистов. В 1923 году этот политический регресс отозвался для немецкого рабочего движения разрушительными последствиями. Тогда преждевременное восстание пролетариата подавлялось и тем оружием, которое Красная Армия поставила для Рейхсвера. В тот период отчетливо проявились зловещие признаки, свидетельствующие о начавшемся процессе перерождения коммунистических партий и интеграции Российского государства в мировую капиталистическую систему.

Это скольжение по наклонной было вызвано не дурными намерениями большевиков, а объективными факторами, хотя субъективные ошибки действительно ускоряли процесс перерождения. В речи на XI съезде Ленин наглядно обрисовал ситуацию. Он не питал иллюзий относительно экономической сущности нэпа. По Ленину, нэп являлся форой государственного капитализма. Как мы показали ранее (*International Review*, № 99), уже в 1918 г. Ленин утверждал, что государственный капитализм, который представляет собой более развитый тип буржуазной экономики, достигшей высшей степени концентрации, был бы шагом вперед для остального российского хозяйства с его полуфеодальными пережитками, шагом к социализму. В 1922 г. Ленин снова поднимает эту тему. Он настаивает на том, что существует фундаментальное различие между государ-

ственным капитализмом реакционной буржуазии и государственным капитализмом, управляемым пролетарским государством:

«...Надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к буржуазной власти в капиталистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, но руководит этим государством не буржуазия, а пролетариат. Мы не хотим понять, что когда говорим «государство», то государство – это мы, это – пролетариат, это – авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это – тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это – рабочие, это – передовая часть рабочих, это – авангард, это – мы» (там же, с. 85).

Слова «государство – это мы» расходятся с тем, что сам Ленин говорил в ходе «дискуссии о профсоюзах» в 1921 г. Тогда он предостерегал от полного отождествления интересов государства и пролетариата. Из этой речи видно также, что Ленин перестает различать пролетариат и авангардную партию. Но, во всяком случае, он остро сознавал и объективную ограниченность «пролетарского контроля над государственным капитализмом». Известно его сравнение Советского государства (этой «мешанины», как он его называл), отмеченного родимыми пятнами старого порядка, – с машиной, которая перестает подчиняться водителю:

«Положение совершенно невиданное в истории: у пролетариата, у революционного авангарда, совершенно достаточно политической власти, а наряду с этим – государственный капитализм. Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя. Все остальное не является для них, для этого лагеря, абсолютно необходимым, – со всем остальным они могут примирить-

ся. Сумейте вы, коммунисты, вы рабочие, вы, сознательная часть пролетариата, которая взялась государством управлять, сумейте вы сделать так, чтобы государство, которое вы взяли в руки, по-вашему действовало. А вот мы год пережили, государство в наших руках, – а в новой экономической политике оно в этот год действовало по-нашему? Нет. Этого мы не хотим признать: оно действовало не по-нашему. А как оно действовало? Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то беззаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или и те и другие, – но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины» (там же, с. 86).

Короче говоря, не коммунисты управляют новым государством, а оно управляет коммунистами. Более того, Ленин ясно видел, в каком направлении двигалась неуправляемая машина – в направлении буржуазной реставрации, которая легко могла принять форму мирной интеграции Советского государства в мировую капиталистическую систему. Так, он признает «классовую правду» в позиции эмигрантов-«сменовеховцев» (буржуазное политическое течение), которые к тому времени начали поддерживать Советское государство, предугадав трансформацию большевистской партии в наиболее подходящего для российского капитализма надсмотрщика.

В речи на XI съезде Ленин глубоко проник в суть проблемы, ставшей перед большевиками, однако предложенное им решение было далеко не адекватно. Он не ставил вопрос о том, чтобы применить против бюрократизации действенное пролетарское противоядие – реанимировать Советы и другие органы, объединяющие рабочий класс. Как показал Кронштадт, большевистское руководство уже не верило в этот путь. От Ленина не последовало и предложения ослабить режим осадного положения, который фактически установился внутри партии после Кронштадтского восстания. В том же году «Рабочая оппозиция» подверглась новым ожесточенным нападкам после того, как апеллировала к IV Конгрессу Коминтерна с критикой внутрипартийного режима; Мясников, не поддавшийся уговорам Ленина и не отказавшийся от выступлений в защиту свободы слова, был исключен из партии.

По Ленину, главная проблема заключалась в «нехватке культуры» у коммунистических государственных управленцев – в их неспособности стать лучшими администраторами, чем царские бюрократы, лучшими торговцами и предпринимателями, чем вездесущие «нэпманы», которых породила либерализация экономики. В качестве примера колоссальной бюрократической инерции новой администрации Ленин приводит абсурдную историю о том, как иностранный капиталист предложил продать голодающей России мясные консервы и как целый государственный и партийный аппарат не мог принять решение о покупке консервов, пока к делу не подключилось высшее руководство партии.

Несомненно, сделав бюрократов более «культурными», можно было бы уменьшить число подобных эксцессов. Но изменить вектор движения государственной машины таким путем было невозможно. Главной силой, которая задавала этот вектор, были не нэпманы или частные капиталисты, а безличная тотальная власть мирового капитала – с железной необходимостью она определяла направление развития российской экономики и Советского государства. Даже при самых благоприятных условиях изолированный пролетарский бастион не смог бы долгое время противостоять этой власти. А в 1922 г. в России, пережившей гражданскую войну, голод, разруху, исчезновение пролетарской демократии и даже значительной части самого пролетариата, надеяться на то, что путем повышения эффективности управления государством, осуществляемого коммунистическим меньшинством, можно повернуть вспять эту превалирующую тенденцию, – было чистой утопией. Вскоре сам Ленин вынужден был признать, что процесс бюрократического разложения государственного аппарата не ограничивался его «малокультурными» низшими эшелонами, но распространился и на верхушку партии, «старую гвардию» большевиков. На глазах рождалась самая настоящая фракция бюрократии, персонифицированная в первую очередь Сталиным.

В статье «Завещание Ленина», написанной в 1932 г., Троцкий отмечает:

«Не будет, таким образом, преувеличением сказать, что последнее полугодие политической жизни Ленина, между выздоровлением и вторым заболеванием, заполнено все обостряющейся борьбой против Сталина. Напомним еще раз главные даты. В сентябре Ленин открывает огонь про-

тив национальной политики Сталина. В первой половине декабря выступает против Сталина по вопросу о монополии внешней торговли. 25 декабря пишет первую часть Завещания. 30-31 декабря – свое письмо по национальному вопросу ("бомбу"). 4 января делает приписку к Завещанию о необходимости снять Сталина с поста генерального секретаря. 23 января выдвигает против Сталина тяжелую батарею: проект Контрольной комиссии. В статье 2 марта наносит двойной удар Сталину как организатору Инспекции и генеральному секретарю. 5 марта пишет мне по поводу своего меморандума по национальному вопросу: "Если б вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным". В тот же день он впервые открыто солидаризуется с непримиримыми грузинскими противниками Сталина, извещая их особой запиской о том, что он "всей душой" следит за их делом и готовит для них документы против Сталина-Орджоникидзе- Дзержинского.» (*Троцкий Л.Д. Завещание Ленина// Горизонт. 1990, № 6 (470)*).

Уже будучи смертельно больным, Ленин бросил последние силы на борьбу против зарождающегося сталинизма. Он предложил Троцкому блок против бюрократизма вообще и против Сталина в частности. Таким образом, Ленин, выразив тревогу за судьбу революции, начал готовить почву для возможного перехода в оппозицию. Но когда мы читаем ленинские статьи того периода («Как нам реорганизовать Рабкрин» и особенно датированную 2 марта статью «Лучше меньше, да лучше», на которую ссылается Троцкий), мы видим, что положение главы государства по-прежнему накладывало серьезные ограничения на его видение путей выхода из создавшегося положения. Как и в апрельской речи, предлагаемые им решения лежат в сугубо административной плоскости: речь идет о сокращении числа бюрократов, реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), ее слиянии с Центральной контрольной комиссией партии; кроме того, Ленин, по-видимому, начинает связывать надежды на спасение российской революции уже не столько с пролетарскими революциями на Западе, сколько с подъемом «революционного националистического Востока» («Лучше меньше, да лучше»). Во всяком случае, четкое видение перспектив в этих статьях отсутствует. Ленин отчасти распознал опасность, но не успел сделать необходимые выводы. Вне всякого сомнения, проживи он дольше, от него не ускользнули бы настоящие

причины сложившейся ситуации, а значит и пути выхода из нее. Но теперь выработать ясное понимание происходящего должны были другие.

1923 г.: возникновение левых оппозиций

Уход Ленина из политической жизни стал одним из факторов, ускоривших наступление открытого кризиса в большевистской партии. С одной стороны, бюрократическая фракция укрепила свои главенствующие позиции в партии путем образования т.н. «триумвирата» – неустойчивого союза Сталина, Каменева и Зиновьева, объединившихся с единственной целью изолировать Троцкого. А тот, в свою очередь, был вынужден перейти в открытую оппозицию, хотя роль партийного оппозиционера далась ему нелегко.

Между тем, большевистский режим, возглавляемый «триумвиратом», столкнулся с новыми трудностями на экономическом и общественном фронте. Разразившийся летом 1923 г. т. н. кризис «ножниц» поставил под вопрос проведение новой экономической политики. «Ножницы» означали падение цен на сельскохозяйственную продукцию и одновременное повышение цен на промышленные товары. Это был первый серьезный кризис «рыночной экономики», введенной при нэпе, который грозил подорвать сбалансированность всего хозяйства страны. Если в 1921 г. кризис явился результатом государственной сверхцентрализации, осуществленной при военном коммунизме, то теперь стало очевидным, что после введения НЭПа и либерализации экономики Россия столкнулась с классическими проблемами капиталистического производства. И как в любом «нормальном» капиталистическом государстве, большевистское правительство ответило на кризис 1923 г. политикой снижения заработной платы и увольнений, что в свою очередь обострило до крайности и без того тяжелое положение рабочего класса. В результате уже в августе и сентябре в главных промышленных центрах начали вспыхивать стихийные забастовки.

К тому времени «триумвират», заинтересованный, прежде всего, в сохранении статус-кво, начал рассматривать нэп в качестве легчайшего пути к социализму. Бухарин, сместившийся резко вправо, обеспечивал тео-

ретическое обоснование этого курса, опередив Сталина в разработке теории построения социализма в отдельной стране (правда, по мнению Бухарина, строительство социализма должно было идти «черепашьим темпом», опираясь на развитие «социалистической» рыночной экономики). Троцкий, напротив, уже в то время призывал к большей государственной централизации и планированию для преодоления экономических трудностей, с которыми столкнулась страна. Однако впервые оппозиция в большевистском руководстве отчетливо заявила о себе в октябре 1923 г., когда в Политбюро была подана т.н. «платформа 46-ти». Среди подписавших ее были как партийцы, близкие Троцкому (Пятаков, Преображенский и другие), так и коммунисты из группы «демократического централизма» – такие, как Сапронов, В. Смирнов и Осинский. Обращает на себя внимание тот факт, что под документом не стояла подпись самого Троцкого: несомненно, сыграл свою роль страх показаться фракционером, действующим вопреки известной резолюции 1921 г. Тем не менее, в открытом письме к партийным совещаниям, опубликованном в декабре того же года в «Правде» и в брошюре «Новый курс», Троцкий высказал во многом те же идеи, что присутствовали в «платформе 46-ти», и, тем самым, недвусмысленно занял сторону оппозиции.

Непосредственной причиной появления «платформы 46-ти» стали экономические проблемы, с которыми столкнулось государство. Требуя расширения государственного планирования, оппозиционеры критиковали аппарат за его приспособленчество к обстоятельствам и склонность к абсолютизации принципов нэпа. Впоследствии этот мотив будет постоянно повторяться в выступлениях левой оппозиции, возглавляемой Троцким, что, как мы увидим позже, не относилось к сильным ее сторонам. Значительно большую важность имело то, что «платформа 46-ти» поставила в повестку дня вопрос о нездоровом климате в партии, чреватом опасными последствиями:

«Члены партии, недовольные тем или иным распоряжением ЦК или даже Губкома, имеющие на душе те или иные сомнения, отмечающие про себя те или иные ошибки, неурядицы и беспорядки, боятся об этом говорить на партийных собраниях, более того, боятся беседовать друг с другом... В наше время не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия партии все в

большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии...Создавшееся положение объясняется тем, что объективно сложившийся после X съезда режим фракционной диктатуры внутри партии пережил сам себя... Фракционный режим должен быть устранен, и это должны сделать в первую очередь его насадители: он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутривнутрипартийной демократии» (Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927. Т. 1. М., 1990.).

В то же время «платформа 46» отделяла себя от «болезненных» оппозиционных течений, несмотря на то, что видела в их существовании признак внутривнутрипартийного кризиса. Несомненно, речь шла о течениях, вроде «Рабочей группы», возглавляемой Мясниковым, и вдохновлявшейся идеями Богданова «Рабочей правды», которые возникли приблизительно в то же время. Вскоре Троцкий занял схожую позицию по отношению к этим группам: с одной стороны, он отвергал их выводы как чересчур категоричные, с другой, видел в их возникновении проявление нездорового климата внутри партии. Следует отметить, что Троцкий не хотел соучаствовать в репрессиях, направленных на их уничтожение.

На самом деле, значение этих группировок вовсе не сводилось к тому, что их существование свидетельствовало о «болезни» партии. «Рабочую правду», следует признать, действительно отличал некоторый уклон в сторону пораженчества и даже меньшевизма. Она распознала зарождение государственного капитализма в России, но, как и для большинства голландских и немецких левых коммунистов, для этого течения было характерно непонимание истинной природы Октября 1917 года, который оно оценивало как более или менее прогрессивную, но по сути своей буржуазную революцию.

Совсем по-другому обстояло дело с «Рабочей группой РКП». Впервые эта группа, возглавляемая старыми большевиками-рабочими Мясниковым, Кузнецовым и Моисеевым, заявила о себе манифестом, который она распространила в апреле-мае 1923 г. сразу после XIII Съезда РКП(б). Изучение этого текста позволяет сделать вывод о серьезности группы, глубине и проницательности ее политического анализа.

Манифест «Рабочей группы» не лишен недостатков. Его авторы тяготеют к «теории наступления», основанной на неверной оценке нового этапа – этапа отступления мировой революции, предполагающего необходимость оборонительной борьбы рабочего класса. По сути, эта теория являлась перевернутым отражением официального анализа Коминтерна, который в 1921 г. признал факт отступления, но сделал из этого в основном оппортунистические выводы. В манифесте также содержится ошибочное утверждение, что в эпоху пролетарских революций борьба за повышение заработной платы более не играет положительной роли.

Однако сильные стороны Манифеста с лихвой компенсируют недостатки:

– решительный интернационализм. В отличие от «Рабочей оппозиции» Коллонтай, анализ «Рабочей группы» не замыкается в национальных рамках России. Вся вводная часть манифеста посвящена международной ситуации: в ней четко названа главная причина затруднительного положения, в котором оказалась русская революция, – задержка революции мировой. Только последняя может спасти пролетарскую власть в России: «Русский рабочий... научился себя рассматривать как солдата мировой армии пролетариата, а свои классовые организации как отряды этой армии. Вот почему всякий раз, как только встает тревожный вопрос о судьбе завоеваний, сделанных в октябре 1917 г., взор его пылливо вперяется туда, за рубеж, где объективные условия революции имеются налицо, а самой революции нет и нет»;

– резкая критика оппортунистической тактики «единого фронта» и лозунга «рабочего правительства», то есть политической линии Коммунистического Интернационала. Тот факт, что этот вопрос является приоритетным в манифесте, служит еще одним доказательством интернационализма «Рабочей группы». Позиция группы не была сектантской: она доказывала необходимость единства различных коммунистических организаций (вроде КПП и КРПП в Германии) во имя революции, но в то же время полностью отвергала призыв Коминтерна строить блок с социал-демократическими предателями. В манифесте опровергается надуманный аргумент, будто русская революция победила благодаря умелому использованию большевиками тактики единого фронта: «...Не единый социалистический фронт мог быть тактикой победы восставшего пролетариата к

победе, а борьба, беспощадная, кровавая борьба с этими буржуазными фракциями с туманной социалистической терминологией могла дать победу. Так было оно и на самом деле. Не в единении с эсерами, меньшевиками, трудовиками, эн-эсами русский пролетариат одержал победу в октябре, а в борьбе с ними»;

– видение опасностей, угрожающих Советскому государству, главная из которых, по мнению «Рабочей группы», заключалась в «подмене диктатуры пролетариата капиталистической олигархией». Отмечая возвышение бюрократической элиты и политическое бесправие рабочих, Манифест выдвигает требование возродить фабрично-заводские комитеты и, прежде всего, Советы, которые должны определять направление развития экономики и государства.ⁱⁱ Для «Рабочей группы» возрождение рабочей демократии было единственным средством борьбы против усиления бюрократии: идея Ленина о том, что перетряска Рабоче-крестьянской инспекции обеспечит продвижение вперед, прямо отвергается в рассматриваемом документе как попытка установить контроль над бюрократией бюрократическими же методами;

– глубокое чувство ответственности. В отличие от немецких левых из КРПГ, которые в 1923 г. опубликовали манифест «Рабочей группы» в Берлине и сопроводили его критическими комментариями), группа Мясникова не спешила окончательно хоронить русскую революцию и Коммунистический Интернационал. Во время кризиса 1923 г., связанного с «нотой Керзона», когда Великобритания, казалось, могла напасть на Россию, члены «Рабочей группы» заявили о своей готовности стать на защиту Советской республики в случае войны. Но, главное, в манифесте группы не содержалось ни малейшего намека на отрицание Октябрьской революции и большевизма. В сущности, представление «Рабочей группы» о собственной роли было очень близко понятию левой фракции, которое впоследствии было разработано итальянскими левыми коммунистами в изгнании. Она признавала необходимость самостоятельной организации и даже подпольной работы, но содержание ее манифеста, как и само название группы – «Рабочая группа Российской коммунистической партии (большевиков)», говорило о том, что ее члены рассматривали свою деятельность как полностью соответствующую программе и уставным документам большевистской партии. Группа, таким образом, призывала все

здоровые элементы в партии – как руководство, так и оппозиционные течения наподобие «Рабочей правды», «Рабочей оппозиции» и «демократических централистов» – к перегруппировке сил и началу решительной борьбы за возрождение партии и революции. Во многом эта тактика была гораздо более реалистичной, чем надежда «46-ти» на то, что фракционный режим в партии будет устранен «в первую очередь» самой господствующей фракцией.

Таким образом, в идеях и деятельности «Рабочей группы» не было ничего нездорового, не являлась она и просто сектой, лишенной какого-либо влияния в рабочем классе. По некоторым оценкам, она насчитывала около 200 членов в Москве. Группа действовала в полном соответствии с провозглашенным ею принципом, что коммунисты должны становиться на сторону пролетариата в его борьбе с бюрократией. Так, «мясниковцы» активно пытались политизировать стихийные забастовки, происходившие весной и летом 1923 г. Именно по этой причине – а также по причине растущего политического влияния группы среди рядовых партийцев – аппарат направил против «Рабочей группы» всю мощь репрессивных органов. Была даже попытка застрелить Мясникова «при попытке к бегству», как он сам и предсказывал. Мясников выжил и после тюремного заключения и ссылки продолжал в течение двух десятилетий революционную деятельность за границей. В России «Рабочая группа» была практически разгромлена в результате повальных арестов, однако полностью не исчезла. Как свидетельствует Анте Цилига в книге «В стране великой лжи», являющейся ценнейшим описанием идейно-политической жизни заключенных оппозиционеров в конце 20-х – начале 30-х гг., «мясниковцы» продолжали оказывать влияние на «крайне левых» в оппозиционном движении. Как бы то ни было, репрессии против «Рабочей группы» были зловещим знаком: впервые при большевистском режиме государство прибегло к прямому насилию против оппозиционеров-коммунистов.

Роковая нерешительность Троцкого

Открытый переход Троцкого на сторону левой оппозиции в 1923 г. имел огромное значение. В международном коммунистическом движении

он считался вторым после Ленина вождем русской революции. Его критика внутрипартийного режима дала понять всему миру, что не все хорошо в стране Советов, и теперь те коммунисты, которых уже начали тревожить тенденции Советского государства, но, прежде всего, политика компартий за его пределами, – могли сплотиться вокруг знаковой фигуры Троцкого, чья репутация твердого приверженца традиций Октября и пролетарского интернационализма, была неоспорима. Так, например, поступили итальянские левые в середине 1920-х гг.

Однако с самого начала стало очевидно, что оппозиционная линия, которой придерживался Троцкий, была менее последовательной и менее решительной, чем линия, отстаиваемая левыми коммунистами, в частности группой Мясникова. Действительно, даже в ограниченных пределах, намеченных Лениным в последних письмах и статьях, Троцкий был не до конца решителен в борьбе против сталинизма.

Приведем самые важные примеры. На XII съезде партии в апреле 1923 г. Троцкий, несмотря на то, что в то время он еще входил в руководство партии и пользовался широкой поддержкой, не решился пустить в ход «бомбу» – огласить ленинскую критику Сталина за его позицию в «национальном вопросе», роль в Рабкрине, нелояльность. Троцкий молчал, когда в преддверии XIII съезда на заседании ЦК 22 мая 1924 г. обсуждалось «Завещание» Ленина и его предложение сместить Сталина с поста генерального секретаря; политическое будущее Сталина висело тогда на волоске, но Троцкий проголосовал против опубликования «Завещания» вопреки воле вдовы Ленина Крупской. В 1925 г. он отмежевался от своего американского сторонника Макса Истмена, когда тот изложил содержание «Завещания» и процитировал этот документ в книге «После смерти Ленина». Политбюро убедило Троцкого поставить свою подпись под заявлением, осуждающим Истмена за распространение «чистой клеветы... служащей исключительно целям врагов, принявших облик коммунистов и революционеров». Когда он, наконец, принял решение обнародовать текст «Завещания», было уже поздно: власть Сталина над партийным аппаратом стала практически непререкаемой. В период между роспуском левой оппозиции 1923 г. и формированием «объединенной оппозиции» с зиновьевцами, Троцкий нередко уклонялся от дел Центрального комитета, сосредотачиваясь в большей степени на делах технических или куль-

турных; даже присутствуя на заседаниях ЦК, он часто не принимал в них деятельного участия.

Нерешительность Троцкого объясняется рядом причин. Хотя все они являются политическими по своей сути, некоторые все же связаны с особенностями личности Троцкого. Так, его друг Иоффе в последнем письме Троцкому, написанном перед самоубийством, отметил ряд личных недостатков лидера оппозиции:

«Но я всегда считал, что вам недостает ленинской непреклонности, неуступчивости, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути, в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути... вы часто отказывались от собственной правоты в угоду переоцениваемому вами соглашению, компромиссу» (Цит. по: *Троцкий Л.Д. Моя жизнь*, гл. «Последний период борьбы внутри партии»).

В сущности, Иоффе точно описал те недостатки, которые были заметны у Троцкого еще до вступления в большевистскую партию – склонность к центризму, неспособность занять четкую и бескомпромиссную позицию, готовность пожертвовать политическими принципами ради единства организации. Вдобавок к этому нерешительность Троцкого усиливалась тем, что он боялся показаться участником тривиальной борьбы за личную власть, за место Ленина в партии. Именно этим сам Троцкий объясняет свои колебания в тот период:

«Я не сомневаюсь, что, если б я выступил накануне XII съезда в духе блока "Ленина-Троцкого" против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина в борьбе. Насколько прочна была бы эта победа, вопрос другой. Для разрешения его необходимо привлечь к учету ряд объективных процессов в стране, в рабочем классе и в самой партии. Это особая и большая тема. Крупская однажды сказала в 1927 г., что если б жив был Ленин, то, вероятно, уже сидел бы в сталинской тюрьме. Я думаю, что она была права. Ибо дело не в Сталине, а в тех силах, которые Сталин выражает, не понимая того. Но в 1922-23 году вполне возможно было еще завладеть командной позицией открытым натиском на быстро складывавшуюся фракцию национал-социалистических чиновников, аппаратных узурпаторов, незаконных наследников Октября, эпигонов большевизма. Главным препятствием на

этом пути было, однако, состояние самого Ленина. Ждали, что он снова поднимется, как после первого удара, и примет участие в XII съезде, как принял в XI. Он сам на это надеялся. Врачи обнадеживали, хотя все с меньшей твердостью. Идея блока "Ленина и Троцкого" против аппаратчиков и бюрократов была в тот момент полностью известна только Ленину и мне, остальные члены политбюро смутно догадывались. Письма Ленина по национальному вопросу, как и его Завещание, никому не были известны. Мое выступление могло быть понято, вернее сказать, изображено как моя личная борьба за место Ленина в партии и государстве. Я не мог без внутреннего содрогания думать об этом» (*Троцкий ЛД. Моя жизнь*, гл. «Болезнь Ленина»).

Несомненно, в этих словах есть доля правды: как заметил один оппозиционер в беседе с Цилигой, в Троцком было «слишком много от рыцаря». Столкнувшись с безжалостными и беспринципными интригами Сталина и его бюрократов, Троцкий не хотел опускаться до того же уровня и, таким образом, почти всегда оказывался в проигрыше.

Однако, главные причины, обусловившие нерешительность Троцкого в борьбе против сталинской контрреволюции, кроются в тесно взаимосвязанных изъянах его теоретического анализа и политической позиции:

– Хотя Троцкий и называл Сталина «могильщиком революции», он и его сторонники не сознавали, что в действительности сталинизм является ничем иным, как буржуазной контрреволюцией. Их мысли были сосредоточены на угрозе «капиталистической реставрации» в традиционном смысле, понимаемой как возврат к частнособственническому капитализму. По этой причине для Троцкого главная опасность внутри партии таилась в ее правой фракции, возглавляемой Бухариным: «Блок со Сталиным против правых – возможно, – говорил он, – блок с правыми против Сталина – никогда». Троцкий рассматривал сталинизм как форму центризма, позиции по определению неустойчивой, подверженной колебаниям влево и вправо. В следующей статье в рамках данной серии мы покажем, что недооценка угрозы сталинизма была связана с ошибочными экономическими теориями Троцкого, который отождествлял проводимую государством индустриализацию с социализмом и никогда по настоящему не мог понять сущности государственного капитализма. Эти заблуждения Троц-

кого в течение последних десяти лет жизни вели его ко все более серьезным политическим ошибкам.

– Троцкому было трудно увидеть истинную природу сталинизма еще и потому, что в свое время он сам, будучи одним из руководителей государства, разрабатывал и осуществлял ошибочную политику, ускорившую процесс капиталистического перерождения. Не в последнюю очередь здесь следует упомянуть политику милитаризации труда и подавление рабочих выступлений, а также оппортунистическую тактику Коминтерна в начале 1920-х гг., в частности, тактику единого фронта. Даже после перехода в оппозицию Троцкий был множеством уз связан с партийной бюрократической верхушкой, что отчасти помешало ему признать свои прошлые ошибки и, став на сторону пролетариата, перейти к борьбе против режима. Даже к рядовым членам партии троцкистская оппозиция обратилась только в 1926-1927 гг.; прийти к мысли об агитации в широких рабочих массах ей было очень сложно. Поэтому многим рядовым рабочим борьба Троцкого и Сталина казалась чем-то далеким от их жизни, верхушечной схваткой «больших начальников».

Провозглашенный Троцким на XIII съезде РКП(б) принцип, согласно которому «Никто не может быть правым против партии», был подвергнут жесткой критике итальянскими левыми в контексте осмысления ими поражения русской революции и значения «Московских процессов» 30-х гг. над старыми большевиками:

«Трагедия Зиновьева и «старых большевиков» связана с их стремлением реформировать партию, которой они полностью подчиняются, фетишизируя ее как олицетворение Октябрьской революции, – а эта партия посадила их на скамью подсудимых и заставила пожертвовать жизнью.

У Троцкого мы видим то же самое, когда в 1925 г. он, уступая давлению, добровольно уходит с поста главы Военного комиссариата, несмотря на поддержку армии, прежде всего, Московского округа. Только 7 ноября 1927 г. Троцкий открыто выступил против партии, но было уже поздно – он потерпел жалкое поражение. Даже в изгнании преданность партии и боязнь стать орудием контрреволюции в России не позволили ему довести критику русского централизма до логического конца.» (La Boucherie de Moscou// Bilan, № 34, August-September 1936).

Перед лицом наступающей контрреволюции, мертвой хваткой сжимавшей партию, оставался единственный способ хоть что-то спасти – образовать независимую фракцию, которая, борясь за здоровые элементы внутри партии, не остановилась бы перед необходимостью нелегальной подпольной борьбы в гуще пролетарских масс. Как мы видели, в 1923 г. такую задачу ставила перед собой группа Мясникова, разгромленная репрессивными органами. Напротив, Троцкий оказался обезоружен собственной верностью резолюции, запрещающей фракции, которую сам поддержал на X съезде партии в 1921 г. И в 1923 г., и в последней битве 1927 г., аппарат извлек максимум выгоды из этого запрета, используя его для внесения путаницы и деморализации в ряды оппозиционеров, оказавшихся перед выбором: самороспуск или уход в подполье. В обоих случаях оппозиционеры предпочли первый путь в тщетной надежде спасти единство партии, однако это не уберегло их от мести сталинского аппарата.

CDW

Примечания

ⁱ Впоследствии КРО отказалась от такого подхода – отчасти под влиянием более глубокого знакомства с политическим методом итальянских левых коммунистов.

ⁱⁱ Но в то же время в манифесте нашла отражение точка зрения, согласно которой профсоюзы должны стать органами централизации экономического управления. Этот старый постулат «Рабочей оппозиции» критиковался самим Мясниковым в 1921 г.

1924-1928 гг.: торжество сталинистского государственного капитализма*

(International Review, № 102, 2001)

Летом 1927 г., когда в «Правде» был напечатана серия статей, в которых отрицалась возможность термидора в СССР, Троцкий доказывал, что аналогия с Французской революцией оправдана, несмотря на различия двух исторических ситуаций. Он указывал на то, что орудием контрреволюции во Франции стала часть самой партии якобинцев. В условиях изоляции России, утверждал Троцкий, пролетарскому режиму угрожает не только прямой насильственный захват власти капиталистическими силами, но и «буржуазная реставрация», которая может принять форму скрытого процесса постепенного перерождения. «Термидор, – писал Троцкий, – это особая форма контрреволюции, совершаемая в рассрочку и использующая для первого этапа элементы той же правящей группы – путем их перегруппировки и противопоставления» (Термидор// Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927. Т. 4. М., 1990). Троцкий отмечал, что Ленин тоже признавал существование такой угрозы:

«Ленин считал не исключенным, что экономические и культурные сдвиги в сторону буржуазного перерождения могут в течение долгого периода происходить при сохранении власти большевиков, путем незаметной культурно-политической ассимиляции известного слоя большевистской партии, новой поднимающейся мелкобуржуазной стихией.»

В то же время Троцкий спешил заверить, что в текущий момент, несмотря на опасность бюрократизма и растущее влияние буржуазных сил внутри страны, до окончательной победы термидора еще очень далеко. В платформе «объединенной оппозиции», опубликованной вскоре после цитированной статьи, он и его соратники утверждали, что мировая революция возможна в не столь отдаленной перспективе, а в самой России сохраняются важнейшие завоевания Октябрьской революции, в частности «социалистический сектор» экономики. Оппозиция, таким образом, сохраняла приверженность курсу на реформирование Советского государства и стояла на позиции безусловной защиты СССР от империалистов.

Однако в исторической ретроспективе становится очевидным, что анализ Троцкого безнадежно расходился с реальностью. Уже к лету 1927 г. силы буржуазной контрреволюции полностью захватили партию большевиков.

Почему Троцкий недооценил угрозу?

Ошибочный анализ ситуации, с которой столкнулась оппозиция в 1927 г., складывался из трех ключевых элементов:

1) Троцкий недооценил глубину и размах наступления контрреволюции потому, что неспособен был вскрыть ее исторические корни – в частности, признать, что политические ошибки, совершенные в свое время самой большевистской партией, ускорили процесс перерождения революции. Хотя как мы видели в предыдущих статьях, ослабление пролетарской власти в России объясняется в первую очередь изоляцией, откатом мировой революции и разрушительными последствиями гражданской войны, положение усугублялось тем, что партия большевиков не отделяла себя от государства и охотно присваивала полномочия классовых органов типа Советов и фабрично-заводских комитетов. Этот процесс был замечен уже в 1918 г., а в 1921 г. подавление Кронштадтского восстания отметило его вступление в особенно тяжелую стадию. Для Троцкого тем труднее было критиковать ошибочные установки большевиков в прошлом, что он сам играл видную роль в их реализации (вспомним, например, его призыв к милитаризации труда в 1920-1921 гг.).

2) Троцкий ясно сознавал, что подъем сталинистской бюрократии был в большой степени облегчен серией поражений международного пролетариата – в Германии (1923 г.), Великобритании (1926 г.) и в Китае (1927 г.). Но он не смог понять историческое значение этих поражений. Такой просчет совершил, конечно, не он один: например, итальянская левая фракция только после прихода Гитлера к власти сделала вывод о том, что исторические тенденции изменились в сторону стремительного движения к войне. Однако Троцкий так и не сумел оценить произошедшие перемены: даже в 30-х гг. он по-прежнему пытался разглядеть признаки приближающейся революции, в то время как в действительности рабочих все ближе подводили к пропасти империалистической войны, выбивая у них из-под ног классовую почву и увлекая на скользкую дорогу «антифа-

шизма» («народные фронты», война в Испании и т.д.). Необоснованный «оптимизм» Троцкого в отношении перспектив революции вел к неверному пониманию причин и следствий внешней политики сталинизма. Как видно из платформы «Объединенной оппозиции», составленной в 1927 г. (несомненно, в этом тексте отразилась «военная тревога» того времени, когда война с Великобританией казалась неизбежной), оппозиционеры были убеждены, что империалистические державы рано или поздно должны напасть на СССР, так как, несмотря на господство сталинистской бюрократии, он все еще представляет угрозу для мировой капиталистической системы. В этой ситуации левая оппозиция видела свой долг в безусловной защите СССР от внешней угрозы. Она, конечно, резко критиковала сталинистскую бюрократию за саботаж рабочей борьбы в Великобритании и Китае. Катастрофические последствия политики Коминтерна в этих странах стали решающим фактором, побудившим оппозицию перегруппироваться и активизировать свою деятельность в 1926-1927 гг. Однако Троцкий и «Объединенная оппозиция» не поняли главного – качественного (даже по сравнению с оппортунистическим поведением Коминтерна в Германии в 1923 г.) изменения внешней политики сталинизма, который в Великобритании и Китае открыто препятствовал классовой борьбе рабочих с целью заручиться поддержкой «дружественных» СССР фракций буржуазии (профсоюзная бюрократия в Великобритании и Гоминьдан в Китае). Эти события ознаменовали окончательный поворот Советского государства к включению в межкапиталистическую борьбу за глобальное доминирование. Отныне СССР начал действовать на мировой арене как империалистическая держава, и его защита коммунистами теряла под собой последние основания, так как Советский Союз перестал быть оплотом мировой революции, а значит, лишился смысла своего существования.

3) С охарактеризованной выше ошибкой Троцкого была тесно связана его неспособность правильно определить, какая общественная сила представляла собой подлинный авангард контрреволюции. Защищая СССР, он руководствовался ложным критерием. В отличие от итальянских левых, Троцкий не придавал решающего значения роли Советского Союза на международной арене, следствиям его внешней политики, и даже вопрос о том, сохраняет ли в действительности советский рабочий класс в своих руках политическую власть, не являлся для него ключевым.

На первый план он выдвигал чисто юридический критерий – сохранение государственных форм собственности в качестве доминирующих в экономике и удержание государственной монополии на внешнюю торговлю. Поэтому возможный термидор представлялся ему исключительно как отмена этих юридических установлений и возврат к классическим формам частной собственности. Настоящими «термидорианцами», по его убеждению, являлись те элементы, которые толкали режим на путь возвращения к частной (или, точнее говоря, индивидуальной) собственности – такие, как кулаки, нэпманы, экономисты вроде Устрялова, а также их видимые союзники внутри партии – в частности, фракция Бухарина. Сталинизм характеризовался лидером оппозиции как центризм, не способный выработать собственную политическую линию и постоянно балансирующий между левым и правым крылом партии. Отождествление социализма с национализацией помешало Троцкому понять, что капиталистическая контрреволюция может утвердиться и на почве государственной собственности. Отсюда неверное понимание троцкистами самой сути сталинистского проекта и их постоянные «предупреждения» о приближающейся реставрации частной собственности, которой так и не произошло (по крайней мере, до 1991 года, хотя и тогда частный капитализм был восстановлен лишь частично).

Эта роковая ошибка нашла свое яркое отражение в том, каким образом оппозиция прореагировала на выдвижение Сталиным печально знаменитой теории «социализма в одной стране».

«Социализм в одной стране» и теория «первоначального социалистического накопления»

Осенью 1924 г. в длинном и претенциозном опусе, озаглавленном «Вопросы ленинизма», Сталин сформулировал теорию «социализма в одной стране». Эта теория, в основу которой была положена единственная цитата из ленинской работы 1915 г., открывавшая простор для различных толкований, означала разрыв с базовым принципом коммунистического движения – признанием того, что бесклассовое общество может установиться только в мировом масштабе. Сталинская теоретическая «новация» прямо искажала суть самой Октябрьской революции – ведь Ленин и большевики не уставали повторять, что восстание россий-

ских рабочих явилось интернационалистическим ответом на империалистическую войну и представляло собой не что иное, как первый шаг к мировой пролетарской революции.

Провозглашение «социализма в одной стране» было не просто теоретической ревизией. Это была открытая декларация контрреволюции. К тому времени большевистская партия уже была разрывалась между собственными интернационалистическими принципами, с одной стороны, и потребностями Российского государства, которое все в большей степени капиталистические антипролетарские интересы, с другой. Сталин разрешил это противоречие одним росчерком пера: отныне партия должна была подчиняться только требованиям российского национального капитала и бороться с теми в своих рядах, кто сохранял верность изначальной пролетарской миссии большевизма.

Итак, сталинская фракция раскрыла свои истинные намерения. Два события создали благоприятный фон для этого демарша сталинистов: поражение немецкой революции в октябре 1923 г. и смерть Ленина в январе 1924 г. Неудавшееся восстание в Германии – в большей степени, чем предыдущие поражения – наглядно продемонстрировало, что отступление европейского пролетариата приняло затяжной характер, хотя никто в тот момент не мог сказать, как долго будут длиться сумерки контрреволюции. Поражение революции в Германии играло на руку тем, кто считал, что идея интернационализации революционной процесса мешает развитию России и ее превращению в экономическую и военную державу.

Как мы видели в предыдущей статье, перед уходом из политической жизни Ленин уже начал борьбу против сталинизма, и, вне всякого сомнения, он не одобрил бы отказ от принципов интернационализма, который бюрократия с такой откровенностью поспешила провозгласить вскоре после его смерти. Конечно, один Ленин не смог бы остановить победоносное наступление контрреволюции. В 1930-х гг. «Билан» писал, что ввиду объективных обстоятельств, на которые натолкнулась русская революция, Ленина ожидала бы та же судьба, что и остальных оппозиционеров: «Проживи он дольше, центристы использовали бы против него те же методы, которые они использовали против тысяч большевиков, заплативших за свою верность интернационалистической программе Октябрьской революции ссылкой, тюрьмой или депортацией из страны» (*L'Etat Proletarien// Bilan*, № 18, April-May 1935, p. 610.). Как бы то ни было, с его

смертью было устранено главное препятствие для реализации замыслов сталинистов. Сразу после смерти Ленина Сталин похоронил его теоретическое наследие и принялся создавать культ «ленинизма» по образу и подобию православных культов святых. Соответствующий тон был задан уже на самих похоронах Ленина в «клятве» Сталина. Символичен тот факт, что Троцкий не присутствовал на похоронах. В тот момент он был на Кавказе, где восстанавливался после болезни. Но Троцкий еще и поддался на маленькую уловку Сталина, который дезинформировал его о дате похорон. Так Сталин представил себя всему миру в качестве законного преемника Ленина.

В большевистской партии не сразу поняли смысл «социализма в одной стране» – отчасти потому, что эта откровенно контрреволюционная идея была хитро замаскирована Сталиным, подавшим ее под соусом маловразумительного «теоретизирования». Но главная причина заключалась в том, что большевики были недостаточно вооружены теоретически, чтобы немедленно отвергнуть сталинскую концепцию.

Мы уже отмечали, что рабочее движение долгое время преследовала путаница по вопросу о соотношении социализма и государственной централизации буржуазных экономических отношений. Особенно это относится к социал-демократическому периоду. Но и в ходе революционного наступления 1917-1923 гг. дух «государственного социализма» вовсе не был изгнан из программ революционных партий. Как бы то ни было, в тот период восходящая волна революции открывала перспективу подлинного социализма, удерживая на переднем плане идею социалистического переустройства в мировом масштабе. Когда же произошел откат революционной волны и русский аванпост был брошен на произвол судьбы, ситуация переменилась: идея о том, что путем развития государственного, «социалистического» сектора экономики можно заложить основы социализма в СССР, становилась все более популярной, принимая теоретически оформленный вид. В цитированной выше статье итальянских левых отмечалось, что эта тенденция заметна в некоторых поздних работах Ленина:

«В статьях Ленина о кооперации отразилась новая ситуация, сложившаяся после ряда поражений мирового пролетариата. И вовсе не удивительно, что эти работы могли быть использованы фальсификаторами для оправдания их теории «социализма в одной стране.»

Указанный круг идей был развит Левой оппозицией – особенно Троцким и Е.А. Преображенским – в ходе «дискуссии об индустриализации» в середине 1920-х гг. Дискуссия была вызвана экономическими затруднениями на очередном витке нэпа, в ходе которого проявились типичные признаки капиталистического кризиса – безработица, ценовая нестабильность, дисбаланс различных отраслей экономики. Троцкий и Преображенский критиковали аппарат за его осторожную экономическую политику, отсутствие долгосрочного планирования, упование на легкую промышленность и рыночную стихию. По их убеждению, для того чтобы оздоровить советскую экономику и сделать ее более динамичной, необходимо было увеличить инвестиции в тяжелую промышленность, следуя долгосрочному плану экономического развития. «Индустриализаторы» из левой оппозиции рассуждали следующим образом: так как тяжелая промышленность составляет основу государственного сектора, социалистического по своей сути, промышленный рост означает продвижение к социализму и отвечает интересам рабочего класса. Они были убеждены, что можно запустить процесс индустриализации в преимущественно аграрной российской экономике, не попав в чрезмерную зависимость от иностранного капитала и технологий. Сделать это предполагалось посредством своего рода «эксплуатации» отдельных слоев крестьянства (прежде всего богатейшего), осуществляемой через налогообложение и ценовую политику. Такая «эксплуатация» обеспечила бы необходимый приток капитала для инвестиций в государственный сектор и рост тяжелой промышленности. Таким образом, согласно представлениям оппозиционеров, Россия должна была пройти период «первоначального социалистического накопления», сходный по своему содержанию, если не по методам, с первоначальным накоплением капитала, описанным Марксом в «Капитале». В частности, Преображенский видел в «первоначальном социалистическом накоплении» ни много, ни мало фундаментальный закон переходной экономики, действующий в противовес закону стоимости:

«Каждый читатель может по пальцам сосчитать, что противодействует у нас закону ценности: монополия внешней торговли, социалистический протекционизм, жесткий план импорта, строящийся в интересах индустриализации страны, неэквивалентный обмен с частным хозяйством, обеспечивающий накопление для государственного хозяйства в архинеблагоприятных условиях низкой техники государственного хозяй-

ства. Но все это в целом, на базе единого государственного хозяйства пролетариата, и есть внешние инструменты, внешние проявления закона первоначального социалистического накопления» (Преображенский Е. Экономические заметки. III. О пользе теоретического изучения советского хозяйства// Большевик: Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП. 1926, № 15-16, с. 76.).

Эта теория была ошибочной в двух главных аспектах:

1) Фундаментальным заблуждением было считать, что рост промышленности сам по себе отвечает потребностям и классовым интересам пролетариата. Социализм не мог автоматически возникнуть в ходе «социалистического» накопления, которое в действительности являлось капиталистическим, так как было основано на извлечении прибавочной стоимости и ее превращении в новый капитал. Промышленность, государственная или нет, – это не то же самое, что рабочий класс. Напротив, промышленный рост в рамках отношений наемного труда предполагает усиление эксплуатации пролетариата. Отождествляя интересы промышленности с интересами пролетариата, Троцкий следовал той же логике, что и во время «дискуссии о профсоюзах» в 1921 г., когда он ставил знак равенства между переходным государством и рабочим классом. Подобная логика отказывала пролетариату в праве защищать свои непосредственные интересы, если они шли вразрез с потребностями развития «социалистического сектора». В 1930-х гг. итальянская левая фракция смогла показать принципиальные опасности, которые несет в себе такой подход. Хотя вслед за Троцким итальянские левые питали некоторые иллюзии в отношении «коллективизированного» сектора экономики как некой гарантии пролетарского характера Советского государства, они вовсе не разделяли его энтузиазма по поводу индустриализации как таковой. Они настаивали на том, что прогресс на пути к социализму измеряется не ростом постоянного капитала, а тем, в какой степени производство направлено на удовлетворение непосредственных материальных потребностей пролетариата (приоритет производства потребительских благ над производством средств производства, сокращение рабочего дня и т. д.). Развивая этот аргумент, можно сказать, что продвижение к социализму требует полного отказа от логики накопления капитала.

2) Если допускалось, что Россия с ее крестьянским большинством способна решительно шагнуть к социализму, то возникал вопрос: какая

роль отводится мировой революции? В то время как на самом деле без мировой революции невозможно было даже политическое выживание пролетарской диктатуры в России, в теории «первоначального социалистического накопления» она оказывалась фактически всего лишь средством, позволяющим ускорить процесс социалистического строительства, уже идущий в рамках отдельной страны. В некоторых своих работах Преображенский вплотную приблизился к опасной черте, за которой идея мировой революции теряла свой первоначальный смысл. Не удивительно, что он поддался сталинской «левой» демагогии после поворота к форсированной индустриализации в конце 1920-х, когда казалось, что аппарат реализует экономическую программу оппозиции.

Таким образом, вовсе не случаен тот факт, что оппозиционеры, группировавшиеся вокруг Троцкого, не смогли сразу понять всю глубину контрреволюционности, содержащейся в сталинской теории «социализма в одной стране».

1925–1927 гг.: последний бой оппозиции

Первое открытое выступление против доктрины «социализма в одной стране» последовало с неожиданной стороны – Сталина подверг критике его бывший союзник Зиновьев. В 1925 г. распался «триумvirат» Сталина, Каменева и Зиновьева, которых объединяла единственная цель – борьба с «троцкизмом». Как признавал впоследствии Зиновьев, легенда о «троцкизме» была изобретена аппаратом для того, чтобы укрепить господствующие позиции «триумvirов» в партийной иерархии, оттеснив Льва Троцкого, человека, который после смерти Ленина олицетворял дух Октября. Как мы видели в предыдущей статье, первое выступление левой оппозиции захлебнулось после того, как против нее были выдвинуты обвинения во «фракционной деятельности», на которые она, сохраняя лояльность решению X Съезда о запрете фракций, не могла ничего ответить. Оказавшись перед выбором: переход к нелегальной деятельности (что сделала, например, группа Мясникова) или отказ от каких-либо организованных действий внутри партии – оппозиционеры, группировавшиеся вокруг Троцкого, выбрали последнее. Но по мере того, как контрреволюционная политика аппарата набирала обороты, большевикам, сохранявшим – пусть даже в слабой степени – верность исходным принципам интерна-

ционализма, не оставалось ничего другого, как открыто стать на оппозиционный путь. Поэтому не случайно появление в 1925 г. новой оппозиции, на этот раз возглавляемой Зиновьевым.

Внезапный поворот Зиновьева влево объяснялся, помимо прочего, и его личными соображениями: стремлением сохранить свои позиции в руководстве партии и контроль над партийной машиной Ленинграда. Естественно, Троцкий (в 1925-1926 гг. его участие в политической жизни было весьма ограниченным) поначалу с большим подозрением смотрел на новую оппозицию. Он сохранял нейтралитет в первых стычках сталинцев и зиновьевцев, в частности на XIV съезде партии, когда последние признали, что их нападки на «троцкизм» были ошибкой. Как бы то ни было, в своей критике Сталина Зиновьев ясно выразил базовые элементы пролетарской позиции: как уже говорилось, он раньше Троцкого выступил против теории «социализма в одной стране» и начал говорить об угрозе государственного капитализма. Контроль бюрократии над партией и над всем рабочим классом усиливался, и необходимость объединения усилий всех оппозиционных групп становилась все более насущной – особенно после того, как обнаружились катастрофические результаты внешней политики сталинизма.

В апреле 1926 г., несмотря на опасения, Троцкий и его сторонники объединились с зиновьевцами в рамках «объединенной оппозиции». Первоначально она включала также группу «Демократического централизма», возглавляемую Т. Сапроновым («децистов»). Более того, Троцкий писал, что «инициатива объединения принадлежала ДЦ. Первые совещания с зиновьевцами происходили под председательством тов. Сапронова» («Наши разногласия с ДЦ (Группа 15-ти)», 11 ноября 1928 г.// Троцкий Л.Д. Письма из ссылки. 1928. М., 1995. С. 228). Однако в том же 1926 г. «децисты» были исключены из «объединенной оппозиции», предположительно за призыв к созданию новой партии (хотя в их платформе 1927 г., о которой речь пойдет ниже, такого призыва не содержалось).¹

Несмотря на формальное неприятие фракционности, оппозиция 1926 г. была вынуждена действовать как самостоятельная организация – с подпольными собраниями, курьерами и ответственными за безопасность. В то же время, в отличие от оппозиции 1923 г., «объединенная оппозиция» предприняла более решительную попытку донести свои взгляды до рядовых членов партии, не ограничиваясь обращениями к партийному

руководству. Однако каждый раз, когда оппозиция была близка к созданию настоящей фракции, партийный аппарат с удвоенной силой обрушивал на нее интриги, клевету и чистки. Первая волна репрессий пришлась на лето 1926 г., когда сталинские агенты донесли о собрании оппозиции, состоявшемся в подмосковном лесу. В ответ оппозиция продолжила критику внутренней и внешней политики режима, обратившись к массе рядовых партийцев. В сентябре и октябре того же года по всей стране представители оппозиции выступали на собраниях производственных ячеек партии. Так, на московском заводе «Авиаприбор» состоялся знаменитый митинг с участием Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Радека, Смилги и Сапронова, которые защищали взгляды оппозиции в атмосфере провокаций и оскорблений со стороны агентов аппарата. На это аппарат ответил ужесточением репрессий. Благодаря действиям сталинистов ведущие оппозиционеры стали терять ключевые посты в партии. В адрес оппозиции слышались открытые угрозы исключения из партии и даже физической расправы.

Но, как уже отмечалось, развертыванию деятельности троцкистской оппозиции мешали не только репрессии, но и ее собственные заблуждения: верностью резолюции 1921 г. о запрете фракций и колебания в определении контрреволюционной сущности сталинистской бюрократии. Когда их октябрьские выступления на заводах были официально осуждены, лидеры оппозиции подписали заявление, в котором признавали, что нарушили партийную дисциплину и отказывались от дальнейшей «фракционной» деятельности. В декабре на пленуме Исполкома Коминтерна – это был последний раз, когда оппозиции было позволено высказать свою точку зрения перед Интернационалом – Троцкий в очередной раз споткнулся о свое нежелание ставить под вопрос «единство партии». По этому поводу Антон Цилига пишет:

«Говоря о разногласиях оппозиции и партийного большинства, Троцкий был слишком осторожен и дипломатичен. Поэтому, несмотря на его блестящие ораторские способности, ему не удалось донести до аудитории всю глубину этих разногласий, весь трагизм ситуации, сложившейся в партии... Я был поражен тем, что оппозиция не понимала, насколько она слаба. Она недооценивала значение своего поражения и не хотела извлекать из него уроки. В то время как большинство под предводительством Сталина и Бухарина готовило поголовное исключение оппозицио-

неров из партии, последние пытались достичь компромисса и надеялись на товарищеское соглашение с оппонентами. Вне всякого сомнения, эта робкая тактика явилась одной из причин поражения оппозиции, существенно ослабив эффективность ее борьбы» (Ciliga A. *The Russian Enigma*. L., 1979, p. 7-8. Впервые книга А. Цилиги, получившая в английском издании название «Российская загадка», была опубликована на французском языке под заглавием «В стране великой лжи».).

Так продолжалось вплоть до конца 1927 г. Пробудившись к активным действиям после провала политики бюрократии в Китае, оппозиция сформулировала свою платформу к XV съезду партии. В ответ последовал типичный маневр аппаратчиков. На подпольную типографию, в которой оппозиционеры были вынуждены печатать платформу, был совершен налет ГПУ, которое сразу выявило среди организаторов типографии «врангелевского офицера», якобы связанного с заграничными контрреволюционерами. И хотя «офицер» оказался агентом-provokatorом из ГПУ, этот эпизод был в полной мере использован сталинистами для дискредитации оппозиции. Испытывая растущее давление со стороны аппарата, оппозиция решила снова напрямую обратиться к массам: ее представители выступали на всевозможных митингах и партийных собраниях; 7 ноября 1927 г. на демонстрациях, посвященных юбилею Октябрьской революции, они развернули собственные лозунги. Они, наконец, подняли вопрос о публикации завещания Ленина. Однако было уже слишком поздно. Рабочие массы погружались в политическую апатию, и разногласия оппозиции с правящей группой вряд ли могли взволновать их. Это понимал и сам Троцкий. В отличие от Зиновьева, ослепленного в тот момент короткой вспышкой оптимизма, он видел, что массы устали от борьбы, что они скорее поддадутся сталинским обещаниям построить социализм в отдельно взятой России, чем воспримут призывы к новым политическим потрясениям.

Но, как бы то ни было, сама оппозиция оказалась неспособной четко сформулировать революционную альтернативу. Об этом свидетельствует умеренность лозунгов, с которыми оппозиционеры вышли на ноябрьскую демонстрацию – «долгой устряловщину», «не допустим раскола» и т. д. В то время, когда контрреволюция захватывала партию Ленина, они говорили о «единстве партии»! Сталинисты не были столь умеренными. Во время демонстрации 7 ноября их головорезы избивали оппози-

ционеров, а затем последовало исключение Троцкого и Зиновьева из партии. Маховик чисток, арестов, ссылок, наконец, убийств представителей прежней пролетарской партии большевиков начал набирать обороты. Хуже всего было то, что репрессии деморализовали оппозицию. Почти сразу же после исключения Троцкого и Зиновьева, «объединенная оппозиция» распалась. Первым выпало самое слабое звено: унизили капитулировали, признавая свои «ошибки» и умоляя о восстановлении в партии, Зиновьев, Каменев и большинство их сторонников. Тогда же капитулировали многие правые троцкисты.¹¹

Расправившись с левыми, Сталин открыл огонь по своим союзникам на правом фланге партии – Бухарину и его сторонникам, которые открыто благоволили частному капиталу и кулакам. Столкнувшись с рядом экономических проблем, в частности, «товарным голодом», и заботясь, прежде всего, об усилении военной мощи России в преддверии новых империалистических войн, Сталин неожиданно осуществил «левый поворот», означавший быструю индустриализацию и «ликвидацию кулачества как класса», т.е. насильственную экспроприацию верхних и средних слоев крестьянства.

Сталинский «левый поворот», который сопровождался борьбой с «правым уклоном», явился еще одним фактором, обусловившим распад оппозиции. Многим оппозиционерам, для которых индустриализация была ключом к построению социализма, легко могло показаться, что Сталин принял их программу. Такие троцкисты, как Преображенский, теперь настойчиво убеждали своих товарищей вернуться под крыло партийного руководства. Такова была политическая судьба теории «первоначального социалистического накопления».

События 1927-1928 гг. явственно обозначили исторический переломный момент: сталинизм одержал окончательную победу, покончив с любой оппозицией в партии. Теперь не оставалось никаких препятствий для реализации программы, вытекавшей из сущности сталинизма – создания военной экономики на основе более или менее монолитного государственного капитализма. С этого момента можно констатировать смерть большевистской партии, ее тотальное слияние с государственно-капиталистической бюрократией. Следующим шагом сталинистов было установление полного господства в Коммунистическом Интернационале и его окончательное превращение в инструмент внешней политики Рос-

сии. Одобрив теорию «социализма в одной стране» на VI Конгрессе в августе 1928 г., Коминтерн, как Второй Интернационал в 1914 г., подписал свой смертный приговор. Впрочем, агония отдельных коммунистических партий за пределами России затянулась до середины 1930-х гг., завершившись подавлением местных левых оппозиций и принятием позиции национальной «самообороны» накануне новой мировой бойни.

Разрыв левых коммунистов с Троцким

Сегодня историческая дистанция позволяет нам дать ясную оценку событиям 1927-1928 гг. Однако в те годы вопрос об их сущности и значении был предметом горячих споров в оппозиционных кругах. Основная полемика развернулась между Троцким и «демократическими централистами». Троцкий, обрушившийся на «децистов» с критикой их «ультралевых сектантских» ошибок, относился к этой полемике самым серьезным образом, что, по-видимому, объяснялось растущим влиянием этой группы на его последователей.

Группа «Демократического централизма» вела борьбу с бюрократизмом в партии и государстве с 1919 г. Изгнанные из «объединенной оппозиции», «децисты» представили XV съезду партии собственную платформу, за что немедленно были исключены из ВКП(б). В 1929 г. Мясников писал во французской газете «Уврие коммюнист», что этот текст – т.н. «Платформа 15-ти»ⁱⁱⁱ – свидетельствует об эволюции «децистов» Сапронова к позициям его «Рабочей группы»: «В основных своих положениях, в оценке сущности государства в СССР и представлениях о рабочем государстве, программа 15-ти очень близка идеологии «Рабочей группы». На первый взгляд, между платформами «децистов» и «объединенной оппозиции» нет резких различий. Конечно, «децисты» в более решительной манере ставят вопросы о диктаторских порядках на заводах, росте безработицы, угасании пролетарских Советов, деградации внутривластной жизни, катастрофических результатах политики «социализма в одной стране» на международном уровне. Но в то же время они по-прежнему не выходят за рамки требования радикальных реформ: в их платформе поддерживается призыв к ускорению темпов индустриализации и предлагается ряд мер, направленных на возрождение партии и установление пролетарского контроля над государством и экономикой. «Децисты» нигде не

призывают к созданию новой партии или открытой борьбе против государства.

Тем не менее, в их платформе заметно стремление вскрыть сущность проблемы государства. Опираясь на марксистскую идею о том, что нельзя целиком полагаться на государство как инструмент пролетарской революции, «децисты» предупреждают об опасности полного отрыва государства от рабочего класса. Более того, они указывают, что нет ничего социалистического в государственной собственности как таковой:

«...Сохранение пролетарской диктатуры является единственным условием, необходимым для того, чтобы обеспечить нашим госпредприятиям развитие в сторону социализма. Только низвержение этой диктатуры или ее перерождение может изменить направление их развития. В этом смысле, в общей системе нашего хозяйства они являются подлинной базой нашего социалистического строительства, но это не значит, что они уже социалистические. [...] Называть социализмом (хотя и плохим) такие формы организации производства, при которых рабочая сила осталась товаром, – это значит заниматься пошлейшим приукрашиванием действительности, только дискредитирующим социализм в глазах рабочих; объявлять решенной ту задачу, которая еще стоит перед нами, – объявлять нэп социализмом» (Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927. Т. 3. М., 1990. С. 200-201).

Короче говоря, без политического доминирования пролетариата, экономика, включая ее государственный сектор, может развиваться только в направлении капитализма. Этого так и не понял Троцкий, для которого сохранение национализированной собственности само по себе являлось гарантией пролетарского характера государства. Наконец, в отличие от «объединенной оппозиции» «децисты» гораздо яснее сознавали неминуемое приближение Термидора. В их платформе говорится о том, что окончательная ликвидация партии сталинской фракцией будет означать конец пролетарской диктатуры в России:

«Бюрократизация партии, перерождение ее правящих верхов, слияние руководящего партий аппарата с бюрократическим государственным аппаратом, уменьшение удельного веса в ее жизни рабочей ее части, применение во внутривнутрипартийной борьбе воздействия государственного аппарата, – все это показывает, что ЦК в своей политике зажима партии

перешел уже ту границу, за которой начинается ликвидация партии и превращение ее в подсобный аппарат государства.

Если бы эта ликвидация была доведена до конца, то это означало бы конец диктатуры пролетариата в СССР. Партия есть авангард и главное орудие классовой борьбы пролетариата. Без нее невозможна ни его победа, ни сохранение его диктатуры» (там же, с. 183).

Таким образом, несмотря на то, что в «Платформе 15-ти» недооценивалась глубина капиталистического перерождения СССР, «децисты», по крайней мере, значительная их часть, были лучше подготовлены к тому, чтобы быстро сделать необходимые выводы из поворотных событий 1927-1928 гг. После того, как оппозиция была задушена Сталиным методами государственного террора, от большевистской партии, по словам «дециста» В. Смирнова, не оставалось ничего, кроме «гниющего трупа». Дальше защищать существующий режим не имело никакого смысла. Именно против этой идеи ополчился Троцкий в своем письме «децисту» Бородаю «Наши разногласия с ДЦ»:

«Ваши харьковские единомышленники, как мне сообщают, обратились к рабочим с воззванием, построенным на той ложной мысли, что Октябрьская революция и диктатура пролетариата уже ликвидированы. Воззвание это, ложное по существу, причинило величайший вред оппозиции» (Троцкий Л.Д. В чем разногласия с ДЦ, Ук. соч., с. 225-226). Несомненно, Троцкий находил «вредным» и тот факт, что все больше оппозиционеров из числа его сторонников склонялось к точке зрения «децистов».

«Децисты» были лучше подготовлены и к сталинскому «левому повороту», который не имел ничего общего с социализмом. Их в меньшей степени затронула волна капитуляций, последовавшая после перемены сталинской политики. Однако новый курс Сталина вызвал расколы и в их рядах. По свидетельству Цилиги и других авторов, сам Сапронов капитулировал в 1928 г., полагая, что наступление на кулачество означает переход к социалистической политике. Правда, некоторые факты указывают на то, что вскоре он понял государственно-капиталистическую сущность сталинской программы индустриализации: в 1931 г., находясь в ссылке, он написал статью «Агония мелкобуржуазной диктатуры», в которой рассматривал «коллективизацию» и индустриализацию как формы первоначального капиталистического накопления. В 1929 г. Мясников сообщал в

«Уврие коммюнист», что Сапронов арестован, и что намечается объединение «Рабочей группы», «Группы 15-ти» и остатков «Рабочей оппозиции». Траектория другого «дециста», Смирнова, была иной:

«Молодой децист Володя Смирнов дошел до следующего заключения: “В России не было пролетарской революции, не было никакой диктатуры пролетариата. Была попросту народная революция снизу и диктатура сверху. Ленин никогда не был идеологом пролетариата. Он всегда являлся идеологом интеллигенции”. Эти идеи были связаны с представлением о том, что мир движется к новой социальной формации – государственному капитализму с бюрократией как новым правящим классом. Согласно теории Смирнова, Советская Россия, Кемалистская Турция, фашистская Италия, Германия накануне победы гитлеризма, Америка Гувера-Рузвельта суть явления одного порядка. “Коммунизм – это крайний фашизм, фашизм – это умеренный коммунизм”, – писал он в статье “Комфашизм”. В этой теории слабо проглядывались движущие силы и перспективы социализма. Большинство “децистов”, Давидов, Шапиро и другие, посчитали, что ересь Смирнова переходит все границы, и на шумном собрании группы он был исключен» (Ciliga A. Op. cit., p. 280-282)¹.

Как замечает Цилига, в смирновской идее «нового класса» нетрудно увидеть предвосхищение теории Бернхейма; тезис же о Ленине как идеологе интеллигенции был впоследствии взят на вооружение «коммунистами советов». Взгляды, которые в иных обстоятельствах могли дать начало ценному прозрению (относительно универсального характера государственно-капиталистической тенденции в эпоху упадка капитализма), в ситуации поражения и растерянности вели к отрицанию марксизма.

Не смогли правильно сориентироваться в новых обстоятельствах и те российские левые, которые призывали к немедленному созданию новой партии. Лозунг новой партии, хотя и верный по форме, был совершенно оторван от действительности. Партию невозможно было создать простым усилием воли в период, когда международный пролетариат вошел в затяжную полосу поражений. В той ситуации требовалось иное: формирование левых фракций, которые в ожидании более благоприятных

¹ Молодого Володю Смирнова не следует путать с лидером «децистов» Владимиром Михайловичем Смирновым, который отказался капитулировать и был расстрелян в 1937 г.

условий международной классовой борьбы могли бы подготовить программные основы для новой партии. Но сделать и по-настоящему обосновать такой вывод смогли только итальянские левые.

Все это свидетельствует о невероятно трудных условиях, в которые были поставлены российские оппозиционные группы, столкнувшиеся в конце 1920-х гг. с беспрецедентным государственным террором. В стране, которую силой заставили замолчать, тюрьмы ГПУ становились единственными очагами политической дискуссии. Однако, несмотря на трудности, параллельно с болезненным процессом капитуляций и расколов, в оппозиционной среде шло сближение между «децистами», остатками «Рабочей группы» и «Рабочей оппозиции» и частью «непримиримых» троцкистов на основе выработки четких левокоммунистических позиций. Цилига, принадлежавший к крайнему левому крылу троцкистской оппозиции, порвал с Троцким летом 1932 г. после того, как прочитал его программный текст «Проблемы развития СССР. Проект Платформы Международной левой оппозиции по русскому вопросу»:

«С начала 1930 г. левые троцкисты ждали, когда их лидер наконец открыто заявит о том, что СССР уже не является рабочим государством. Однако их ожидания были обмануты. В первой же главе платформы Троцкого черным по белому было написано, что СССР – это “пролетарское государство”. Их разочарование усилилось, когда ниже они увидели энергичную защиту пятилетнего плана, социалистического характера его целей и даже методов... С этого времени бесполезно было надеяться на то, что Троцкий когда-нибудь проведет четкое различие между пролетариатом и бюрократией, социализмом и государственным капитализмом. Тем левым «отрицателям», которые не видели в сталинском «социалистическом строительстве» ни грана социализма, не оставалось ничего другого, как порвать с Троцким и выйти из коллектива троцкистов. Примерно десять товарищей – и я в их числе – решились на этот шаг... Таким образом, как многие до и после меня, я вынес из своего участия в борьбе российской оппозиции и ее идеологических дискуссиях следующее убеждение: Троцкий и его сторонники слишком связаны с существующим в СССР бюрократическим режимом, чтобы довести борьбу против этого режима до логического конца... По Троцкому, задача оппозиции заключалась в том, чтобы улучшить бюрократическую систему, а не разрушить

ее, в том, чтобы бороться с «ростом привилегий» и чрезмерным материальным неравенством, а не с привилегиями и неравенством вообще...

“Бюрократическая или пролетарская оппозиция?” – так называлась написанная в тюрьме статья, в которой я размежевался с троцкизмом. С этого времени я был в лагере крайней левой оппозиции, где находились “децисты”, “Рабочая оппозиция”, “Рабочая группа”.

Эту оппозицию и троцкизм разделяли не только разногласия в оценке режима и понимании текущих проблем, но, прежде всего, то, какую роль они отводили рабочему классу в революции. Для троцкистов движущей силой революции была партия, для крайнего левого крыла – рабочий класс. Борьба между Сталиным и Троцким касалась партийной политики и управления партийными кадрами; и для того, и для другого пролетариат был всего лишь пассивным объектом. В противоположность этому, группы крайне левых коммунистов обращали внимание, прежде всего, на действительное положение и статус рабочего класса; главными для них являлись вопросы о том, чем является рабочий класс в советском обществе и чем он должен стать в обществе, которое искренне руководствуется целью построения социализма. Идеи и политика этих групп открыли передо мной новую перспективу. Они ставили проблемы, о которых ничего не говорила троцкистская оппозиция, – как рабочему классу приступить к освоению средств производства, отобранных у буржуазии; ввести эффективный контроль над партией и правительством; установить рабочую демократию и защитить революцию от бюрократического вырождения» (Ibid, p. 271).

В выводах Цилиги можно почувствовать интонации, характерные для «коммунистов советов»; позднее он тоже разочаровался в марксизме. Тем не менее, он точно описал, как в труднейших условиях в оппозиционной среде происходило формирование ясной пролетарской позиции. Конечно, многие результаты этого процесса были потеряны, не оказали непосредственного воздействия на деморализованный российский пролетариат. Некоторые могут даже сказать, что идейная работа российских левых коммунистов не имели никакого значения и свидетельствовала лишь об их сектантстве и абстенционизме. Но к революционерам следует применять иную, историческую, мерку. Наследие российских левых коммунистов, боровшихся за ясное понимание причин и следствий страшного поражения, которое им довелось потерпеть, остается значимым в теоре-

тическом плане и еще может послужить современным революционерам. В этой связи стоит указать на отрицательные последствия, которые имел тот факт, что в оппозиционном движении за пределами России позиция крайних левых не нашла широкого отклика. Возобладала, напротив, точка зрения Троцкого, который пытался примирить непримиримое, выискивая в сталинском режиме нечто пролетарское. Его отказ признать термидор в СССР свершившимся обернулся катастрофическими результатами. Во время второй мировой войны тезис о необходимости «защиты СССР» увлек троцкистское течение на путь предательства.

В 1930-1940-х гг., когда репрессии заглушили голос советских левых коммунистов, «российскую загадку» предстояло решать революционерам других стран.

CDW

* Впервые статья была опубликована под заголовком «Год 1923-й: *Термидор* сталинистского государственного капитализма». Вопрос о том, применим ли термин «термидор», заимствованный Троцким из истории Французской буржуазной революции, к перерождению революции пролетарской, стал предметом дискуссии в ИКТ. Путч, организованный группой якобинцев в июле 1794 г., представлял собой эпизод борьбы *внутри* буржуазии, тогда как победа сталинизма означала окончательный переход политической власти от пролетариата к капиталистическому классу, в который превратилась государственная бюрократия. Понятие «термидорианской реакции» позволяло Троцкому обойти тот факт, что к концу 1920-х гг. диктатура пролетариата в России прекратила свое существование. Признав двусмысленность термина «термидор», автор изменил заголовок статьи, хотя этот термин употребляется в самом тексте.

¹ В истории «децистов» и других левых течений в России остается много не проясненных вопросов, требующих дальнейшего изучения. Сочувствующий ИКТ Ян вел обширное исследование российских левых коммунистов, в частности группы Сапронова, которая, по его убеждению, играла важную роль. К сожалению, преждевременная смерть Яна в 1997 г. не позволила ему довести этот труд до конца. В настоящее время ИКТ пытается продолжать работу Яна по нескольким направлениям и надеется, что возрождение пролетарского политического сообщества в России будет способствовать дальнейшему развертыванию исследований в этой области.

ⁱⁱ Это был не первый случай, когда оппозиционеры примирились с правящим режимом. В свое время заявили об отказе от всякой оппозиционной деятельности лидеры «Рабочей оппозиции» Медведев, Шляпников и Коллонтай, вдова Ленина Крупская и даже такой решительный левый коммунист и «децист», как Осинский.

ⁱⁱⁱ За пределами России «Платформа 15-ти» была впервые опубликована итальянскими левыми коммунистами издававшими в конце 1920-х гг. журнал «Risveglio Comunista». На немецком и французском она появилась в конце 1928 г. под заголовком «A la Veille de Thermidor, Revolution et Contre-revolution dans la Russie des Soviets, Plateforme de l'Opposition de Gauche dans le parti Bolshevique (Sapranov, Smirnov, Obhorin, Kalin, etc)». ИКТ планирует в ближайшее время опубликовать английский перевод платформы.

Часть II

Документы

Тезисы «левых коммунистов» о текущем моменте

От редакции. Всякому товарищу, внимательно следящему за жизнью партии, известно, что еще в начале января текущего года в партийных рядах возникли серьезные разногласия вокруг вопроса о заключении мира с Германией.

Эти разногласия дважды обсуждались Центральным Комитетом вместе с ответственными партийными работниками: первый раз 20 (7) января и второй раз 3 февраля (21 января) 1918 г. На этих заседаниях наметились два основных течения, из которых одно, получившее название «правого», высказывалось за скорейшее заключение мира на предложенных тогда условиях, не доводя дело до разрыва переговоров, и другое, получившее название «левого», - за неприятие этих условий и ведение революционной войны. Промежуточное течение высказалось за то, чтобы захватного мира не подписывать, но войны также не вести.

Как известно, победило сперва это последнее, промежуточное течение. После начала германского наступления, которое было ответом на тактику прекращения войны без подписания мира, вопрос был снова поставлен на обсуждение в Центральном Комитете и в конце концов был решен в сторону необходимости подписания мира. В результате меньшинство, настаивавшее на приятии боя с германским империализмом, вышло из состава ЦК, и вслед за тем товарищи, примыкавшие к этому течению, покинули ответственные места в органах Советской власти. Окончательное разрешение этим разногласиям в их первоначальной форме дали партийный съезд, собравшийся в начале марта, и съезд Советов, состоявшийся в середине марта. Партийный съезд большинством 28 против 12 при 4 воздержавшихся одобрил тактику большинства Центрального Комитета и признал необходимым утверждение мира. Съезд Советов значительным большинством ратифицировал мир.

Группа левых большевиков, издававших в Петербурге газету «Коммунист», оказавшись в меньшинстве на партийном съезде, не сочла, однако, себя вправе совершенно отказаться от выступления на съезде Советов. От лица 58 делегатов и 10 членов ЦИК на съезде Советов была оглашена резолюция, в которой левые коммунисты заявляли, что они не могут голосовать за ратифицирование мира, считая его губительным для дела российской революции и международного пролетариата, но в то же время, подчиняясь партийной дисциплине, не голосуют против, а воздерживаются от голосования.

После ратификации мира разногласия в партии, с одной стороны, казалось, потеряли почву, потому что ратификация мира, тот единственный пункт, вокруг которого шли споры, стала совершившимся и непрере-

каемым фактом. Но, с другой стороны, заключение мира создало почву для новых разногласий. Заключение мира не могло быть простым правовым актом, оно было событием, изменившим в корне все политическое и экономическое положение. В спорах о заключении мира намечались уже две различные точки зрения на задачи российского пролетариата, две оценки текущего политического момента. Самое заключение мира поставило русскую революцию на распутье двух дорог. Партийное большинство стало намечать один путь политики, партийное меньшинство – левое, пролетарско-коммунистическое крыло – намечает другой.

Сейчас еще трудно сказать, как далеко разойдутся эти пути. Возможно, что разногласия будут изжиты в порядке товарищеской дискуссии. Возможно также, что они углубятся еще больше. Во всяком случае, левое крыло не считает нужным и полезным их скрывать. С этой целью Московское областное бюро РКП, стоящее на позиции левого крыла партии, открыло страницы своего органа, выходящего ныне в свет, для обсуждения этих разногласий. В печатаемых ниже тезисах¹ выражены взгляды редакции на текущий политический момент и задачи российского рабочего класса.

Заключение аннексионистского мира с Германией завершило предшествующий период российской революции и открывает новую ее страницу. Оно было следствием открытого столкновения между германским империализмом и российской рабоче-крестьянской революцией, которая противопоставила революционные международные требования захватным стремлениям империалистов. Лишь только это противопоставление вызвало обострение классовой борьбы в Австрии и Германии, временно подавленное, как германский империализм решительно выступил против Советской республики. И германское наступление, и германский ультиматум, и захватный мир были формами и орудиями этого натиска.

В начале марта перед пролетарско-крестьянской революцией стал выбор: принять бой или уклониться от боя. Решающее большинство организации рабочих, солдат и крестьян избрало последний путь. Это большинство составилось из представителей усталой и деклассированной солдатской массы, из представителей части рабочих северной, промышленной полосы России, где оторванность от южных источников сырья, угля и хлеба в связи с общей хозяйственной разрухой создала голодание, усиленный распад промышленности, безработицу. Перерывы в правильной производительной работе, а, следовательно, и тенденцию к деклассированию пролетариата (к ослаблению его классового единства и сознательно-

¹ Эти тезисы были прочитаны и обсуждены на совместном заседании группы левых коммунистов и руководящих товарищей из партийного центра 4 апреля 1918 г.

сти) и, во всяком случае, к понижению его классовой боеспособности; наконец, из представителей отощавшего благодаря войне, неурожая, продовольственным затруднениям и расстройству городской промышленности крестьянства северной и центральной промышленной области. Рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга, юго-востока и Урала были в большинстве случаев за приятие боя, но они не дали перевеса. Ради сохранения промышленного севера, который в предшествующее время был центром революции, был заключен мир за счет фактического отделения промышленного севера от хлебородного и промышленного юга.

Было бы смешно, подобно левым эсерам, проповедывать «принципиальное неприятие» этого мира. Заключение этого мира, как победа отсталых и усталых слоев рабочих и крестьян, есть факт объективный, создающий новое объективное положение, новую обстановку хозяйственной жизни, новое сочетание классовых сил. «Отделение «Велико-россии» от Западной Украины, угрожающее отделение от Екатеринославского и Донецкого районов, эвакуация Петербурга – объективные факты хозяйственной жизни; уступки экономического характера, которых будут требовать иностранные империалисты, исходя из заключенного в Брест-Литовске мирного договора, могут также сильно влиять на объективную обстановку; наконец, закрепление в массах бездеятельной «психологии мира» есть объективный факт политического момента.

Но, учитывая положение, созданное Брестским миром, пролетарские коммунисты не могут исходить только из этих фактов, становиться на уровень сознания отсталой и пассивной, бездеятельной части одного из отрядов российского пролетариата или крестьянства. Они определяют свои задачи, исходя из интересов рабочих всей России в целом и ставя эти задачи в связь с нарастающим международным революционным движением. Не сохранение во что бы то ни стало завоеваний рабочих и крестьян на нынешней, урезанной территории Советской республики ценою жертвования этими завоеваниями на остальном пространстве России и ценою мелкобуржуазного перерождения нынешнего Советского государства, а развитие и укрепление всей России как отряда международной рабочей революции против международного империализма, такова их задача, такова основная нить их политической линии.

Заключение Советской республикой аннексионистского мира с Германией, несомненно, временно ослабило силы международной революции и укрепило международный империализм. Но основные силы международной революции продолжают нарастать, пробьют себе дорогу через поставленную им плотину и используют некоторые последствия заключения мира как факторы, усиливающие революционное движение.

Заключение мира ослабило пока что стремление империалистов к международной сделке. С их точки зрения Россия отброшена назад как очаг мировой революции. Страх перед ее влиянием не толкает более со старой силой борющихся империалистов в объятия друг друга. Она разбита и как военная единица. Поэтому для германских империалистов открылась возможность переброски всех сил на запад и борьбы за полную победу над империалистами держав Согласия. Последние, в свою очередь, в виду начавшегося раздела России и угрожающей им опасности разгрома, должны напрягать все силы для отпора и для обеспечения себе контраннексий на Дальнем Востоке и в Турции. Для подкрепления этих захватов они должны стремиться к перевесу на решающем театре войны. Поэтому заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистскими державами.

Заключение захватного мира в данный момент, безусловно, сильно задержало развитие психологических предпосылок международной революции, которые назревали к весне 1918 года. Но оно не могло задержать и отчасти усиливает развертывание материальных противоречий, которые составляют главную основу революционного взрыва. Оттяжка в открытом выступлении революции придаст ей, вероятно, более тяжелые и бурные формы.

Усиление борьбы между союзами империалистов истощает до последнего предела надорванные экономические силы борющихся держав, оно ведет к новому истреблению «человеческого материала» и доводит до наибольшей остроты всеобщее экономическое разложение. Обострение материальных противоречий на почве продовольственного и хозяйственного кризиса в центральных державах (особенно в Австрии) не может быть существенно задержано захватом Украины, так как в течение самого критического момента – весны 1918 г. – германский капитал не сумеет извлечь оттуда необходимых средств продовольствия и производства. Украина захватывается в момент окончания хлебных заготовок (и без того неудачных), в огне гражданской войны, в момент, когда заводы и копи лишены необходимых рабочих рук, кокса, леса, бензина и т. п., а железные дороги – угля и подвижного состава. В то же время германская аннексионистская политика на восточном фронте порождает ряд национальных трений как в германском «ближайшем тылу» (Польша, Украина, Латвия, Эстляндия), так же и в недрах австрийского национального блока (Галиция, Чехия), а также в недрах самого союза центральных держав.

С другой стороны, надо определенно отметить, что заключение мира отрицательно влияет на духовное, идеологическое развязывание международной революции. Влияние российской революции на международное рабочее движение благодаря капитуляции ее перед международным империализмом ослабевает (сокращение революционной пропаганды

на фронте, отказ от политики разоблачения международного империализма; возможный «умеренный» курс внутренней политики в России). Попытки дипломатического маневрирования советской власти также не могут одушевлять международный пролетариат, так как они демонстрируют не силу, а слабость революции. Самый факт заключения захватного мира укрепляет оборонческие течения в отсталых слоях международного пролетариата. В Германии империалисты, ссылаясь на этот мир, усиленно обещают рабочим мир и хлеб путем империалистских побед. Они запугивают их примером русского разгрома и «разложения». Во Франции и Англии они натравливают своих рабочих на германский пролетариат, «предавший» русскую революцию. В Америке развивается оборонческая агитация, нагло пользующаяся флагом защиты русской революции от германского захвата.

Но в то же время обострение мировой бойни разрушает надежды на мир, охватившие рабочие массы осенью 1917 г. Крайне яркое обнажение захватной политики господствующих классов и их социал-агентов во время заключения мира вскрывает истинную подкладку оборончества и гражданского мира. Оно готовит крушение последних предрассудков, сдерживающих выступление рабочих масс.

Наиболее критический момент в развертывании противоречий, порожденных всей империалистической системой и империалистской войной, наступает. В течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение всей империалистской системы, которое, в случае победы германского империализма в текущем фазисе войны, может быть только отсрочено и выразится тогда в еще более острых формах.

Расчеты германских империалистов при заключении мира с советской республикой сводились к следующему. С одной стороны, представлялось выгодным отложить военный захват севера России, непосредственное низвержение Советской власти и прямое овладение хозяйством северной России; к этому побуждала трудность организации хозяйства и продовольствия на севере и отсутствие сильных буржуазных агентов, которые поддержали бы оккупирующую власть (в роде, напр<имер>, Украинской Центр<альной> рады); с другой стороны, было важно подчинить своему влиянию и использовать для нужд германского капиталистического хозяйства хлебородный и промышленный юг; в-третьих, отрезая север от юга и тем создавая естественное хозяйственное разложение севера, пользуясь контролем над источниками сырья и хлеба, питающими север, применяя вооруженное давление на захваченных на севере стратегических пунктах и новые стратегические аннексии, германский империализм рассчитывал на деле подчинять север шупальцам германского финансового капитала, разрушать социальные завоевания рабочей революции и тем внутренне, с корня, подрывать Советскую власть. Большая или меньшая

острота, скрытый или явный характер натиска германского империализма на Советскую республику будут зависеть от различных обстоятельств: от положения на театре войны, от внутреннего положения в центральных державах, от решительности отпора, оказываемого как Советской властью, так и революционными классами юга России и оккупированного северо-запада России.

Кроме натиска германского империализма, Советской республике грозит натиск союзнической коалиции. Планы немецкого империализма в ближайшее время будут направлены на подчинение хозяйства северной России внутреннему влиянию германского финансового капитала путем вымогательств у Советской республики, путем попыток выхолостить ее революционное содержание, а не путем прямого низвержения ее. Планы англо-французского и японского империализма будут направлены на полуоккупацию, полуреставрацию буржуазно-соглашательского порядка в отдельных областях Дальнего Востока, на подчинение этих областей контролю союзнического капитала при посредстве его российских мелкобуржуазных агентов (оборонцев и кадетов). Последняя нота «союзников» по вопросу об аннулированных займах показывает, впрочем, что и англо-французский капитал склонен пытаться подчинить Советскую республику своему внутреннему контролю. Наконец, стремления Америки сводятся к тому, чтобы, действуя через советскую власть и не играя на истощение Советской республики (как Германия), подчинить ее влиянию американского капитала. Американский капитал рассчитывает в данном случае на закрепление за собой здорового, расчищенного от крепостничества крестьянского рынка, на создание в России крупной, объединенной в тресты промышленности и на противопоставление рисующейся ему промышленно-крестьянской буржуазной демократии в России соперникам Соединенных Штатов – Германии и Японии. В общем и целом положение Советской республики сейчас таково, что, находясь под угрозой непосредственного натиска империализма со всех сторон, она не может пока вести политику общего открытого наступления, но может и должна быть готова к нему каждый момент, ведя политику систематического отпора и активного противодействия домогательствам империалистов всех стран и мастей.

Экономическое положение и классовые группировки в России после заключения мира изменились. Создавшаяся ситуация дает начало двум противоположным тенденциям (к ослаблению и к возрастанию революционных сил), из которых первая непосредственно укреплена заключением мира и на первое время может преобладать.

Частичная ликвидация питерского района завершает быстрый упадок его, который обнаружился еще к весне 1917 г. и который был последствием экономической «искусственности» петербургской промыш-

ленности в период войны и прекращения морского сообщения. Мир должен был спасти красную столицу, но он спас только территорию Петербурга и обескровил его как революционную силу. Расстройство производства, безработица, деклассирование пролетариата, понижение его классовой боеспособности возросли. Петербург лишился значения главного хозяйственного и революционного центра.

Заключение захватного мира подрывает, хотя и в меньшей степени, другой передовой промышленный район – московский, где рабочий класс будет также ослаблен перерывом в подвозе металла, угля, хлеба и вытекающими отсюда безработицей и деклассированием.

Отрицательно влияет заключение аннексионистского мира также на экономическое положение и политическую активность (боеспособность) усталого и голодного беднейшего крестьянства северных и центральных промышленных губерний. Расстройство городской промышленности, приостановка подвоза хлеба с юга, сокращение отхода на заработки в южную Россию будут создавать обнищание и деклассирование; с другой стороны, пролетаризация крестьянства будет частью возбуждать революционные стремления и ненависть к германским захватчикам.

Беднейшее и «трудовое» крестьянство земледельческих губерний, занятое дележом земли и не имеющее возможности в эпоху упадка буржуазного строя, а также упадка производительных сил во всех странах, организовать крепкое собственническое хозяйство, будет продолжать поддерживать Советскую власть.

Сравнительно здоровым хозяйственным районом, правда, сильно проникнутым мелкобуржуазными прослойками и тоже подвергшимся действию общей хозяйственной разрухи, является уральский горнозаводский район в связи с Приуральем, Западной Сибирью и их промышленными центрами. Среди рабочих и беднейших крестьян этих мест рабоче-крестьянская революция и Советская власть также найдут себе опору.

Пролетариат юга, который вынес на себе всю тяжесть разгрома буржуазного восстания на юге и который сейчас оказывает самое решительное сопротивление немецкому захвату, должен, несмотря на разруху и истощение, благодаря боевому классовому воспитанию в огне гражданской войны сохранить значительную классовую боеспособность. Вместе с украинским беднейшим крестьянством, стоящим под угрозой возвращения помещиков и германско-гайдамацкого ограбления, он составит постоянную опору для восстания против империалистических захватчиков и их буржуазных украинских приказчиков.

Беднейшее крестьянство нечерноземного северо-запада России в связи с еще более разрушительным влиянием немецких реквизиций на его хозяйство также даст и уже дает силы для борьбы с захватчиками и водворяемыми обратно помещиками.

Положительным моментом является окончание демобилизации старой армии, которое возвратило к производительному труду миллионы людей, укрепляет деревенское хозяйство, усиливает революционный процесс в деревне и уничтожает гниющую среду бездействующих воинских частей. Только теперь начинает сказываться и благоприятное влияние фактического прекращения империалистической войны (еще с октября 1917 г.) и начатой тогда же демобилизации промышленности.

При таких обстоятельствах, несмотря на временное ослабление сил революции, несмотря на тяжелое международное положение Советской республики, в пределах нынешнего Советского государства нет серьезной опоры для восстановления как монархии, так и власти соглашательских партий.

Помещичье хозяйство и политическая сила помещичьего класса разбиты: разгромлена буржуазия, крепкого крестьянства нет (новый слой сельскохозяйственной мелкой буржуазии еще не мог образоваться, старый слой выбывает из строя под натиском деревенской бедноты). Выведены из строя опоры монархии. С другой стороны, обессилены также городское мещанство и буржуазная интеллигенция. Нет почвы для восстановления власти соглашательских партий меньшевиков и эсеров, которая вообще могла быть только переходной ступенью к диктатуре пролетариата и деревенской бедноты и не может быть переходной ступенью к восстановлению буржуазного порядка. Нет также почвы для прочного восстановления капиталистического и помещичьего хозяйства в захваченных германцами областях.

Наоборот, есть почва для укрепления и развития диктатуры пролетариата и беднейших крестьян и начатого ими социалистического преобразования общества. Кроме ранее указанных факторов, укрепляющих эту положительную тенденцию в развитии революции, существенны еще следующие обстоятельства. Прежде всего, процесс первоначальной ломки буржуазно-соглашательского порядка, старых отношений производства и материальной классовой силы буржуазии и ее союзников почти закончен. Далее, классовое воспитание пролетариата в ходе гражданской войны дает ему большой запас классовой сплоченности, энергии и сознательности. Также и сделанные им реальные завоевания укрепили эти революционные силы и энергию сопротивления угрожающему завоеваниям пролетариата врагу. Энергичная организация производства на социалистических началах, с одной стороны, должна укрепить экономическую базу пролетариата как революционной силы и, с другой стороны, быть для него новой школой классовой организации и активности. Наконец, сохранение связи с международным и общероссийским пролетарским движением также увеличит классовую активность пролетариата и предохранит его от разложения и усталости.

Но в связи с ближайшими, непосредственными последствиями мира: понижением классовой активности и увеличившимся деклассированием пролетариата в главных революционных центрах; в связи с увеличившимся классовым сближением пролетариата и беднейших крестьян (которые после подписания мира под давлением их требований и влияния должны стать оплотом Советской власти) весьма возможной становится тенденция к уклонению большинства коммунистической партии и руководимой ею Советской власти в русло мелкобуржуазной политики нового образца.

В случае, если такая тенденция получит осуществление, рабочий класс перестанет быть руководителем, гегемоном социалистической революции, ведущим беднейшее крестьянство к уничтожению господства финансового капитала и помещиков; он оказывается силой, вкрапленной в ряды полупролетарско-мелкобуржуазной массы, которая ставит себе задачей не пролетарскую борьбу в союзе с западноевропейским пролетариатом за низвержение империалистической системы, а оборону фермерского отечества от тягот империализма, что возможно достигнуть и путем компромисса с ним. В случае отказа от активной пролетарской политики завоевания рабоче-крестьянской революции начнут застывать в систему государственного капитализма и мелкобуржуазных хозяйственных отношений. «Оборона социалистического отечества» на деле откажется тогда обороной мелкобуржуазной родины, подчиненной влиянию международного капитала.

Перед партией пролетариата стоят открытыми два пути. Один из них – путь охраны и укрепления уцелевшей части Советского государства, которое сейчас со стороны экономической – при незавершенности революционного процесса – является лишь переходной к социализму организацией (при незаконченной национализации банков, при капиталистической форме финансирования предприятий, при частичной национализации предприятий, при господстве в деревне мелкого хозяйства и мелкой собственности, при стремлении крестьян разрешить земельный вопрос разделом земли), а со стороны политической из оболочки диктатуры пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, может превратиться в орудие политического господства полупролетарской мелкобуржуазной массы и оказаться только переходной стадией к полному господству финансового капитала.

Этот путь – на словах – может быть оправдан стремлением во что бы то ни стало сберечь для международной революции революционные силы и Советскую власть, хотя бы только в «Великороссии». В этом случае все силы будут обращены на укрепление и развитие производительных сил, на «органическое строительство» при отказе от дальнейшей

ломки капиталистических производственных отношений и даже при частичном восстановлении их.

Возможная экономическая и политическая программа, которая рисуется в случае последовательного проведения этого курса, и некоторые части которой были выдвинуты представителями правого крыла партии, а отчасти и партийного большинства, – такова.

Во внешней политике наступательная тактика разоблачения империализма сменяется дипломатическим маневрированием российского государства среди империалистических держав. Советская республика не только заключает с ними торговые сделки, но может завязывать и органические связи, экономические и политические, пользоваться их военной и политической поддержкой (соглашение о помощи военными инструкторами, может быть, заключение займов с допущением контроля внутри страны, соглашение о согласовании политических выступлений и т. п.).

Хозяйственная политика, соответствующая такому курсу, должна развиваться в сторону соглашений с капиталистическими дельцами, как «отечественными», так и стоящими за их спиной международными, и с представителями «крепких» слоев деревни («кооператоры»). Денационализация банков, хотя бы и в прикрытой форме, логически связана с такими соглашениями. Она может проводиться путем образования специальных (наполовину частных, наполовину государственных) банков для отдельных отраслей промышленности (устав мукомольного банка уже одобрен), путем сохранения экстерриториальности т. н. «кооперативных» банков, путем отказа от перехода к центральной общественной бухгалтерии и закрепления капиталистического кредита в государственной и полугосударственной форме.

Вместо перехода от частичных национализаций к общей социализации крупной промышленности соглашения с «капитанами промышленности» должны привести к образованию больших руководимых ими и охватывающих основные отрасли промышленности трестов, которые с внешней стороны могут иметь вид государственных предприятий. Такая система организации производства дает социальную базу для эволюции в сторону государственного капитализма и является переходной ступенью к нему.

С политикой управления предприятиями на принципе широкого участия капиталистов и полубюрократической централизации естественно соединяется рабочая политика, направленная на водворение среди рабочих дисциплины под флагов «самодисциплины», введение трудовой повинности для рабочих (соответствующий проект предлагался правыми большевиками), сдельной платы, удлинения рабочего дня и т. п.

Форма государственного управления должна развиваться в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров,

лишения местных советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющегося с низов «государства-коммуны». Многочисленные факты показывают, что в этом направлении уже складывается определенная тенденция (декрет об управлении железными дорогами, статьи Ладиса и пр.).

В области военной политики должен наметиться и на деле замечается уклон к восстановлению общенациональной (включаящей и буржуазию) воинской повинности (воззвание Троцкого и Подвойского); при создании армейских кадров, для обучения которых и руководства которыми необходимы офицеры, упускается из виду задача создания пролетарского офицерского корпуса путем широкой и планомерной организации соответствующих училищ и курсов, и практически, таким образом, восстанавливается старый офицерский корпус и командная власть царских генералов.

В оболочку агитации «за оборону социалистического отечества» вольется при таких условиях пропаганда идеи мелкобуржуазной родины и национальной войны против германского империализма.

Описанный выше путь, взятый в целом, равно и тенденции уклонения на этот путь представляются в высшей степени опасными для дела русского и международного пролетариата. Этот путь закрепит начатое Брестским миром отделение «великорусской» Советской республики от революционного движения русского и международного, замыкая ее в рамки национального государства с переходным хозяйственным и мелкобуржуазным политическим порядком.

Во внешней политике – при неизбежной слабости как советской дипломатии, так и советского влияния на арене международной империалистской борьбы – он подчинит Советскую республику империалистским связям, отрывая ее от связей с революционным пролетариатом всех стран. Он ослабит еще более международное революционное значение Советской власти и русской революции.

Внутри страны он укрепит экономическое и политическое влияние российской и международной буржуазии, а потому и силы контрреволюции, а также интеллигентских групп, саботировавших Советскую власть. При мировом упадке производительных сил уступки буржуазии не могут создать быстрого подъема народного хозяйства в капиталистической форме. В то же время они устраняют возможность того наиболее экономного и планомерного использования уцелевших средств производства, которое мыслимо только при самом решительном обобществлении.

Введение трудовой дисциплины в связи с восстановлением руководства капиталистов в производстве не может существенно увеличить производительность труда, но оно понизит классовую самостоятельность, активность и организованность пролетариата. Оно грозит закрепо-

щением рабочего класса, возбудит недовольство как отсталых слоев, так и авангарда пролетариата. Для проведения этой системы в жизнь при господствующей в пролетарской среде острой классовой ненависти против «саботажников-капиталистов» коммунистической партии пришлось бы опереться на мелкую буржуазию против рабочих и тем погубить себя как партию пролетариата.

Бюрократическая централизация Советской республики и кабинетные сделки с буржуазными и мелкобуржуазными дельцами также могут способствовать только упадку классовой активности и сознательности пролетариата и охлаждению рабочих к партии.

Попытки восстановления всеобщей воинской повинности, поскольку они не обречены на неудачу, по существу вели бы к вооружению и организации мелкобуржуазных и буржуазных контрреволюционеров. Еще более ясно это по отношению к восстановлению старого офицерского корпуса и к возвращению царским генералам командной власти, поскольку использование их не будет сопровождаться самыми энергичными усилиями для создания пролетарских кадров революционного офицерства и установления бдительного контроля над царским командным составом в переходный период. «Общенациональная» (а не классовая) вооруженная сила во главе со старым генералитетом не может быть проникнута революционным классовым духом, неизбежно вырождается в деклассированную солдатчину и не может составить опоры для вооруженного вмешательства российского пролетариата в международную революцию.

Линия политики, очерченная выше, может усилить в России влияние внешних и внутренних контрреволюционных сил, расстроить революционную мощь рабочего класса и, отрывая российскую революцию от международной, гибельно отразится на интересах обеих.

Пролетарские коммунисты считают необходимым иной путь политики. Не путь сохранения советского оазиса на севере России при помощи уступок, перерождающих его в мелкобуржуазное государство. Не переход к «органической внутренней работе», подкрепляемый тем сообщением, что «острый период» гражданской войны закончен.

Острый период гражданской войны закончен только в смысле отсутствия объективной надобности в преобладающем применении наиболее острых физических методов революционного насилия. Раз буржуазия отбита и уже не способна к открытому бою, «военные» методы большей частью отпадают. Но острота классового противоречия между пролетариатом и буржуазией не может ослабеть: как и прежде, позиция пролетариата по отношению к буржуазии сводится к полному отрицанию, уничтожению ее как класса. Окончание острого периода гражданской войны не может обозначать возможности сделки с уцелевшими силами буржуазии, и «органическое строительство» социализма, которое, несомненно, явля-

ется насущной задачей момента, может совершаться только силами самого пролетариата при участии квалифицированных техников и администраторов, а не в том или ином сотрудничестве с «цензовыми элементами» как таковыми.

Российская рабочая революция не может сбросить себя, сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая перед натиском международного капитала, делая уступки «отечественному капиталу».

С этой точки зрения необходимы: решительная классовая международная политика, соединяющая международную революционную пропаганду словом и делом и укрепление органической связи с международным социализмом (а не с международной буржуазией); решительный отпор всякому вмешательству империалистов во внутренние дела Советской республики; отказ от политических и военных соглашений, делающих Советскую республику орудием империалистских лагерей.

В международной экономической политике допустимы только торговые сделки, займы, снабжение техническими силами – без подчинения русского капитала руководящему контролю иностранного финансового капитала.

Необходимо довести до конца национализацию банков, как в смысле экстенсивном (обобществление оставшихся неприкосновенными т. н. «кооперативных» банков), так и в смысле интенсивном (организация центральной общественной бухгалтерии и уничтожение капиталистической формы финансирования). Национализация банков должна быть соединена с социализацией промышленного производства и полным устранением капиталистических и феодальных пережитков в отношениях производства, которые препятствуют планомерной и широкой его организации. Управление предприятиями должно быть передано в руки смешанных коллегий из рабочих и технического персонала, находящихся под контролем и руководством местных советов народного хозяйства. Вся хозяйственная жизнь должна быть подчинена организующему влиянию этих советов, избранных рабочими без участия «цензового элемента», но при участии союзов технического и служебного персонала предприятий. Не капитуляция перед буржуазией и ее мелкобуржуазными интеллигентскими приспешниками, а добивание буржуазии и окончательная ломка саботажа. Окончательная ликвидация контрреволюционной печати и контрреволюционных буржуазных организаций. Введение трудовой повинности для квалифицированных специалистов и интеллигентов, организация потребительских коммун, ограничение потребления зажиточных классов и конфискация их излишнего имущества. Организация в деревне натиска беднейших крестьян на богатых, развитие крупного обществен-

ного сельского хозяйства и поддержка переходных к общественному хозяйству форм обработки земли беднейшими крестьянами.

Избрание нескольких опорных пунктов, нескольких здоровых центров организации производства на местах (напр<имер>, Урал и Зап<адная> Сибирь и т. д.) и направление туда технических, продовольственных и финансовых средств в крупном масштабе (для быстрого подъема производительности), - а не в голодной норме, как это делалось до сих пор.

Не введение сдельной оплаты и удлинение рабочего дня, которые в обстановке растущей безработицы являются бессмысленными, а введение местными советами народного хозяйства и профес<сиональными> союзами норм выработки и сокращение рабочего дня с увеличением числа смен и широкая организация производительных общественных работ. Предоставление широкой самостоятельности местным Советам и отказ от укорачивания их деятельности комиссарами, посылаемыми центральной властью. Советская власть и партия пролетариата должны искать себе опору в классовой самодеятельности широких масс, на развитие которой должны быть направлены все усилия.

В деле организации вооруженной силы необходимы: создание кадров инструкторов и начальников быстро мобилизуемых отрядов из числа рабочих эвакуируемых районов, остающихся без производительного занятия, использование царских офицеров для обучения этих инструкторов, создание пролетарско-революционного, а не интеллигентско-буржуазного запасного офицерского корпуса, обучение военному делу только рабочих и беднейших крестьян, организация действительного контроля над царскими генералами и подготовка высшего командного состава из среды партийных товарищей, уже имеющих боевой опыт, но еще лишенных теоретической подготовки.

В своем практическом отношении к гражданской войне пролетарские коммунисты высказываются против фактического срыва мира путем организации партизанских выступлений на тех участках фронта, где мир соблюдается. Это означало бы дезорганизованное выступление меньшинства рабочих при отсутствии массовой поддержки. Но они высказываются за всемерную подготовку и поддержку тыловых восстаний в захваченных областях, за самую энергичную борьбу в местах, где продолжаются военные действия, формирование партийными организациями партизанских отрядов для отправки их на боевые линии.

Свое отношение к большинству партии пролетарские коммунисты определяют как позицию левого крыла партии и авангарда российского пролетариата, сохраняющего с партией полное единство, поскольку политика большинства не создаст неустрашимого раскола в рядах самого пролетариата. Свое отношение к Советской власти они определяют как пози-

цию всемерной поддержки этой власти, а в случае надобности – путем участия в ней, поскольку утверждение мира сняло с очереди вопрос об ответственности за это решение и создало новое объективное положение. Это участие возможно лишь на основе определенной политической программы, которая предотвратила бы уклонение Советской власти и большинства партий на гибельный путь мелкобуржуазной политики. В случае такого уклонения левое крыло партии должно будет стать в положение деловой и ответственной пролетарской оппозиции.

«Коммунист», № 1, 20 апреля 1918 г.

Рабочая оппозиция

Что такое «рабочая оппозиция»?

Что такое «рабочая оппозиция»? Надо ли в интересах нашей партии и мировой рабочей революции приветствовать ее существование или, наоборот – это явление вредное, разлагающее партию, «политически опасное», как в одной своей речи во время дискуссии по профсоюзам недавно сказал тов. Троцкий?

Чтобы ответить на эти вопросы, которые занимают и тревожат многих наших товарищей, рабочих и работниц, надо прежде всего выяснить: во-первых, кто входит в рабочую оппозицию и как она сложилась? Во-вторых, в чем корень разногласия между руководящими товарищами наших партийных центров и рабочей оппозиции?

Очень характерно. И на это нельзя не обратить внимание наших центров, что в оппозицию входит передовая часть классово организованных пролетариев, коммунистов. Оппозиция состоит почти исключительно из профессионалистов, как показывают и подписи сторонников оппозиции под тезисами о роли производственных союзов. Кто такие профессионалисты? Рабочие, та часть передового авангарда русского пролетариата, которая на своих плечах вынесла все трудности революционной борьбы и не расплылась по советским учреждениям, утратив связь с рабочими массами, а осталась с ней связанною. Быть профессионалистом, сохранить крепкую живую связь со своим союзом, а значит. И с рабочими своего производства за эти бурные годы, когда центр общественной и политической жизни был перенесен за пределы союзов, – это дело не легкое и не простое. Пенистые волны революции подхватили и далеко увлекли от профсоюза лучшие, сильные и деятельные элементы промышленного пролетариата, раскидав кого на фронт, кого в советские учреждения, посадив третьих за столы с зеленым канцелярским сукном и груды «исходящих бумаг», «смет» и «предложений».

Профсоюзы обезлюдели. И только крепче всего пропитанные классовым пролетарским духом рабочие, настоящий цвет восходящего революционного класса, кого бессильна была развратить «власть», мелкое тщеславие, погоня за «советской карьерой» или советский бюрократизм, – остались внутренне связанными с массами, с рабочими, с теми самыми «низами», из которых они сами вышли и органическую связь с которыми

не вытравили никакие «высокие» советские посты. Как только полегчало на военном фронте, и маятник жизни качнулся в сторону хозяйственного строительства, так эти типичные, неискоренимые по духу пролетарии, самые яркие и устойчивые представители своего класса поспешили сбросить «френчи», кожаные тужурки и отложить на стол папки «исходящих и входящих» бумаг, чтобы отозваться на молчаливый призыв своих братьев по классу, фабричных и заводских рабочих, миллионов русских пролетариев, влачащих и в советской трудовой России каторжное позорно-жалкое существование... Классовым чутьем поняли эти товарищи, стоящие во главе «рабочей оппозиции», что дело не ладно. Что за три года революции мы, правда, построили советские аппараты и утвердили принцип рабоче-крестьянской трудовой республики, но что сам рабочий класс *как класс*, как единая нераспыленная социальная единица с едиными однородными классовыми запросами, а следовательно, и *однородной, выдержанной, четко-ясной политикой* играет все меньшую роль в Советской Республике, все слабее окрашивает мероприятия своего же правительства, все менее руководит политикой и влияние на работу и направление мысли центральных органов власти. В первоначальный период революции кто стал бы говорить о «верхах» и «низах»? Массы, именно рабочие массы и партийные руководящие центры – слились воедино. Те запросы, что в низах рождала жизнь и борьба, находили свое более точное выражение, более четкую и научно обоснованную формулировку в руководящих партийных центрах. Противоположения верхов и низов не было и быть не могло. Сейчас оно есть, и никакой агитацией и никакими мерами «запугивания» не изгонишь из сознания широких масс образования характерного нового «социального слоя» – советско-партийных верхов.

Профессионалисты – существующее ядро рабочей оппозиции – это поняли, вернее, почувствовали здоровым классовым инстинктом. Первое, что они сделали – это связаться с низами, войти в свой классовый орган – профсоюз; орган, который всего меньше подвергся за эти три года разлагающему влиянию скрещивающихся, посторонних, не пролетарских интересов (крестьянства и приспособившихся к советскому строю буржуазных элементов), уродующих наши советские учреждения и уводящих нашу политику из четкого классового русла в болото «приспособленчества»...

Итак, рабочая оппозиция – это прежде всего пролетарии, связанные со станком или шахтой, плоть от плоти рабочего класса.

Рабочая оппозиция удивительна тем, что у ней нет крупных, выдающихся личностей, то, что принято называть «вождями». Она родилась, как всякое здоровое, неизбежное, классово обоснованное движение, из недр широких рабочих низов, зарождаясь и пуская сразу глубокие корни во всех концах Советской России, куда слух об оппозиции еще не успел долететь.

«У нас понятия не имели о том, что в Москве идут разногласия и дискуссии о роли профсоюзов, – говорил делегат из Сибири на съезде горнорабочих, – а нас уже волновали те же вопросы, что стоят перед вами». За рабочей оппозицией стоят пролетарские массы, или точнее: рабочая оппозиция – это классово спаянная, классово сознательная и классово выдержанная часть нашего промышленного пролетариата, которая считает, что нельзя подменить великую творческую силу пролетариата в деле строительства коммунистического хозяйства формальной вывеской диктатуры рабочего класса.

Чем выше подняться по лестнице советских и партийных «постов», тем меньше приверженцев оппозиции. Чем глубже уйти в массы, тем больше отклика находит платформа рабочей оппозиции¹. Это характерно, это знаменательно, это следует учесть руководящим центрам нашей партии. Если массы уходят от «верхов», если образуется брешь, трещина между руководящими центрами и низами, – значит, в верхах не все благополучно, особенно тогда, когда массы не молчат, а мыслят, выступают, защищаются, отстаивают свои «лозунги». Верхи могут увести массу с прямого пути истории, ведущей к победе коммунизма только тогда, когда масса молчит, подчиняется, следует пассивно и доверчиво за вождями. Так было в 1914 г. при начале мировой войны, когда рабочие поверили вождям и решили: «Они лучше нас знают пути истории. Инстинктивное чувство протеста против войны нас обманывает, надо молчать, подавить его и слушаться старших». Но когда масса волнуется, шевелит мозгами, *когда она упрямо голосует против любимых вождей*, часто подавляя чувство личной симпатии к ним, – тогда дело становится серьезным. И тогда задача партии не замалчивать разногласия, не обзывать оппозицию не-

¹ Пример – голосование платформ: комитетчики, верхи – за одну из платформ партии верхов, низы, массы коммунистов, рабочие – за рабочую оппозицию.

обоснованными, ничего не объясняющими кличками, а серьезно вдуматься в вопрос, где же, в чем корень разногласия, чего хочет рабочий класс, носитель коммунизма и его единственный творец...

Итак, рабочая оппозиция – это передовая часть пролетариата, не порвавшая живой связи с организованными в союзы рабочими массами и не расплывшаяся по советским учреждениям.

Корень разногласий

Раньше, чем разобраться, в чем корень расхождения «рабочей оппозиции» с официальной точкой зрения наших руководящих центров, надо твердо запомнить два факта: прежде всего, что рабочая оппозиция родилась из недр промышленного пролетариата Советской России, что ее взрастили не только каторжные условия жизни и труда семимиллионного промышленного пролетариата, но и ряд отклонений, качаний, противоречий и прямо уклонений нашей советской политики от четких, ясных, классово выдержанных принципов коммунистической программы.

Во-вторых, что оппозиция не угнездилась в одном каком-либо центре, не явилась плодом личных раздоров и несогласий, а широко разлилась по всей Советской Республике, дружным ответным эхом со всех концов России откликаясь на каждую попытку товарищей рабочих сформулировать, выразить, оформить корень разногласий и определить: чего же хочет рабочая оппозиция.

Сейчас создается впечатление, будто весь корень расхождений «рабочей оппозиции» с многочисленными течениями верхов заключается исключительно в различном понимании задач и роли профсоюзов. Это не верно. Расхождения глубже. Представители оппозиции не всегда умеют их ясно выразить и точно установить, но стоит затронуть ряд вопросов строительства нашей, республики, и разногласия выявятся сразу по ряду основных положений хозяйственного и политического характера.

Впервые две точки зрения руководящих верхов нашей партии и представителей классового организованного в союзы пролетариата сказались на IX съезде партии по вопросу о «единоличии» и «коллективности». Оппозиции еще не было как сформированной группы, но характерно, что за «коллективность» выступили представители профсоюзов, т. е. чисто классовых по составу организаций, против высказывались руково-

дящие верхи партии, привыкшие расценить все явления под углом зрения советско-ведомственной политики, требующей изощенного умения приспособиться к социально неоднородным, подчас политически противоречащим друг другу запросам различных социальных групп населения (пролетариата, мелких собственников – крестьян и буржуазии в лице спецов и лжеспецов всех видов и формаций).

Почему именно профсоюзы упрямо, не умея подкреплять свои доводы научно обоснованными положениями, стояли за «коллегиальность», а защитники «спецов» одновременно отстаивали «единоличие»? Да именно потому, что в этом споре (хотя обе стороны и отрицали «принципиально» значение вопроса) [столкнулись] по существу две исторические, непримиримые точки зрения. Единоличие – есть плоть от плоти индивидуалистического (т. е. из себя самого исходящего) мировоззрения буржуазного класса. Единоличие, т. е. оторванная от коллектив, «свободная», изолированная воля человека, проявляющаяся во всех областях – начиная от утверждения самодержавного главы государства и кончая самодержавием директора завода, – это высшая мудрость буржуазного мышления. Буржуазия не верит в силу коллектива. Она любит лишь «сколотить массу в послушное стадо» и по своей единоличной воле погонять это стадо туда, куда найдет нужным руководитель.

Рабочий класс и его идеологи, наоборот, знают, что новые коммунистические задачи класса осуществимы лишь путем коллективного совместного творчества, общих усилий самих рабочих. Тем теснее будет рабочий коллектив, чем больше воспитаны будут массы в духе проявлений своей общей коллективной воли и общей мысли, тем полнее и скорее класс осуществит свою задачу, т. е. создаст новое, не распыленное, а единое, гармонически спаянное коммунистическое хозяйство. *Только тот, кто практически связан с производством, может внести в него оживляющие новинки.* Отказ от принципа, именно от принципа коллективности в управлении производством – был уступкой момента со стороны нашей партии, приспособленчество, уклонение от той частицы классово-линии, которую мы так страстно утверждали и отстаивали в первый период революции.

Почему это произошло? Как случилось, что наша выдержанная, закаленная в бою революции партия позволила увлечь себя с прямого классово-

вого пути и начать колесить по тропинкам столь ненавистного ей же и так ею же заклеянного «приспособленчества»?

На это мы ответим ниже, пока же перейдем к вопросу о том, как образовалась и развилась «рабочая оппозиция».

Девятый съезд был весною. Летом оппозиция ничем себя не проявляла. Не было слышно о ней ни на бурных дебатах о профсоюзах во время II съезда Коминтерна. Но глубоко по низам шла своя работа накопления опыта и критической мысли. Эта работа нашла свое еще далеко не законченное проявление на партийной конференции сентября 20-го года. Пока еще мысль бродила в области отрицания, критики. Не было своих оформленных положительных предложений. Но уже ясно было, что партия вступает в новую полосу, что в ней идет брожение, что «низы» требуют «свободы критики» и заявляют громогласно о том, что бюрократизм их душит, не дает простору для живой деятельности, для проявления инициативы.

Руководящие партийные верхи учли начавшееся брожение и, в лице тов. Зиновьева, надавали много словесных обещаний о свободе критики, о расширении самостоятельности масс, о необходимости бороться с вредными уклонами бюрократизма и о строгом преследовании всех верхов, отступающих от принципа демократии... Сказано было много и изрядно хорошо. Но от слов до дела дистанция изрядная. Конференция сентябрьская, вместе с многообещающей речью Зиновьева, ничего не изменила ни в партии, ни в жизни широких рабочих масс. Корень, питающий ростки оппозиции, не был уничтожен. В низах шло, нарастая, глухое недовольство, критика, работа мысли.

Это глухое брожение докатывалось до руководящих верхов, плодя и там неожиданно обострившиеся разногласия. И характерно, что в центральных руководящих кругах нашей партии разногласия обозначились со всей остротой именно по вопросу о роли профсоюзов. Это и естественно.

Сейчас этот пункт расхождения оппозиции и верхов партии, не являясь единственным, все же составляет при данном положении вещей центральный вопрос всей нашей внутренней политики.

Раньше, чем рабочая оппозиция со своими тезисами и оформила те основы, на которых, по ее мнению, должна покоиться диктатура пролетариата в области организации производства, руководящие верхи еще резко

разошлись в своей оценке роли классовых рабочих организаций при воссоздании производства на новых коммунистических началах. ЦК партии разбился на группы, тов. Ленин против Троцкого с Бухариным как буфетом посредине.

Только на VIII съезде Советов и непосредственно после выяснилось со всей очевидностью, что внутри партии имеется сплоченная группа, объединяемая, прежде всего, вокруг тезисов о задачах профсоюзов, и что оппозиция эта, не имея ни одного крупного теоретика-лидера, встречая самый резкий отпор со стороны наиболее популярных вождей партии, растет и крепнет, а главное, стелится и стелится по трудовой России... Если бы она гнездилась только в Москве и Петрограде. Но нет, уже с Донбасса, с Урала, из Сибири и ряда промышленных центров в ЦК нашей партии летят донесения, что и там *«образуется и действует рабочая оппозиция»*. Правда, оппозиция эта далеко не всюду выявляет себя на тех же пунктах, на которых сходятся рабочие столицы Советской Республики; порою в проявлениях, требованиях и мотивировках оппозиции много еще неясного, сумбурного, мелочного, тогда как основные пункты упущены, но одно остается неизменным – это вопрос о том: *кому осуществлять творчество диктатуры пролетариата в области хозяйственного строительства?* Органам ли классовым по составу, непосредственно, жизненными нитями связанным с производством, т. е. производственным союзом или же советским аппаратом, оторванным от непосредственной, живой хозяйственно-производительной деятельности, к тому же смешанным по своему социальному составу? В этом корень расхождения. Рабочая оппозиция стоит за первое. Верхи нашей партии, как бы ни разошлись их тезисы в отдельных менее существенных пунктах, в трогательном единении стоят за второе.

Что же это показывает?

Это показывает, что партия наша переживает свой первый серьезный кризис за время революции, и что от оппозиции надо не отмахиваться дешевыми словечками вроде «синдикализма», а надо всем товарищам призадуматься: чем вызван этот кризис? И на чьей стороне классовая истина – на стороне ли руководящих органов или на стороне здоровых классовым чутьем рабочих, пролетарских масс?

Кризис партии

Прежде чем рассмотреть основные пункты разногласий между руководящими верхами нашей партии и *рабочей оппозицией*, приходится поискать ответа на вопрос о том, как могло случиться, что наша партия, боевая, стойкая, могучая и непобедимая именно своей твердой и ясной классовой линией, может начать уклоняться от этой выдержанной линии.

Чем дороже нам коммунистическая партия, сделавшая такой решительный шаг вперед по пути освобождения рабочих от ига капитала, тем меньше имеем мы права закрывать глаза на ошибки руководящих ее кругов.

Сила нашей партии заключалась и должна и впредь заключаться в том, что руководящие ее центры чутким ухом улавливают назревшие запросы и задачи, объединяющие между собой рабочих, и, уловив эти запросы, умели их направить так, чтобы через них толкнуть массы на завоевание еще одной исторической позиции. Так было. Но сейчас этого нет. Наша партия не только замедляет свой стремительный бег в будущее, но все чаще «благоразумно» оглядывается назад: а не забежали ли мы слишком вперед? Не пора ли приостановиться? Не разумнее ли стать поосторожней, избегая смелых, еще не виданных в истории опытов?

Чем же вызвана эта «мудрая осторожность» (особенно ясно проглядывающая в недоверии руководящих верхов партии к хозяйственно-производственным способностям рабочих союзов), которая за последнее время обуяла наши центры? Где причина?

Если мы посмотрим повнимательнее на причину, порождающую расхождение в нашей партии, то убедимся, что тот кризис внутри партии, какой сейчас имеется налицо, вызван *тремя основными причинами*.

Первая, главная, основная причина, – это те тяжелые исторические условия, в которых нашей партии приходится работать и действовать. РКП принуждена строить коммунизм и воплощать в жизнь программу партии: 1) в обстановке полного развала и разорения народного хозяйства; 2) при неослабевающем в течение трех лет революции натиске империалистических держав и белогвардейщины; 3) рабочему классу в России выпало на долю воплощать коммунизм, строить новые, коммунистические формы хозяйства в стране экономически отсталой, с преобладающим крестьянским населением, где не имеются еще налицо все экономи-

ческие предпосылки (условия) для обобществления и централизации народного хозяйства и в которой капитализм не успел еще завершить полного курса своего развития (от неограниченной борьбы конкуренций первоначальных ступеней капитализма к высшей его форме – регулировке производства через хозяйские союзы – синдикаты, тресты).

Естественно, что все явления тормозят практическое осуществление нашей программы (особенно в основной ее части – строительства народного хозяйства на новых принципах) и вместе с тем вносят *пестроту влияний*, отсутствие единства в нашу советскую экономическую политику.

Из этой основной причины вытекают и две последующие. Прежде всего экономическая отсталость России и преобладание в ней крестьянства создает ту пестроту и неизбежно отклоняет в жизненной практике политику партии от ее твердо выдержанной *в принципе, в теории линии*. Партии, стоящей во главе смешанного по социальному составу советского государства, приходится волей неволей считаться и с запросами «хозяйственного мужичка», с его мелкособственническими замашками и отвращением к коммунизму, и с многочисленным слоем мелкобуржуазных элементов прежней, капиталистической России, всяких скупщиков, посредников, мелких торговцев, приказчиков, хозяйчиков, ремесленников и мелких чиновников, которые быстро приспособились к советским органам. Это они-то, главным образом, и заполняют советские учреждения, являясь «агентами» Наркомпрода, заведующими снабжениями армии, юркими «практиками» в различных главках и центрах. Недаром нарком продовольствия Цюрупа на фракции VIII съезда привел такие характерные цифры, что в продовольствии занято 17 % рабочих, 13 % крестьян, менее двадцати процентов спецов, а остальные пятьдесят с лишним процентов – это бывшие «ремесленники, приказчики» и т. д. и «мелкий люд», в большинстве даже безграмотный (слова тов. Цюрупы), и что, по его мнению, служит гарантией их демократического происхождения, но ничего общего не имеющих с классовым пролетариатом, с производителями ценностей, с фабрично-заводскими рабочими.

Именно этот слой, широко разлитый по советским учреждениям, слой мелкой буржуазии, мешанства с его враждебностью к коммунизму, приверженностью к косным нравам прошлого, с отвращением и страхом к революционным действиям, и разлагает наши советские учреждения, внося туда дух, *совершенно чуждый рабочему классу*. Это два мира, и мира

враждебных. А мы в Советской России принуждены убеждать и себя, весь рабочий класс, что мелкая буржуазия, мещанство (не говоря уже о крестьянстве в образе хозяйственного и трудолюбивого среднего) великолепно могут ужиться под общей вывеской «вся власть советам», забывая, что именно в ежедневной практике жизни интересы рабочих и пропитанного мелкобуржуазной психологией мещанства и крестьян неизбежно сталкиваются, дергая советскую политику в разные стороны и искажая ее классовую четкость.

Помимо мужичка-хозяина в деревне и помимо мещанского (не рабочего, а именно мещанского) элемента в городе, нашей партии в ее советской государственной политике приходится считаться еще с влиянием представителей крупной буржуазии в лице спецов-техников, инженеров, бывших воротил финансово-промышленного мира, всем своим прошлым связанных с капиталистической системой производства, не умеющих представить себе форм производства вне привычных для них рамок капиталистического хозяйства. Чем больше Советская Россия нуждается в специалистах в области техники и руководства промышленностью, тем сильнее влияние этих чуждых рабочему классу элементов на ход и развитие форм и типа нашего хозяйства. Отброшенные в сторону в первоначальный период революции, занимая [в] самые трудные месяцы нашей революции, выжидательно, а то и открыто враждебную к советской власти позицию (исторический «саботаж» интеллигенции), эта социальная группа крупных воротил капиталистического производства, послушных, наемных, великолепно оплачиваемых слуг капитала, с каждым днем приобретает все большее влияние и значение в политике².

Нужны ли имена? Каждый товарищ-рабочий, следящий за нашей внутренней и внешней политикой, сам вспомнит не одно такое лицо...

Пока центр нашей жизни составлял военный фронт, влияние этих господ, этого чуждого рабочему классу элемента на правление нашей советской политики, особенно в области строительства хозяйства, было сравнительно ничтожно.

«Спецы», выходцы [из] прошлого, всем нутром своим тесно и неразрывно связанные с упраздняемым нами буржуазным строем, вкраплива-

² Рабочая оппозиция нигде и никогда не отрицала «использования» специал[истов] техники, науки. Но использовать – это одно, [а] дать им власть – другое.

лись и в нашу Красную Армию, внося сюда свой дух прошлого (чинопочитание, «нашивки», отличия, слепую субординацию, вместо классовой дисциплины произвол бывших начальников и т. д.), но на общую политическую линию Советской Республики их влияние не распространялось. Пролетариат не оспаривал их руководство в военном деле, здоровым инстинктом класса чувствуя, что в военном деле рабочий класс как класс не может сказать нового слова, бессилён внести коренные изменения системы милитаризма, пересоздать ее сущность на новых классовых началах. Милитаризм военщины – порождение пройденных человечеством ступеней развития; милитаризму, военщине, войнам – не будет места в коммунистическом обществе. Борьба пойдет по иной линии, выльется в совершенно иные формы, недоступные нашему воображению. Милитаризм доживает свой век в переходную эпоху диктатуры, и потому естественно, что *творческого*, классово нового, кладущего в основу для будущего развития общества рабочие как класс не могли принести в милитаризм, его формы и систему. Есть и в Красной Армии блестящие творчеством классы, но суть военщины осталась прежняя, и руководство выходцев из прошлых офицеров и генералов прежней армии не настолько отклоняло советскую политику в военном деле в чуждую нам сторону, чтобы рабочие могли ощущать в этом смысле явный ущерб для себя, т. е. для класса и его основных задач.

Не то в области народного хозяйства. Производств – его организация; это и есть суть коммунизма. Отдалить рабочих от организации производства, лишить их, т. е. производственные организации – эти выразители классовой группировки пролетариата – возможности вносить свое творчество в производство, в организацию новых форм хозяйства, доверяясь «умению» специалистов, выдрессированных и подготовленных для ведения хозяйства при господстве совершенно иной системы производства. – это значит соскочить с рельс[ов] научно-марксистского мышления. Но как раз то и делается сейчас верхами нашей партии. Учитывая всю катастрофичность нашего хозяйства, все еще построенного на капиталистической системе (плата за труд деньгами, тарифы, категории труда и т. д.), верхи нашей партии в припадке безверия в творческие силы рабочих коллективов ищут спасения от хозяйственной неурядицы – у кого? У выходцев из буржуазно-капиталистического прошлого, у дельцов и техников, творческие способности которых как раз в области хозяйства засорены

рутиной, навыками, приемами капиталистического способа ведения производства и хозяйства. Это они-то и вносят смехотворно-наивную веру в то, что коммунизм можно насадить бюрократическим способом. Там, где еще надо искать и «творить», они уже «предписывают»...

Чем больше фронт военный отступает перед фронтом хозяйственным на второй план и чем острее и мучительнее наша нужда, тем устойчивее становится влияние той группы населения, которая не только внутренне чужда коммунизму, враждебна ему органически, но и абсолютно бес- сильна проявить живое творчество в области отыскания новых форм организации труда, новых двигателей для поднятия интенсивности труда, новых приемов сочетания *производства и потребления*. Все эти техники, практики, деловые люди, которые выплывают на поверхность советской жизни, начиная накладывать руку на хозяйственно-производственную политику, оказывают свое давление на верхи нашей партии через советские органы и внутри этих органов.

Партия оказывается в тяжелом и затруднительном положении, ей приходится в процессе управления советским государством прислушиваться и приспособляться к трем разнородным по социальному составу, а значит, и экономически разнородным по своим интересам группам населения. С одной стороны, пролетариат. Пролетариат требует наибольшей чистоты и бескомпромиссности политики, спешного, форсированного марша на коммунизм. С другой стороны, крестьянство с его мелкобуржуазными популистскими пожеланиями, симпатией ко всякого рода «свободам», и прежде всего, свободе торговли и невмешательству государства в его хозяйские дела. К крестьянству примыкает мещанин в виде «агента» советских служащих, снабженцев армии и т. д., приспособившихся к советскому строю, но по своей психологии извращающих нашу политику в сторону мелкобуржуазных тенденций.

Но центр эти мелкобуржуазные элементы оказывают меньше влияния, но на местах, в провинции и в низах советской работы – влияние их огромно и зловредно. Наконец, третья группа населения – это люди практики, бывшие воротилы при капиталистическом строе. Это не магнаты капитала, разумеется, не Рябушинские и Бубликовы, от которых очистилась трудреспублика еще в первый период революции, но это бывшие самые талантливые слуги капиталистической системы производства, «мозг и гений» капитализма, его истинные творцы и оплодотворители. Весьма

одобряя централистские тенденции советской политики в области хозяйства, учитывая всю пользу третирования и регулировки производства (этим же занимается капитал и в наиболее промышленно развитых буржуазных государствах), они хлопочут лишь об одном: чтобы вся эта «регулировка» шла не через рабочие органы (производственные союзы), а через их руки под фирмой советских хозяйственных аппаратов, главков, центров, Совета Народного Хозяйства, где они пустили уже достаточно прочные корни. Влияние этих господ на «трезвую» государственную политику наших верхов большое, значительно большее, чем это желательно. Влияние их сказывается и в линии утверждения и отстаивания *системы* бюрократизма (с уступками в сторону «улучшения», но не изменения самой системы). Оно ощущается особенно наглядно в области налаживания торговых сношений с капиталистическими державами, сношениями, идущими через головы как русского, так и иностранного организованного капитала. Оно сказывается в ряде мероприятий, урезающих самостоятельность масс и утверждающих руководство выходцев из мира капиталистического прошлого.

Среди всех этих разнородных групп населения нашей партии приходится лавировать, находя равнодействующую в политике, которая не нарушала бы единства государственных интересов. Отчетливая классовая политика нашей партии в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом превращается все более и более в ту надклассовую политику, которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально разнородного, смешанного состава населения. Это приспособление ведет к неизбежным шатаниям, к неустойчивости, к уклонам и ошибкам. Достаточно припомнить зигзагообразный путь нашей политики по отношению к крестьянству, приведший нас от курса «на бедняка» к курсу на «хозяйственного трудолюбивого мужичка-собственника». Пусть этот курс политики свидетельствует о «политической трезвости» и «государственной мудрости» наших руководящих верхов, но историк, беспристрастно оценивающий ступени нашего господства, учтет и укажет, что вот тут-то уже сказался «опасный уклон» от классовой линии, чреватая последствиями тенденция к «приспособленчеству», к лавированию...

Или вопрос о внешней торговле. Тут несомненная двойственность в нашей политике, о чем свидетельствуют и непрекращающиеся трения

между Коминтерном и Внешторгом. Трения эти носят не только ведомственный характер – они глубже, и если бы эта закулисная работа руководящих органов была вынесена на суд низов, кто знает, во что бы вылились разногласия, отделяющие друг от друга народный комиссариат интел от торговых представителей республики за границей.

Скрытые от низов ведомственные, но по существу социально более глубокие трения, необходимость советской политики приспособляться к трем разнородным социальным группировкам населения (рабочим, крестьянам и представителям прежней буржуазии) порождает *вторую причину, вызывающую кризис в нашей партии*. И пройти мимо этой причины никак нельзя. Она слишком характерна, слишком чревата возможностями. Долг верхов партии в интересах жизнеспособности и единства партии вдуматься в эту причину и извлечь необходимый урок из порождаемого ею широко расстилающего[ся] по низам недовольства.

Пока рабочий класс в первичную эпоху революции ощущал себя единственным носителем коммунизма – единство в партии было полное. Не могло быть речи о верхах и низах в пооктябрьские дни, когда передовой слой пролетариата спешно осуществлял и закреплял один за другим пункты нашей классовой, коммунистической программы. Крестьянин, получивший землю, еще не осознал себя частью и полноправным гражданином совреспублики. Интеллигенция, специалисты, деловые люди и все мещанство, лжеспецы, постепенно пробирающиеся все выше и выше по ступеням советской лестницы под видом «спецов», выжидательно сторонились, давая простор творчеству передовых рабочих масс.

Теперь наоборот; рабочий чувствует, видит, ощущает на каждом шагу, что «спецы», а еще хуже – неграмотные и вовсе не вышколенные лжеспецы, «люди практики» выталкивают «серого» рабочего за негодность и непригодность к практической сметке и заполняют собою основные руководящие хозяйственно-производственные органы. А партия, вместо того, чтобы осадить этот чуждый рабочему классу и коммунизму элемент, потворствует им, ищет не у рабочих организаций, а именно у них спасения и избавления от хозяйственной неурядицы. Не рабочим, не союзным, классовым объединениям, а им дарит партия свое доверие. Рабочие массы это чувствуют; и вместо слитности, единства партии и класса получается брешь, не тождество, а разъединение... Массы не слепы. Какими бы словами популярнейшие вожди рабочих ни прикрывали свое-

го отступления от четко классовый политики, своих уступок то «мужичку», то мировому капитализму, – в доверии, оказываемом ученикам капиталистической системы производства, мысы чувят, где начинается отступление. Рабочие могут питать самую горячую преданность и любовь к личности тов. Ленина, могут восхищаться великолепным, несравненным ораторским талантом тов. Троцкого и его организаторскими способностями, могут чтить ряд других вождей как личностей, персонально, но, когда масса чувствует недоверие к себе, к творчеству класса, она, естественно, говорит: нет, стой! Далее мы слепо не идем за вами. Давайте разберем положение. Ваша политика, выбирающая равнодействующую между тремя социальными группами населения, весьма мудрая политика. Но она пахнет старым знакомым приспособленчеством, оппортунизмом. Для сегодняшнего дня мы, быть может, с помощью подобной «трезвой политики» что-нибудь и выиграем, но как бы мы не попали на ложную дорогу, которая своими поворотами да зигзагами незаметно не увела бы от будущего в дебри прошлого... Недоверие класса к руководящим верхам растет, и чем эти верха трезвее, чем больше из них вырабатываются опытные «государственные мужи» с их политикой, скользящей на лезвии ножа между коммунизмом и уступками буржуазному прошлому, тем глубже пропасть между «верхами» и «низами», тем меньше понимания и тем болезненнее и неизбежнее кризис внутри партии.

Третья причина, объединяющая [sic] внутрипартийный кризис, – это то, что реально, на деле, практически за эти три года революции экономическое и бытовое положение широких рабочих масс, производителей, фабрично-заводского люда не только не улучшилось, но стало тяжелее. Этого никто из руководящих верхов партии не отрицает. Глухое, но широко разлитое недовольство рабочих (заметьте, *рабочих*) имеет под собою реальную почву.

От революции непосредственно выиграло крестьянство; к новым формам советской системы и жизни прекрасно приспособилось не только мещанство, но и представители крупной буржуазии, занявшие ответственные и руководящие посты в советских органах (в особенности, в области управления хозяйством), промышленностью или налаживанием торговых отношений с капиталистическим западом [sic]. Один только основной класс советской республики, выносящий на своих плечах всю тя-

жесть ответственности периода диктатуры, в массе своей влачит позорно жалкое существование.

Трудовая республика, управляемая коммунистами, этим «авангардом» рабочего класса, который, по словам тов. Ленина, «вобрал в себя революционную энергию класса, не удосужилась поразмыслить о том, чтобы поставить не отдельные, случайно вынырнувшие перед совнаркомом ударные предприятия и отрасли промышленности в особо благоприятные условия, а массы, широкие массы рабочих и работниц – в сколько-нибудь человеческие условия существования.

Наркомтруд – самый мертвый из всех наших комиссариатов. В советской политике серьезно, во всероссийском масштабе, не ставился и не обсуждался вопрос: что же надо и можно сделать при современной тяжелой хозяйственной разрухе, учитывая все неблагоприятные внешние условия, для того, чтобы изменить *быт рабочего к лучшему*, чтобы *сберечь* его трудовую силу для производства, чтобы поставить труд рабочего в мастерской в сколько-нибудь приемлемые условия? Советская политика отличалась до самого последнего времени отсутствием какой бы то ни было политической линии, какого бы то ни было продуманного и намеченного плана в области *организации быта рабочих и улучшений условий труда*. Все, что делалось в этой области, делалось случайно, урывками, местной властью, под давлением самих масс.

Пролетариат геройски в эти три года гражданской войны нес неисчислимые жертвы революции. Он терпеливо ждал. Но теперь, на переломе событий, когда нерв жизни республики перенесен на хозяйственный фронт, массовый рабочий считает излишним «терпеть» и «выжидать». Как? Разве не он строитель жизни на коммунистических началах? Так возьмемся же за это строительство сами, благо мы лучше «господ из главков» знаем, где у нас болит...

Массовик-рабочий присматривается. Он видит, что до сих пор вопросу гигиены, санитарии, улучшению условий труда в мастерских, охраны здоровья рабочего и работницы, другими словами, организации быта и улучшению условий труда в нашей политике отводится последнее место. Далее вселения рабочих семейств в неудобные и неприспособленные для них буржуазные квартиры мы не пошли в разрешении жилищного вопроса и, что хуже, до сих пор не приступили к практической разработке плана реорганизации жилищ. К стыду нашему, не только в глухой провинции,

но в сердце республики – в Москве – процветают вонючие, перенаселенные, антигигиенические рабочие казармы, куда войдешь, и кажется, будто и революции-то не было... Мы все знаем, что жилищный вопрос не поддается разрешению в несколько месяцев и даже лет, что при нашей нищете он представляет особые трудности, но факты обостряющего, нарастающего *неравенства* в положении *привилегированных* групп населения Советской России и рядовых рабочих, «остова диктатуры» пролетариата, порождает и питает растущее недовольство.

Рабочий-массовик видит, как живет советский чиновник, «человек практики», и как живет он сам, тот, на котором держится диктатура класса... Он не может не учесть, что за все время революции всего менее уделено было внимания *жизни и здоровью рабочего в мастерской*, что где до революции существовали сколько-нибудь сносные условия, там они подерживались фаб- и завкомами, а где их не было, где сырость, духота, вредные яды отравляли, заражали и изнуляли организм рабочего, там эти явления так и остались не устраненными... «Не до того было... Помилуйте, гражданский фронт...» И однако, чтобы отремонтировать помещение для советского органа, находились и материалы, и рабочие руки... Попробовали бы мы посадить «спецов», «людей практики» в области торговых сделок с иностранным капиталом в те конуры, в которых продолжают жить и трудиться массы пролетариев, они подняли бы такой вопль, что пришлось бы мобилизовать весь жилищно-земельный отдел для устранения недопустимой «бесхозяйственности», мешающей продуктивности работы специалистов.

Заслуги рабочей оппозиции в том, что вопрос *организации быта рабочих* со всеми будто мелочами, пустяковыми требованиями рабочих она включила в общий народнохозяйственный план. Поднятие производительных сил *не осуществимо без одновременной организации быта рабочих на новых, целесообразных, коммунистических началах*.

Чем меньше было до сих пор предпринято и намечено (я не говорю уже – осуществлено) в этой области, тем глубже *непонимание, отчуждение* и значительный рост обоюдного *недоверия* между руководящими верхами партии и широкими рабочими массами. Нет единства, нет сознания общности нужд, запросов и требований. «Верхи одно, мы другое. Может, вожди и лучше умеют управлять страной, но нашего рабочего дела, жизни мастерской, ее нужд и непосредственных задач – они не понимают и

не знают». Отсюда инстинктивное доверие к союзным центрам и отшатывание от партии. «Свой-то они свои, да только попал в главк и ушел от нас... По-иному живет. Наше горе ему что? Не свое горе, стало!»

И чем больше партия наша выкачивала наиболее сознательные, преданнейшие элементы из предприятий и союзов, перебрасывая их на фронт и на работу в советских органах, тем больше порывалась непосредственная связь широких рабочих масс с руководящими политическими центрами. Нарастала брешь, образовывалась трещина... И сейчас эта трещина дает себя чувствовать уже внутри самой партии. Рабочие через рабочую оппозицию вопрошают: кто мы? Действительно ли мы хребет классовой диктатуры или же мы безвольное стадо, быдло, которое служит подпоркой для тех, кто, оторвавшись от масс и угнездившись под надежную сень партийной вывески, творит политику и строит хозяйство без нашего руководства, без нашего классового творчества?

И как бы партийные верхи ни отмахивались от рабочей оппозиции, это та нарастающая здоровая классовая сила, которая несет особую жизненную энергию возрождения народного хозяйства и самой начинающей лянть и пригибаться к земле коммунистической партии.

Итак. Три причины порождают кризис нашей партии: прежде всего, высшие, объективные условия, в которых протекает и осуществляется насаждение начал коммунизма в России (гражданская война, экономическая отсталость России, ее великая разруха после стольких лет войны); вторая причина: мешанный состав ее населения – семимиллионный пролетариат, затем крестьянство, мещанство, бывшая крупная буржуазия – дельцы всех видов и формаций, влияющих на политику советских органов и вливающих в партию. В-третьих – пассивность партии в деле непосредственного улучшения положения пролетариата при неумении, бессилии соответствующих советских учреждений поставить и разрешить эти вопросы.

Чего же хочет оппозиция? И в чем ее заслуга?

Ее заслуга в том, что она вынесла перед партией все эти наболевшие вопросы, что она оформила то, что глухо бродило в массах и что вводило беспартийные рабочие массы все дальше и дальше от партии, что она ясно и безбоязненно бросила в лицо партийным верхам: «Остановитесь, оглянитесь, призадумайтесь. Куда вы нас ведете? Не сбиваемся ли мы с классового пути? Плохо будет положение партии, если остов-то диктату-

ры – рабочий класс – останется сам по себе, а партия сама по себе... В этом гибель революции». Задача партии в момент настоящего кризиса – бесстрашно учась свои ошибки, насколько ни были, и прислушаться к здоровому классовому зову широких масс рабочих: *через творчество самого восходящего класса в лице производственных союзов к воссозданию и развитию производительных сил страны, к очищению самой партии от затесавшихся в нее чуждых ей элементов, к выправлению работы партии путем возвращения к демократизму, к свободе мнений и критике внутри партии.*

О роли и задачах профсоюзов

Мы отметили в основных, хотя и беглых чертах, чем вызывается наш внутрипартийный кризис. Теперь рассмотрим, каковы главные пункты расхождения верхов нашей партии и рабочей оппозиции. Пунктов этих два: *роли и задачи профсоюзов в период воссоздания народного хозяйства* и организации производства на коммунистических началах и вопрос о *самодетельности масс и бюрократизме в партии и советах*. Остановимся на первом вопросе – второй непосредственно вытекает из первого.

Период «тезисотворчества» в нашей партии по вопросу о профсоюзах закончен. Перед нами лежит шесть различных платформ, шесть партийных группировок. Такого разнообразия и «тонкости оттенков» еще не видала партия, и партийная мысль еще никогда не обогащалась таким богатым творчеством формулировок по одному и тому же вопросу. Очевидно, вопрос важный, основной.

Так оно и есть. Дело идет о том, кому строить коммунистическое хозяйство и как его строить. Это же суть нашей программы. Это – ее сердце. Вопрос не меньшей, если не большей важности, чем вопрос о захвате политической власти пролетариатом. Только группа демократического централизма с тов. Бубновым во главе может быть настолько близорукой, чтобы находить, будто: «Вопрос о профсоюзах в настоящий момент отнюдь не имеет ни особо крупного объективного значения, ни особой теоретической сложности».

Естественно, что он волнует партию и что по существу это вопрос о том, куда [по]вернуть колесо истории – дать ему передний или задний ход? Естественно и то, что нет такого коммуниста, который остался бы в

стороне от дискуссии о роли профсоюзов. В результате – 6 различных группировок.

Но, если внимательно проглядеть все тезисы различных, тончайших по оттенкам группировок, то окажется, что по основному вопросу – кому строить коммунистическое хозяйство и организовать производство на новых началах – существует только *две точки зрения*. Одна, выраженная и запечатленная в тезисах рабочей оппозиции, другая, объединяющая все остальные оттенки многообразных, но по сути единых платформ.³

Что проводят тезисы рабочей оппозиции и как понимает она задачу и роль профсоюзов, точнее, производственных союзов, в настоящий момент? «Мы полагаем, что вопрос о восстановлении и развитии производительных сил нашей страны возможен лишь при условии изменения *всей системы организации управления народным хозяйством*» (из докл[ада] тов. Шляпникова 30 дек[абря] ? г.), курсив мой – А.К.). Заметьте, товарищи, «при условии изменения всей системы». Что это значит? «Сущность спора, – говорится дальше, – заключается в том, какими путями наша коммунистическая партия в переживаемый переходный момент будет проводить свою хозяйственную политику: через организованные в союзы рабочие массы или через их голову, бюрократическим путем, посредством канонизированных чиновников» (оттуда же). Вот именно: суть спора – будем ли мы осуществлять коммунизм через рабочих или через их головы руками советских чиновников. И пусть товарищи призадумаются: возможно ли осуществить, построить коммунистическое хозяйство и производство руками и творчеством выходцев из чужого класса, проникнутых *рутиной прошлого*? Если мы будем мыслить по-марксистски, по-научному, мы ответим себе ясно и категорически – нет. Предполагать, что «люди-практики», техники, специалисты в области налаживания капиталистического производства сумет вдруг выскочить за пределы тех обычных *приемов, взглядов и подхода* к труду, которые воспитаны в них, органически в них ввелись за все их служение капиталу, и начнут созидать новые коммунистические формы хозяйства (а в нахождении этих новых форм производства, новой организации труда, новых стимулов-побудителей к труду заключена вся суть), – значит забывать неоспоримую

³ Группа т. Игнатова и других, в вопросах строительства и возрождения партии весьма близкая к раб. оппозиции, занимает не отчетливую позицию по вопросу о роли профсоюзов.

истину, что систему хозяйства изменяют не отдельные гениальные люди, а *потребности класса*.

Вообразите себе, если б в эпоху перехода от феодально-помещичьего хозяйства, построенного на крепостном труде, к системе капиталистического производства с его якобы свободным наемным трудом в мануфактурах буржуазный класс, еще очень неопытный тогда в организации своего капиталистического хозяйства, пригласил бы себе в роли главных организаторов мануфактур наиопытнейших, юрких и умелых управителей и приказчиков, помещичьих имений, привыкших иметь дело с рабски-безвольным, крепостным трудом. Что бы получилось? Сумели ли бы эти опытные люди, спецы в своей области, воспитанные на власти кнута, поднять производительность труда «свободного», хотя и голодного пролетариата, который имел все-таки возможность уйти от грубой руки управителя мануфактуры, поступить в солдаты, стать поденщиком, бродягой, нищим, но все же уйти от постылого труда. Не развалили бы они начавшуюся складываться новую организацию труда и всю на ней построенную систему капиталистического производства? Отдельные управители крепостных крестьян, отдельные бывшие помещики, приказчики умели приспособиться к новым формам производства, но не из них вербовались истинные творцы и создатели буржуазно-капиталистического хозяйства. Классовый инстинкт подсказывал хозяевам первых мануфактур, что лучше медленно и неумело, да своим умом, своей «сметкой» находить верный путь, определяющий взаимоотношения труда и капитала, чем позимствовать непригодные, мертвящие приемы у устарелой, непригодной больше системы эксплуатации труда, не повышающей, а понижающей производительность. Классовое творчество верно подсказало капиталистам в эпоху первоначального капиталистического накопления, что вместо кнута приказчика и капиталиста [sic] имеется другое погоняло к труду – *соревнование, конкуренция рабочих* перед лицом безработицы, нищеты. И капиталисты, уловив этот стимул, этот побудитель к труду, сумели его использовать в интересах развития новых, буржуазно-капиталистических форм производства, сразу подняв производительность «свободного» наемного труда.

Буржуазия пять веков тому назад действовала ошупью, слепо, повинаясь лишь классовому инстинкту. Она доверяла больше своей сметке,

чем опыту умелых специалистов в области организации крепостных, помещичьего хозяйства. И была права, права исторически.

Мы обладаем великим орудием, помогающим нам находить кратчайший путь к победе рабочего класса, сокращающим его крестные страдания по этому пути и утверждающим новую систему хозяйства – коммунистическую. Это орудие – материалистическое понимание истории. И вместо того, чтобы использовать его, углубить наш опыт и проверить наши искания на истории, мы готовы отбросить исторические истины и пуститься в дебри слепых экспериментов – авось... Как бы тяжело ни было наше хозяйственное положение, до такого взрыва безнадежности нам доходить нет основания. В отчаяние могут приходить капиталистические правительства, действительно стоящие с иссякнущим творчеством капитализма в тупике, но не мы, не трудовая Россия, перед которой с октябрьской революции открываются небывалые, широкие возможности хозяйственного творчества, образование невиданных еще форм производства с неслыханно высокой продуктивностью труда. Но надо научиться брать не из прошлого, а давать простор творчеству будущего.

Это и делает рабочая организация. Кто может явиться творцом, создателем коммунистического хозяйства? Тот класс (а не отдельные гениальные выходцы прошлого), который органически связан с новообразующимися, мучительно перерождающимися формами производства более продуктивной и совершенной системы хозяйства. Какой орган, рабочие ли производительные союзы или мешанный, чиновничий по составу хозяйственно-советский аппарат, может выявить, провести в дело творческие задатки в области новоорганизации хозяйства и производства? Рабочая оппозиция считает, что первый, т. е. рабочий, производственный, а не чиновничье-бюрократический и социально мешанный коллектив с сильным привкусом «дельцов» и «строителей» старого капиталистического закала, ум которых засорен мусором капиталистической рутины.

«Рабочие союзы от современного пассивного содействия органам народного хозяйства должны быть вовлечены к активному и индивидуальному участию в управлении всем народным хозяйством» (тезисы раб[очей] опп[озиции]). Искать, находить и творить новые, более совершенные формы хозяйства, нащупывать новые стимулы повышения производительности труда – могут лишь коллективы, наиболее неразрывно связанные с нарождающейся формой производства, из своего будничного

опыта делая ряд практически мелких на первый взгляд, но теоретически высокоценных умозаключений в области подхода к трудовой рабочей силе в новом трудовом государстве, где погонялом труда перестала быть безысходная нужда, безработица и конкуренция на трудовом рынке.

Найти стимул, повод к труду – величайшая задача рабочего класса на пороге к коммунизму. Не кто иной, кроме самого рабочего класса в лице его классового коллектива, не в силах одолеть эту задачу.

Задача производственных союзов дает простор практическому опыту, классовой сметке в налаживании и нащупывании новых форм производства и организаторским способностям пролетариата, т. е. того класса, который один только может стать творцом коммунизма.

Так подходит к делу рабочая оппозиция. Так понимает она задачи профсоюзов. Отсюда один из важнейших пунктов ее тезисов: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством Республики» (тез[исы] раб[очей] оппозиции). Этим пунктом обеспечивается простор для проявления классового творчества, не сжатого и не изуродованного бюрократическим аппаратом, пропитанным духом и рутиной буржуазно-капиталистической системы управления народным хозяйством. Рабочая оппозиция доверяет силе творчества своего же класса, класса рабочих. Из этого положения и вытекает вся ее дальнейшая программа.

Но как раз на этом-то пункте и начинается расхождение рабочей оппозиции с нашими руководящими партийными верхами. *Недоверие к рабочему классу* (разумеется, не в области политической, а в области хозяйственно-творческих способностей класса) – вся суть тезисов, подписанных нашими руководящими верхами. Верхи партии не верят в то, что грубыми руками технически плохо вышколенных рабочих создадутся те основные мазки, контуры хозяйственных форм, из которых разовьется во времени стройная система коммунистического производства. И тов. Ленину, и Троцкому, и Зиновьеву, и Бухарину кажется, что производства – такая «тонкая штука», что тут нельзя без «руководителей»; раньше «воспитай» рабочих, раньше «научи их», а там, [когда] подрастут, мы уберем

учителей из ВСНХ и позволим производственным союзам овладеть управлением хозяйства⁴.

Характерно, что все тезисы наших партийных верхов сходятся на одном существенном пункте: пока не давать производства и управления народным хозяйством в руки профсоюзов. Пока «погодить». Правда, точки зрения Троцкого, Ленина, Зиновьева, Бухарина расходятся по вопросу, *почему* не давать пока управления хозяйства профсоюзам, но положение о том, что пока это управление должно совершаться *через головы* рабочих, посредством бюрократической, унаследованной от прошлого системы, – на этом все сходятся, в этом все товарищи в верхах партии трогательно солидарны. «Центр тяжести работы профсоюзов в настоящий момент, – говорится в «тезисах 10-ти», – должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профсоюзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя *главную работу* по организации производства» (курсив мой – А.К.). «*Главную работу*» – это растяжимо, не вполне точно, дает широкую возможность толкования, но и позволяет думать, что платформа 1-ти больше даст простору профсоюзам в управлении народным хозяйством, чем централизм т. Троцкого. Так ли это? Дальше в тезисах 10-ти разъясняется, что надо понимать под *главной работой* союзом: «Самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организации рабочего контроля, регистрации и распределении рабочей силы, организации обмена между городом и деревней, деятельное участие в демобилизации промышленности, борьбе с саботажем, проведении всеобщей трудовой повинности и т. д.». И все. Не ново и не больше того, что до сих пор делали профсоюзы и что не спасает наше производство и не помогает двинуть основной вопрос о развитии и восстановлении производительных сил страны. Чтобы не оставить уже никаких сомнений в том, что в платформе 10-ти профсоюзам отводится не руководящая, а подсобная роль в народном хозяйстве, сказано: «В развитом виде (не сейчас, заметьте, а в развитом виде – А.К.) профсоюзы в процессе происходящей

⁴ Невольно опять напрашивается «урок» истории. Разумеется, дворяне-помещики были много образованнее в области экономики, чем безграмотные Тит-Титычи, и, однако, Тит-Титычи со своей классовой сметкой не ставили «барина» во главе предприятия, а если и брали его в управители, чтобы использовать его знания, то держали барина со всем багажом его знаний у себя в подчинении. Руководительство предприятием, фабрикой, заводом они оставили не за ним, а за собою.

соц[иалистической] революции должны стать органами социалистической власти, работающими, как таковые, в соподчинении с другими организациями по проведению в жизнь новых начал *организации* хозяйственной жизни». Следующий вопрос идет о *соподчинении* профсоюзов ВСНХ и его органам. Какая разница со «сращиванием» т. Троцкого? Разница в методах. Тезисы 10-ти усиленно подчеркивают *воспитательный* характер союзов. В задачах профсоюзов – главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной. В вопросе о роли и задачах профсоюзов наши руководящие верхи из политиков неожиданно превращаются в «педагогов».

Разворачивается прелюбопытный спор не о *системе управления хозяйством*, а о системе воспитания масс. В самом деле, перелистывая тезисы, стенограммы речей наших руководящих верхов, изумляешься неожиданно сказавшейся в них педагогической жилке. Каждый творец тезисов выдвигает свою наиболее совершенную систему воспитания рабочих масс. Но все эти системы «воспитания» построены на отсутствии простора для опыта, для воспитания и проявления творческих сил воспитываемого. И в этом смысле, как педагоги, наши верхи отстали от времени.

Дело в том, что задачу профсоюзов тт. Ленин, Троцкий, Бухарин и другие сводят не к управлению хозяйством, не к овладению производством, а к *средству воспитания масс*. В дискуссиях некоторым товарищам казалось, что тов. Троцкий стоит за «огосударствление союзов» – не сразу, но постепенно, но все же признать за профсоюзами задачу управления народным хозяйством, как и сказано в нашей программе, и этот пункт как будто сближал Троцкого с оппозицией, в то время как группа тт. Ленина-Зиновьева, отрицая «огосударствление», центр деятельности профсоюзов и их задачи видят в «школе коммунизма». «Профсоюзы, – громит (Зиновьева) Троцкий, – нужны для черновой обработки» (стр. 22 докл[ада] 30 дек[абря]). Сам Троцкий как будто иначе понимает задачи союзов; по его мнению, основная работа союзов – это организация производства. В этом он глубоко прав. Прав т. Троцкий и тогда, когда говорит: «Поскольку союзы – школы коммунизма, они становятся такими школами не в смысле общей коммунистической пропаганды в союзах (ибо при таком подходе к делу союзы играли бы просто роль клубов) и не в смысле мобилизации членов союза для продовольственной и военной работы, а в смысле *всестороннего воспитания их членов на почве их участия в произ-*

водстве» (докл[ад] Троцкого 30 дек[абря]). Все это неоспоримые истины. Но упущено лишь одно: союзы не только *школы «коммунизма»*, но и *творцы коммунизма*.

Творчество класса упущено. Его подменяет т. Троцкий тем, что «действительными организаторами производства» внутри союза являются «руководящие в союзах коммунисты» (из доклада т. Троцкого от 30 дек[абря]). Какие коммунисты? По Троцкому (тезисы первой формации [sic]) – назначением тех, кого партия по ряду соображений, часто ничего общего с хозяйственными и производственными задачами союза не имеющих, посылает и ставит на данный союзный или хозяйственный пост. Т. Троцкий откровенен. Он не верит в подготовительность рабочей массы творить коммунизм и в муках искать, ошибаться, но созидать новые формы производства. Он и это высказал открыто и прямо. Он провел свою систему «палочного воспитания» масс и подготовки их к роли «хозяина» в цектроне, переняв приемы обучения масс в ремесленных мастерских. Правда, после битья по голове колодкой ученик, ставши мастером, доведет дело своей забитостью до захирения, но зато, пока над ним палка хозяина-учителя, он – ничего себе, работает, производит.

В этом-то, по мнению т. Троцкого, и есть перенесение центра вопроса с «политики на производственные задачи». Поднять, пусть временно, производительность какими угодно мерами – в этом вся суть, вся задача. К этому должна сводиться учеба в профсоюзах по т. Троцкому.

Т. Ленин и Зиновьев с этим не согласны. Они «педагоги» более «современного толка». «Много раз говорилось о том, что профсоюзы являются школами коммунизма. Что это значит – школа коммунизма? Если серьезно брать это определение – это значит, что в школе коммунизма надо прежде всего учить и воспитывать, а не *командовать* (аплодисменты). Камешек в огород (Троцкого), и тов. Зиновьев добавляет: “Профсоюзы... выполняют огромную работу в пролетарском, а потом и чисто коммунистическом духе. Это *основная* (курсив мой – А.К.) роль профсоюзов”. Теперь у нас начинают это основательно забывать, когда думают, что с профдвижением, с этой самой широкой рабочей организацией, можно обращаться слишком неосторожно, слишком грубо, слишком дубовато. Надо помнить, что у этой организации есть особые задачи: не непосредственное командование, не начальствование, не диктаторство, а зада-

чи, которые прежде всего сводятся к вовлечению миллионных масс в русло организованного пролетарского движения»...

Итак, педагог т. Троцкий пересолил, переусердствовал в своей системе воспитания. Но что же предлагает сам тов. Зиновьев? Давать в рамках союзов первоначальные уроки коммунизма, «учить их (массы) первоначальным основам пролетарского движения». Как? На живом практическом опыте, в практическом творчестве новых форм хозяйства (то, чего хочет оппозиция)? Ничего подобного! Группа Ленина-Зиновьева стоит за систему воспитания «прописями» и моральными поучениями, хорошо подобранными примерами. У нас полмиллиона коммунистов (из них, к сожалению, много «чужих», пришельцев из иного мира) на 7 мил. рабочих. Партия, по словам т. Ленина, вобрала в себя «авангард пролетариата», и отборные коммунисты в тесном сотрудничестве со специалистами в советских хозяйственных органах лабораторно выискивают формы коммунистического хозяйства. Эти коммунисты, работающие под наблюдением «добрых педагогов» из ВСНХ, главков и центров, хорошие, примерные Вани и Пети – ученики-«пятерочники» при прежней 5-тибальной системе. А рабочие массы в профсоюзах должны глядеть на этих примерных Ванек и Петек и поучиться. Но рук своих к рулю управления не протягивать – рано. Не доучились...

По мнению т. Ленина, профсоюзы (т. е. рабочая, по существу, классовая организация) вовсе не творцы коммунистических форм хозяйства, а «профсоюзы создают *связь* авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой *убеждают* массы, массы того класса»... и т. д.

Это уже не «палочная» система т. Троцкого. Не домострой. Это германская система Фребель-Песталоцци, основанная на «наглядном обучении». Профсоюзы ничего существенного не делают в хозяйстве, но они *убеждают* массы и служат связью с авангардом класса, с партией, которая (заметьте это!) тоже сама, как коллектив, не управляет, не организует производство, а создает советские хозяйственные органы мешанного состава, куда *вливают и коммунистов*...

Которая система лучше – еще вопрос. Система Троцкого, во всяком случае, отчетливее и потому реальнее. На одних «прописях» и «примерах», взятых с добродетельных Петек и Ванек, педагогики не двинешь. Это следует помнить, и помнить твердо.

Группа Бухарина занимает среднюю позицию или, вернее, пытается сочетать обе системы воспитания; заметьте, и группа т. Бухарина не признает за производственными союзами самостоятельного творчества в хозяйстве. По мнению т. Бухарина и его группы, профсоюзы «выполняют двойную роль (так сказано в тезисах), с одной стороны, она (очевидно, «роль») – “школа коммунизма”, посредник между партией» и беспартийной массой (это из Ленина), аппарат, вливающий широкие пролетарские низы в активную жизнь (заметьте, товарищи, а активную жизнь, а не в *творчество новых* форм хозяйства, не в нащупывание и выявление новой системы производства); а, с другой стороны, они (очевидно, союзы) – и притом в *возрастающей степени* – составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти. Это уже из Троцкого, «сращивание».

Спор идет опять не о задачах союзов, а о методах воспитания масс через союзы. Троцкий стоит (точнее, стоял) за то, чтобы [с] помощью цектрановской системы вбивать мудрость коммунистического хозяйственного строительства в головы профессионально организованных союзов и с помощью «назначенцев», «перетряхивания» и всякого рода чудодейственных мер, «по ударной системе» так перевоспитать союзы, чтобы они слились, срастались с советскими хозяйственными аппаратами и являлись послушными проводниками хозяйственных планов, разработанных ВСНХ. Зиновьев и Ленин не спешат слить и «срастить» союзы и советские хозяйственные аппараты. Союзы, говорят они, пусть остаются союзами. Управлять производством будут нами отобранные люди. Оргбюро на это мастер. Когда в союзах воспитаются добронравные и прилежные Пети и Вани – мы их «перельем» в советские хозяйственные органы. И союзы исчезнут, растворятся.

Творчество в области хозяйства мы поручаем ВСНХ и другим советски-бюрократическим органам, а союзам оставляем роль «школы»... Таков девиз Зиновьева-Ленина. Бухарин хочет «выиграть» на радикализме в системе внутри союзного воспитания, за что и заслужил выговор со стороны т. Ленина и даже обидную «кличку» «сמידикомиста». Бухарин и его группа, подчеркивая воспитательную роль профсоюзов в современной политической обстановке, стоит за самую широкую рабочую демократию *внутри союзов*. Выборность. Только выборность и не «условные», а обязательные кандидатуры профсоюзов. Помилуйте, какой демократизм!

Почти сама рабочая оппозиция. Но с маленькой оговоркой: рабочая оппозиция признает профсоюзы управителями и создателями коммунистического хозяйства. Бухарин же, вместе с т. Троцким и Лениным, отводит им роль «школы» коммунизма и только. Почему не порадикальничать в вопросе «выборности», особенно когда знаешь, что эта выборность ни пользы, ни вреда *системе управления производством не принесет*? Ведь управление хозяйством остается *за рамками* профсоюзов, вне их, в руках советских органов... Бухарин напоминает тех педагогов, которые ведут обучение по старой системе, «по книжечкам», от сих пор, но зато поощряют «самодетельность» учеников при выборах дежурного по классу, по столовой, по организации спектакля⁵...

Так две системы великолепно уживаются и сочетаются. А что из этого получится, на что потом годны будут воспитанники педагогов-эклектиков – это уже вопрос иной. Если б Ан[атолию] Вас[ильевичу] Луначарскому пришлось бы на педагогических собраниях опровергать подобные «эклектические ереси» – положение Наркомпроса было бы безнадежно...

Впрочем, не следует преуменьшать воспитательных методов наших руководящих товарищей по отношению к профсоюзам. Они все, и тов. Троцкий в том числе, понимают, что в деле воспитания «самодетельность» играет не последнюю роль. Поэтому они выискивают те области, где профсоюзы без вреда для общей, бюрократической системы управления производством могут проявить свою самодетельность и свое *хозяйственное творчество*. Наиболее безвредной областью самодетельности масс и «активного участия в жизни» (по Бухарину) могут проявлять профсоюзы в области *улучшения быта*. Рабочая оппозиция много отводит места улучшению быта, но рабочая оппозиция прекрасно понимает, что основная область классового творчества – это создание новых хозяйственно-производственных форм, куда организация быта входит лишь как частность. По мнению же тт. Троцкого и Зиновьева, производство налаживают и создают советские органы, профсоюзам же предлагается заняться полезным, но узеньким делом внутреннего хозяйства. Тов. Зиновьев, напр[имер], видит «хозяйственную роль» профсоюзов в распределении прозодежды или поясняет: «Нет другой более важной задачи, как хо-

⁵ См. тезисы группы тов. Бухарина, пункт 17.

зайственной»; «отремонтировать сейчас одну баню в Петербурге является делом в 10 раз более важным, чем прочитать 5 хороших лекций».

Что это: наивное смешение или сознательная подмена организационно-творческих задач профсоюзов в области производства и развития производительных сил узкими задачами упорядочения быта, хозяйственным распорядком? Несколько в иных выражениях, но ту же мысль мы встречаем у Троцкого. Тов. Троцкий предлагает великодушно профсоюзам проявлять самую широкую самостоятельность в области хозяйства.

Но в чем эта самостоятельность (или содействие в улучшении положения масс) сказывается? В том, чтобы «застеклить окна» в мастерской, засыпать лужу перед заводом (из речи т. Троцкого на съезде горнорабочих)... Тов. Троцкий, помилосердствуйте! Это уже не просто из области «домоуправления», и если вы сведете творчество союзов только к подобным перлам самостоятельности, то союзы станут школами не коммунизма, а учебными заведениями для управляющих зданиями... Впрочем, тов. Троцкий расширяет область «самостоятельности масс», привлекая их не к самостоятельной организации быта на местах (так далеко заходит только «сумасбродная» рабочая оппозиция), а к восприятию уроков от ВСНХ по улучшению быта рабочих. «Когда решают вопрос о рабочих, об их питании, об экономии рабочих сил, нужно, чтобы профсоюзы *точно знали* (не участвовали сами активно в данном деле, а только *знали*) не только в общих чертах, как обыватели, а знали бы основательно всю текущую работу, которая совершается ВСНХ» (речь от 30 дек[абря]). Учителя из ВСНХ не только заставляют профсоюзы «выполнять» свои планы, но и «разъясняет ученикам» свои предписания. Шаг вперед по сравнению с системой централизма...

Но каждому мыслящему рабочему ясно, что, как ни полезно застеклить окна мастерской, в этом действии нет ничего общего с управлением производством. Производительные силы и их развитие остаются в этом случае ни при чем. А вопрос именно в том, как их развить. Как так построить хозяйство, сочетав новый быт с производством, чтобы сберечь наибольшую сумму трудовой энергии для производства, понизив сумму непроизводительного труда. Партия может воспитать красноармейца, политработника, вообще исполнителя уже оформившихся задач. Но партия не может воспитать строителя коммунистического хозяйства – лишь союз дает поле производственно-строительной деятельности.

Да и задача у ней не та. Задача партии – создать *условия*, т. е. простор для воспитания в широких рабочих массах, объединенных единством хозяйственно-производственных задач, рабочего-*творца* новых приемов труда, новой системы использования рабочих рук, новой группировки трудовых сил. Чтобы победить разруху, чтобы создать коммунистическое хозяйство, рабочий должен, прежде всего, в мозгу своем родить новый метод организации труда и новые приемы управления хозяйством.

Но эта простая марксистская истина не разделяется сейчас нашими верхами. Почему? Да именно потому, что в верхах больше веры в чуждый нам элемент бюрократических и технических выходцев из мира прошлого, чем в творчество, стихийно здоровое, классовое творчество рабочих. Во всякой другой области еще можно сомневаться, кому должно принадлежать руководство: рабочему ли коллективу или бюрократам, специалистам в области просвещения масс, развития науки, организации армии, здравоохранения, но только не в области хозяйства. Тут вопрос бесспорен и ясен для всех, кто еще не забыл историю.

Каждому марксисту известно, что воссоздание производства и развитие производительных страны зависит от двух условий (факторов): от развития техники и от целесообразной организации труда умелым повышением трудовой энергии, отысканием новых побудительных причин к труду. Так было при переходе от низшей ступени развития хозяйства к высшей на всем протяжении существования человечества.

В трудовой республике развитие производительных сил [с] помощью успехов техники отстывает на второй план по сравнению со вторым фактором – целесообразной организацией труда и творчеством новой системы хозяйства. Даже если в Советской России удалось полностью провести план электрификации, не внося коренных новшеств в систему управления и организации хозяйства и производства, Россия только догнала бы в своей развитии капиталистические страны. Напротив, в вопросе о целесообразности использования трудовых сил и *созидании новой системы производства* – трудовая Россия находится в особенно благоприятных условиях, дающих ей возможность далеко опередить все буржуазно-капиталистические страны в смысле развития производительных сил. Стимул (побудительная причина к труду) безработицы в Советской России уничтожен. Открывается возможность для рабочего класса, освобожденного от ига капитала, сказать свое творческое, новое слово в области

нахождения стимулов к труду и создания невиданных еще в истории человечества форм производства.

Но кто может проявить творчество, разумную сметку в этой области? Бюрократические элементы, заправители советских учреждений или производственные союзы, члены которых на опыте перегруппировки сил в мастерской набредают на творчески полезные, практические указания в области реорганизации и всего народного хозяйства?

Рабочая оппозиция отстаивает положение, что управление народным хозяйством – дело профсоюзов, и этим она мыслит более по-«марксистски», чем теоретически вышколенные верхи.

Рабочая оппозиция не настолько невежественна, чтобы не учитывать великой роли техники и технически вышколенных сил. Она вовсе не мыслит создать свой орган управления народным хозяйством, избранный на съезде производителей, и затем распустить Совнархозы, главки и центры. Нет, она мыслит иное: подчинить эти необходимые, технически ценные центры управления своему руководству, давать им теоретические задания, использовать их так, как в свое время фабриканты и заводчики пользовались наемной силой специалистов-техников для осуществления ими намеченных и задуманных планов. «Спецы» могут внести громадный вклад в область повышения техники, могут облегчить искания класса – они нужны, необходимы, как вообще необходима и ценна сама наука и ее расцвет для каждого восходящего и борющегося класса. Но буржуазные спецы, даже с приклеенным к ним ярлыком коммунизма, бессильны и духовно немощны в деле поднятия производительных сил в государстве не капиталистическом, в деле нахождения новых приемов организации труда и отыскания новых стимулов его интенсификации. Здесь слово за классом, т. е. за его наиболее четким, рельефным выражением – за производственными союзами.

Когда на рубеже средних и новых веков класс нарождающейся буржуазии вступил в экономическую борьбу с экономически дряхлеющим классом феодалов, помещиков, он не обладал никакими техническими преимуществами перед последним. Скупщику – этому первому капиталисту – приходилось закупать товар у того же кустика, ремесленника, который [с] помощью ручных напильников, ножей и примитивных веретен создавал товар и для «своего барина», помещика, и для чужого скупщика, с которым он вступил в «свободную» трудовую сделку. Но крепостное

хозяйство, дойдя в своей организации до высшей точки, перестало давать избыток, началось замедление роста производительных сил. Перед человечеством стоял вопрос: хозяйственный регресс (т. е. упадок) или же отыскание новых форм труда и, следовательно, новой системы хозяйства, которая повысила бы его производительность, раздвинула, расширила рамки производства и открыла новые возможности расцвета производительных сил.

Кто мог найти, нащупать новые пути в области реорганизации производства? Разумеется, только представители того класса, которые не были связаны рутиной прошлого, которые понимали, что резец и веретено в руках крепостного дает несравненно меньшую производительность по сравнению с тем же орудием труда, но в руках якобы свободного, т. е. наемного рабочего, за которым стоит погоняло нужда...

И нарождающийся, восходящий класс, нащупав в нем основной двигатель производительности труда, построил на нем всю сложную – и по своему великую – систему капиталистического производства... Техники пришли на помощь капиталистам много позднее. Основой являлась новая *система организации труда*, новое взаимоотношение труда и капитала.

То же и сейчас. Никакой специалист и техник, пропитанный рутиной прошлой системы производства, не может внести живого, обновляющего творчества в области организации труда и налаживания, создания коммунистического хозяйства. Здесь слово за рабочим коллективом. И великая заслуга оппозиции рабочей, что этот вопрос глубочайшей важности она вплотную и напрямик ставит перед партией.

Тов. Ленин считает, что коммунистическое творчество в области хозяйства мы можем проводить [с] помощью партии. Так ли это? Прежде всего, как действует партия? Она, по выражению тов. Ленина, «вбирает в себя авангард революционного пролетариата». Затем она же распыляет его по советским, хозяйственным учреждениям, отчасти возвращая его в профсоюзы (лишенные, однако, поля деятельности в области руководства и строительства народного хозяйства), и там эти вышколенные, преданные и, может быть, даже очень талантливые коммунисты-хозяйственники затушевываются, разлагаются в общей атмосфере рутины и бюрократизма, каким проникнуты аппарата, ведающие у нас «хозяйственным творчеством». Влияние этих товарищей стирается, ослабляется, творчество их глохнет.

Иное дело профсоюзы – здесь классовый *состав гуще*, подбор сил однороднее, задачи, стоящие перед коллективом – тесно слиты с непосредственными бытовыми и трудовыми интересами самих производителей, членов фаб- и завкомов, заводоуправлений и правлений союзов. Творчество, искание новых форм хозяйства, новых двигателей для поднятия интенсивности труда – может родиться только в недрах этого естественного классового коллектива. Совершать революцию может авангард класса, создавать экономическую основу господства нового общества может только весь класс в будничной практической работе своего основного классового коллектива.

Тот, кто не верит в творчество классового коллектива – а этот коллектив всего ярче выражают профсоюзы, – тот должен поставить крест на строительстве коммунистического хозяйства. Ни тов. Крестинский, ни Преображенский, ни даже т. Ленин или Троцкий не выдвинут безошибочно черед партийный аппарат тех рабочих, которые способны найти, нащупать, указать новые подходы к труду, к системе производства – их подскажет только практика жизни тем, кто сам производит и одновременно организует производство.

Но именно это-то простое и ясное для каждого рабочего-практика положение и упускается из виду нашими верхами. Коммунизм нельзя декретировать. Его можно лишь творить живым исканием, временами ошибками, но творчеством самого рабочего класса.

В страстных дискуссиях между верхами нашей партии и рабочей оппозицией спор идет о том, кому *доверяет наша партия* строительство коммунистического хозяйства: ВСНХ со всеми его бюрократическими разветвлениями или производственным союзам? Т. Троцкий хочет так «срастить» ВСНХ с профсоюзами, чтобы с помощью первого поглотить вторых. Тт. Зиновьев и Ленин хотят так «воспитать» массы профсоюзов в духе коммунизма, чтобы безболезненно растворить союзы в тех же советских органах. Бухарин и все остальные сочинители тезисов, по существу, говорят то же самое, вариация лишь в формулировке, разница в словах. Суть едина⁶. Одна лишь рабочая оппозиция говорит иное, отстаивает классовые задачи пролетариата в самом процессе творчества и осуществления этих задач.

⁶ Не останавливаюсь на разборе остальных платформ, так как для сути спора они ничего нового не прибавляют, а между тем разбивают внимание на мелочах.

Руководящим хозяйственным органом в Трудреспублике в настоящий переходный момент должен быть орган, избранный производителями-рабочими. Все остальные производственно-хозяйственные советские аппараты являются проводниками хозяйственной политики этого основного хозяйственного органа трудовой республики. Все остальное – топтание на месте, говорящее о недоверии к творческим силам рабочих, недоверии, недостойном нашей партии, могуществом которой она обязана именно неиссякаемому революционно-творческому духу пролетариата.

Не будет ничего удивительного, если на съезде партии авторы различных хозяйственных платформ, за исключением рабочей оппозиции, сойдутся на взаимных уступках и компромиссах. В их спорах нет и существенных разногласий.

Лишь рабочая оппозиция не должна идти, да и не может идти на уступки. Это не значит звать «к расколу». Нет, ее задача иная. Даже в случае поражения на съезде – оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения, спасая партию и выправляя ее линию.

Еще раз кратко, чего же хочет рабочая оппозиция.

1) Создать орган управления народным хозяйством из самих производителей-рабочих.

2) Для этой цели, т. е. для перехода союзов от пассивного содействия органам народного хозяйства к активному участию, к проявлению в них творческой инициативы рабочих, рабочая оппозиция устанавливает ряд предварительных мер, *постепенность и порядок* перехода к этой задаче.

3) Передача управления отдельной отрасли промышленности в руки союзов происходит лишь тогда, когда ВЦСПС признает данный союз достаточно подготовленным.

4) По всей линии назначение на административно-хозяйственные посты не допускается без согласия союза. Все кандидаты союза обязательны. Все поставленные союзом работники – ответственны перед союзом и отзываются союзами.

5) Для проведения всего намеченного плана надо начать с укрепления низших ячеек союза, подготавливая фаб- и завкомы к управлению хозяйством.

6) путем сосредоточения в одних руках управления всем хозяйством республики (без существующей двойственности ВСНХ и ВЦСПС) *созда-*

ется единство воли, облегчающее проведение единого плана создания коммунистической системы производства. Это ли синдикализм? Не есть ли это, напротив, то, что сказано и в нашей партийной программе? И не уклоняются ли от нее, напротив, тезисы *остальных товарищей*?

О бюрократизме и самодеятельности массы

Бюрократизм или самодеятельность масс? Вот второй пункт разногласия между верхами партии и рабочей оппозицией. Вопрос о бюрократизме поставлен был, но крайне поверхностно обсужден на VIII съезде советов. Здесь, как в вопросе о роли и задачах профсоюзов, дискуссию направляют по ложному руслу. Спор и в этом пункте глубже, чем это кажется. Суть его в том, какая система управления трудовым государством в момент созидания экономической базы коммунизма обеспечивает больший простор для классового творчества: система бюрократически-государственных органов или система широкой практической самодеятельности рабочих масс? Вопрос о системе управления – спор о двух взаимно исключаящих друг друга началах: *бюрократизм или самодеятельность*? А его хотят втиснуть в рамки вопроса о способах «оживления советского аппарата»! Та же подмена предмета спора, как и в дискуссии о роли профсоюзов.

Надо ясно и определенно сказать, что полумерами, изменением взаимоотношений между главками, местными органами управления и другими такими же мелкими, несущественными нововведениями, вроде перетасовки ответственных работников или вливания партийных сил в советские аппараты, где коммунисты невольно поддаются общей системе «обюрокрачения» и растворяются среди чужих по духу выходцев из буржуазии, – никакой «демократизации» и никакого оживления советских аппаратов достигнуто не будет⁷.

Дело не в этом. Каждый ребенок в Советской России знает, что задача в том, чтобы втянуть самые широкие трудовые массы рабочих, крестьян и всей трудовой мелкоты в строительство хозяйства, трудового государства и самой жизни. Задача ясная. Другими словами: *разбудить инициативу, самодеятельность масс*. Но что делается для того, чтобы поощрять, облегчать самодеятельность? Ничего. Наоборот. Мы, правда, на каждом ми-

⁷ О бюрократизме в партии поговорим ниже.

тингге призываем рабочих и работниц: «Творите новую жизнь! Стройте! Помогайте советской власти!» Но стоит массе, группе рабочих или работниц принять к сердцу наш призыв и на практике попытаться его осуществить – как какой-нибудь из бюрократических органов, считающий себя обойденным, спешить дать рукам слишком прытким инициаторам... Каждый товарищ легко вспомнит десятки примеров, как рабочие вздумали сами организовать столовую, ясли, подвозку дров и т. д., и как каждый раз живой, непосредственный интерес к делу умирал от волокиты, от мертвечины нескончаемых бумаг, хождений по отделам, отказов, новых ходатайств и т. д. И там, где под горячую руку *своими силами* удалось бы оборудовать столовую, наладить подвозку дров или организовать ясли, получался «отказ» за неимением в центральных аппаратах предметов оборудования столовой, лошадей для подвозки дров или помещения для яслей... А сколько горечи накапливается у рабочих и работниц, когда они видят и знают, что, будь им дано право и возможность действовать, они сами наладили бы дело. Как обидно получать отказ в тех материалах, которые они уже разыскали, которыми заручились...

Инициатива падает, желание делать отмирает: «Коли так – пусть сами чиновник и заботятся о нас». Получается *вреднейшее* разделение: мы, т. е. трудовой люд, а они – это советские чиновники, от которых все зависит. В этом все зло.

Но что же делают верхи нашей партии? Пытаются ли они отыскать корень зла и открыто признать, что сама система, которую мы проводили и осуществляли через советы, не только не *поощряет* самостоятельности масс, а мертвит и убивает ее? Нет, наши верхи этого не делают. Наоборот, вместо того, чтобы поискать, как поощрить инициативу масс, которая прекрасно волеется в наши гибкие советские органы при известных условиях, наши верхи вдруг становятся защитниками, рыцарями бюрократизма. Сколько товарищей вслед за т. Троцким повторяют, что «мы страдаем не от того, что усвоили дурные стороны бюрократизма, а от того, что не усвоили его хороших сторон» («Об едином хозяйственном плане», Троцкий).

Бюрократизм – прямое отрицание самостоятельности масс, а потому тот, кто принимает за основу системы управления трудреспублики принцип вовлечения масс в это управление путем поощрения самостоятель-

сти, не может усматривать в бюрократизме ни хороших, ни дурных сторон, а должен просто и ясно отрицать эту непригодную систему.

Бюрократизм не есть явление, вызванное нашей нищетой, как уверяет тов. Зиновьев, и не отражение слепой «субординации» начальству, привнесенной из военного ведомства, как говорят другие, – явление это глубже. Оно проистекает из того же источника, который порождает нашу неустойчивую двойственную политику в отношении к профсоюзам: из растущего влияния на наши советские органы социальных групп населения, чуждых по духу не только коммунизму, но и элементарным стремлениям и задачам пролетариата. Бюрократизм – бич, просочившийся в самую глубину нашей партии и проедающий насквозь советские органы, что отмечается не только рабочей оппозицией, но признается и многими более вдумчивыми товарищами, стоящими за пределами этой группы.

Сужена инициатива не только беспартийной массы (это еще было бы понятно и логично вытекало бы из напряженной атмосферы гражданской войны), но урезана до последней степени инициатива членов партии. Каждый самостоятельный почин, даже новая мысль, не прошедшая сквозь цензуру руководящего партийного центра, рассматривается как «ересь», как нарушение партийной дисциплины, как попытка нарушить права центра, который должен все «предвидеть» и все «предписать». А не предписал – жди.

Придет время, центр удосужится, предпишет, и тогда в строго указанных рамках – можешь проявлять свою «инициативу»...

Что бы произошло, если б, например, члены РКП – любители певчих птиц вздумали организовать общество «охраны птиц»? Дело как будто полезное, приятное и, во всяком случае, не грозит нарушить «государственные планы». Но это только так кажется. Сейчас завелись бы бюрократические органы, которые предъявили бы свои права на налаживание этого дела, «влили» бы общество в советский аппарат и этим умертвили бы непосредственную инициативу, а взамен того развели бы кучу циркуляров и инструкций, которые задали бы работу еще нескольким сотням чиновников и усложнили бы почту и транспорт.

Суть бюрократизма, его вред не только в канцелярской волоките, как желают убедить нас товарищи, переносящие спор на почву «оживлении советского аппарата», а в решениях всех вопросов не путем обмена мнений, не живой, непосредственной инициативой заинтересованных лиц, а

путем формального разрешения вопроса «сверху» единолично или до крайности суженными коллегиями, где заинтересованные лица зачастую совершенно отсутствуют. Кто-то третий решает вашу судьбу – такова суть бюрократизма.

Перед растущими страданиями рабочего класса, рожденными неурядицей нашего переходного времени, бюрократизм особенно бессилён и немощен. Чудо энтузиазма в поднятии производительных сил и улучшении быта рабочих может совершить лишь *живая инициатива заинтересованных рабочих масс, не стесняемая и не ограничиваемая на каждом шагу иерархией «разрешений» и «предписаний»*. Марксисты, большевики в частности, тем и были сильны всегда, что они не столько гнались за непосредственными, ближайшими успехами движения (эту линию преследовали оппортунисты, соглашатели), сколько стремились поставить пролетариат в такие условия, где бы создалась возможность закалить его революционную волю или развить его творческие способности. Инициатива рабочих нам необходима. Но мы ей-то и не даем простору.

Боязнь критики и свободы мысли, сплетающаяся с системой бюрократизма, доходит у нас порою до карикатурности.

А между тем, какая же самостоятельность без свободы мнений и мысли? Самостоятельность проявляется ведь не только в определенной инициативе, в работе, в действиях, но еще больше *в самостоятельной работе мысли*. Мы боимся самостоятельности масс, мы боимся дать простор классовому творчеству, мы боимся критики, мы перестали доверять массам – *вот откуда весь наш бюрократизм*. И вот поему рабочая оппозиция и считает, что бюрократизм – наш враг, наш бич и величайшая опасность для жизненности самой коммунистической партии.

Чтобы изжить бюрократизм, угнездившийся в советских учреждениях, *надо, прежде всего, изжить бюрократизм в партии*. В этом и есть борьба «с системой». Как только партии, не в теории и не на словах, признает основой нашего управления самостоятельность масс – так советские аппараты сами, силой вещей снова превратятся в живые органы, осуществление революционно-коммунистических заданий и перестанут быть лишь аппаратами «учета», хранилищами бумаг или лабораториями мертворожденных инструкций, в которые они все больше вырождаются.

Что же надо сделать, чтобы уничтожить бюрократизм в партии, чтобы осуществить в партии «рабочую демократию»?

Прежде всего, надо понять, что наши верхи не правы, когда говорят: сейчас мы согласны несколько «распустить вожжи в партии», пока на фронтах нам не грозит острая опасность. Но как только мы почувствуем опасность, мы вернемся к «военной системе» в партии. Не правы они потому, что надо вспомнить, что героизм спасло Петроград, отстаивало не раз Луганск, другие города и целые области? Одна ли Красная Армия? Нет, Героическая самодеятельность и инициатива широких рабочих масс. Каждый товарищ вспомнить, что именно в минуту острой опасности партия всегда призывает к самодеятельности масс, видя в ней якорь спасения. Правда, в момент опасности требуется усиление классовой и партийной дисциплины, исполнительности, точности, самоотвержения, но между этими проявлениями классового духа и «слепой субординацией», какую за последнее время развивает партия, – огромна разница.

Рабочая оппозиция, вместе с группой ответственных работников Москвы, требует во имя оздоровления партии и изгнания из нее вредного бюрократизма – проведения демократических начал не только в момент передышки, но и в случае обострения внутреннего и внешнего положения. Это первое и основное условие оздоровления партии, возвращения ее к принципам собственной программы, от которой она под давлением чуждых ей элементов все более *на практике* уклоняется.

Второе условие, за которое со всей решительностью стоит Рабочая оппозиция, – это *очистка партии* от непролетарских элементов. Чем крепче становится советская власть, тем большее количество чуждых, карьеристских, обывательских, а подчас и прямо враждебных элементов присосеживаются к партии. Чистку надо провести основательную. Причем надо исходить из того, что наиболее революционные элементы из не-рабочей среды влились в партию в партию в первый период по октябрьской революции. Партия должна стать *партией рабочих*, только тогда она сможет отражать стойко воздействие извне со стороны мелкобуржуазных элементов, крестьянства или привычных слуг капитала – спецов.

Рабочая оппозиция предлагает: перерегистрировать не рабочих, вошедших в партию после Октября, и исключить всех не рабочих, вошедших в нее после 1919 года, предоставив им право в 3-месячный срок апеллировать о приеме обратно.

Одновременно следует установить «рабочий стаж» для всех не рабочих элементов, стремящихся вернуться в партию или войти в нее, пред-

ложив каждому пробывать известный срок на физической работе, в условиях жизни и труда рабочего.

Третьим решительным шагом к демократизации партии является «орабочение всех центральных органов», другими словами, так составлять губкомы, уездкомы и ЦК партии, чтобы обеспечить в них преобладающее влияние рабочих, связанных непосредственно с массами.

В тесной связи с этим пунктом требований рабочей оппозиции находится и пункт о превращении всех наших партийных центров, начиная от ЦК партии и кончая уездкомами, из органов, руководящих мелочами повседневной советской политики, вмешивающихся в назначения, перемещения и переброску сил с чисто ведомственной точки зрения, – в *орган контроля над политикой советских аппаратов*.

Мы уже отмечали, что кризис нашей партии порождается скрещиванием трех родов тенденций различных по своему составу социальных групп – рабочего класса, крестьянства и мещанства и, наконец, остатков прежней буржуазии в лице спецов, техников и дельцов.

Задачи общегосударственного характера заставляют как местные, так и центральные советские органы, комиссариаты и даже Совнарком и ВЦИК прислушиваться, приноравливаться к этим трем разнородным группам населения трудреспублики, отчего теряется устойчивость и чистота классовой линии, носителем которой в интересах революции должна остаться наша партия. Соображения «общегосударственные» начинают перевешивать интересы класса рабочего.

Для того, чтобы ЦК и парткомы стояли на стороне чистоты нашей классовой политики и призывали наши советские органы в порядке, каждый раз, когда в советской политике намечается уклон в сторону от программы (наприм[ер], по вопросу о роли и задачах профсоюзов), необходимо сократить до возможного минимума *персональное совместительство* руководящих работников и советских органах и партийных центрах. Надо помнить: Советская Россия пока еще представляет собою не однородную по экономическим интересам, а, наоборот, разнородную социальную массу, государственной власти приходится объединять эти подчас противоречивые интересы, выбирать среднюю линию, балансировать.

Для того, чтобы ЦК нашей партии стал высшим идейным центром классовой политики, органом мысли и контроля над практической политикой советов, духовным воплощением основ нашей программы, – необ-

ходимо, особенно в ЦК, сократить до минимума совместительства членов ЦК и высших органов советской власти.

С этой целью рабочая оппозиция предлагает: для создания такого рода партийных центров, которые действительно являлись бы органами идейного контроля над советскими учреждениями и руководили бы этими последними в выдержанном классовом духе, а также для усиления внутрипартийной работы, провести повсеместно следующее: по меньшей мере, одна треть всех наличных членов партийных центров персонально не должна совмещать партийной и советской работы.

Четвертым основным требованием рабочей оппозиции является: возвращение нашей *партии к принципу выборности*.

Назначение допустимо в виде особых исключений, а оно стало «правилом». Назначенство – это характерный признак бюрократизма – стало явлением всеобщим, признанным, законным. Назначенство создает нездоровую атмосферу в партии, нарушая отношения равенства и товарищества, назначенство питает карьеризм, дает почву для кумовства и для других вредных явлений нашей партийной и советской практики. Назначенство понижает чувство ответственности лица, поставленного сверху, перед низами и углубляет пропасть между «верхами» и «низами».

Назначенец фактически находится вне контроля, так как верхи не в состоянии следить за его действиями, а низы лишены возможности призывать его к порядку и сменять непригодного работника. Вокруг назначенцев создается обычно атмосфера казенщины, подобострастия, заискивания, заражающая сотрудников и дискредитирующая партию. Назначенство является полным отрицанием коллегиальности в работе. Назначенство питает безответственность. Назначенство сверху должно быть упразднено и заменено выборностью по всей партийной линии. «Уполномоченными» могут быть только товарищи, выбранные в руководящие центры съездом или конференцией (например, члены ЦК, губкома, уездкома).

Наконец, необходимым условием для оздоровления партии и для изживания бюрократизма внутри партии – это вернуться к тому положению вещей, когда все основные вопросы партийной жизни и советской политики раньше обсуждаются низами, а затем уже суммируются верхами. Так было во времена подполья, так было даже в момент заключения Брестского мира.

Но так не бывает теперь. Несмотря на широкообещательные обещания, принятые Всеросс[ийской] сентябрьской партийной конференцией, такой серьезный вопрос, как концессия, свалился как снег на голову массам.

И только вследствие обострения внутри самих верхов вопроса о задачах профсоюзов пункт этот вынесен был на широкую арену дискуссий.

Широкая гласность, свобода мнений, свобода дискуссий, право критики внутри партии и среди членов производственных союзов – таков решительный шаг к упразднению системы бюрократизма.

Свобода критики, обеспечение за течениями права свободных выступлений на партийных собраниях, право дискуссий – сейчас уже перестало быть требованием одной рабочей оппозиции. Под растущим давлением масс целый ряд мероприятий, на которые указывали низы еще до Всероссийской конференции, теперь стали официально признанными истинами. Стоит почитать платформу МК по партийному строительству, заготовленную к съезду, чтобы сказать: оппозиция может гордиться своим растущим влиянием. Не будь ее, разве можно было бы ожидать подобного «полевения» от МК? И все же нельзя переоценивать это «полевение», пока оно является лишь декларацией к съезду. Как бы не случилось с этой платформой того, что за эти годы неоднократно совершается с постановлениями наших верхов: на съездах и конференциях под свежим напором низов они принимают самые радикальные решения, но пройдет съезд, жизнь входит в свою колею, и решение остается забытым пожеланием...

Разве не так было с постановлением VIII съезда о чистке партии от «примазавшихся» элементов? О большей разборчивости при приеме в партию не рабочих? А что стало с постановлением партийной конференции 20 г. о замене назначенства рекомендациями? Не устранены неравенства внутри партии, несмотря на неоднократные постановления с этой области. Что касается преследований товарищей, имеющих «особое мнение», не согласное с предписанием сверху, то оно фактически не устранено... Таких примеров можно насчитать много. Но если эти решения не проводятся, значит, надо устранить основную причину, мешающую их осуществлению, т. е. убрать из партии тех, кому *не выгодно гласность, строгая ответственность перед низами и свобода критики*. Не выгодно же это либо не рабочим элементам в партии, либо рабочих с обуржуазившейся психологией под влиянием этих же элементов. Мало очистить пар-

тию от не рабочих элементов перерегистрацией, усилением контроля при приеме и т. д., надо еще суметь *открыть* широкий доступ рабочим в партию. Надо облегчить вступление рабочих в партию, надо в самой партии создать более *товарищескую атмосферу*, чтобы рабочий чувствовал себя в ней дома, чтобы в ответственном работнике партии он видел не начальство, а более опытного товарища, готового поделиться с ним знаниями, опытом, готового отнестись внимательно к его нуждам и запросам. Скольких товарищей, особенно молодых рабочих, мы отталкиваем от партии тем, что проявляем к ним нетерпимость, требовательность, выскательность вместо того, чтобы вдумчиво направлять, перевоспитывать их постепенно в духе коммунизма.

В нашей партии вместе с духом бюрократизма воцарилась казенщина, официальщина. Товарищество – есть только еще в низах.

Задача партийного съезда – учесть и этот неблагоприятный факт и понять, почему рабочая оппозиция настаивает на большем равенстве, на уничтожении привилегий в партии, на укреплении *ответственности* каждого работника перед пославшими и выбравшими его низами.

Итак, в борьбе за укрепление демократизма в партии и упразднение бюрократизма рабочая оппозиция проводит три основных принципа:

- 1) выборность по всей линии, с упразднением «назначенства» и уполномоченных, при усилении ответственности перед низами;
- 2) установление гласности внутри партии (как в отношении общих вопросов, так и при установлении личных характеристик), прислушивание к голосу низов (широкое обсуждение вопросов по низам и затем суммирование мнения низов верхами, присутствие любого члена партии на заседаниях партийных центров, за исключением особо секретных дел), обеспечение свободы критики и мнений (права не только свободных дискуссий, но и права на материальную субсидию для издания литературы внутри партийных течений);
- 3) «орбочивание» всей партии и сокращение персонального совместительства в руководящих партийных и советских органах.

Это последнее требование особенно важно и существенно еще и потому, что не следует забывать: наша партия не только должна уже строить коммунизм, но обязана готовить массы, воспитывать их к длительному, быть может, периоду борьбы с мировым капитализмом, который

может принять самые неожиданные и новые формы. Было бы слишком наивно воображать, что, отразив нападение белогвардейщины и империализма на красных военных фронтах, мы можем не опасаться натиска мирового капитала и его стремления овладеть Советской Россией другими обходными путями, проникнуть в нашу жизнь, использовать Трудреспублику в интересах капитализма. Тут-то и надо «смотреть в оба», тут-то задача партии – встретить врага во всеоружии, собирать пролетарские силы вокруг отчетливо классовых задач (другие группы населения будут лхнуть к капитализму). Готовиться к этой новой странице нашей революционной истории – обязанность наших руководящих партийных верхов.

Самое правильное решение вопроса будет, если нам удастся тесно связать партию по всей линии не только с советскими органами, но и с *профсоюзами*. Здесь персональное совместительство не только не грозит уклону политики партии от чистоты партийной линии, а, наоборот, придает партии в наступающую эпоху классовую устойчивость против влияний мирового капитализма (через торговые договоры и концессии). «Орабочить» ЦК – значит создать такой ЦК, где представители низов, спаянные с массами, перестали бы играть роль «парадных генералов» на купеческой свадьбе, а в самом деле будут неразрывно связаны с широкими беспартийными рабочими массами в профсоюзах и сумеют учесть, суммировать лозунги момента, нужды, стремления класса и направляли бы политику партии по классовой линии.

Такова линия рабочей оппозиции. Такова ее историческая задача. И как бы пренебрежительно ни отмахивались от нее верхи нашей партии – оппозиция рабочая единственная живая, действенная сила, с которой партии нашей приходится считаться, и с которой она считаться будет.

Историческая потребность оппозиции

Теперь остается ответить: нужна ли оппозиция? Надо ли в интересах мирового освобождения пролетариата от ига капитализма приветствовать ее образование, или это явление нежелательное, понижающее боевую энергию партии, разлагающее ее ряды?

Всякий товарищ, который заранее не предубежден против оппозиции и захочет беспристрастно подойти к вопросу и своим умом, не по указке признанных авторитетов, разобраться в вопросе, – убедится их этих бег-

лых заметок, что оппозиция нужна и полезна. Она полезна прежде всего потому, что нарушила спячку мысли. За эти годы революции мы так отвлечены были делом, практическим делом, что совершенно перестали оценивать наши же шаги с принципиально-теоретической точки зрения. Мы забывали, что не только в период борьбы за завоевание власти пролетариат может наделать крупных ошибок и свернуть в болото оппортунизма, приспособленчества. Но что и в эпоху диктатуры пролетариата эти ошибки возможны, особенно когда кругом бушуют волны империализма, и советской республике приходится действовать в капиталистическом окружении. Тут надо быть не только мудрыми «государственными» политиками, но и уметь вести партию, а следовательно, и весь рабочий класс по линии классовой *непримиримости* и *классового творчества*, все время подготавливая класс к длительной борьбе с новыми формами овладения советской республики буржуазными влияниями со стороны мирового капитализма. «Быть начеку», «быть классово четким» – таков, более, чем когда-либо, сейчас должен быть лозунг нашей партии.

Рабочая оппозиция поставила эти вопросы в порядок дня – в этом ее историческая заслуга. Мысль зашевелилась. Начался анализ сделанного. Началась критика. А где есть критика, анализ, где работает, шевелится и ищет мысль, там есть творчество, жизнь, а значит, движение вперед, в будущее. Ничего не страшнее и вреднее косности мысли, шаблона рутины... А мы начали впадать в рутину, и, не проявив себя оппозиция (а проявилась она, еще далеко не созрев), мы могли бы незаметно для себя съехать в сторону от классовой прямой дороги к коммунизму и сами бы этого не заметили. А наши враги, от радости потирая руки, хихикали бы, и меньшевики бочком бы к нам подсакивали, злорадно указывая наши растущие «уклоны». Теперь это уже невозможно. Съезду, а значит, и партии придется считаться с точкой зрения рабочей оппозиции и, если не сойтись с нею на компромиссе, то, во всяком случае, сделать ряд существенных уступок под ее давлением, под ее влиянием.

Вторая заслуга рабочей оппозиции – это то, что она поставила на обсуждение вопрос о том, кто же, в конце концов, призван творить новые формы хозяйства – техники, деловые люди, связанные всей своей психологией с прошлым, советские чиновники с вкрапленными в них единицами идейных коммунистов или классовый рабочий коллектив, какими являются профсоюзы.

Рабочая оппозиция сказала то, что еще написано было в «Ком[мунистическом] манифесте» Карла Маркса и Энгельса и что служит основой нашей программы, а именно, что строительство коммунизма может и будет делом только самих рабочих масс. Творчество коммунизма – принадлежит рабочим.

Наконец, рабочая оппозиция подняла своей голос против бюрократизма и осмелилась сказать, что бюрократизм связывает крылья самостоятельности и творчеству рабочего класса, что он мертвит мысль, задерживает хозяйственную инициативу и опыт в нахождении новых приемов производства, одним словом, беднит творчество новых форм производства и жизни. Вместо бюрократизма как системы – систему самостоятельности трудовых масс. И в этой вопросе партийные верхи уже сейчас пошли на уступки, на «признание» уклонов партии во вред коммунизму и в ущерб интересам рабочего класса (осуждение цектранизма). На съезде в этой области будет, разумеется, сделан еще ряд уступок рабочей оппозиции, таким образом, несмотря на то, что рабочая оппозиция выявилась, как внутривнутрипартийная группировка, всего несколько месяцев тому назад, она уже сделала свое дело, она уже встряхнула мысль, вывела ее из застоя и заставила руководящие партийные центры прислушаться к здоровому голосу рабочих, пролетарских коллективов.

Как бы сейчас партийные верхи ни гневались на рабочую оппозицию, за ней историческое будущее. Так как мы верим в жизненную силу нашей партии, то мы знаем, что после некоторого упорства, колебаний и зигзагообразных политических ходов наша партия все же вступит на тот путь, который стихийно классово прокладывают плечом к плечу классово организованные пролетарии. Раскола не будет. Если и отпадут от партии отдельные группы, то, во всяком случае, не те, кто стоит в рядах рабочей оппозиции. Отпадут лишь те, кто вздумает возвести в принцип временные вынужденные отклонения от общего духа коммунистической программы, вызванные острой гражданской борьбой, и будут за них держаться, как за суть нашей политической линии.

Но вся та часть нашей партии, которая привыкла отражать классовую точку зрения растущего и расправляющего крылья гиганта-пролетариата, вберет, претворит в себя все крепкое, практически здоровое и жизненное, что приносит в наше партийное строительство рабочая оппозиция. Не даром массовик-рабочий говорит уверенно и примиряющее: «Ильич поду-

мает, обмозгует, послушает нас да повернет партийный руль на оппозицию. Ильич еще будет с нами!»

Чем скорее партийные верхи учтут работу оппозиции и шагнут по намеченному низами пути – тем скорее изживем мы кризис партии и тем скорее мы переступим заповедный рубеж, где человечество, освобожденное от экономических, вне его лежащих законов, начнет по воле богатого научными ценностями коллектива сознательно творить историю человечества эпохи коммунизма.

Из воззвания группы «Рабочая Правда»

**Освобождение рабочих должно быть делом
самого рабочего класса.**

Обращение

*к революционному пролетариату и всем революционным
элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему
классу.*

«В тяжелые месяцы идейной растерянности и разброда в партии и апатии среди рабочего класса мы, группа коммунистов, ставим своей задачей выявление классовой пролетарской позиции», – под таким лозунгом самоопределилась и оформилась осенью 1921 года... в журнале «Рабочая Правда».

Группа «Рабочая «Правда» организовалась прошлой осенью. Год НЭПа (восстановление нормальных капиталистических отношений) в сильнейшей степени обострил классовые противоречия в нашей республике и создал необходимую предпосылку для более широкой работы.

Наше обращение является одним шагом на этом пути.

Пора приступить к собиранию своих сил и организовать отпор наступающему и все более наступающему капиталу.

Рабочий класс России, малочисленный, неподготовленный, в крестьянской стране, в октябре 1917 г. совершил исторически необходимую Октябрьскую Революцию. Руководимый РКП, он свергает и уничтожает власть господствующих классов, в течение долгих лет Революции и гражданской войны твердо сдерживает натиск международной и российской реакции.

Несмотря на понесенные рабочим классом неслыханно тяжелые потери, Октябрьская Революция остается крупнейшим и героическим событием в истории борьбы российского пролетариата. Российская октябрьская революция дает борющемуся международному пролетариату огромной ценности опыт для борьбы с капиталом.

В результате Октябрьской Революции все преграды на пути экономического развития России уничтожены, нет уже гнета помещиков, царской паразитической бюрократии и буржуазии, опиравшихся на реакционные группы европейского капитала. После успешной революции и гражданской войны перед

Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма. В этом несомненное и огромное достижение революции в октябре.

Но что изменилось в положении рабочего класса? — Рабочий класс России дезорганизован, в умах рабочих царит путаница: в стране ли они «диктатуры пролетариата», как неустанно повторяет устно и печатно Коммунистическая партия, или в стране произвола и эксплуатации, в чем убеждает их на каждом шагу жизнь? Рабочий класс влачит жалкое существование, в то время как новая буржуазия (т. е. ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т.д.) и *нэпманы* роскошествуют и восстанавливают в нашей памяти картину жизни буржуазии всех времен. А впереди снова долгие и тяжелые годы борьбы за существование. Но чем сложнее обстановка, тем большая ясность и организованность нужна борющемуся пролетариату. Внести классовую ясность в ряды рабочего класса России, всемерно помочь организации революционных сил борющегося пролетариата — вот наша задача.

Международная экономика и соотношение классовых сил

Во время войны произошел разрыв хозяйственных связей между отдельными странами. Это сделало необходимым для отдельных национальных хозяйств создание в пределах государства условий для самостоятельного существования. С другой стороны, война с ее гигантской истребительной техникой властно заявляла национальной промышленности о своих нуждах.

Результатом явилось государственное регулирование и государственная организация производства под знаком войны — военно-государственный капитализм. Социализма в нем нет, понятно, и помина: отношения между пролетариатом и другими классами и распределение национального дохода в общем и целом остались такими же, как и до государственного капитализма.

С восстановлением разорванных мировых связей по окончании войны, естественно, стали слабеть вмешательство и регулирующая роль государства в хозяйственной жизни, но тенденция к централизации производства, трестированию и синдицированию не только не ослабела, но усилилась; стимулирует ее мировая конкуренция.

Что же изменилось за эти годы в отношении классовых сил современного общества? Буржуазные группы оказались неспособными стать выше интересов отдельных предприятий и анархических методов хозяйствования, оказались также неспособными руководить государственным капитализмом военного периода, а тем более восстановить нормальную систему мирного производства в столь усложненной послевоенной обстановке.

Пролетариат же был еще не подготовлен к организации общества на новых началах.

Все больше и больше начинает выдвигаться техническая организаторская интеллигенция, руководящая и выполняющая всю организацию производства.

По методам своей работы и своей идеологии эта интеллигенция насквозь буржуазна и построить она может только капиталистическое хозяйство. Новая буржуазия создается путем слияния деловых элементов старой буржуазии и все больше выдвигающейся организаторской интеллигенции.

Капитал организовал свои силы и выступает в поход против завоеваний рабочего класса. Перед международным пролетариатом остро становится задача объединения всех своих сил.

РКП и рабочий класс

Коммунистическая партия, в годы революции — партия рабочего класса, становясь правящей партией, партией организаторов и руководителей государственного аппарата и хозяйственной жизни на капиталистических началах при общей отсталости и неорганизованности рабочего класса, все бесповоротнее теряет связь и общность с пролетариатом. Советская, партийная и профессиональная бюрократия и организаторы государственного капитализма находятся в материальных условиях, резко отличных от условий существования рабочего класса; само их материальное благополучие и устойчивость их общего положения зависят от степени эксплуатации и подчиненности им трудящихся масс — все это делает неизбежным противоречивость их интересов и разрыв между коммунистической партией и рабочим классом.

Общественное бытие коммунистической партии определяет собой неизбежно и соответствующее общественное сознание, интересы и идеалы, противоречащие интересам борющегося пролетариата.

РКП стала партией организаторской интеллигенции. Пропасть между РКП и рабочим классом все больше углубляется, и этот факт нельзя затушевать никакими резолюциями и постановлениями коммунистических съездов, конференций и т.д.

Экономика и соотношение классовых сил в России

На крупной промышленности в России, теснейшим образом связанной с промышленностью Запада, разрыв мировых связей сказался чрезвычайно болезненно. Громадное напряжение производительных сил, испытанное хозяйственным организмом страны во время войны империалистической и революционной, окончательно расшатало его. Дальнейшему развитию крупной промышленности поставлены тесные пределы: а) сильно суженой материальной его базой, б) технической отсталостью по сравнению с западной (более высокие издержки производства) и в) слабой покупательной способностью населения, в большинстве своем крестьянского, хозяйство которого подверглось к тому же разрушительному влиянию войны.

НЭП, т. е. возрождение нормальных капиталистических отношений и интенсивная экономическая дифференциация крестьянства, усиленная голодом 1920-1921 гг., обусловил усиленный рост крепкого кулацкого слоя в российской деревне. Мелкий неорганизованный характер крестьянского хозяйства при разрушенных средствах сообщения определяет на ближайшее время господствующую роль торгового капитала, а вместе с последним растет и влияние государства как представителя общенациональных интересов капитала и лишь руководящей аппаратом государственного управления и регулирования хозяйства организаторской интеллигенции. Пролетариат, расплывший вследствие разгрома промышленности, ослабленный потерей и отрывом (буржуазным пленением) части наиболее активных элементов и идеологической путаницей, при отсутствии своей пролетарской партии и революционных рабочих организаций сколько-нибудь влиятельной роли играть не способен.

Профдвижение в России

Классовые интересы господствующих в России буржуазных групп естественно требуют затушевания классовых противоречий в нашей республике, и, вследствие этого, представители правящей партии, руководящие профдвижением, всемерно стремятся путем всяких мероприятий и соответствующей пропаганды к поддержке стихийного экономизма, отчетливо наметившегося в рабочих массах.

НЭП в сильнейшей степени усилил стремление рабочих к улучшению своего материального положения, и, несмотря на заметный подъем заработной платы, борьба за «пятак» становится наиболее упорной и ожесточенной. Бюрократия профсоюзов не в состоянии овладеть этим движением. Поскольку даже чисто экономические требования задевают интересы капитала, – волна экономизма перекачивается ныне через голову оппортунистической профбюрократии. Возрождающаяся активность рабочего класса ищет себе выхода.

Необходимость создания Рабочей Партии

Несмотря на катастрофическое свертывание промышленности, материальное положение работающих рабочих, значительно отставая от прожиточного минимума, все же постепенно улучшается. Освобождаясь частично от погони за куском хлеба, рабочие снова показывают классовую энергию, у передовых рабочих снова растет пока еще глухой, сбивчивый протест против намеченного капиталистического строя. Еще немногочислен революционный элемент, слабо оформлена его идеология, сильны еще коммунистические фетиши, но рост классовой активности у передовых беспартийных рабочих и классово мыслящих элементов внутри РКП создает необходимую предпосылку для создания партии Российского пролетариата.

Задача Российской Рабочей Партии

Как отражающее с наибольшим успехом наиболее жизненные интересы современной России и, следовательно, прогрессивное, нынешнее правительство должно пользоваться, поскольку оно не мешает классовой борьбе, поддержкой рабочего класса. То же относится к правящей партии, чуждой рабочему классу, но единственно способной руководить нашей республикой.

Поскольку рабочий класс в капиталистических условиях может влиять на *инострannую политику* своей буржуазии, он стремится к поддержке прогрессивных капиталистических групп и бойкоту реакционных. В соответствии с этим рабочий класс России должен стремиться:

1. к установлению тесной связи Российской республики со странами передового капитала – Германией и Америкой – и к бойкоту реакционной Франции;
2. к всемерной поддержке национальной буржуазии стран нарождающегося капитализма Востока (Индии, Китая, Египта и т. д.) в их борьбе с колониальными империями, ведущими хищническую политику в колониях.

В капиталистических условиях рабочий класс естественно борется за *демократию* т. е. за условия, обеспечивающие минимум возможностей в политической, экономической и культурной борьбе рабочего класса. В Российской республике, где даже оппозиционные буржуазные группы пользуются фактически и частью юридически свободой печати, коалиции и т. д., рабочий класс должен бороться:

1. за свободу печати и коалиции для революционных элементов пролетариата;
2. против административного произвола, поскольку это возможно в условиях отсутствия выборных законодательных учреждений;
3. против фетиша «монопольных» избирательных прав для трудящихся и фетиша свободы использования этих прав.

В области *профработы*, при отсутствии каких бы то ни было пролетарских массовых организаций, неотложной задачей революционных элементов российского рабочего класса, является превращение нынешних оппортунистических профсоюзов, в большинстве случаев не пользующихся доверием рабочих масс, в боевые организации пролетариата.

Борьба должна идти под лозунгами:

1. Действительной, в соответствии с настоящими ресурсами промышленности, защиты экономических интересов невыносимо эксплуатируемого пролетариата.
2. Фактического осуществления кодекса законов о труде и
3. Настойчивого разъяснения скрытых борьбой «за пятак» политических интересов пролетариата.

Особенно ясный подход и напряжение работ необходимы к области *культработы* среди пролетариата. Под маской коммунистической, советской, якобы пролетарской, буржуазная идеология, в частности, идеология организаторской интеллигенции пленила десятки и сотни тысяч активных рабочих, не только советских и хозяйственных работников, комсоставов из рабочих, рабочих-учащихся (через Рабфаки л т. п.), но и множество рабочих у станков. В борьбе против буржуазной идеологии (культуры) за пролетарскую задачи революционных элементов рабочего класса сводятся:

1. К непримиримой борьбе с мещанскими и авторитарными тенденциями внутри рабочего класса.

2. К всемерной поддержке пролетарских культурных организаций и проведению через них идей пролетарской идеологии.

3. К развитию культработы (политической, просветительской и профессионально-технической) в первую очередь для рабочих у станков, к борьбе с перенесением максимума средств и внимания на вузы, наполняемые бывшими рабочими и уходящими от пролетариата.

4. К резкому отграничению от официальной советской литературы и искусства и всемерной поддержке пролетарских литературных и т. п. организаций.

В области *организации рабочей молодежи* революционным элементам, учитывая революционную восприимчивость и активность рабочих подростков, следует обратить всемерное внимание на *пропагандистскую* работу среди них, на *подготовку кадров будущих борцов за освобождение рабочего класса*. Поскольку, несмотря на мелкобуржуазный и оппортунистический характер Коммунистического Союза Молодежи, внутри него имеются ценные революционные элементы, необходимо обратить внимание на работу среди пролетарской части комсомольцев, не отказываясь от самостоятельной, вне союза работы среди подростков.

Отношение к социалистическим партиям

Наше отношение к меньшевикам определяется оценкой их последней платформы. Давая ценный во многих отношениях анализ социальной и идеологической эволюции РКП, меньшевики делают глубоко ошибочные и вредные выводы о необходимости возвращения национали-

зированной собственности ее бывшим владельцам, совершенно не учитывая глубокого и прогрессивного изменения российской экономики; их платформа — плод их безнадежной оторванности от российской действительности и превращения в чисто интеллигентскую группировку.

Осколки эсеров — партии российского крестьянства — оторвались от своей базы и растеряли свое влияние. Ныне роль эсеров, особенно в части защиты крепкого крестьянства, перешла к РКП.

Отношение к рабочей оппозиции

Группа рабочей оппозиции была ценна наличием революционных элементов, но объективно она реакционна, стремясь к возрождению до конца изжитых лозунгов и методов военного коммунизма. Наша задача привлечь революционные элементы «Рабочей Оппозиции», отрешившиеся от реакционных идеалов.

Центральная группа «Рабочая Правда» обращается ко всем революционным рабочим и активным классово-мыслящим, примкнувшим к борьбе пролетариата элементами с горячим пролетарским призывом очнуться от навеянной коммунистическими иллюзиями классовой бездеятельности и путаницы и начать усиленную работу по организации революционных элементов и разъяснению рабочим массам действительного грозного положения дел.

Некогда передовой пролетарский отряд — Российский Рабочий Класс — сейчас далеко отброшен чуть ли не на десятилетия назад.

Работа предстоит долгая и упорная, и в первую очередь идеологическая. Всюду на заводах фабриках, в профорганизациях, рабфаках, совпартшколах, Коммунистическом Союзе Молодежи и партийных организациях должны быть созданы пропагандистские кружки, солидарные с «Рабочей Правдой».

Организуйте пропагандистские кружки и не забывайте основных условий развития *Революционных* организаций в странах наступающего капитала — тщательный отбор товарищей и строгую конспирацию.

За р а б о т у , товарищи!

Центральная группа «Рабочая Правда».

Социалистический вестник (Берлин), 1923. № 3. С. 12-14.

Манифест Рабочей Группы Российской Коммунистической Партии (б)

К тт. коммунистам всех стран

Современное состояние производительных сил в странах развитого и особенно передового капитализма придает движению пролетариата этих стран характер борьбы за коммунистическую революцию, за власть мозолистых рук, за диктатуру пролетариата. Или человечество, обливаясь собственной кровью в непрерывных международных и внутренних гражданских войнах, впадет в варварство, или пролетариат исполнит свою историческую миссию: завоюет власть и раз навсегда покончит с эксплуатацией человека человеком, гражданскими классовыми войнами между народами, нациями, водрузив над землей знамя вечного мира, труда и братства.

Бешеная скачка воздушных вооружений Англии, Франции, Америки, Японии и т. д. грозит новой невиданной войной, в которой может погибнуть не один десяток миллионов людей и веками создававшиеся богатства города, фабрики, заводы и прочее, созданное вековым трудом рабочих и крестьян.

Задачей пролетариата каждой страны является сокрушение собственной национальной буржуазии. Чем скорее пролетариат покончит с буржуазией своей страны, тем скорее разрешит свою историческую задачу пролетариат всего мира.

Чтоб покончить с эксплуатацией, угнетением и войнами, пролетариат должен бороться не за грошовые прибавки, не за сокращение рабочего дня – это когда-то было нужно, но теперь он должен бороться за власть.

Буржуазия и прочие угнетатели всех видов и мастей очень довольны социал-прохвостами всех стран и народов именно потому, что последние отвлекают внимание пролетариата от основных задач борьбы против власти буржуазии, против гнета, а все время выставляют грошовые, пятачковые требования, не грозящие гибелью гнету и насилию.

Социалисты всех стран в данный момент – единственные спасители буржуазии от пролетарской революции, потому что многочисленные массы рабочего класса привыкли с недоверием относиться к тому, что исходит непосредственно от их угнетателей, а если то же самое преподносится рабочему классу как защита его интересов, да еще с набором социалистических фраз, то рабочий, отуманенный этими фразами, верит и растрчивает свои силы на бесполезную борьбу. Лучших адвокатов буржуазия не имеет и не будет иметь.

Коммунистическому авангарду пролетариата необходимо прежде всего разрушить это буржуазный хлам в головах своих товарищей по классу, надо завоевать сознание их, чтоб повести в кровавый последний бой. Но чтоб этот буржуазный хлам сжечь, надо быть вместе с ним, с пролетариатом во всех его бедах и несчастьях. Когда эти идущие и до сих пор за приказчиками буржуазии пролетарии вступают в стачечную борьбу, то не бежать от них надо, презрительно бросая в их сторону клички осуждения, а оставаться с ними и бороться, непрестанно разъясняя, что эта борьба идет только на пользу буржуазии. Точно так же, чтоб сказать слово правды ему, иногда надо взбираться на навозную кучу (идти в парламент), не боясь запачкать своих честных революционных ботинок.

Конечно, все зависит от соотношения сил в каждой стране. И может быть такое положение, что ни в парламент идти, ни в стачках участвовать не надо, а прямо начинать бой. Нельзя все страны стричь под одну гребенку. Разумеется, завоевывать симпатии пролетариата необходимо всеми путями, но не урезыванием, не забвением, не отказом от своих основных лозунгов. Кто отказывается от своих основных лозунгов, хотя бы для временных соглашений, тот не ведет и не старается вести массы, а плетется в хвосте у них и не завоевывает их, а подчиняется тому, с чем он должен бороться.

Нельзя точно также оглядываться по сторонам и ждать начала пролетарской революции сразу во всех странах, нельзя свою нерешительность прикрывать незрелостью пролетарского движения во всех странах, нельзя так рассуждать: мы-то готовы к революции, и сил у нас хватит, да другие-то не готовы, а вдруг я побью свою буржуазию, а другие нет, что тогда будет?» Предположим, что германский пролетариат набьет морду своей буржуазии и социал-прохвостам – что тогда будет? А будет вот что: буржуазия и социал-прохвосты всех мастей убегут от пролетарского гнева во Францию, в Бельгию и будут слезно молить Пуанкаре и Ко расправиться с пролетариатом Германии, обещая французам за это свято блюсти Версальский договор и, может быть, с прибавкой Рура и Рейна в придачу, т. е. поступит так, как поступила и поступает русская буржуазия и социал-прохвосты. Пуанкаре, конечно, с великим удовольствием примется за святое дело спасения Германии от германского пролетариата, как то делали хищники всего мира в отношении Советской России. Но беда Пуанкаре и прочей кампании состоит в том, что они будут посылать армию, состоящую из рабочих и крестьян, которые, увидев, что идут вместе с германской буржуазией и ее приказчиками против немецкого пролетариата, против Советской Германии, повернуть штыки в сторону своей буржуазии в сторону Пуанкаре, и Пуанкаре, спасая свою шкуру и шкуру своей буржуазии, отзовет войска и оставит бедную германскую буржуазию и социал-прохвостов на произвол судьбы, и это не смотря на то, что гер-

манский пролетариата порвет Версальский договор, прогонит Пуанкаре с Рейна и Рура и провозгласит мир без аннексий и контрибуций, с правом самоопределения народов. Пуанкаре ничего не стоит расправиться с Германией Куно и фашистов, но он поломаёт себе зубы о Германию Советскую, пролетарскую.

Значит, если есть силы, надо драться, а не оглядываться по сторонам. Есть еще опасность для пролетарской революции – это раздробление сил.

В интересах мировой пролетарской революции надо объединить усилия всего революционного пролетариата. Если победа пролетариата немыслимы без решительного разрыва и самой отчаянной борьбы с врагами рабочего класса, с социал-предателями из 2-го чуть-чуть не интернационала, которые вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата как в своих, так и в чужих странах, то также немыслима эта победа пролетариата без объединения всех сил, стоящих за коммунистическую революцию, за диктатуру пролетариата. Вот почему мы, Рабочая группа Российской Коммунистической партии (б), считая себя как по организационным, так и по идейным связям в семье партий, объединяемых Третьим Интернационалом, призываем всех честных революционных коммунистических пролетариев объединить свои усилия для последнего и решительного боя. Все партии, входящие в Третий Интернационал, партии, объединяемые 4-м Интернационалом, а также и отдельные организации, по чем-то не входящие ни в одно из этих международных объединений, но преследующие те же цели, что и они, – мы призываем создать единый фронт. Единый фронт для боя и победы.

Начало сделано. Пролетариат России расправился по всем правилам пролетарского коммунистического искусства с буржуазией и ее приказчиками всех сортов и оттенков, так рьяно защищавшими буржуазию (эсеры-меньшевики и пр.). И, как видите, будучи более слабым, чем германский пролетариат, он сумел достаточно сильно набить морду всей мировой буржуазии, кинувшейся на него по приглашению русской буржуазии, помещиков и социалистических прохвостов.

Дело за пролетариатом запада. И он должен объединить усилия свои и двинуться в бой за власть.

Конечно, вредно закрывать глаза на те опасности для русской Октябрьской революции, а значит, и для мировой, которые идут из недр Советской России.

Советская Россия сейчас переживает один из тягчайших моментов. В ней много таких недостатков, которые могут стать роковыми для пролетариата России и всего мира.

Недостатки эти объясняются слабостью самого русского рабочего класса и слабостью мирового пролетарского движения.

Пролетариат России не может теперь еще противопоставить свою волю ликвидаторским тенденциям Октябрьских завоеваний, идущим со стороны перерождающей в условиях новой экономической политики бюрократии, и потому завоеваниям русской пролетарской революции грозит большая опасность – не столько извне, сколько изнутри.

Пролетариат всего мира прямо и непосредственно заинтересован в ограждении Октябрьских завоеваний от всех опасностей. Иметь такую страну, как Россия, в качестве базы мировой коммунистической революции – это значит иметь наполовину победу обеспеченной, потому-то передовому отряду всемирной армии пролетариата – коммунистам всех стран и надо сказать свое веское, пролетарское слово о тех недостатках и болезнях, которыми страдает Советская Россия и российской отряд коммунистической армии пролетариата – РКП(б).

Рабочая группа Российской Коммунистической партии (б) как наиболее близко соприкасающаяся с российской действительностью и берет на себя почин.

Мы не придерживаемся того взгляда, что если на свете существуют социал-прохвосты и просто прохвосты, то нам, пролетариям-коммунистам, нельзя разговаривать о своих недостатках потому, видите ли, что это может быть использовано этой почтенной кампанией против Советской России и коммунизма вообще. Все эти опасения – явные пустяки. Наши враги, будь то явные или тайные, все равно, – по самой своей природе пакостники, они жить не могут без того, чтоб нам, пролетариям, борющимся за свержение ига капитала коммунистам, не пакостить. Но что из этого следует. Мы должны молчать о наших болезнях и недостатках, а не говорить о них, не принимать меры у своевременному искоренению их?

А что будет, если мы, смертельно испугавшись социал-прохвостов всех мастей, будем помалкивать во имя их бытия? Можем ведь домолчаться до того, что от завоеваний Октябрьской революции останется одно воспоминание. Вот это-то и будет козырем, фактом в пользу социал-предателей, это-то и будет смертельным ударом по мировому пролетарскому коммунистическому движению.

Так что в интересах именно мировой пролетарской революции и русского рабочего класса мы, Рабочая группа Российской Коммунистической партии (б), решительно и смело берем на себя почин и, не дрожа от страха перед предательским мнением, ставим во всю величину проклятые вопросы международного и русского пролетарского движения.

Мы уже говорили, что недостатки эти объясняются слабостью как мирового, так и русского рабочего движения, и, конечно, самой лучшей поддержкой пролетариату России со стороны пролетариата прочих стран [может быть] революция в собственных странах, хотя бы в одной или

двух странах передового капитализма. Но раз на это сил сейчас нет, то на то, чтоб помочь русскому рабочему классу удержаться на позициях Октябрьской революции, на позициях коммунизма до момента, когда пролетарии всех прочих стран восстанут и победят – на это и теперь уже сил у него хватит.

Рабочий класс России, ослабленный мировой империалистической войной, гражданской войной и голодом – слаб, но с опасностями, которые есть, он справится, справится именно потому, что сумел разглядеть эти опасности и напряжет все силы для преодоления их, и совместными усилиями с пролетариями всех стран он их и преодолет.

Рабочая группа Росс[ийской] Коммунистической партии (б) забила тревогу, и зов ее гулким эхом отдается во всех концах великой Советской России. Все, что есть пролетарского и честного в РКП, объединяется и начинает борьбу. Мы сумеем внушить тревогу за судьбы октябрьских завоеваний пролетариата в умы всех мыслящих пролетариев России.

Борьба трудна. Нас загнали в подполье – мы нелегальны. Наш «Манифест» не мог быть напечатан в России. Печатаем и продолжаем печатать нелегально на пишущих машинках. Товарищей наших только по одному подозрению в сочувствии нашей группе – исключают из партии, из союза, арестуют, ссылают.

На XII съезде РКП(б) тов. Зиновьев с одобрения съехавшихся партийно-советских чиновников провозгласил новую формулу расправы со всякой критикой со стороны рабочего класса. Он сказал: «Всякая критика Центрального К[омите]та РКП(б) и справа, и слева есть меньшевизм (см. его речь на XII [съезде] РКП). А что это значит? А то, что если любому рабочему-коммунисту линия ЦК покажется неправильной, и он, по своей пролетарской простоте, начнет критиковать, то его исключат из партии, из союза, а затем, объявив его меньшевиком, – посадят в ГПУ. ЦК РКП(б) не хочет терпеть никакой критики – считая себя так же, как и Римский папа, непогрешимым.

Наши тревоги, тревоги русских рабочих за судьбу октябрьских завоеваний объявляются контрреволюционными.

Мы, Рабочая группа РКП(б), пред лицом пролетариата всего мира заявляем, что Советская Россия – есть одно из величайших достижений мирового пролетарского движения. И мы поэтому именно бьем тревогу, что Советской власти как власти пролетариата, октябрьским завоеваниям рабочего класса России грозит опасность превращения в капиталистическую олигархию.

Мы заявляем, что всем попыткам свергнуть Советскую власть мы противопоставим всю нашу силу и энергию. И это мы сделаем несмотря на то, что нас именем Советской власти сажают в тюрьмы и ссылают.

Если господствующая в РКП(б) группа наши тревоги за судьбу октябрьских достижений признает незаконными, контрреволюционными, то вы, революционные пролетарии всех стран и, в первую голову, входящие в III Коммунистический Интернационал, на основании знания этого Манифеста скажите свое веское слово. На вас, товарищи, обращены взоры пролетариев России, сердца и умы которых встревожены опасностями для Великого Октября.

Мы, товарищи, от вас не большого хотим. Мы хотим, чтоб вы обсудили на своих собраниях наш Манифест и настояли на том, чтоб делегаты вашей страны на V конгрессе III Коммунистического Интернационала поставили вопрос о внутрипартийной и советской политике РКП(б).

Обсуждайте, товарищи, наш манифест и выносите резолюции!

Знайте, товарищи, что этим вы поможете измученному, обессиленному рабочему классу России спасти свои октябрьские завоевания. А наш Октябрь есть часть мирового Октября.

За дело, товарищи!

Да здравствуют октябрьские завоевания российского пролетариата!

Да здравствует Мировой Октябрь!

Временное Центральное бюро Рабочей группы РКП(б)

МАНИФЕСТ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ РКП(Б)

Вместо предисловия

Всякий мыслящий рабочий, которому не чужды страдания и муки его класса и та титаническая невиданная борьба, которую ведет рабочий класс, не раз задумывался над вопросами о судьбах нашей революции во всех ее стадиях.

Каждый понимает, что судьба ее теснейшим образом связана с судьбой мирового движения пролетариата.

Еще в старой соц[иал]-дем[ократической] программе говорилось, что «развитие обмена установило такую тесную связь между всеми странами цивилизованного мира, что движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным».

И русский рабочий за это время научился себя рассматривать как солдата мировой армии пролетариата, а свои классовые организации – как отряды этой армии. Вот почему всякий раз, как только встает тревожный вопрос о судьбе завоеваний, сделанных в октябре 1917 года, взор его пылливо вперяется туда, за рубеж, где объективные условия революции имеются налицо, а самой революции нет и нет.

Но пролетариат не будет хныкать и впадать в хандру по тому случаю, что к назначенному часу революции не произошло, а он всегда в этом случае задает вопрос – что же делать, чтобы она произошла.

Когда же его взор обращается внутрь собственной страны, он видит, что русский рабочий класс, произведший социалистическую революцию и обратившийся после тягчайших испытаний к нэпу, тревожно спрашивает себя при виде жиреющих непомерно героев нэпа, сравнивая с положением их свое собственное положение, – спрашивает: куда мы идем? Горькие мысли забредают в голову его – он, рабочий вынесший все тяготы величайших из гражданских и империалистических войн, он, которого во всех газетах России почитают за героя, он, который этой борьбой обескровлен, живет, влача жалкое существование, перебиваясь с хлеба на квас, а они, сеявшие горе и ужас, они, только что бросившие оружие, которым они кололи этого рабочего, они живут, катаясь как сыр в масле. Куда мы идем? Что же будет дальше? Неужели нэп уже обращается в «НЭП», т. е. Новую Эксплуатацию Пролетариата? Что сделать, чтобы отворотить от нас эту опасность?

Когда он встает вплотную с этими вопросами, он невольно оглядывается назад, на пройденный путь, чтобы установить связь, чтоб понять, как он оказался в таком положении.

Как ни горьки опыты, как ни поучительны они, а не всякий из рабочих может разобраться в той пестрой исторической сети событий, которая прошла перед его глазами.

Мы по мере сил хотим помочь разобраться в этом и по возможности указать пути к победе пролетариата.

Мы совсем не хотим быть каким-то врачевателями недугов, пророками, слово которых свято и непогрешимо, наоборот, мы хотим, чтоб все сказанное нами подверглось самой суровой критике и исправлению.

I. Характер классовой борьбы пролетариата

«Вся история общества была до сих пор историей борьбы классов. Эта классовая борьба достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый класс (пролетариат) не может освободить себя от эксплуатирующего его класса (буржуазии), не освободив в то же время и навсегда всего общества от эксплуатации и угнетения и классовой борьбы».

Значит, с тех пор, как разложилось первобытное общинное землевладение, с тех пор, как появилась частная собственность на средства производства, как из этой первобытной общины выделилась группа лиц, захватившая в свои руки власть и богатство общины и поработившая ее, с тех пор ведется классовая борьба.

Но классовая борьба достигла только теперь той ступени, когда рабочий класс, чтобы освободиться от эксплуатации и угнетения, должен

освободить и все человечество от порабощения человека человеком и классовой борьбы, а раньше. Предположим. Сто лет назад, были тоже угнетенные, но они и не могли ставить так этого вопроса. Их освобождение не значило уничтожения классового общества.

«Человечество ставит себе только разрешимые задачи».

Было время, когда рабство было желанием очень многих людей, и оно со всех точек зрения было прогрессивным явлением.

«Феодализм существовал в нуждах людей, еще не существуя фактически – первая эпоха; во вторую – он существовал фактически, постепенно переставая соответствовать нуждам, и это последнее обстоятельство положило конец его фактическому существованию. Еще ни одна революция не совершалась иным путем».

Целиком то же самое можно сказать про рабство, про феодализм и капитализм.

Если это верно, то верным будет и то, что «нужды» людские, удовлетворявшиеся рабством, феодализмом, капитализмом, были нуждами определенных классов, стремившихся к этому строю, ведя классовую, революционную, гражданскую войну, и в каждый исторический момент по-своему.

«Производство есть цель общественного союза, а потому люди, руководящие производством, всегда стояли и всегда будут стоять во главе общественного союза».

Стало быть, цель всех господствующих в истории классов сводилась к тому, чтобы стать во главе союза, государства, а это можно было достигнуть тогда, когда роль этого класса в производстве по сравнению с господствующим классом была большей – тогда-то и наступала эпоха революции.

«Главную особенность современного капиталистического общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доходы высшим классам общества».

«В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществление процесса труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений коммунистическими, т. е. той социальной революции, которая представляет собой конечную цель всей деятельности международной коммуни-

стической партии как сознательной выразительницы классового движения».

Стало быть, есть уже налицо те условия, когда капитализм, существуя фактически, перестал удовлетворять нуждам людей, и это должно положить конец его фактическому существованию. Кроме того, есть уже сила, которая совершит этот революционный переворот. Эта сила – рабочий класс. Значит, наступила эра социалистической революции.

II. Диалектика классовой борьбы

Всякое данное классовое общество (как уже сказано выше) появилось в результате борьбы классов, выросших на определенной материальной основе. Только господствующий класс, непосредственно выросший из первобытной земельной общины. Не совершал революции для своего господства, но все последующие классы, чередовавшиеся в истории как классы господствующие, достигали этого господства путем классовой борьбы, гражданской войны; если это так – а это так, то каждый класс являлся проповедником этой классовой борьбы, гражданской войны, проповедником революции.

Но если каждый класс являлся проповедником гражданской войны, то с такой же неизбежностью каждый класс является проповедником и гражданского мира. Любви и всепрощения – и это делал один и тот же класс, но в различное время.

Всякий класс, стремившийся встать во главе «союза», проповедуя гражданскую войну, и (sic), в конце концов, достигал своей цели. Но, как только он достиг этой цели, как только взял власть, «стал во главе союза», тотчас же начинал проповедовать мир в человецех и благословение, обещая свое господство, и проповедь любви и всепрощения становилась тем сильнее и неистовее, чем ближе подходил конец его господству.

Значит, тогда, когда этот класс выступал проповедником гражданской войны, он был революционным, защищал интересы человечества и нации. Тогда же, когда он проповедовал гражданский мир и любовь, он защищал только свои узкоклассовые интересы, идущие вразрез с интересами человечества.

Но вот его свергают; Господству его пришел конец; остается ли этот вчерашний господин и проповедник любви и всепрощения и сегодня, после того, как его свергли, таким же ярким сторонником гражданского мира и спокойствия? О, нет! Он сегодня уже мечет гром и молнии и проповедует беспощадную расправу с вчерашними поборниками гражданской войны, со вчерашними рабами и сегодняшними господами, сегодняшними поборниками гражданского мира.

В этом случае класс, только что свергнутый, тоже проповедует гражданскую войну, но проповедь эта уже реакционна, контрреволюционна,

проникнута узко-эгоистичными классовыми интересами, идущими вразрез с интересами человечества, общества, нации. Он защищает свое вчерашнее господство.

Когда он выступал в первый раз сторонником классовой борьбы, сторонником гражданской войны и вел ее, тогда он защищал и свои классовые интересы, и интересы человечества, которые совпадали.

После того, как он победил и стал господином, в недрах этого общества развились новые нужды, новые силы, и он из недавнего революционера превращается в консерватора, проповедника мира и любви, но эта проповедь мира и любви так же, как и проповедь гражданской войны, в одном случае революционна потому, что она закрепляет положение класса, представляющего в данный момент интересы человечества, но с известного момента она становится реакционной, задерживающей развитие «союза». Но все продолжающие развиваться внутренние силы с неизбежностью приводят к свержению его, и он проповедует гражданскую войну.

Класс, проповедник гражданской войны до победы – революционер, представляет интересы человечества.

Он же победил – проповедует гражданский мир – тоже революционер и человек.

Закрепил свое господство, стал окончательно во главе «союза»Ф. Но за это время появились новые силы, которые оспаривают уже его главенство в производстве, появился новый класс, не прочь помериться силами и выступает как проповедник гражданской войны.

Господствующий класс продолжает проповедь мира, единения и любви и подавляет всякую попытку к свержению его. В этот момент проповедь мира и любви уже реакционна, контрреволюционна, узкоэгоистична. Наконец, он свергается и опять становится сторонником гражданской войны, но эта гражданская война так же контрреволюционна, как вчерашняя его проповедь единения, мира и любви, и он погибает.

Только рабочий класс, несущий уничтожение всякого классового общества, освобождающий навсегда человечество от эксплуатации, гнета и классовой борьбы, остается революционер и человек одинаково и тогда, когда он проповедует гражданскую войну, и тогда, когда проповедует гражданский мир.

III. Савлы и Павлы в русской революции

Каждый сознательный рабочий, для кого уроки революции не остались бесполезными, видел перед своими глазами, как различные классы превращались «чудодейственным» образом из Савла в Павла, из проповедников «мира» и единения в проповедников гражданской войны и наоборот.

Если вспомнить события за последние 15-20 лет, то перед нами предстанет довольно яркая картина этих превращений.

Поглядите-ка на буржуазию, помещиков, попов, эсеров и меньшевиков. До 1917 года кто из попов, помещиков проповедовал гражданскую войну? Никто. Больше того, за эту проповедь они сажали в тюрьму, пытали, вешали, стреляли и проповедовали мир в человецех и благословение. А после Октября? Кто более страстно проповедовал и проповедует гражданскую войну до сих пор? Эти же верные сыны христианской церкви: попы, помещики и офицеры.

А буржуазия в лице кадетов разве не стояла когда-то за гражданскую войну с самодержавием? Вспомните-ка Выборгское восстание, а разве не Милюков говорил с трибуны кратковременного правительства: «Мы держим красное знамя в своих руках, и отнимут его у нас, только перешагнув через наши трупы»? Правда, что греха таить, говаривал он и другие вещи в Государственной думе: «Эта красная тряпка, намозолившая всем глаза». Но до 1905 года можно определенно сказать, что буржуазия стояла за гражданскую войну. А в 1917 году, во времена существования кратковременного правительства, кто более неистово кричал: «Мир, гражданский мир, единение между всеми классами общества – есть спасение нации»? Они – буржуазия, кадеты. А после Октября? Не они ли до хрипоты и теперь кричат: «Долой советы, долой большевиков! Война, гражданская война есть спасение нации»? Они – это те самые хорошие и добрые баре и слезливые «революционеры» так тигрически настроены.

А эсеры? Разве не эсеры убили Плеве, Сергея Александровича, Богдановича и прочих столпов самодержавия? Но разве эти ярые революционеры не зывали к единению и гражданскому миру в 1917 году, во время того же кратковременного правительства? Зывали, да еще как! А после октября? Остались ли они такими же миролюбивыми? Как бы не так! Они превращаются опять в ярых, но теперь уже ррр-реакционеров и стреляют в т. Ленина. Они проповедуют гражданскую войну.

А меньшевики – до 1908 года они стоят за вооруженное восстание, за 8-мичасовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель, демократическую республику, а с 1908 года до 1917 год[а] за некое «сотрудничество классов» – за свободу коалиции и легальные формы борьбы с самодержавием – и все-таки не прочь его свергнуть, но не во время войны, конечно, ведь мы патриоты, то бишь «интернационалисты»; в 1917 году до Октября стоят за гражданский мир и так же, как монархисты, кадеты, эсеры, за гражданскую войну после Октября.

Наше ли, русское ли только это явление? Нет. Французская, английская, германская и т. д. буржуазия до свержения феодализма стояла за гражданскую войну и вела ее. После того, как феодализм был повержен во прах и буржуазия встала у власти, она стала сторонницей гражданского

мира, особенно после того, как на сцене показался новый претендент на власть в лице рабочего класса, который тоже хочет бороться насмерть.

Поглядите теперь, где буржуазия стоит за гражданскую войну? Нигде! Везде и всюду, за исключением Советской России, она проповедует мир и любовь. А как она будет вести себя после того, как пролетариат возьмет власть в свои руки? Будет она проповедницей гражданского мира? Будет она также взывать к единению и миролюбию? Она превратится в яростного проповедника гражданской войны и будет вести ее насмерть, до издыхания.

А мы, пролетарии России, разве составляем какое-нибудь из этого исключение?

Отнюдь не бывало.

Взять хотя бы тот же 1917 год – разве наши Советы рабочих депутатов не возникли как органы гражданской войны? Да.

Но вот в том же 1917 году они овладели властью. Хотели ли они, чтобы буржуазия, помещики, попы и все прочие обиженные ими (Советами) восстали против них? Разве не хотели они, чтоб буржуазия и все их большие и малые соратники покорились без драки? Хотели.

Значит, пролетариат до завоевания власти стоял за гражданскую войну, а после завоевания против нее, за гражданский мир.

Правда, во всех этих превращениях много исторической инерции. Даже тогда, когда все – от монархистов до меньшевиков и эсеров включительно – вели гражданскую войну против Советской власти, они все еще продолжали выступать под лозунгом «гражданского мира», а пролетариат фактически хотел мира, а все еще провозглашал войну. Даже в 1921 году в одном из циркулярных писем ЦК РКП мелькает эта неосознанность положения – лозунг гражданской войны даже в 1921 году рассматривался как признак большой революционности.

Но как то, так и другое может рассматриваться как исторический курьез и нисколько не колеблет нашей точки зрения.

Если мы сейчас в России, всемерно укрепляя завоевание пролетарской октябрьской революции, всемерно укрепляя власть пролетариата, будет везде и всюду проповедовать гражданский мир и утверждать эту власть пролетариата, то везде, где власть находится в руках буржуазии, там столь же решительно все пролетарские и честные элементы должны объединиться под лозунгом гражданской войны, кровавой и суровой.

Если теперь рабочий класс видит истерику всех эксплуататорских слоев населения в буржуазных странах, с которой они проповедуют гражданский мир и в человецех благословение, то надо сейчас же дать себе полный отчет в том, что если пролетариат этих буржуазных стран захватит власть в свои руки, то все сегодняшние миролюбцы от помещиков до

второго и двух с половинного интернационала включительно завтра будут вести гражданскую войну против пролетариата, захватившего власть.

Мы со всей силой и энергией, на которую только способны, должны призвать пролетариат всех стран к гражданской войне, беспощадной кровавой войне – мы будем сеять ветер, ибо хотим бури.

Но еще с большей силой мы будем проповедовать гражданский мир и в человецех благоволение (sic) во всех странах, где пролетариат победит и станет у власти.

Помещики, буржуа, меньшевики, эсеры всех стран будут проповедовать гражданский мир во всех странах капиталистического гнета и гражданскую войну более жестокую и кровавую, чем то проповедует пролетариат во всех странах, где власть захватит пролетариат.

IV. Основные задачи сегодняшнего дня.

Развитие производительных сил во всех передовых капиталистических странах достигло той ступени, когда капитализм сам становится фактором разрушения этих производительных сил. Мировая война и последующие события, Версальский мир, проблема репараций, Генуя, Гаага, Лозанна, Париж и, наконец, оккупация Рура Францией – все это, а также колоссальнейшая безработица и бесконечная волна стачек с наглядностью показывают, что бьет последний час капиталистической эксплуатации, и экспроприаторы должны быть экспропрированы.

Историческая миссия пролетариата состоит в том, чтобы спасти человечество от варварства, в которое ввергает его капитализм. И сделает он это совсем не борьбой за пятачок, борьбой за восьмичасовой рабочий день, борьбой за частичные уступки, которые капитализм может сделать, нет, наоборот, крепкой организацией пролетариата для решительного боя за власть.

Всякая проповедь забастовок с целью улучшения материального положения пролетариата в передовых капиталистических странах в данный момент есть вредная проповедь, укрепляющая иллюзии, надежды на реальные улучшения жизненного уровня пролетариата в пределах капиталистического общества.

Передовые рабочие должны принимать участие в забастовках, должны, если обстоятельства слагаются так, то и *возглавлять их*. Должны выдвигать практические требования, если масса пролетариата все еще надеется улучшить свое положение этим путем, если это создает большое влияние в пролетариате, но они должны решительно указывать пролетариату на то, что это не путь спасения, это не путь улучшения положения рабочего класса. Если можно организовать пролетариат для решительного боя путем решительной его поддержки во всех его столкновениях с капиталом, то необходимо не только поддерживать, но, возможно, и возглав-

лять это движение, выдвигая более решительные и высокие требования, практические и понятные пролетариату, не переставая, однако, указывать ему, что до тех пор, пока он не возьмет власть в свои руки, до тех пор не может радикально измениться его положение, чтоб каждая стачка, каждое столкновение было уроком пролетариату, доказывающим необходимость завоевания политической власти и экспроприации экспроприаторов.

Коммунисты всех стран должны вести себя здесь так же, как они ведут себя в парламентах – они туда идут не для положительной законодательной работы, а для агитации и пропаганды, для взрыва этого парламента силами организованного пролетариата.

Точно так же, когда объявляется необходимость начать стачку за пять часов, за час – идти сюда надо, но не для того, чтобы поддерживать надежду в пролетариате, что он может реально улучшить свое экономическое положение путем этих стачек, а, наоборот, для разрушения этих надежд для того, чтобы на каждом, самом незначительном жизненном акте показать пролетариату несбыточность этих надежд, для того, чтоб использовать всякое столкновение для организации сил пролетариата, подготавливая одновременно сознание его для окончательного доя. Лозунг восьмичасовой рабочий день (sic) был когда-то революционным, но теперь он потерял все свое революционное значение во всех странах, стоящих под знаком социальной революции. Здесь мы вплотную подходим к вопросу о едином фронте.

V. Единый социалистический фронт

Но прежде, чем говорить о нем по существу, необходимо вспомнить ту обстановку, при которой были выдвинуты, обсуждены и приняты тезисы тов. Зиновьева – о едином фронте у нас в России.

19-21 декабря 1921 года происходила конференция РКП(б), на этой конференции и поставлен был вопрос на обсуждение. До этого нигде – ни в печати, ни на партийных собраниях – никто ничего не говорил и не писал об едином фронте. На конференции же тов. Зиновьев зажарил из «максима» по конференции, та от неожиданности задрала руки вверх, единогласно приняв тезисы.

Все это говорим не для того, чтоб кого-то обидеть или обругать, а для того, чтоб отметить: во-первых, что тактика единого фронта обсуждалась по-солдафонски, а во-вторых, и проводится-то она в России особым манером.

Инициатором этой тактики в Коминтерне выступала РКП(б) и убеждала съехавшихся заграничных товарищей, что благодаря этой тактике единого фронта мы, русские революционеры, и победили, что эта тактика жиждется на опыте всей «предреволюционной» эпохи в России и, в частности, опыте борьбы большевиков с меньшевиками.

Товарищи, съехавшиеся из всех стран, знали только один факт, что пролетариат победил, и им хочется победы над своей буржуазией, а тут их уверяют, что победил он в результате применения единого фронта. Ну как же не признать ее? Они на слово поверили, что победа русского рабочего класса есть результат тактики единого фронта. Они не могли не поверить, потому что не знали истории русской революции. Один раз тов. Ленин очень резко выразился о верующих на слово, но, должно быть, это не относилось к тем, кто ему на слово верит.

Чему же, однако, учит нас опыт нашей русской революции?

Было время, когда большевики поддерживали прогрессивное движение, направленное против самодержавия: п. [sic] а) «социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или оппозиционной в своей борьбе с царизмом; б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии, но что, с другой стороны, она обязана разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность» (резолюция II [sic] съезда РСДРП «Об отношении к либералам», 1913 год, август).

Резолюция III съезда (состоявшегося в 1905 году в апреле месяце) повторяет эти два пункта, рекомендуя товарищам: 1) разъяснять рабочим антиреволюционный и противополохарактер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренного либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым «союзом» освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий; 2) энергично бороться в силу изложенного против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата и отдельных групп его.

Начиная с 1898 года, социал-демократия поддерживает «единый фронт» (выражаясь современным языком) с буржуазией. Но здесь мы видим три стадии этого единого фронта:

- 1) в 1901 году она поддерживает всякое «прогрессивное движение», направленное против существующего строя;
- 2) в 1903 году имеется налицо сознание необходимости борьбы «с ограниченностью движения буржуазии»;
- 3) в 1905 году, в апреле, уже принимаются практические шаги для этой борьбы, «настоятельно рекомендуя товарищам разоблачать антиреволюционный и противополохарактер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках», энергично борясь с ними за влияние на пролетариат.

Но какие бы виды ни принимала поддержка буржуазии, остается налицо тот факт, что было время до 1905 года, когда большевики выстраивались единым фронтом с буржуазией.

А как бы мы посмотрели «на того революционера», который на основании русского опыта предложил [бы] единый фронт с буржуазией в данный момент?

В сентябре месяце того же 1905 года конференция, созванная специально по вопросу о «Булыгинской думе», свое отношение к буржуазии определяет следующим образом: «Иллюзией народного представительства самодержавие стремится к политическому сближению с значительной частью утомленного рабочим движением и жаждущей порядка буржуазии и, обеспечив за собой ее сочувствие и поддержку, к подавлению, уже в союзе с ней, революционного движения пролетариата и крестьянства».

В резолюции же большевиков, предложенной объединительному съезду (1906, апрель), раскрывается секрет перехода большевиков от поддержки буржуазии к борьбе с ней: «В среде крупного капиталистического класса и помещиков происходит резкий переход от оппозиции к сделке с самодержавием в целях подавления революции». А так как «главной задачей рабочего класса в переживаемый момент демократической революции является доведение ее до конца», то необходимо установить «единый фронт» с такими партиями, которые этого хотят. На этом основании были отвергнуты всякие соглашения с партиями, стоящими правее кадетов, а заключались соглашения с партиями, стоящими левее их, т. е. с эсерами, энесами и трудовиками; т. е. устанавливается «единый социалистический фронт» а борьбе за последовательное проведение демократической революции.

Верна ли была тактика большевиков за означенный выше период? Мы не думаем, что в среде активных борцов за Октябрь найдутся люди, оспаривающие правильность этой тактики. Мы устанавливаем здесь тот факт, что большевики с 1906 года и до 1917 включительно проповедовали «единый социалистический фронт» в борьбе за последовательное проведение демократической революции, долженствующей закончиться образованием временного революционного правительства, которое созывает Учредительное Собрание.

Никто никогда не истолковывал, да и не мог истолковать эту революции как революцию пролетарскую, как социалистическую, а все прекрасно понимали, что эта революция – буржуазно-демократическая революция, и тем не менее большевики предлагали и проводили на деле тактику «единого социалистического фронта», объединяясь на практической работы с эсерами, меньшевиками, энесами и трудовиками.

Но вот тогда, когда вопрос встал не о том, чтобы бороться за демократическую революцию, а за социалистическую, какова была тактика боль-

шевиков в этот момент? Может быть, и борьба за власть Советов тоже требовала «единого социалистического фронта»?

Революционные марксисты всегда смотрели на партию социалистов-революционеров как на «буржуазно-демократическую фракцию с туманно-социалистической идеологией», что она подтвердила в полной мере всей своей деятельностью на протяжении всей революции до наших дней; и, как буржуазно-демократическая фракция, она не могла ставить себе как практическую задачу борьбу за социалистическую революцию, борьбу за социализм, а, прикрываясь этой «туманной социалистической терминологией», всячески противодействовала этой борьбе. А раз это так – а это так, – то не единый социалистический фронт мог быть тактикой победы восставшего пролетариата, а борьба беспощадная, кровавая борьба с этими буржуазными фракциями с туманной социалистической терминологией, могла дать победу. Так было оно и на самом деле. Не в единении с эсерами, меньшевиками, трудовиками, энесами русский пролетариат одержал победу в Октябре, а в борьбе с ним[и]¹.

Правда, большевики сумели отколоть значительную часть партии эсеров и меньшевиков к моменту Октября, освободив из плена туманной социалистической терминологии рабочие массы, совместно с ними произвести переворот, но это, конечно, ни в какой мере не может рассматриваться как единый фронт с буржуазными фракциями.

Чему же учит русский опыт?

1. В известные исторические моменты необходимо выступать «единым фронтом» с буржуазией в тех странах, где историческая обстановка в общем и целом и теперь похожа на обстановку, бывшую в России до 1905 года, необходимо будет в той или иной мере рекомендовать проводить эту тактику.
2. В тех странах, где историческая обстановка в общем и целом совпадает с исторической обстановкой России с 1906 года по 1917 г., необходимо рвать с тактикой «единого фронта» с буржуазией и проводить тактику «единого социалистического фронта».
3. В тех же странах, где вопрос встал о непосредственной борьбе за власть пролетариата, необходимо рвать с тактикой «единого социалистического фронта» и готовить пролетариат к тому, что «буржуазные фракции с туманной социалистической терминологией», каковыми являются в данный момент все партии, входящие во второй и двухсполовинный интернационалы, в самый решительный момент выступят с оружием в руках в защиту капиталистического строя.

¹ Выступление большевиков с эсерами и меньшевиками единым фронтом против Корнилова является борьбой за буржуазно-демократическую революцию против наступающей монархии.

Необходимо стремиться к объединению всех революционных элементов, ставящих себе целью низвержение эксплуататорского капиталистического мира, каковыми является Германская рабочая коммунистическая партия, голландская группа, возглавляемая Герман[ом] Гортером, и другие партии, группирующиеся вокруг 4-го Интернационала, товарищески борясь со всяким вспышкопускательством и преждевременными выступлениями, ослабляющими пролетариат. Стремиться отколоть от партий, входящих в 2 и 2 ½ Интернационалы, все честные пролетарские революционные элементы, плененные туманной социалистической терминологией.

«Победа мировой пролетарской революции неосуществима без принципиального решительного разрыва и беспощадной борьбы с тем буржуазным извращением социализма, которое одержало победу в верхах официальных социал-демократических партий. Оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямым классовым врагом пролетариата, особенно теперь, когда они в союзе с капиталистами вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата как в своих, так и чужих странах» (см. программу РКП).

Так что тактика единого социалистического фронта в понимании тезисов Исполкома Коминтерна, построенная якобы на опыте русской революции, на самом деле есть оппортунистическая тактика, тактика соглашений с прямыми врагами рабочего класса, подавляющими вооруженной рукой революционное движение пролетариата как в своих, так и чужих странах и стоит в полном противоречии с опытом русской революции.

В тех странах, которые живут под знаком социальной революции, нужно проводить «единый фронт» против буржуазии и их лакеев из 2 и 2 ½ Интернационалов.

Но эта тактика (тактика единого социалистического фронта), как сказано уже выше, приобретает все свое революционное значение в тех странах, где пролетариат борется с самодержавием, поддерживаемым буржуазией, борется за буржуазно-демократическую революцию.

Там же, где пролетариат еще борется с самодержавием, против которого в действительности и выступает буржуазия, необходимо проводить тактику «единого фронта» с буржуазией.

Требования Коминтерна к коммунистическим партиям всех стран проводить тактику единого социалистического фронта во что бы то ни стало есть догматическое требование, затрудняющее решение конкретных задач сообразно условиям в каждой отдельной стране и безусловно вредно отзываясь на всем революционном движении пролетариата.

VI. Пара слов о тезисах Исполкома Коминтерна.

Как понимается тактика «единого социалистического фронта» творцами ее – ярко вырисовывается из тезисов, опубликованных в свое время (год тому назад) в «Правде».

Несколько слов о заголовке. Всем известно, какой в России «популярностью» пользовались, начиная с 1917 года, соглашатели всех стран и народов и особенно германские Шейдеман, Носке и Ко.

Каждый большевик, особенно рядовые, неискушенные в политиканстве, на каждом перекрестке кричали по адресу этих соглашателей: «Предатели, изменники рабочего класса, мы вас на телеграфном столбе повесим. Вы виноваты в мировой войне, стоившей океана крови трудящимся всех стран. Вы убили Розу Люксембург, Либкнехта, вы залили кровью восставших против гнета и капиталистической эксплуатации рабочих улицы Берлина, вы творцы Версальского мира, вы совершили бесчисленные преступления против мирового пролетарского движения, предавая на каждом шагу его». Согласитесь, что так настроенному рабочему-коммунисту преподнести «единый социалистический фронт», т. е. единый фронт с Носке, Шейдеманом, Вандервельде, Брантингом и компанией не совсем удобно. Надо его замаскировать – и маскируют. Озаглавлены тезисы не просто «Единый социалистический фронт», а «Об едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим во 2 и 2 ½ – Амстердамский – Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». Почему так длинно? А видите ли. Тот же тов. Зиновьев очень недавно в своих писаниях приглашал нас на похороны 2-го Интернационала и, получив, очевидно, сообщения от 2-го Интернационала, что сведения т. Зиновьева о смерти его несколько преувеличены, т. Зиновьев не растерялся и приглашает нас на свадьбу Коминтерна со 2-м Интернационалом, потому-то и понадобилось окрестить сего поросля в карася. А речь-то ведь идет о соглашениях не с рабочими, а с партиями 2 и 2 ½ Интернационалов. А всякому рабочему, даже и не побывавшему в эмиграции, известно, что партия представляется Центральными Комитетами, а сидят в них Вандервельде, Брантинги, Шейдеманы, Носке и Ко. С ними будут вступать в соглашение. Кто был на Берлинской конференции 3-х Интернационалов? Кому Коминтерн предлагал руку и сердце? Вельсам, Вандервельде и Ко.

А попытались ли договориться с Рабочей коммунистической партией Германии, где, по словам того же т. Зиновьева, находятся очень ценные пролетарские элементы? Нет. А ведь та же Рабочая коммунистическая партия стоит за организованный захват власти пролетариатом.

Правда, т. Зиновьев в своих тезисах говорит, что никакого объединения Коминтерна со 2-м Интернационалом не проводится, и он сохраняет организационную самостоятельность: «Абсолютная самостоятельность и полная независимость каждой коммунистической партии, вступающей в

то или иное соглашение с партиями 2 и 2 ½ Интернационалов, во изложении своих взглядов. Налагая на себя дисциплину в действиях, коммунисты при этом обязательно должны сохранить за собой право и возможность не только до и после действия, но, если нужно, и во время действия высказывать свое мнение о политике всех без исключения организаций рабочего класса. Поддерживая лозунг максимального единства всех рабочих организаций в каждом практическом действии против капиталистического фронта, коммунисты, вместе с тем, ни в коем случае не могут отказаться от изложения своих взглядов» (см. тезисы Исполкома Коминтерна на конференции РКП [19]21 года).

В Российской социал-демократич[еской] рабочей партии существовали до 1906 года две фракции, и они имели не меньшую самостоятельность, чем предоставляется только что приведенными местами из тезисов Исполкома.

Дисциплина действия и самостоятельность в изложении своих взглядов формально признается уставом РКП(б) для внутренней жизни партии. Это вот что значит: делай то, что постановило большинство, но критиковать можешь. Делай, что велят, но если тебе уж очень досадно и ты наверняка знаешь, что это дело вредит мировой революции, так тебе разрешается во время дела, до дела и после дела отвести душу – поговорить. Это равносильно отказу от самостоятельных выступлений (совсем как Вандервельде подписал Версальский договор и оговорился).

В тех же тезисах Исполком выдвигает лозунг рабочего правительства, подменяя лозунг пролетариата социалистическим министерством. Ибо что такое рабочее правительство? Это правительство составлено ЦК партий, вошедших в соглашение. А так как, например, в Германии Эберт (социалист) президент, да если еще составить этаким же кабинет к нему, то и получим идеал – программу, по этим тезисам исполненную. Там же, где этот лозунг не пройдет, то коммунисты должны поддерживать своими голосами социалистических премьеров и президентов: в Швеции – Брантинга, в Германии – Эберта.

Наша самостоятельность критики нам рисуется в следующем виде: тов. Зиновьев как председатель Коминтерна приходит в ЦК германской соц[иал]-дем[ократической] партии, увидев там Эберта, Носке, Шейдемана, бросается на них чуть ли не с кулаками и кричит: «Предатели, изменники рабочего класса! (Те в ответ приветливо улыбаются и низко кланяются.) Вы убили Розу Люксембург и Карла Либкнехта, вождей германского пролетариата, мы вас на телеграфном столбе повесим!» (Те еще приветливей улыбаются и ниже кланяются.) А за сим т. Зиновьев предлагает единый фронт – предлагает образовать социалистическое с коммунистической надбавкой правительство, заменяя, таким образом, виселицу – министерским портфелем, гнев – милостью.

Носке, Шейдеман, Эберт и Ко пойдут на собрание рабочих и расскажут, что Коминтерн амнистию издал – виселицу заменил министерским портфелем, но с одним условием, чтобы хоть один плохенький портфельшко дали коммунистам.

Дать или не дать? Голосуют. Решили дать. Они расскажут всему рабочему классу, что коммунисты признали, что борьба за социализм возможна только вместе с ними, а не против них. Посмотрите на них: попрыгали, поскакали – не раз нас хоронили, вешали, а к нам пришли. Ну, мы их простим, как простили, очевидно, и они нас. Взаимная амнистия.

Коммунистический Интернационал выдал 2-му свидетельство политической благонадежности, а получил от него свидетельство политической бедности.

Чем же все-таки вызван такой переворот?

Почему тов. Зиновьев Шейдеману, Носке и Ко вместо виселицы министерский портфель предлагает?

Почему он так недавно пел отходную, зауспокойную 2-му Интернационалу, вбивая в его могилу осиновый кол, [а] теперь поет здравицу? Неужели «воскресение» его увидевши и поклонися ему?

Тезисы тов. Зиновьева так отвечают на этот вопрос: «Мировой хозяйственный кризис обостряется. Безработица растет. Капитал переходит в наступление, стремясь понизить жизненный уровень пролетариата». Да и война неизбежна. На этой основе рабочий класс левеет. Реформистские иллюзии изживаются. Широкие круги рабочих только теперь начинают ценить мужество коммунистического авангарда... А потому... Потому надо выстраиваться в единый фронт с Шейдеманом.

Это поистине: начал за здоровье, а кончил за упокой.

Мы были бы несправедливы, если бы не привели и еще положений, выдвинутых в тезисах т. Зиновьева в защиту единого фронта. Тов. Зиновьев делает замечательное открытие: рабочий класс, оказывается, к единству стремится.

Ну, сами посудите, как же тут не объединиться с Шейдеманом?

Всякий сознательный рабочий, которому не чужды интересы его класса и мировой революции, может спросить: да разве теперь только, в момент обоснования необходимости «единого фронта», рабочий класс стремится к единству? Все, кто жили в гуще рабочего класса в момент выступления его как класса на арену политической борьбы в России, разве не знают тех недоумений, возникающих у рабочего: зачем спорят меньшевики, трудовики, большевики, эсеры? Все они добра желают народу – и чего же они спорят? Всякий рабочий пережил и переживает эту полосу. Но что из этого следовало? Надо было организовать этот рабочий класс в самостоятельную классовую партию и вести за собой, противопоставляя себя всем другим. Преодолевая наши мелкобуржуазные

предрассудки. Это было правильным. Остается правильным по настоящее время. *Нам надо готовить рабочий класс во всех капиталистических странах*, где наступила эра *социалистической революции*, к открытой вооруженной схватке именно с *международным меньшевизмом и эсерством*, в этом случае надо учесть опыт русской революции. Надо твердо усвоить рабочему классу всего мира, что во главе контрреволюции стоят и будут стоять социалисты из 2 и 2 ½ Интернационалов. Проповедь единого фронта с социал-предателями всех мастей убеждает в том, что и соц[иал]-предатели тоже борются за социализм против буржуазии, а не наоборот. Произвести революцию в умах пролетариата может открытая смелая проповедь гражданской войны за захват политической власти рабочим классом.

Время, когда рабочий класс мог улучшать свое материальное и правовое положение путем забастовок и парламентских выступлений, безвозвратно миновало. Надо открыто об этом сказать. Борьба за ближайшие интересы – есть борьба за власть. В своей пропаганде надо выявить, что, хотя мы и призывали в различных случаях к забастовкам, но они реально улучшить положение ваше (рабочих) не могут, но вы, рабочие, еще не изжили старые реформистские иллюзии и ведете борьбу, которая истощает только и главным образом вас. Мы – партия революции, партия, желающая, чтобы рабочий класс взял власть в свои руки. Мы пойдем за вами и в забастовке, и там, где можно набить, хотя бы частично, морду буржуазии, мы это будем делать, но знайте, что это не избавит вас от гнета, рабства и нужды беспросветной, а путь к этому миру счастья – это завоевание власти вами, мозолистые руки.

Но и это еще не все. Тов. Зиновьев решил солидно обосновать тактику единого фронта: оказывается, мы понятие «эпоха социальной революции» подменили моментом, т. е. стали понимать это так, что не сегодня, так завтра произойдет социальная революция, а на поверку оказалось, что «эпоха социальной революции есть длительный революционный прогресс». И советует спуститься на землю и завоевать рабочие массы. А массы же мы завоевали, объединяясь с меньшевиками и эсерами самым различным образом с 1903 по 1917 год, и, как видим, победили, а потому, чтоб победить Эберта, Шейдемана и Ко, надо с ними... (не воевать, нет) объединиться.

Мы не будем спорить о том, что эпоха социальной революции есть длительный или не длительный процесс, а если длительный, то насколько длительный, потому что это будет похоже на спор двух монахов о том, сколько чертей усядется на булавочную головку, или на спор – с какого волоса начинается плешь, но хотим определить само понятие «эпоха социальной революции». Что это такое? Это прежде всего состояние материальных производительных сил, которые встали в противоречие с фор-

мой владения. Если ли налицо необходимые условия, материальные условия, при которых социальная революция становится неизбежной? Есть. Что еще не хватает? Не хватает субъективных, личных предпосылок – не хватает того, чтоб рабочий класс передовых капиталистических стран осознал необходимость этой революции, не когда-то в отдаленном будущем, а теперь – сегодня, завтра. А что для этого нужно делать тем передовым рабочим, авангарду, которые осознали необходимость этого? Бить в набат, сзывать на бой, используя в своей агитации за открытую гражданскую войну решительно все – и локауты, и стачки, и близость войны, и понижение жизненного уровня, – подготавливая, организуя рабочий класс для схватки в ближайший из моментов.

Говорят, что российский пролетариат победил, потому что он объединился с меньшевиками и эсерами? Это – сущий вздор. Российский пролетариат победил буржуазию и помещиков прежде всего в борьбе, кровавой борьбе с меньшевиками и эсерами.

Тов. Троцкий в одной из своих речей о необходимости тактики единого фронта говорил, что мы победили – но поглядите, как мы дрались. Мы с меньшевиками и эсерами шли все время единым фронтом – потому. Что и мы, и меньшевики с эсерами сидели в одних и тех же советах.

Если тактика единого фронта состоит в том, что[бы] сидеть в одном и том же учреждении, то начальник каторги и каторжане – тоже единый фронт образуют: тот и другой сидит в тюрьме.

Наши коммунистические партии участвуют в их парламентах – значит ли это, что они выступают единым фронтом со всеми сидящими? Лучше было бы, если бы тт. Троцкий и Зиновьев порассказали тов. коммунистам всего мира, как хорошо вели себя большевики, когда они не шли в «предпарламент», созванный эсером Керенским в августе 1917 года, и не шли во временное правительство, возглавляемое социалистами – это бы их большему научило, а не сообщать сомнительные вещи об едином фронте большевиков с меньшевиками и эсерами. Мы уже говорили, что было время, когда большевики выстраивались единым фронтом с буржуазией. Но когда это было? До 1905 года. Выступали с проповедью единого фронта со всеми социалистами – но когда? До 1917 года. А в 1917 году, когда встал вопрос о борьбе за власть рабочего класса, большевики объединялись со всеми революционными элементами, начиная с левых эсеров и кончая анархистами всех сортов и мастей для борьбы, вооруженной борьбы с меньшевиками и эсерами, идущими единым фронтом с «демократией», т. е. буржуазией и помещиками. В 1917 году пролетариат России переживал начало «эпохи социальной революции», которую переживает пролетариат передовых капиталистических стран. И там необходимо применить победоносную тактику русского пролетариата 1917 года, учтя уроки последующих лет – отчаянное сопротивление, которое оказала

буржуазия совместно с эсерами и меньшевиками рабочему классу России, взявшему власть в свои руки. Эта тактика объединит рабочий класс передовых капиталистических стран, потому что «изживание реформаторских иллюзий налицо», и принесет ему победу не единый фронт со 2 и 2 ½ Интернационалами, а война с ними. Вот лозунг, при котором будет происходить социальная революция во всем мире.

[VIII]. Единый фронт в России равен пролетарской демократии

Совершенно особый подход к вопросам тактики должен быть во всех странах, где уже социалистический переворот совершился, где уже пролетариат является правящим классом. Но здесь опять-таки приходится отметить, что нельзя наметить одной и той же тактики для всех ступеней революционного процесса в каждой данной стране, как нельзя наметить и одной тактической линии для всех стран, произведших социальный переворот, для одной и той же стадии революционного процесса.

Если мы вспомним нашу собственную историю (чтобы не ходить далеко), историю нашей собственной борьбы, то мы увидим, как различны способы, которые применялись нами в борьбе с нашими врагами.

Вот 1906 и последующие года, «три кита»: 8-мичасовой рабочий день, конфискация земель и демократическая республика.

Эти «три кита» включили в себе свободу слова и печати, собраний, стачек и союзов, и т. д., и т. д.

Вот февраль 1917 г.? «Долой самодержавие, да здравствует Учредительное Собрание!» Это кричат большевики.

Но вот апрель-май 1917 г. – начинается крутой перелом: есть и свобода собраний, печати и слова, но не конфискована земля и у власти не рабочие; выплывает лозунг «Власть Советам»

Всякая попытка буржуазии в это время заткнуть нам рот вызывала отчаянный отпор: «Да здравствует свобода слова, печати, собраний, стачек, союзов, совести!» Захватывай землю! Контроль над производством! Мира! Хлеба! И свободы! Да здравствует гражданская война!

Но вот Октябрь победоносный. Власть у рабочего класса. Старая государственная машина угнетения разрушается до основания, создается новая, машина освобождения в лице советов Р[абочих.] С[олдатских] и т. д. депутатов.

Мог ли пролетариат в это время также провозглашать лозунг свободы слова, собраний, печати, коалиций. Всем господам от монархистов до меньшевиков и эсеров позволить проповедовать гражданскую войну? Больше того, мог ли пролетариат как державный класс дать отдельным своим сынам, пролетариям, свободу слова и печати для проповеди этой же гражданской войны? Нет и нет.

Всякая проповедь гражданской войны против пролетарской власти, только что организовавшейся, было бы контрреволюционным делом, защитой эксплуататоров, поработителей. И чем «социалистичнее» были эти проповедники, тем больше время могли принести они. А потому самая суровая, «беспощадная расправа даже и с проповедниками из пролетарской семьи».

Но вот пролетариат подавил сопротивление эксплуататоров, организовался как единственная власть стран[ы], сконструировался как национальная власть, стал властью фактически признанной, даже всеми капиталистическими правительствами. Перед ними стала новая задача – организовать хозяйство страны, создать как можно больше материальных благ, и эта задача так же исключительна и велика, как и завоевание власти и подавление сопротивления поработителей. Больше того, завоевание власти и подавление сопротивления эксплуататоров не было самоцелью – лишь средством для достижения социализма, для достижения большего материального благополучия и своды, чем это было при капитализме, при господстве и угнетении одного класса другим.

Для решения этой задачи так форма организации и способы работ, которые применялись для подавления угнетателей, не годятся, здесь нужны новые подходы.

При наших скудных средствах, при всех страшных разорениях, которым подвергалась страна в течение империалистической и гражданской войн, задача создания ценностей, чтоб действительно показать рабочему классу и примыкающим к нему группам населения привлекательность этого мира, мира, создаваемого пролетариатом, мира социалистического, показать, что он хорош не только потому, что там нет буржуев, жандармов и прочих прелестей, но что там сытнее, вольнее, и что пролетариат чувствует себя хозяином, уверенным в том, что все ценности, все богатства, каждый удар молотка идет на улучшение быта прежде всего и раньше всего обездолженных, угнетенных, униженных при капитализме и что это не царство, где умеют хорошо голодать, а царство, в котором этих богатств создается больше, чем когда-либо. Разрешить эту задачу предстоит в настоящий момент российскому пролетариату, задачу грандиознее всех предшествующих.

Да, грандиознее, ибо разрешить только две первые задачи, завоевать власть и подавить сопротивление угнетателей, это при наличии жгучей ненависти у пролетариата и крестьянства к помещикам и буржуям все-таки не так велики, при всем величии своем, как велика третья – цель. Каждый рабочий особенно теперь может спросить, для чего это было? Стоило ли огород городить? Стоило ли кровь проливать? Стоило ли переносить муки неизбежные, страдания бесконечные? Кто разрешит этукую

задачу? Кто будет кузнецом нашего счастья? Какой организации это будет под силу?

Никто не даст нам избавленья,
Ни Бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Для решения этой задачи нужна организация, кующая волю *всего* пролетариата. Нужды Советы Рабочих Депутатов как производственные организации на всех предприятиях, отвоєванных у буржуазии (национализированных предприятиях), которые опять должны будут подчинять своему влиянию огромные слои попутчиков.

Но что такое теперь наши Советы? Разве хоть чуточку они похожи на Советы Рабочих Депутатов, «основные ячейки государственной власти на фабриках и заводах»? Разве они похожи на советы, которые ковали волю пролетариата к победе? Нет у них сути советской – производственной основы.

Длительная гражданская война, сосредоточившая внимание всего пролетариата на задачах сокрушения, сопротивления угнетателям, отодвинула, заслонила все остальные задачи и совершенно незаметно для самого пролетариата преобразовала его организацию – Советы. Советы Рабочих депутатов на заводах умерли. Да здравствуют Советы Рабочих Депутатов!

А разве не так же дело обстоит с пролетарской демократией вообще? Неужели так же, как и в период ожесточенной гражданской войны, в период восстания рабовладельцев, мы должны отнестись к свободе слова и печати для пролетариата? Разве пролетариат, взявший власть, умевший отстоять ее от тысячи сильнейших врагов, перестраиваясь теперь для преодоления колоссальных трудностей на почве производства, заправляя этим производством и всей страной, – разве не может позволить себе мыслить вслух?

Пусть буржуи молчат, но право на свободное слово пролетария, отстоявшего своей кровью власть свою, кто посмеет оспаривать?!

Что для нас свобода слова и печати – бог, фетиш?

Мы не творим себе кумира

Ни на земле, ни на небесах

И не падем пред ним во прах!

Для нас чистой демократии, абсолютных свобод, даже пролетарской демократии в качестве фетиша, идола – не существует.

Как никогда никакая демократия не была и не будет фетишем и для контрреволюции, буржуазии, помещиков, попов, эсеров, меньшевиков всех стран и народов. Для тех и других это является средством для достижения своих классовых целей.

До 1917 года свобода слова и печати для *всех* граждан была нашим программным требованием. В 1917 году мы добились этих свобод и воспользовались ими для агитации, пропаганды и организации пролетариата и попутчиков его, интеллигентов и крестьянства. После того, как мы, пролетарии, сорганизовали силу, способную победить буржуазию, мы двинулись в бой и захватили власть в свои руки. Чтобы не дать воспользоваться словом и печатью буржуазии для организации гражданской войны против нас, мы признали, что свобода слова и печати не только для всех граждан, но и для некоторой части пролетариата и попутчиков не может быть признана до тех пор, пока в России не сломлено сопротивление буржуазии.

Но вот мы, поддержанные большинством трудящегося населения, расправились с сопротивляющейся буржуазией, можем ли мы теперь позволить себе, пролетариям, разговаривать?

Свобода слова и печати до 1917 г. – это одно, свобода слова и печати в 1917 г. – другое, в 1918-1920 гг. – это третье, и свобода слова и печати в 1921-1922 гг. – это четвертое отношение нашей партии в этом вопросе.

Но не будут ли эти свободы использованы врагами советской власти для свержения ее?

Может быть, для Германии, Франции, Англии и т. д., если бы они находились на этой стадии революционного процесса, – это было бы полезно и необходимо, потому что там многочисленный рабочий класс и нет такой громадины крестьянства. А у нас и тот немногочисленный пролетариат, который сохранился в результате войн и разрушения хозяйства, измучился, исголодался, изголодался, он изранен, устал, нервен, долго ли такого измученного, истрадавшего толкнуть на гибельный путь, на путь свержения советской власти? Кроме пролетариата, у нас имеется солидная часть крестьянства, которое тоже не в радостях и веселье живет, а тоже мучается и страдает – не будет ли использовано это слово для организации крестьянства в контрреволюционную силу? Нет, вот когда мы подкормим рабочего, кое-что дадим крестьянству, тогда посмотрим, а теперь и думать нечего. Таковы, примерно, рассуждения благомыслящих коммунистов.

Ну а как же вы, позвольте вас спросить, хотите решать грандиозные задачи по организации социалистического хозяйства, которые стоят перед вами без пролетариата? Или с пролетариатом, но таким, который молчаливо кивал бы головой, когда захочет его добрая няня? Вам это нужно?

Рассуждать так: ты, рабочий и крестьянин, сиди смиренно, не бунтуй, не восставай и не умствуй лукаво, потому что у нас есть хорошие ребята, такие же рабочие и крестьяне, которых мы посадили к власти, так они этой властью так распоряжаются, что ты даже не заметишь, как в социалистическом раю окажешься. Рассуждать так – это верить в героев, кри-

тически мыслящих личностей, ярко окрашенных, многосочных, многогранных индивидуальностей и не верить в классы; потому что эта масса серого цвета с серединными идеалами, которая, самое большее, представляет из себя материал, из которого наши герои – коммунистические чиновники – будут лепить коммунистический рай.

Мы не верим в героев и завеем всех пролетариев не верить в них.

Освобождение рабочих есть дело самих рабочих.

Да, мы, пролетарии, измучились, да, мы изголодались, да, исхолодались. Да, мы устали, но те задачи, которые стоят перед нами, ни один из классов, ни одна из групп населения за нас не решит, и решить надо нам же. Если вы докажете, что задачи, стоящие перед нами, рабочими, сумеет решить интеллигенция, ну хотя бы и коммунистическая, то мы согласны верить ей свою пролетарскую судьбу, но никто этого доказать не сумеет, а потому довод, что пролетариат устал и потому ему не надо всего знать и решать, никуда не годится.

Если у нас иная обстановка, чем в 1918-1920 гг., иное отношение должно быть и к этому вопросу.

Когда, товарищи благомыслящие коммунисты, вы хотите бить морду буржуазии, это хорошо, но беда-то наша в том, что вы замахиваетесь на буржуазию, а у нас, пролетариев, ребра ломаются и кровь из зубов.

У нас коммунистического рабочего класса нет. Есть просто рабочий класс, среди которого есть и большевики, и анархисты, и эсеры, и меньшевики (все это не обязательно партийные, а лишь по складу мыслей своих). Какое отношение к нему? Никаких рассуждений с кадетами буржуа, профессорами, адвокатами и докторами, здесь одно лекарство – мордобитие; другое дело с рабочим классом. Надо его не в страхе держать, а идейно влиять на него и вести за собой, а потому не принуждение, а убеждение – вот линия, вот закон.

Закон-то закон, но не для всех. На последней партийной конференции при обсуждении вопроса о борьбе с буржуазной идеологией было насчитано до 180 буржуазных издевательств (в Москве и Петрограде), с которыми конференция, по заверению докладчика т. Зиновьева, собиралась бороться на 9/10 не путем репрессий, а путем, очевидно, идейного воздействия. А на нас как воздействуют? Тов. Зиновьев знает, как на некоторых из нас воздействовали. Хоть бы десятую часть свободы для буржуазии отвели и нам, грешным.

Товарищи, рабочие, ведь не мешало бы, а?... Стало быть, с 1906 до 1917 гг. тактика одна. В 1917 г. до октября – другая. С октября по конец 1920 г. – третья и с начала 1921 г. – четвертая. Единый фронт в России равен пролетарской демократии настоящего момента.

VIII. «Национальный вопрос»

Проведение тактики единого фронта в СССР особенно осложнялось той национальной и культурной пестротой народов, которые объединяет этот союз.

Губительное действие политики господствующей группы в РКП(б) сказались особенно остро и здесь, в национальном вопросе. Бесконечные ссылки («плановые переброски») за всякое несогласие, а также навязывание, назначение зачастую прямо самодурного назначения [sic] (абсолютно непопулярных, не внушающих никакого доверия в данной местности товарищей) в республики, находившиеся долгие десятки и сотни лет под безудержным национальным гнетом Романовых, представлявших в своем лице Великороссию как господствующую нацию, – такие назначения только пробуждают с новой силой шовинистические тенденции в широких трудящихся массах и так или иначе просачиваются в местную национальную организацию коммунистической партии. Социалистический переворот в этих советских республиках, несомненно, произведен своими, местными силами, силами местного пролетариата при активной поддержке крестьянства. И если та или иная коммунистическая партия другой нации оказывала необходимую, важную и нужную поддержку, то она оставалась только поддержкой местной организации пролетариата и крестьянства в борьбе с местной же буржуазией и ее прихлебателями. Но партийная практика господствующей в РКП(б) группы после проведения этой революции, основанная главным образом, на недоверии к местным силам, игнорируя местный опыт, непрестанно навязывает национальным коммунистическим партиям нянек, зачастую другой национальности, что порождало шовинистические тенденции, больше [того] – создало в широких трудящихся массах впечатление оккупации этой страны.

Проведение принципов пролетарской демократии в строении местных организаций, как партийных, так и государственных, уничтожит корни недоверия рабочего класса и крестьянства одной нации к пролетариату и крестьянству другой.

Проведение же этого «единого фронта» в республиках, произведших социалистический переворот, проведение пролетарской демократии – это значит организация национальных коммунистических партий, которые входят на равных правах с РКП(б) в Коммунистический Интернационал, образуя особую секцию.

Но так как у всех социалистических республик имеются общие задачи и так как во всех них руководящую роль играет коммунистическая партия, то для обсуждения и решения этих общих вопросов для трудящихся всех национальностей, входящих в состав Союза Советских Социалистических Республик, периодически созываются партийные общесоюзные съезды, которые для постоянной работы избирают Исполнительный Ко-

митет Коммунистических партий Союза Советских Социалистических Республик.

Такое строение организаций, во-первых, оздоровит местные коммунистические партии всех наций Союза ССР и, несомненно, в корне уничтожит возможность какого-либо недоверия между пролетариатом различных наций, а кроме того, имеет крупнейшее агитационное значение для всего коммунистического движения всех стран.

IX. Новая экономическая политика

Новая экономическая политика обусловлена состоянием производительных сил нашей страны.

И в самом деле, допустим, что наша страна покрыта густым летом фабричных труб, что земля обрабатывается не сохой, а трактором, что снимается хлеб не серпом и косой, а жнейкой и косилкой, молотится не цепом, а молотилкой, веется не лопатой, когда господь-бог ветру пошел, а веялкой, да еще все эти машины приводит в движение тот же трактор, то скажите, пожалуйста, понадобилась бы нам новая экономическая политика? Не понадобилась бы.

А представьте себе теперь, что в Германии, во Франции и в Англии, произошла в прошлом году социальная революция, а у нас в России дубина, с сохой не отошли на покой и их не сменила царица-машина, а они (и дубина, и соха) так же властно царствовали бы. Как властвуют и теперь (а особенно, когда осталась соха, а впрячь в нее некого и самому приходится впрягаться в корень, детишек в пристежки, а жену за сохой пускать), нужна была бы новая экономическая политика? Нужна.

А для чего? Все для того же, чтобы укрепить индивидуальное крестьянское сошное хозяйство и через это пойти от сохи к трактору, для того, чтобы изменить материальную основу мелкобуржуазного хозяйства деревни для расширения экономической базы социалистической революции.

Та работа, которую проделал капитализм гад мелким производством и собственностью, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности в передовых капиталистических странах (Англии, Америке, Германии и т. д.), у нас в России надо проделать власти пролетариата.

Но как может проделываться эта работа? Путем издания декрета, окрикнувшего: эй, вы, мелкие буржуи, сгиньте! Сколько бы таких декретов, кричащих сурово на мелкобуржуазную стихию, не писали и не издавали, а она, мелкая буржуазия, будет жить да поживать и добра наживать. Да и что стали бы, чистейшие пролетарии, делать без них в стране, подобной России? С голоду померли бы! Но, может быть, всех их

можно было бы загнать в коммуно-коллектив? И этого нельзя. Значит, не путем законодательства будет борьба с мелкобуржуазной стихией, а путем покорения этой мелкобуржуазной стихии под непосредственную зависимость от однородного же, но машинного рационального хозяйства. Путем борьбы, свободной борьбы хозяйств, основанных на применении машин и всех новейших технических усовершенствований, с остальными, невыгодными способами производства, господствующими в мелком кустарном хозяйстве. На сохе в коммунизм не въедешь.

Не представьте себе, что в Германии или Англии произошла социалистическая революция – имела бы место там в соответствующий момент революционного процесса новая экономическая политика?

Это целиком зависит от вопроса, какое влияние, какой размер имеет мелкобуржуазное производство. Если влияние его на жизнь страны незначительно, то эти страны могут обойтись без «новой экономической политики», а, нажав посильнее на правовую педаль пролетарской диктатуры, могли бы внести новые способы работы в этих хозяйствах.

Значит, там, где мелкобуржуазное производства города, деревни оказывает значительное влияние на экономическую жизнь страны, и без этого производства промышленность города и деревни обойтись не может, новая экономическая политика будет иметь место. Величина нэп будет прямо пропорциональна этой зависимости крупной промышленности от мелкой, и продолжительность целиком будет обусловлена быстротой хода завоеваний экономических позиций буржуазии национальной социалистической промышленностью.

Наша новая экономическая политика «всерьез и надолго» не потому, что так кто-то хочет, а потому, что никто иначе не может. До тех пор, пока наша социалистическая промышленности не перестанет в значительной степени зависеть от судеб мелкобуржуазного производства и собственности, до тех пор никакого разговора об отказе от нэп не может быть.

Х. Нэп и деревня

Вопрос об изменении экономической политики, об отказе от нэп встанет в порядок дня тогда, когда мелкобуржуазное господство в сельском хозяйстве будет уничтожено.

Сила и мощь социалистической революции теперь целиком определяются борьбой, свободной борьбой машины с сохой, трактора с сохой. Если трактор отвоюет землю в России у сохи, значит, и социализм победил, но если соха выгонит трактор, то победит капитализм. Со смертью сохи умрет и новая экономическая политика.

Но пока солнце в[з]ойдет, роса может очи выесть, а чтоб наши очи, очи социалистической революции, остались целы, нужно взять правильную линию в отношении рабочего класса и крестьянства.

Наша страна крестьянская. Мы должны помнить, что крестьянин есть решающая сила, завоевать его надо. Мы не можем отдать его во власть буржуазной идеологии, потому что это и есть смерть Советской России и на долгое время паралич мировой революции. Вопросом жизни и смерти русской и международной революции является вопрос о формах организации крестьянства.

Россия вступила на путь социалистической революции при наличии 80 % мелких единоличных хозяйств. Мы увлекли крестьянина на экспроприацию экспроприаторов, на захват поместий. Но понимал он эту экспроприацию не как рабочий завода и фабрики. Фабрики и заводы поделить нельзя. Здесь бытие, определяющее сознание. Было иное, чем в деревне. Там каждый крестьянин – единоличный хозяин, желающий расширить свое хозяйство. Поместья же не обладали внутренней организацией, свойственной предприятиям городской промышленности, потому-то надо было провести «социализацию земли», хотя бы это было регрессом, упадком производительных сил, шагом назад. Экспроприровав так или иначе экспроприаторов, мы не могли думать. Что мы может изменить тотчас же и способ производства, так как производительные силы остались неизменными, и крестьянин остался единоличником. Никогда не надо забывать, что форма хозяйства целиком определяется степенью развития производительных сил, и соха наша предрасполагает к социалистическому способу производства никак не может.

Нечего и думать, что мы сможем своей коммунистической пропагандой пронять частного собственника, и он бросится бегом в коммуну или коллектив.

Трехлетняя борьба между пролетариатом и буржуазией была борьбой за обладание крестьянством. В ней побеждал тот, кто сильнее в крестьянстве. Мы победили, потому что сильнее, потому что влияние наше больше. Это влияние надо укрепить, усилить, но надо сразу отдать себе отчет в одном: что оно будет расти не пропорционально количеству и качеству речей наших златоустов, а пропорционально росту производительных сил, пропорционально победе веялки над лопатой, автокосилки над косой, жнейки над серпом, трактора над сохой. Пропорционально победе обобществленного хозяйства над мелкобуржуазным производством и собственностью.

Кто доказал, что крестьянин противник применения косилок, молотилок, жнец, сноповязалок и трактора? Никто.

Значит, никто не может доказать, что крестьянин не придет к обществленным формам хозяйства, но придет он к ним, не запрягшись сам в соху, а въедет на тракторе.

Г.В. Плеханов говорит, что одно из диких племен Африки очень предосудительно относилось к европейцам и все, что делали и как делали европейцы, считали мерзостью. Великим грехом почиталось перенимать нравы, обычаи и способы работы европейцев. Но те же дикари, употребляя топоры из камней и увидев у европейцев стальные, вскоре, с заклинаниями, правда, и, кажется, тайно друг от друга, но постепенно все стали употреблять топоры стальные.

Конечно, мерзостью для крестьянина является все, что делают коммунисты и от чего отдает запахом коммуны, но надо также заставить их заменить соху автоплугом и трактором, как дикари каменный топор заменили стальным. Это сделать куда легче, чем европейцам с дикарями.

Стало быть, чтобы закрепить влияние пролетариата в крестьянстве, надо не так часто напоминать ему, что пролетариат дал ему землю, потому что он может сказать: «Спасибо, милоч, а теперь ты зачем пришел? Продналог собирать? Изволь и продналог, но не говори, пожалуйста, что вчера ты был очень хорош, скажи-ка, что хорошего собираешься сделать сегодня. Неужели все за продналогом с речами, что ты хорош был вчера? Вались-ка ты, дружок, откуда пришел».

Все контрреволюционные партии, от меньшевиков до эсеров и монархистов включительно, основывают свои псевдонаучные теории на неизбежном пришествии буржуазного рая на том, что в России капитализм еще не изжил сам себя, что у него здесь были великие возможности развития и процветания, постепенного завоевания всего сельского хозяйства, вводя там фабричные методы работы, а потому, если большевики совершили переворот, захватили власть в свои руки для введения социализма при незрелых материальных условиях, то они должны будут или сами превратиться в самую настоящую буржуазную демократию, или же разившиеся внутри силы взорвут политическую оболочку, скинут сопротивляющихся экономическим законам коммунистов, поставив на их место Мартова, Чернова, Милюкова – коалицию, режим которых даст простор развитию производительных сил страны.

Конечно, всякий знает, что Россия наиболее отсталая экономически страна, чем Англия, Америка, Германия, Франция и т. д. Но каждый должен понять, что если в этой стране у пролетариата хватило сил захватить власть, экспроприировать экспроприаторов, подавить сопротивление, бешеное сопротивление поработителей, поддержанное буржуазией всего мира, то у этого пролетариата хватит сил на то, чтобы анархически идущий процесс механизации сельского хозяйства при капитализме заметить сознательно планомерным введением этой механизации через по-

средство промышленности и власти, находящейся в руках пролетариата, вовлекая в это и сознательное стремление крестьянства к облегчению труда.

Кто говорит, что это легко и скоро можно сделать? Никто. Особенно после того колоссальнейшего разрушения, которое произвели эсеры, меньшевики вкупе с буржуазией и помещиками, начав гражданскую войну. Это сделать трудно, но это будет сделано даже в том случае, если меньшевики и эсеры в обнимку с кадетами и монархистами будут скакать и прыгать, взывая о втором пришествии царства буржуазии.

Нам необходимо поставить этот вопрос в практическую плоскость.

Недавно появилось письмо т. Ленина с благодарностью тов. американцам, американским эмигрантам за их техническую помощь, которую оказывают они в виде организации образцовых совхозов и коммун, применяя в обработке полей и уборке хлеба американские тракторы. Так, недавно появился отчет в «Правде» о работе такой коммуны в Перми.

Нас, конечно, радует, как и всякого коммуниста, что пролетарии Америки спешат на помощь, и именно в самом необходимом месте. Но наше внимание невольно задерживалось на том месте отчета, где говорится о том, что тракторы стояли долгое время, потому что, первое: бензин оказался нечистым; второе: что его далеко нужно было возить, были задержки; в-третьих: что местные шоферы долго не могли приспособиться к управлению трактором; и четвертое: что дороги для передвижения тракторов не годятся – особенно, мосты.

Если дело механизации сельского хозяйства определяет судьбу нашей революции и уж никак не безразлично для пролетариата всего мира, то его надо ставить на более твердое основание. Отнюдь не отвергая и не умаляя значение этой великой помощи, которую оказывают нам товарищи из-за океана, мы все же должны подумать над результатами, какие даст нам эта помощь.

Нам необходимо, прежде всего, обратить внимание на то, что привозимые тракторы на наших заводах не производятся, да, может быть, не нужно, но если эта помощь будет велика, то наше земледелие будет срашиваться с промышленностью Америки.

Теперь же надо поставить вопрос о том, какой трактор, какой двигатель применимы к русским условиям. 1) Нам необходимо, чтобы он работал на нефти, а не только капризничал от плохого качества бензина; 2) нам необходимо, чтобы он был простой, и не только обученные шофера не могли долго научиться управлять трактором, но чтобы таких шоферов, которые могли бы управлять трактором, можно было бы как блины печь; 3) необходимо выработать тип силы: 100, 80, 60, 40, 30, 25, в зависимости от того, что мы будем пахать: целину или уже паханную землю; 4) необходимо чтобы это был универсальный двигатель для пахоты, молотьбы,

косьбы, возки хлеба, обмолотки; 5) необходимо, чтобы он производился на русских заводах, а не бежать за тридевять земель в тридевятое царство за океан-море за каждой деталью; иначе получится не смычка нашей промышленности с деревней, а смычка заморских купцов с ней; 6) необходимо рассчитывать на местное топливо.

Наша страна после ужасов, пережитых в войнах, а затем голода, открывает такую широкую и скорую победу машине в сельском хозяйстве, как ни в одной стране мира. Даже сохи, которая является господствующим орудием труда в сельском хозяйстве, за это время не у каждого хозяина имеются, и если имеются, то впрямь-то в нее некого. Только одним прокатом наши машины могли бы так много сделать, что трудно учесть.

Наши техники считают вредом для нашего хозяйства слепую копирку Америки, они же считают, что производство нужных нашему сельскому хозяйству двигателей в массовом масштабе, несмотря ни на что, возможно при наших технических средствах. А если принять во внимание плач и рыдания нашей металлопромышленности от того, что нет у них заказов, что заводы работают не полной нагрузкой, а потому убыточно, и кричать по всякому поводу, к случаю и не к случаю: дайте заказы, эта задача облегчается.

Массовое производство простой конструкции универсальной сельскохозяйственной машины, которую могут обслуживать наскоро состряпанные механики и которые не будут капризничать от не совсем хорошего бензина, а поработает на нефти, – массовое производство таких двигателей должно быть рассчитано на распространение свое в тех районах России, куда хорошо и легко, как по воде, так и по железной дороге, доставить нефть. Необъятное пространство Сибири, таким образом, составляет специальную задачу нашей промышленности. Нефтяной двигатель можно рассчитывать на распространение [на] юге России, Украине, Средней России, на все Поволжье и Прикамье, в Сибири же он не пойдет потому, что доставка нефти будет туда дорога. Но в Сибири есть свои виды топлива, особенно древесное, а потому паровые двигатели там могут завоевать себе довольно солидное место. Но если бы нам удалось хорошо разрешить вопрос о перегонке дерева, о добыче древесного спирта в Сибири, то там мог [бы] заработать на нем такого же типа двигатель. Что будет выгоднее: паровой или двигатель, работающий на древесном спирте, пусть решают техники и практики.

В «Правде» от 10 ноября появилась заметка под заголовком *«Грандиозное начинание»*, в которой говорится об организации на Урале *«Международного акционерного общества рабочей помощи воссоздания уральского сельского хозяйства и промышленности»*. В это общество вошли очень крупные государственные тресты и «Межрбпомгол». Оно располагает и теперь уже капиталом в 2000000 золотых рублей. Это общество

вступило уже в деловые сношения с тракторной фирмой «Кейса» на предмет закупки большой партии тракторов, и, как видно, это считается очень выгодным, потому что фирма «Кейса» дает кредит.

Идея воссоздания сельского хозяйства и промышленности Урала, да и всей России, хороша, и тут двух мнений не может быть, но сам подход к решению, может быть, и не верен.

Привлечение иностранного капитала нам необходимо, но в какой области? Нам хочется у всех спросить: если «Межрабпомгол» может нам помочь снести с фирмой «Кейс», то почему бы он не мог помочь снести с какой-нибудь другой фирмой для того, чтобы поставить производство нужных нам сельскохозяйственных машин здесь, у нас в России? Не лучше ли было бы, чтобы эти два миллиона рублей, которые имеются у общества, употребить на производство этих двигателей у нас дома? Испробованы ли все возможности? Обязательно ли нужно наше золото везти фирме «Кейс»? Обязательно ли срывать «Кейса» с нашей деревней?

В одной из технических книжек мы читали, как германские фирмы, желая подчинить своему экономическому влиянию некоторые сельскохозяйственные районы завоеванных местностей, приезжали со своими тракторами и даром вспахивали землю, потом за бесценок уступали их землеробам, а потом, само собой понятно, фирмы стали брать нужную им цену, и трактора пошли. Это было бескровное завоевание.

Готовность фирмы «Кейс» пойти нам навстречу и дать нам кредит, нам кажется, того же характера, и к нему надо отнестись достаточно серьезно.

Сомнительно, конечно, что фирма «Кейс» доставит нам и вполне пригодные к русским условиям трактора, но успех даже таких тракторов (мало пригодных к нашим условиям) при настоящих отчаянных условиях сельского хозяйства, несомненно, обеспечен, потому что у нас теперь такое положение – что ни дай, все сойдет. Но если возможно производство нужных нам двигателей, подходящих к русским условиям во всех отношениях, то почему нам обязательно «Кейс» нужен? А ведь, насколько нам известно, до сих пор не доказано, что мы не можем своими средствами поставить производство нужных машин.

Если идеи и расчеты петроградских инженеров и впрямь верны, то дай это «Общество» золота в два миллиона рублей на производство их, и дело поднятия уральского хозяйства стояло бы на более прочном фундаменте, чем от помощи фирмы «Кейс».

Во всяком случае, этот вопрос обсудить надо серьезно, он имеет не только экономическое, но и политическое значение, и не только для Советской России, но и для всей мировой революции. И с бацу его нельзя решать. Надо копнуть и нас самих, авось да и мы за это золото кой-что сделаем. Надо подумать и обсудить: если знающие люди и авторитетные

органы решат, что и пробовать нечего, а лучше сразу за океан махнуть, ну что ж, так тому и быть. Боимся, что мы окажемся крепки задним умом – снесем золото дядюшке «Кейс», а потом и покаемся, до покрепче, во всеуслышание, восхваляя себя за то, что не боимся говорить о своих ошибках.

Вот если механизация сельского хозяйства пойдет внутренним путем, путем производства необходимых машин нашей промышленностью, а не путем закупки у добрых «Кейс» за морем-океаном, здесь-то и будет создаваться неразрывная связь города и деревни на почве роста производительных сил и там, и тут, здесь-то и будет расти и крепнуть идейное сближение города с деревней, тогда-то и нужно будет организационное закрепление его путем организации «особого типа профессиональных союзов» (программа РКП). Это-то и суть неперемennые условия мирного изживания капиталистических отношений, это-то и явится расширением базы социалистической революции при помощи новой экономической политики.²

Наша социалистическая революция несет гибель мелкобуржуазному производству и собственности, но не путем издания декретов о социализации, муниципализации, национализации, а путем сознательного, планомерного руководства борьбой совершенных способов производства с устаревшими, невыгодными путем эволюционного внедрения социализма. В этом состоит сущность прыжка к социалистической свободе от капиталистической необходимости.

XI. Новая экономическая политика и просто политика

И что бы ни говорили «благомыслящие» люди, но политику эту под силу провести активно выступающему рабочему классу в первую голову и крестьянству – в вторую, а не коммунистическим чиновникам, как бы хороши и умны они ни были.

Новая экономическая политика, обусловленная состоянием производительных сил нашей страны, таит в себе весьма грозные опасности для социалистической революции. Помимо того, что социалистическая революция здесь держит практический экзамен хозяйствования, помимо того, что мы здесь, на практике должны доказать выгоду социалистических форм хозяйства и победить этим капитализм, помимо того, что мы призваны доказать преимущество социализма путем экономической борьбы одних форм хозяйства с другими, но нам нужно устоять на позиции социалистической революции, не превращаясь в хозяйствующих капитали-

² Само собой понятно, что в переходный период существующие формы организации крестьянства являются исторически неизбежными.

стов, держащих власть в своих руках, и сохранить влияние в рабочем классе.

Грозная опасность состоит в том, что в связи с новой экономической политикой стал быстро перерождаться быт очень большой части командующих верхушек. Если в одно время было такое положение, что члены правления какого-либо треста (предположим, сахарного) получали ставку в 200 р. золотом, имея при этом бесплатную машину, дешевую хорошую квартиру, тысячи возможностей приобрести предметы потребления дешевле рабочего, а в это время рабочий (тоже коммунист), работающий на сахарных плантациях, получая сверх госснабжения 4-5 рублей в месяц большим свалом, да из этого же платит за квартиру и свет, то разница получается значительная. Если вот такие обстоятельства будут не скоропроходящим явлением, а будут влиять в течение десятка, а то и двух лет, то бытие «того и другого определит их сознание, и они встретятся стоящими друг против друга, как борющиеся стороны. А если принять во внимание, что слой, занимающий эти командные посты, очень невелик и остается одним и тем [же] или пополняется элементами отнюдь не пролетарскими, и, хотя бывают часто пересаживания с одного стула на другой, но под влиянием этого бытия начинают смотреть на себя как на единственных держателей секрета, как на единственно способных управлять хозяйством и страной, и всякий разговор о пролетарской демократии, о Советах Рабочих Депутатов на заводах встречаются причитаниями»: «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», – рассматривают как влияние мелкобуржуазной стихии, как контрреволюцию, то угрозы завоеваниям пролетариата несомненны и именно с той стороны, откуда меньше всего ожидали. Опасность превращения пролетарской власти во власть кучки спевшихся и плотно усевшихся людей, спянных единым желанием сохранить и политическую и экономическую власть в своих руках, конечно, из самых высоких соображений – во имя интересов пролетариата и мировой революции и иных возвышенных материй, – опасность перерождения в олигархию станет налицо.

А в стране, где мелкобуржуазное производство имеет решающее влияние на жизнь ее, и когда экономическая политика обострила, усилила индивидуалистические настроения хозяйчика до максимума, – в этой стране необходим планомерно организованный нажим на самую основу мелкобуржуазной стихии. А кто это сделает? Неужели все те же чиновники – эти спасители страждущего человечества? Да будь они хоть семи пядей во лбу, пусть хоть все будут, как Ленин, им этого не сделать. Это сделать под силу рабочему классу, руководимому партией, живущей его жизнью, страдающей его страданиями, болеющей его болезнями, не боящейся активного участия в жизни страны пролетариата.

Нельзя, вредно, контрреволюционно говорить пролетариату сказки, убаюкивающие его сознание. А что нам говорят? Сиди мирно, выходи на демонстрации по приглашению, пой «Интернационал», когда нужно, а остальное без тебя сделается хорошими ребятами, почти такими же рабочими, как и ты, но умнее тебя, и уж насчет коммунизма они собаку съели, так что ты успокойся – и скоро въедешь в царство социалистическое. Это чистейшая эсеровщина. Это их многосочные, многогранные, ярко окрашенные индивидуальности из всех классов общества (а сейчас на то похоже) творят из этой массы серого цвета (класса) совершенное, высокое царство, где нет ни болезней, ни печалей, ни вздыханий, но жизнь бесконечная. Это целиком из эсеровских «святых отцов».

Надо сменить практику, надо практику, опирающуюся на самостоятельность рабочего класса, а не на боязнь его со стороны партии.

Если в 1917 году надо было широкую демократию, а в 1918, 1919, 1920 гг. надо было свернуть все руководящие аппараты, заменяя их всюду единоличием, назначенством, приказами, то в 1922 году, когда перед нами стоят задачи, отличные от всех других периодов, надо, очевидно, и другие формы организации и методы работы. Надо организовать советы рабочих депутатов на фабриках и заводах (национальных), как основные ячейки государственной власти, управляющие ими, надо провести в жизнь пункт программы РКП, где говорится: «Советское государство сближает государственный аппарат с массами так же и тем, что основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)» (см. Программу РКП, отдел политический, п. 5). Вот эту основную ячейку государственной власти на фабриках и заводах и надо восстановить в лице Советов Рабочих Депутатов, которые заменят наших высокоумных товарищей, управляющих хозяйством и страной.

Ведь есть умные и догадливые читатели, которые сейчас же предъявят обвинение по 102 ст. Уголовного Уложения и зачислят нас по штату крамолы, потрясающую священные основы пролетарской власти. С такими читателями ничего поделывать нельзя.

Но есть и другие, которые скажут: «Укажите-ка нам одному страну, где бы рабочие пользовались такими правами и свободами, как в России? Задав такой вопрос, они почтут себя достойными награждения орденом Красного Знамени за сокрушение крамолы, причем легкое и бескровное. Вот с этими кое-что можно сделать. А укажите-ка вы, милые друзья, на страну, где бы власть признавалась властью рабочего класса? Такой страны нет – значит, и вопрос нелеп. Дело не в том, чтобы быть либеральнее, демократичнее империалистической державы (в этом небольшая заслуга), а в том, чтобы решить в этой единственной во всем мире стране, совершившей октябрьский переворот, задачи, стоящие перед ней, и решить так,

чтобы нэп не превратилась в «НЭП» (новую эксплуатацию пролетариата), чтобы этот пролетариат через десяток лет не оказался у разбитого корыта, не вынужден был вновь и вновь начинать борьбу, да, может быть, кровавую, за свержение олигархии и чтоб в этой стране создать достаточные гарантии сохранения основных завоеваний пролетариата. А эти гарантии могут быть созданы путем вовлечения самого пролетариата к решению этих задач, путем проведения рабочей демократии, путем проведения в жизнь одного из основных пунктов программы РКП, который мы приведем полностью: «Буржуазная демократия ограничилась формальным расширением политических прав и свобод», как то: права собраний, союзов, печати одинаково на всех граждан, но в действительности как административная практика, так и, главным образом, экономическое рабство трудящихся всегда ставит последних при буржуазной демократии в невозможность сколько-нибудь широко пользоваться этими правами и свободами.

Напротив, пролетарская демократия на место формального провозглашения ставит их фактическое предоставление прежде всего именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т. е. пролетариату и крестьянству. Для этого Советская власть экспроприирует у буржуазии помещения, типографии, склады, бумаги и т. п., предоставляя их в полное распоряжение трудящихся и их организаций.

Задача РКП(б) состоит в том, чтобы вовлекать все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими права и свободами, расширяя материальную возможность этого (см. Программу РКП, п. 3, отдел политический).

Нелепо и контрреволюционно было бы выступать с требованием проведения этих пунктов программы в жизнь в 1918, 1918 и 1920 гг., еще большей нелепостью и контрреволюцией является выступление против проведения этих пунктов программы в жизнь в 1922 г.

За что бы мы ни взялись: хотим ли укрепить международное положение Советской России, восстановит нашу промышленность, хотим ли расширить материальную базу социалистической революции путем механизации сельского хозяйства, хотим ли бороться с грозными опасностями новой экономической политики – все упирается а рабочий класс, он и только он может это сделать. Чем слабее силы ег7о, тем крепче должен быть он организован.

Не могут же решить эти грандиозные задачи хорошие ребята, заседающие в чиновных апартаментах?!

К нашему великому сожалению, большинство руководителей в РКП думает не совсем так, даже совсем не так. На все разговоры о рабочей демократии т. Ленин в своей речи на IX Всероссийском съезде советов так отвечал, возражая кому-то из профсоюзников: «Любому профсоюзу, ко-

торый в общих чертах ставит вопрос о том, что профсоюзы должны участвовать в производстве, я скажу: да перестаньте болтать. А вы мне ответьте на вопрос практически и скажите, если вы на ответственном посту, как авторитетный работник коммунистической партии, профсоюза, где вы поставили хорошо производство, сколько лет вы его ставили, сколько вам человек подчинено: тысяча или десять тысяч? Дайте список тех, кого вы ставили на хозяйственную работу, которую вы довели до конца, а не то, чтобы за двадцать дел браться, а потом по недосугу ни одного не выполнить, что у вас в советских нравах бывает, а так, чтоб довести до конца, чтобы в течение нескольких лет сослаться на успех, чтобы не бояться учиться у такого купца, который 100% возьмёт, да и ещё себе заберет. А вы напишите прекрасные резолюции о сырье и скажите, что мы – представители коммунистической партии профсоюза пролетариата. Извините, пожалуйста, что называется пролетариатом? Это класс, занятый работой в крупной промышленности, а крупная промышленность где? Какой это пролетариат, где наша промышленность, почему она стоит, потому что нет сырья? А вы сумели его достать? Нет, написали резолюцию, чтобы его собирали, и сядете в лужу. И, стало быть, вы похожи на гуся, предки которого спасли Рим!» И которого, по морали этой басни, договорим мы за тов. Ленина, нужно предлинной хворостиной гнать на базар продавать.

Допустим, что точка зрения бывшей рабочей оппозиции по вопросу о роли и задачах профсоюзов неправильна. Она не точка зрения рабочего класса, стоящего у власти, а точка зрения профессионального ведомства. Для этих товарищей важно оттягать у советских чиновников управление хозяйством, а не вовлечь рабочий класс и управление им путем проведения пролетарской демократии и организации Советов Рабочих Депутатов на предприятиях, как основных ячеек государственной власти, путем пролетаризации, орабочение этих бюрократических гнезд. В этом они неправы.

Но, что бы там ни было, как бы они ни ошибались, но говорить о пролетарской демократии, об участии пролетариата в управлении хозяйством так, как это делает т. Ленин, – нельзя.

Самое важное открытие, сделанное т. Лениным, – это то, что у нас нет пролетариата. Мы можем только поздравить с этим т. Ленина. Вы – стало быть, вождь несуществующего пролетариата? Вы вождь коммунистической партии, но не пролетариата?

В противоположность т. Ленину его коллега по ЦК и по Политбюро т. Каменев держится совсем иного мнения. Он везде видит пролетариат. Он говорит: «1. Итоги октябрьского завоевания заключаются в том, что организованный рабочий класс, как целое, располагает величайшими богатствами всей национальной промышленности, транспортом, лесами, шах-

тами и рудниками, не говоря уже о политической власти. 2. Социализированная промышленность есть основное достояние пролетариата», и т. д., и т. д. Примеров и выдержек при желании можно увеличить. Тов. Каменев во всех чиновниках, назначенных из Москвы бюрократическим порядком, видит пролетариат. Да он и себя больше, чем любого рабочего, считает пролетарием. Он говорит не «он, пролетариат», а «мы, пролетариат». Такого пролетариата, как тов. Каменев, очень много участвует в управлении хозяйством, потому-то им, пролетариям, и кажутся странными разговоры о пролетарской демократии, об участии пролетариата в управлении хозяйством: «Позвольте, что вы болтаете? А мы чем не пролетариат? Пролетариат организованный как единое целое, как класс?»

Тов. Ленин болтовней считает всякие разговоры об участии пролетариата в управлении хозяйством, потому что пролетариата нет. А т. Каменев – потому что пролетариат «как единое целое, как класс» управляет и страной, и хозяйством, потому что всех бюрократов зачисляет в пролетариат.

Они сговорятся, конечно. Они это умеют делать. Они не то, что мы, тем более, что тов. Каменев со времени октябрьской революции дал обет не вставать в оппозицию т. Ленину, не перечить ему, а сойдутся они на том, что пролетариат есть, конечно, и не только каменевский, но культурный уровень, материальное положение его, политическая безграмотность его властно повелевают: «Предлинной хворостиной этих гусей, кричащих, что их предки Рим спасли, гнать от хозяйства». Так и делают.

Тов. Ленин очень неудачно применил басню Крылова. Крыловские гуси кричали, что их предки Рим спасли (предки, т. Ленин), а рабочий класс России не о предках говорит, а о себе, что он (рабочий класс, т. Ленин) сделал социальную революцию и потому он же хочет управлять страной и хозяйством страны. А тов. Ленин смешал его с крыловскими гусями да предлинной хворостиной гонит на базар и приговаривает:

- Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?

А что может ответить пролетариат т. Ленину? Уж не просить ли прощения за несвоевременно сделанную социальную революцию и не лить ли челом ему, прося не смешивать в крыловскими гусями?

Нет. Пусть пугают нас предлинной хворостиной, мы громко заявим, что последовательное, неуклонное проведение в жизнь пролетарской демократии – это потребность момента, это крик спасения пролетариата, и это брюхом чувствует весь рабочий класс России.

Пусть машут предлинной хворостиной, рабочий класс ответит: «Не запугаете», – и заставит проводить основы рабочей демократии в жизнь – все-таки он ведь сила.

Пусть будет, что будет, а в нашей пролетарской слободке будет праздник.

Новая экономическая политика и управление промышленностью

Новая экономическая политика разделила промышленность на ту, которая осталась в руках государства (тресты, синдикаты и т. д., и т. п.), и промышленность, фактически принадлежащую частному капиталу и кооперации. Наша государственная промышленность приобрела характер и черты частной капиталистической промышленности в том смысле этого слова, что она работает на рынок.

Организацию управления этой промышленностью со времени IX съезда РКП(б) происходит чисто бюрократическим путем – путем назначения, минуя непосредственное участие рабочего класса.

Создание трестов тоже проходит тем же путем, как в области формирования правлений, так и в области комбинирования, трестирования предприятий. Рабочий класс России не знает, почему их завод, фабрика в этом тресте, а не в ином, почему назначен этот директор, а не другой. И уж, конечно, никакого участия в этом принять не может в силу той политики, которая ведется господствующей в РКП группой.

Нечего и говорить, что рабочий с тревогой смотрит на все происходящее. Он часто задает себе вопрос – как я дошел «до жисти» такой? Он часто вспоминает момент, когда у него на заводе возник и развился Совет Рабочих Депутатов.

Он задает себе вопрос – как случилось, что Совет, мой Совет, который мною создан, не придуман ни Марксом, ни Энгельсом, ни Лениным, ни кем-либо другим, как этот Совет помер? Почему его не стало? И беспокойные мысли тревожат ум его.

Все рабочие помнят, как организовались Советы Рабочих Депутатов.

В 1905 г., когда никто, ни в одной из стран не говорил о Советах Рабочих Депутатов, а во всех книгах писали о союзах, партиях, кооперации, – рабочий класс России создал Советы Рабочих Депутатов фабрик и заводов.

Как организовались эти Советы?

В дни наивысшего революционного подъема рабочего класса каждый цех завода выбирает депутата для предъявления требований администрации и правительству. Эти депутаты цехов для согласования своих требований сходятся на совет, совещаются – это и есть Совет Депутатов.

Где родина Советов? Заводы и фабрики. Рабочие фабрик и заводов без различия пола, веры, национальности, убеждений, профессий объединяются в одну организацию, куют единую волю.

Значит, Совет Рабочих Депутатов – есть организация рабочих предприятий, производственная организация.

Так возникли советы и в 1917 году. Так они вошли, закреплены в программе РКП(б): «Избирательной единицей и Основной Ячейкой Государства становится не территориальный округ, а производственная единица (фабрика, завод)» (см. Пр[ограмму] РКП), т. е. даже тогда, когда Советы взяли власть, они сохранили в основании своем производственность, и в этом видели их отличительную черту от всяких форм государственной власти, их преимущество, так как такая организация государства сближает аппарат государственной власти с пролетарскими массами.

Советы Рабочих Депутатов всех фабрик и заводов данного города сходились на общие собрания всех заводских советов, и таким образом возникают городские Советы Рабочих Депутатов с городск[ими] Исполкомами во главе. Съезды Советов губерний и областей образуют губернские и областные Исполнительные Комитеты Сов[етов] Р.Д. Наконец, все заводские советы депутатов выбирают на Всероссийский Съезд Советов, образуя всероссийскую организацию Советов Раб[очих] Деп[утатов] в лице их постоянно действующего органа, Всероссийского Исполнительного Комитета Советов Рабочих Депутатов.

Разгоревшаяся гражданская война поставила с первых дней февральской революции необходимость втягивания в орбиту революционного движения физической силы – в лице армии, путем организации Советов Солдатских Депутатов. Потребность революционного момента диктовала объединение их, и ни объединились. Так образовались Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Как только Советы взяли власть, они втягивают в себя крестьянство в лице Советов Крестьянских Депутатов, а затем и казаков. Таким образом организовался ВЦИК Советов Раб[очих], Солдат[ских], Крестьянских и Казацких Депутатов.

Советы Рабочих Депутатов здесь выступают в качестве руководителя, вождя революции не только по существу, но и по форме – солдаты, крестьяне и казаки принимают форму организации пролетариата.

При переходе власти совдепам сразу обнаружилось, что им, Советам, и особенно Советам Рабочих Депутатов, придется почти целиком заняться политической борьбой с восставшими бывшими рабовладельцами, солидно поддерживаемыми «буржуазными фракциями с туманной социалистической терминологией», и последующее время до конца 1920 года Советы заняты подавлением сопротивляющихся эксплуататоров.

За это время черты их производственности стираются, и уже на IX Всероссийском съезде РКП(б) в 1920 году выносятся постановления об единоличном управлении фабриками и заводами, единоличие, назначенное потому (как мотивировал т. Ленин), что мы хорошо одно создали – Красную Армию, а там единоличие.

А где же Советы Рабочих Депутатов на фабриках и заводах? Их уже нет, и не только нет, а про них и думать забыли (не переставая, однако, называться советской властью). Нет их и теперь, а наши советы стали очень похожи на городские и земские думы (с надписью «се лев, а не собака»).

Каждому рабочему понятно, что Советы Рабочих Депутатов организовали политическую борьбу за захват власти.

После того, как захватили власть, организовали подавление всяких восстаний эксплуататоров. Гражданская война, затеянная эксплуататорами вкупе и любе с эсерами и меньшевиками против пролетариата, взявшего власть в свои руки, приняла затяжной и такой острый и напряженный характер, что поглощала внимание всего рабочего класса, и он постепенно (как власть Советов рабочих Депутатов) отходил от вопросов производства, отходил от того, за что дрался. Он думал, что управлять производством будет потом – надо раньше отвоевать его у эксплуататоров, поднявших восстание, добываясь обладания им. И он был прав.

Но вот конец 1920 года, сопротивление эксплуататоров подавлено. Теперь пролетариат, израненный, утомленный, изголодавшийся, исхоладавшийся, должен воспользоваться плодами своих побед. Он отвоевал производство. Теперь перед ним во всем величии своем [в]стала новая задача – организация этого производства. Организация хозяйства страны. Надо создать как можно больше материальных благ, чтобы показать привлекательность этого мира, мира пролетарского.

Судьба всех завоеваний пролетариата целиком зависит от того, сумеет ли он овладеть этим производством и организовать его.

«Цель общественного союза – производство. Кто стоит во главе производства, тот стоит и во главе союза».

Все пойдет прахом, если пролетариат не станет во главе производства и не сумеет организовать его. Реки слез и крови, горы трупов, неопишемые страдания, вынесенные пролетариатом за время революции, будут только удобрением почвы, на которой возродится капитализм, на котором вырастет эксплуататорский мир, мир угнетения человека человеком, если пролетариат не овладеет производством, не покорит, не подчинит своему влиянию всю мелкобуржуазную стихии. В лице крестьянина и кустаря, путем замены материальной основы производства.

Советы Рабочих Депутатов, ковавшие когда-то единую волю пролетариата в борьбе за власть, победили на фронте гражданской войны, на фронте политическом, но, победивши, сами ослабели настолько, что теперь приходится говорить не об улучшении Советов, а об организации их.

Организовать Советы на всех национализированных фабриках и заводах для решения новой великой задачи, для организации того мира счастья, за который пролито столько крови.

Пролетариат ослаб. Основа силы его – крупное производство – находится в плохом положении, не чем слабее силы пролетариата, тем больше единства, спайки и организации должно проявить. Совет Рабочих депутатов – это та форма организации, которая показала свою чудодейственную силу и не только покорила под ноги пролетариата врагов и супостатов его в России, но поколебала господство поработителей во всем мире, поставила под удар социалистической революции весь капиталистический и угнетательский строй.

Эти же Советы Рабочих Депутатов, встав во главе производства, во главе управления фабриками и заводами, кроме того, что вовлекут широчайшие пролетарские и полупролетарские массы к решению задач, стоящих перед ним, они сумеют повернуть не на словах, а на деле весь государственный аппарат лицом к производству.

Ведь, организовав Советы Раб[очих] Деп[утатов] на фабриках и заводах для управления ими, организовав их, как основные ячейки государственной власти, на этом пролетариат остановиться не может, он будет организовывать правление трестов, синдикатов, главков и центром до ВСНХ включительно. Они внесут новое содержание в работу ВЦИК, они заставят каждого члена ВЦИК, как в былое время ходили на фронт гражданской войны, пойти и работать на фронте хозяйственном.

Конечно, все бюрократы, вся хозяйственная братия, смотрящая на себя как на спасителей пролетариата и боящаяся этого пролетариата, его слова, его суда больше всего, вся пригревшаяся в трестах, главках, в правлениях публика поднимает вой. Они будут изображать это как гибель производства, как крах социальной революции, ведь они знают, что многие из них занимают местечки по сватовству, знакомству, связям и уж, конечно, не по способностям своим и не потому, что они пользуются хоть каким-нибудь доверием пролетариата, от имени которого они заправляют.

Ведь они боятся пролетариата больше, чем спецов, чем старых фабрикантов и заводчиков, чем Слащевых.

Ведь всероссийская комедия с красными директорами рассчитана исключительно на то, чтобы пролетариат дал свою санкцию на бюрократическое управление хозяйством, чтобы он благословил эту бюрократию.

Комедией она является и потому, что директора трестов, имеющие высоких кумушек-покровительниц, никак не могут попасть на страницы газет. Все наши попытки изобличить провокатора, получавшего от охранного отделения 80 рублей, высшую провокаторскую ставку за предательское черное дело и стоящего ныне во главе резинотреста, разбились об упорное сопротивление. Мы говорим о Лежаве-Мюрате. Он провокатор. Это ведь достаточно характеризует нравы той группы, которая затеяла кампанию «Красных Директоров».

ВЦИК, избираемый на год, периодически съезжающийся – ведь это самая парламентская канитель. Ну скажите, товарищи, если мы придем на сессию и т. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин забубнят в течение часов двух о состоянии хозяйства, что мы можем сделать, как не воздержаться или вздрать руку за резолюцию, предложенную докладчиками?

Ведь ВЦИК не занимается хозяйством, а время от времени заслушивает лекции о нем и разъезжается. Бывали и такие курьезы, что проекты, предлагаемые наркомками, голосовались без предварительного зачтения. Что там читать, все равно умнее т. Курского не будешь! ВЦИК превращен в штамповочную мастерскую. А президиум ВЦИК? Это есть, с позволения сказать, высший орган, а он вершит вермишельные дела по сравнению с теми вопросами, которые стоят перед пролетариатом. А ВЦИК, казалось бы, больше всего должен бы быть связан с массами и, как высший законодательный орган, – решать огромные вопросы нашего хозяйства.

Наш же Совнарком, по признанию самого руководителя Совнаркома, есть самый бюрократический аппарат. Но только корень зла-то он видит в том, что в Рабкрине ребята дрянные сидят, и предлагает пересадить с кресла на кресло ребят – и дело пойдет как нельзя лучше.

Мы имеем виду статью т. Ленина в «Правде» от 25 января. Эта статья может служить показателем политиканства. Даже лучшие из товарищей, лучшие из руководителей подходят к вопросу как бюрократы, видящие беду его в том, что Цюрупа, а не Сольц Рабкрином заправляет. Вспоминается басня одна: «Как, друзья, вы не садитесь, а в музыканты не годитесь». Плохими-то они стали под влиянием обстановки, обстановка делает их бюрократами, надо обстановку сменить, тогда и эти ребята в наилучшем виде будут работать.

Сам Совнарком является сколком с совета министров любой буржуазной страны и страдает всеми недугами их. И не лечить его надо мерами сомнительного свойства, а уничтожить, оставив Президиум ВЦИК и при нем соответствующие отделы, как в губернии, уездах, волостях. А сам ВЦИК превратить в постоянно действующий орган с образованием постоянных комиссий, разрабатывающих вопросы. Но чтобы он не был бюрократическим учреждением, необходимо влить новое содержание в его работу, а это будет только тогда, когда его основание, «Основную ячейку государственной власти» – Советы Рабочих Депутатов восстановим на всех фабриках и заводах, реорганизуем тресты, синдикаты, главки и центры путем проведения пролетарской демократии, путем съездов советов, их выбирающих, начиная от уезда и кончая ВЦИКом, вот тогда не нужно будет много пустых слов по борьбе с бюрократизмом и волокитой. Давно ведь известно, что худшие их бюрократов больше всего кричат против бюрократизма.

Реорганизовав, таким образом, органы власти, влив в них действительно чуждые бюрократизму элементы, а это произойдет само собой, мы кардинальным образом разрешаем вопрос и о наших опасениях в условиях новой экономической политики. Заправлять хозяйством и страной будет не кучка бюрократов, грозящая превратиться в олигархию, а рабочий класс.

Что касается Рабкрина, то не путем пересадки с кресла на кресло будет достигнуто улучшение его работы, а путем уничтожения его в том виде, в каком он существует. Производственно-профессиональные союзы в лице своих комитетов должны будут взять на себя контроль над производством и контроль вообще. Нам, пролетарскому государству, бояться пролетарского контроля нечего, и здесь нет и не может быть никаких возражений делового характера, кроме той же боязни пролетариата, которой так страдают бюрократы всех мастей и размеров.

Надо же, наконец, поднять одно, что контроль должен быть поставлен в независимое от подконтрольного положение, а это в наибольшей степени достигается именно тем, что роль нашего Рабкрина или старого Госконтроля возьмут на себя союзы.

Местные заводские ячейки государственных фабрик и заводов превращаются, таким образом, в органы контроля.

Губернские комитеты, объединенные ГСПС – в органы контроля в губерниях. Центральные комитеты, объединенные ВЦСПС – в органы контроля в центре.

Советы управляют – союзы контролируют, вот суть взаимоотношений между этими двумя организациями в пролетарском государстве.

На частных предприятиях – сданных в аренду, концессию – завкомы выполняют роль государственного контроля, следят за выполнением законов о труде, за выполнением обязательств, взятых на себя арендатором, концессионером и т. д. в отношении к пролетарскому государству.

Несколько слов о двух группах

Два документа, имеющиеся у нас на руках, [один] за подписью нелегальной группы «Центральная группа Рабочая Правда», другой без всякой подписи, являются ярким показателем нашего политического безвременья.

Даже те невинных литературные забавы, которые всегда позволяла себе либеральствующая часть партии в лице так называемого «демократического централизма», не могут появиться в нашей печати. А такие, несомненно, ни теоретически, ни практически не состоятельные документы ликвидаторского толка, как воззвание группы «Рабочая Правда», [которые], появившись открыто, не имели бы никакого влияния в рабочей

среде, грозят завоевать себе симпатии не только среди пролетариата, но и среди коммунистов.

Документ без подписи, принадлежащий, несомненно, либералам в РКП, верно отмечает: 1. Бюрократизм советского и партийного аппарата. 2. Качественное перерождение партии. 3. Отрыв верхушек от масс, рабочего класса и партийных низов. 4. Различие имущественного положения членов партии. 5. Наличие кумовства и сватовства. Как же бороться с этим? А, видите ли, необходимы: 1. Разработка теоретических вопросов в выдержанном пролетарском и коммунистическом направлении. 2. Идеиное сплочение и классовое воспитание здоровых передовых элементов партии в том же направлении. 3. Борьба в недрах партии за основную предпосылку ее внутреннего оздоровления, уничтожение диктатуры и реальное осуществление свободной дискуссии. 4. Борьба в недрах партии за такие условия партийного и советского строительства, которые облегчили бы преодоление мелкобуржуазных сил и влияния и больше всего укрепили бы силу и влияние коммунистического ядра.

Вот основное, что имеется у этих либералов.

Ну, скажите, пожалуйста, кто из той группы, которая заправляет в партии, будет против предлагаемого? Никто. Наоборот, они сто очков дадут вперед по части этого словоблудия.

Эти либералы всегда служили руководящей партийной группе именно тем, что принимали вид ярых оппозиционеров и тем самым обманывали рабочий класс и широкую коммунистическую публику, у которой, действительно, есть основание быть недовольными, и недовольство которых настолько велико, что бюрократам партийным и советским надо выдумывать оппозицию против себя, чтоб это недовольство влить в желательное русло. Но тут им трудиться не надо, им помогают каждый раз либералы с присущей [им] оппозиционной надутостью и пустословием, подменяющие ответы общими фразами.

Ну, скажите, кто из настоящего состава Цека будет возражать против самого радикального из пунктов – «борьбы в недрах партии за такие условия партийного и советского строительства, которые облегчили бы преодоление мелкобуржуазных сил и влияний и больше всего укрепляли силу и влияние пролетарского коммунистического ядра»?

Не только не будут возражать, а еще ярче формулируют. Возьмите-ка последнюю статью т. Ленина, и вы увидите, что он говорит очень «радикальные (с точки зрения либералов) вещи»: наш госаппарат, за исключением Наркоминдел, в наибольшей степени представляет пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям, – и идет навстречу либералам, обещает их включить в состав расширенного Цека и ЦКК, ну, они ведь дальше этого и не идут. А само собой разумеется, как только они окажутся в Цека, будет мир в человецех

и благоволение. Разглагольствуя о свободной дискуссии внутри партии, они забывают маленькую мелочь – пролетариат. Ведь без свободы слова пролетариату никакой свободы внутри партии никогда не было и не будет. Странная вообще та свобода мнений внутри партии, которая предполагает отсутствие этой свободы у класса, интересы которого она представляет, и вместо того, чтобы сказать о необходимости проводить основы пролетарской демократии в понимании программы, они болтают о свободе для передовых из коммунистов. Ну, а ясное дело, что самыми передовыми являются Сапронов, Максимовский и компания, а т. Зиновьев, Каменев, Сталин, Ленин считают себя самыми передовыми – так они поешат на том, что они «оба лучше», все хороши, и устроят расширение Цека и Цекака, и все пойдет по-хорошему.

Наши либералы необычайно либеральны и, помимо всего прочего, требуют свободы группировок. Ну, а если их спросить, да для чего вам, что вы хотите сказать нам, чему научить? Это все, что у вас уложилось в две странички? Пожалуйста, сколько вашей душеньке угодно. А если вы делаете вид угнетенной невинности, вид политических изгнанников, то это только нам выгодно – вы этим околпачите тех, кого надлежит околпачивать.

Кончатся эти тезисы совсем «радикально», больше даже, «революционно»: им, видите ли, весьма желательно на XII съезде удаление из Цека одного-двух (вот как, знай наших!) наиболее фракционно-настроенных, наиболее разложивших партийную среду, наиболее способствующих развитию бюрократизма под прикрытием фраз (Зиновьев, Сталин, Каменев).

Ну, прямо прелесть! Как только не станет в Цека Сталина, Зиновьева, Каменева, а сядет туда Максимовский, Сапронов, Оболенский, то будет не просто хорошо, а преотлично. Мы уже сказали, что вам, товарищи либералы, тужить нечего – на XII съезде будете и вы в Цека, а все остальное приложится, и ни Каменев, ни Зиновьев, ни Сталин вам не помещают, мир да любовь вам!

Группа «Рабочая Правда», по их заверению, состоит из коммунистов.

Мы, как и каждый пролетарий, к которым они обращаются, охотно поверили бы им, но беда-то вся в том, что эти коммунисты особого сорта. Они говорят, что прогрессивное значение русской октябрьской революции состоит в том, что «перед Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма». В этом несомненное, как заявляет эта группа, огромное достижение революции в октябре.

Что сей сон значит? Он значит не больше, как призыв назад к капитализму от лозунгов октября, от лозунгов октябрьской социалистической революции. Не укреплять позиции социализма, пролетариата, как господ-

ствующего класса, а, наоборот, ослаблять их, сводя рабочий класс из правящего к положению борющегося за пятак.

В соответствии с этим основным положением находится то, что они говорят о том, что уже восстановлены нормальные капиталистические отношения. Раз это так, то рабочему классу советуют отказаться от «коммунистических иллюзий» и приглашают бороться против фетиша «монополии» избирательных прав для трудящихся и фетиша использования этих прав, т. е. трудящиеся должны отказаться от монополии избирательных прав. Но позвольте, господа коммунисты, вас спросить, в чью пользу?

Но разве они дураки, чтобы прямо так сказать – в пользу буржуазии. Какая бы вера их словам была со стороны тех пролетариев, к которым они обращаются? Ведь они сразу бы поняли, что старые меньшевистско-эсеровско-кадетские погудки на новый лад, а это совсем не входит в их расчеты. Однако ни проговорились. Они, видите ли, ставят своей задачей борьбу против «административного произвола», но «оговариваются»: «поскольку это возможно при отсутствии выборных законодательных учреждений». То, что трудящиеся России выбирают свои Советы, Исполкомы, – все это, изволите ли видеть, не избрание, а избранием называется то, что будут избирать не трудящиеся, а буржуазия и коммунисты из «Рабочей Правды». Ну, скажите, чем это «не коммунистично» и не революционно? Чего же вы, милые «коммунисты», не договариваете, что это будет: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право при нормальных капиталистических отношениях? Что это будет самая настоящая буржуазная демократия? Вы хотите в мутной водице рыбку ловить?

Вы, господа коммунисты, думаете, что непрерывным склонением слова «революция» вы скроете свои реакционные и контрреволюционные цели? Рабочий класс России за эти шесть лет видел столько р-р-революционеров, что ваше поползновение окопачить его он разглядит. Единственно[е], что может дать вам успех – это отсутствие пролетарской демократии, отсутствие возможности открыто высказаться рабочему классу.

Об остальных словоговорениях этой группы мы говорить не будем, одно лишь заметим, что тип мышления этой «Рабочей Правды» заимствован у А. Богданова.

Партия

РКП(б), несомненно, и сейчас является единственной партией, представляющей интересы пролетариата и примыкающего к нему трудящегося населения России. Другой партии нет. Программа партии, устав ее есть последнее слово коммунистической мысли. Но от того момента, как

РКП(б) организовала пролетариат для восстания и завоевания власти, с того момента, как она стала партией правительственной и в условиях ожесточенной гражданской войны осталась единственной силой, противостоящей всем силам старого буржуазно-помещичьего режима до эсеров и меньшевиков включительно, она за это трехлетие в лице руководящих кругов партии усвоила себе методы работы, пригодные и победоносные в условиях этой ожесточенной гражданской войны, и перенесла их целиком в совершенно новую обстановку, новую фазу социальной революции с совершенно иными задачами, стоящими перед пролетариатом. Из этого основного несоответствия проистекают все недостатки партийного и советского механизма.

Недостатки эти настолько велики, что грозят заслонить все, что есть хорошего и нужного в работе РКП, больше того, грозят уничтожением этой партии, как партии передового отряда всемирной армии пролетариата, и превращением в условиях нэпа в группу господствующих лиц, держащих в своих руках и экономические ресурсы страны, и власть, грозят превратить в олигархическую касту.

Свою партию может излечить от этих недугов только сам пролетариат. Как ни слаб он, как ни тяжки условия его бытия, но сил для того, чтобы поправить накренившийся корабль свой, свою партию, чтобы достигнуть берегов обетованной земли, – на это сил у него хватит. Должно хватить.

Условия внутривнутрипартийного режима, как следствие применения способов работы эпохи гражданской войны в обстановке текущего момента, совершенно не позволяет сказать нужное слово, а потому поневоле приходится пользоваться «непартийными» методами для партийных целей.

При настоящих условиях объективно неизбежно образование рабочей коммунистической группы, организационно не связанной с РКП, но целиком принимающей устав и программу партии, и такая группа создается, несмотря на бешеное сопротивление, которое окажет господствующая партийная, советская профессиональная бюрократия. Задача этой группы будет состоять в том, чтобы оказать решающее влияние на тактику РКП(б) и через завоевание симпатий широких пролетарских масс заставить отказаться от линии, ведущей к гибели всех октябрьских завоеваний пролетариата и тормозу мировой социальной революции.

Заключение

1. Движение пролетариата всех стран, особенно стран передового капитализма, достигло той ступени, когда задачей сегодняшнего дня стал вопрос о борьбе за уничтожение эксплуатации, и гнета, и классовой борьбы, борьбы за социализм.

Капитализм угрожает свергнуть все человечество в варварство. Рабочий класс должен выполнить свою историческую миссию и спасти человечество.

2. История классово́й борьбы с наглядностью показывает, что одни и те же классы в различной исторической обстановке были и проповедниками гражданской войны, и гражданского мира. Проповедь гражданской войны и гражданского мира одним и тем же классом то была революционна и общечеловечна, то контрреволюционна, узко эгоистична, защища[ла] узкоклассовые интересы, [шла] вразрез с интересами общества, нации, человечества.

Только пролетариат революционен и общечеловечен и тогда, когда проповедует гражданский мир, и тогда, когда проповедует гражданскую войну.

3. Русская революция дает разительные примеры того, как различные классы превращались из сторонников гражданской войны в сторонников гражданского мира и наоборот.

История классово́й борьбы вообще и история ее за последние 20 лет в России в частности учат тому, что современные господствующие классы, проповедующие гражданский мир, будут проповедовать беспощадную, кровавую гражданскую войну после того, как пролетариат возьмет власть в свои руки, то же относится и к «буржуазным фракциям с туманной социалистической фразеологией», к партиям 2-го и 2 ½ интернационалов.

Партия пролетариата должна со всей силой и энергией проповедовать гражданскую войну во всех странах передового капитализма и против буржуазии, и против их приказчиков и гражданский мир во всех странах, где победит пролетариат.

4. Борьба за пятачок и за час посредством стачек, парламента и т. д., и т. д. при современных условиях потеряла былое революционное значение и лишь ослабляет силы пролетариата, отвлекает его от основной задачи, поддерживает в нем иллюзии возможного улучшения положения в пределах капиталистического общества. Идти к стачечникам и в парламент надо, но не для того, чтоб проповедовать борьбу за пятачок и за час, а для организации сил пролетариата для окончательной и решительной схватки с миром гнета.
5. Солдафонское обсуждение вопроса о «едином фронте» (как и всех вопросов) у нас в России и своеобразное проведение его и до сих пор не дает возможности серьезно подойти к этому вопросу, так как всякая возможность критики исключена.

Ссылка на опыт русской революции рассчитана на невежество и ни в какой мере не подтверждается этим опытом, выраженным в исторических документах (резолуциях съездов, конференции и т. д.).

Марксистско-диалектическое понимание вопросов классовой борьбы подменяется догматическим.

Опыт одной исторической эпохи со своими задачами и целями переносится в другую, со своими, отличными от всех других эпох, чертами, что неизбежно приводит к навязыванию коммунистическим партиям всего мира оппортунистической тактики «единого фронта». Тактика «единого фронта» со 2-м и 2 ½ интернационалами стоит в полном противоречии с опытом русской революции и программой РКП(б). Эта тактика есть тактика сделки с прямыми врагами рабочего класса.

Единый фронт необходим со всеми революционными организациями рабочего класса, стоящими на почве борьбы (сегодня, а не когда-нибудь) за диктатуру пролетариата, готовыми к борьбе и с буржуазией, и с ее фракциями.

6. Тезисы Исполкома Коминтерна являются классической маскировкой революционными фразами оппортунистической тактики.
7. Ни тезисы, ни дискуссии на конгрессах Коминтерна не затрагивают совершенно вопроса о «едином фронте» в странах, произведших социалистический переворот, где рабочий класс является диктатором. Помехой этому служит та роль, которую играет РКП(б) в Коминтерне и политике РКП(б) внутри партии и страны в целом. Своеобразие вопроса о едином фронте заключается в том, что в различные моменты революционного процесса он различно разрешается: одно решение в эпоху подавления сопротивляющихся эксплуататоров и их «фракций» и иное, когда оно [sic] подавлено. И пролетариат вступил в полосу созидания социалистического строя, хотя бы и при помощи нэпа и не выпуская из рук винтовки.

Национальный вопрос. Практика господствующей группы в РКП(б) с бесконечными назначениями, игнорированием местного опыта, навязыванием няnek и ссылками («плановыми перебросками») в применении к национальным партиям стран, входящих в союз социалистических советских республик обострили шовинистические тенденции у трудящихся масс большинства мелких национальностей и через них просачиваются в коммунистические партии.

Для решительного изживания этих тенденций необходимо проведение принципов пролетарской демократии в организации коммунистических партий со своим ЦК во главе каждой нации, входящими на равных правах с КРП(б) в 3-ий Коммунистический Интернационал, образуя там самостоятельную секцию. Для решения общих задач коммунистических партий союза социалистических республик устраиваются периодически съезды коммунистических партий, избирающие для постоянной работы исполнительный к[омитет] коммунистических партий союза социалистических республик.

9. Нэп – есть прямое следствие состояния производительных сил нашей страны. Она должна быть использована для закрепления позиций пролетариата, занятых в октябре.

Даже в том случае, если бы в одной из передовых капиталистических стран произошла революция, даже и тогда нэп был бы необходимым этапом развития социалистической революции. Она (революция) в одной из стран могла бы оказать влияние на темп, на быстроту движения изживания нэпа.

Но во всех странах передового капитализма в соответствующий момент пролетарской революции необходимость нэпа будет обусловлена степенью влияния мелкобуржуазного способа производства на социализированную промышленность.

10. Изживание нэпа в России целиком зависит от быстроты завоевания земли машиной, победой машины над сохой. На этой основе, на основе роста производительных сил в городе и деревне будет создаваться органическая связь между ними.

Расчеты на ввоз нужных сельскому хозяйству машин из-за границы не верен. Он вреден и экономически, и политически – это сращивание нашей деревни с купцами заморскими и ослабление нашей промышленности.

Производство нужных машин в России возможно, и это укрепит и промышленность, и органически срастить деревню и город, сотрет материальную и идеологическую разницу между ними и скорее создаст условия возможности отказа от нэпа.

11. Новая экономическая политика таит в себе грозные опасности для пролетариата. Кроме того, что социалистическая революция держит практический экзамен хозяйствования, кроме того, что мы должны на деле показать выгодность именно социалистических форм хозяйственной жизни перед капиталистическими, – кроме этого необходимо удержаться на социалистических позициях, не превращаясь в олигархическую касту, держащую экономическую и политическую власть в своих руках, боящаяся больше всего рабочего класса.

Чтобы помешать процессу перерождения нэпа в «Н.Э.П.» (в новую эксплуатацию пролетариата), необходимо немедленно привлечь к решению грандиознейших задач, стоящих в данный момент перед пролетариатом, привлечь пролетариат на основе последовательного проведения принципов пролетарской демократии, что даст рабочему классу возможность оградить свои завоевания, сделанные в октябре, от всех опасностей, с какой бы стороны они ни исходили, и в корне изменить внутривластный режим и отношение между ним и партией.

12. Проведение принципа пролетарской демократии должно находиться в соответствии с основными задачами текущего момента.

Пролетариат, решив задачи военно-политические (завоевал власть и подавил сопротивление эксплуататоров), перешел к решению самой большой и трудной задачи: перестройки старых капиталистических отношений в социалистические, задачи экономической. Решив эту задачу, пролетариат сможет считать себя победителем, и только с этого момента, а то все пойдет прахом – и кровь, и трупы, и страдания будут удобрением почвы для мира гнета и насилия, для буржуазного господства. Для решения этих задач необходимо, чтобы пролетариат участвовал в управлении промышленностью: кто стоит во главе производства, тот стоит во главе «союза», «государства».

Необходимо: 1) организовать советы рабочих депутатов на всех фабриках и заводах (национализированных); 2) съезды советов избирают правления трестов, синдикатов, главков, центров; 3) необходимо ВЦИК сделать органом, управляющим и страной, и промышленностью, приблизить его к тем задачам, которые стоят перед пролетариатом путем проведения принципа пролетарской демократии в управлении промышленностью. Сделать его постоянно действующим органом с соответствующими при нем отделами и комиссиями по разработке всех вопросов. Совнарком же, как слепок с любого буржуазного совета министров, упразднить, а его работа будет исполнена ВЦИК. 4) Кроме того, необходимо усиление пролетарского влияния и в другом направлении: необходимо профессиональные союзы, как чисто классовые пролетарские организации, сделать органом контроля – передав им права РКИ и средства; завкомы и фабзавкомы контролируют на заводе, губотделы, объединенные ГСПС, контролируют губернии и ЦК, объединенные ВЦСПС, – органы контроля в центре. Сейчас же профсоюзы играют не свойственную им роль в пролетарском государстве, что умаляет их роль и значение в международном движении.

Тот, кто боится подобной роли профсоюзов, боится пролетариата и потерял с ним всякие связи.

13. На почве огромного недовольства рабочего класса возникают различные группы и пытаются организовать пролетариат. Две платформы – платформа либералов из «демократического централизма» и «Рабочей правды» – указывают, с одной стороны, на политическое безвременье в России, а с другой, на искания рабочего класса. Рабочий класс ищет форму выражения своего недовольства.

Та и другая группа, в которых, очень возможно, есть пролетарские честные элементы, неправильно оценивают положение и приходят к ошибочным выводам.

14. Внутрипартийный режим, являющийся результатом отношения партии к классу, в данный момент не позволяет выдвинуть никаких вопросов, почему-либо неудобных для господствующей в РКП(б) группы.

Поэтому становится неизбежным образование Рабочей группы РКП на основе программы и устава РКП(б) для решительного давления на господствующую группу в РКП.

И мы зовем все пролетарски честные элементы, группирующиеся вокруг «демократического централизма», «Рабочей правды», примыкавшие к Рабочей оппозиции, как состоящие в партии, так и находящиеся вне рядов ее, объединяться на основе манифеста Рабочей группы РКП(б). Чем скорее сумеем мы организовать, тем меньше трудностей придется нам преодолевать.

За дело, товарищи!

Освобождение рабочих – есть дело самих рабочих.

Москва, февраль 1923 г.

*Временное Центральное Организационное
Бюро Рабочей Группы Российской
Коммунистической партии (большевиков)*

Обращение сторонников «Платформы 15-ти» к XV съезду ВКП(б) (декабрь 1927 г.)

XV съезд будет подводить итоги той ожесточенной внутривнутрипартийной борьбе, в ходе которой ЦК, не дожидаясь съезда, уже начал раскол сотнями исключений из партии тех, кто не согласен с его оппортунистической политикой.

В ряде наших документов – в платформе 15-ти, обращении к Октябрьскому пленуму ЦК и ко всем членам партии, в контррезисах о перспективном плане промышленности и о работе в деревне – мы дали критику политики ЦК и выдвинули, в противоположность ей, свою линию и свои конкретные предложения. Все последующие события целиком подтвердили правильность нашей критики.

Мы говорили, что темп развертывания промышленности недостаточен, что он отстает от потребностей народного хозяйства. ЦК оспаривал это. А на деле оказалось, что промышленность не только не поглощает нового притока рабочей силы, но даже по ряду отраслей производит теперь сокращение рабочих. Безработица угрожающе растет. Товарный голод все обостряется. Дошло дело до того, что «недостаток, а местами полное отсутствие встречного предложения промтоваров», как констатирует Госплан в конъюнктурном обзоре за октябрь 1927 г. («Экономическая жизнь», № 274), привел прямо-таки к катастрофическому падению хлебазаготовок: за октябрь они составили только 2/3 заготовок соответствующего месяца прошлого года, а за первую половину ноября – меньше половины прошлогодних.

Мы указывали на нелепость той политики цен, которую ведет ЦК и которую он, неизвестно на каком основании, называет политикой снижения цен. Мы говорим, что на деле эта политика есть политика повышения цен и ведет только к уменьшению промышленного накопления и обострению товарного голода, к разбуханию торгового аппарата и наживе спекулянтов. Теперь действительно оказывается, что цены не падают, а растут, и что даже в Москве, при снижении отпускных цен за один октябрь «на частном рынке цены мануфактуры повысились на 5,7 %, обуви – на 10,6 % и металлов – на 4,8 %» (см. тот же конъюнктурный обзор).

Мы указывали на ухудшение условий труда рабочего, на то, что заработная плата уже два года стоит почти на одном уровне в то время, как нагрузка на рабочего (интенсивность труда) все увеличивается. Теперь рабочих текстильной промышленности переводят с трех станков на четыре, а реальная заработная плата, после некоторого повышения в период апрель–сентябрь, в октябре, согласно тому же конъюнктурному обзору Госплана, вновь падает на 2 %. В то же время в письме по перезаключению колдоговоров ВЦСПС дает директиву об «освобождении хозорганов от несвойственных им расходов без *значительного* ухудшения в бытовых условиях рабочего», т. е. *прямо соглашается на ухудшение*, лишь бы оно не было «значительным».

Мы говорили, что политика задержки роста заработной платы рабочего и неправильная жилищная политика неизбежно ведет к ухудшению и без того невозможно плохих условий рабочего. Теперь, по пятилетнему плану жилищного строительства, составленному Госпланом, выходит, что жилплощадь на одного человека в течение пяти лет *уменьшается* с 11,31 кв. арш. в 1925/26 г. до 10,71 кв. арш. в 1930/31 г., в то время, как *минимальной* санитарной нормой считается 16 кв. арш.

Мы говорили, что введение водки всего больше бьет по рабочему. Мы требовали «немедленно начать сокращать выпуск водки, особенно в городе, с таким расчетом, чтобы в течение двух лет прекратить его совершенно», ЦК утверждал, что водка только «вытесняет самогон». А на деле оказывается, что со времени выпуска 40-градусной водки, с 1924-26 гг., число алкоголиков в Москве (среди которых 85-90 % составляют рабочие и члены их семейств) *выросло вчетверо, вчетверо же увеличилось и число смертных случаев от алкоголизма*, а число задержанных в Ленинграде в пьяном виде увеличилось в 9 раз (см. статью Дейчмана в «Большевике», № 19-20). Несмотря на это, в перспективном плане наиболее быстрый рост предусмотрен для производства водки – почти в три раза за пять лет.

Мы требовали немедленного повышения заработной платы сравнительно с довоенной на столько же, на сколько интенсивность труда рабочего сейчас превышает довоенную интенсивность. Мы требовали усиления участия рабочих масс в управлении производством, мы требовали, чтобы был уничтожен знаменитый треугольник – единый фронт директора фабрики, председателя фабзавкома и секретаря ячейки против рабочих, чтобы профсоюзы стали действительными органами защиты рабочих в

соответствии с решениями XI съезда партии, чтобы они на деле стали школой коммунизма. Мы требовали проведения семичасового рабочего дня на деле *соответствующим повышением сдельных расценок*.

Мы настаивали на прекращении той растраты государственных средств в пользу спекулянта, которая получается в результате проводимой ЦК политики цен, требовали сокращения расходов на бюрократический аппарат, усиления налогов на нэпмана и кулака. Мы требовали увеличения за счет этих средств заработной платы, усиления жилищного строительства для рабочих, усиления помощи бедняцким хозяйствам на основе перехода их к коллективному хозяйству, такой политики кооперирования середняцкого хозяйства, которое так же вело бы его по пути коллективизации.

Мы требовали проведения внутрипартийной демократии на основе решений X съезда партии, т.к. только при этом условии может быть укреплена связь между партией и рабочим классом, только при этом условии пролетарская часть партии может дать отпор враждебным классовым влияниям на партию, в частности, очистить ее от «бывших» меньшевиков, эсеров, бундовцев, петлюровцев, дашнаков и пр., прочно закрепившихся сейчас в партийном аппарате и в партийной печати. Мы требовали возвращения в партию и Коминтерн тех, кто был исключен из них за борьбу против оппортунизма. Мы требовали, наконец, прекращения вмешательства государственного аппарата и ГПУ во внутрипартийные дела и освобождения арестованных коммунистов.

За эти наши требования, проведение которых только и может направить СССР по пути укрепления диктатуры пролетариата, вместо того пути сползания и перерождения, по которому все более быстро ведет его ЦК, нам брошено обвинение в «неоменьшевизме» и просто в меньшевизме, во фракционной работе и в нарушении устава партии. Эти обвинения особенно усердно поддерживали те бывшие меньшевики и эсеры, а порой и кадеты, против которых и были направлены наши требования. *Их руками* защищался ЦК против пролетарской части партии.

Мы считаем ниже своего достоинства отвечать на нелепые обвинения в меньшевизме или «неоменьшевизме». Что же касается обвинений в нарушении партийного устава и фракционной работе, то, если уж говорить об этом, не мы, а ЦК является здесь виновной стороной. Не оппозиция, а ЦК отложил съезд вопреки уставу партии на год. Не оппозиция, а

ЦК применял во внутривнутрипартийной борьбе силу государственного аппарата. Не оппозиция, а ЦК положил под сукно резолюции X и XIII съездов о внутривнутрипартийной демократии. Наконец, не оппозиция, а ЦК узурпировали волю съезда, производя *во время предсъездовской дискуссии* массовое исключение оппозиционеров и арестовывая их. Если начатый раскол партии станет совершившимся фактом, то вся ответственность за это перед партией и рабочим классом ложится на ЦК.

Последние тезисы ЦК – о работе в деревне, о перспективном плане промышленности, об основных началах землевладения и землеустройства являются попыткой показать, что ЦК делает поворот налево, заглаживать впечатление от откровенно правых шагов, которые он сделал в последние годы. Поэтому они неизбежно страдают половинчатостью и внутренней противоречивостью.

ЦК обещает пересмотр плана развертывания промышленности в сторону его увеличения. Но, наряду с этим, он целиком сохраняет всю ту политику, благодаря которой у него не хватает средств даже на проведение того плана, который намечен теперь. При этих условиях его директива об усилении развертывания промышленности, в которой он тщательно обходит вопрос о том, за счет каких средств может быть произведено это усиление, остается беспредметным пожеланием.

Обещание семичасового рабочего дня, которым ЦК пытался «перекрыть» требования оппозиции об улучшении положения рабочих, уже явно для всех превратилось только в новый предлог для увеличения интенсивности труда при восьмичасовом рабочем дне. А все последние решения по вопросам труда и заработной платы открыто объявляют, что *отставание зарплаты от производительности труда* является неизбежной основой рабочей политики советского государства. Директива же ВЦСПС о перезаключении коллективных договоров прямо предполагает, как указано выше, ухудшение условий труда и жизни рабочих.

ЦК обещает «форсированное наступление на кулака», и вместе с тем, издеваясь над марксизмом, ленинизмом и просто здравым смыслом, утверждает в своих тезисах, что экономический рост кулака идет одновременно с его политическим ослаблением, что кулак растет, а беднота уменьшается. Тем самым он протягивает руку откровенным сторонникам лозунга «обогащайтесь», которые давно утверждают, что хозяйственный

рост кулака благодетелен для всех слоев деревни и никакой политической опасности не представляет.

Списывая у оппозиции некоторые лозунги, делая, главным образом на словах, кое-какие левые мероприятия, ЦК в то же время с тем большим ожесточением преследует тех, кто отстаивает *левую линию* и которые одни только на деле могли бы эти мероприятия провести. Это лучше всего показывает, что «уступки» налево – лишь маневр для того, чтобы обеспечить закрепление правого курса. Когда сторонники ЦК, провозгласившего «форсированное наступление на кулака», в день десятой годовщины Октября по директиве ЦК рвали на глазах всей рабочей массы плакаты с лозунгами «против кулака, нэпмана и бюрократа», – это лицемерие было разоблачено до конца.

Мы говорили, что внутривнутрипартийная политика ЦК есть на деле политика раскола партии и ее ликвидации. История последней предсъездовской «дискуссии» целиком подтверждает это. Выборы на XV съезд, созываемый вопреки уставу после двухлетнего промежутка, на тот съезд, который будет решать судьбу партии, были произведены *до начала дискуссии* и даже до опубликования тезисов ЦК к съезду. Дискуссионный листок был превращен в листок против оппозиции. Ни единой статьи и даже тезисов оппозиции, стоящей на платформе 15-ти, не было напечатано. Платформа 15-ти заранее, до съезда, которому она была адресована, была признана ЦК антипартийной и сделана, таким образом, недоступной широким массам партии. Подписавших платформу 15-ти, тт. Дашковского и Сапронова исключили из партии, за распространение и пропаганду платформы рабочих исключали из партии и арестовывали. Взгляды оппозиции *были скрыты от партии*, а всяким клеветническим выпадам против нее был дан полный простор. Эти исключения и аресты стали будничным явлением, составной частью «партийной дискуссии».

Только путем скрывания от партии взглядов оппозиции, путем организованной кампании клеветы против нее, организованной обструкции, организованного насилия над партией со стороны партийного и государственного аппарата, ЦК удалось получить «подавляющее большинство голосов». Но эта «победа» куплена дорогой ценой, *ценой дальнейшего подрыва авторитета партии в глазах рабочего класса*. Всем известно, что настроение рабочих совсем не соответствует результатам дискуссии.

На фабриках Орехово-Зуевского района, на заводах «Манометр», «Дукс», фабрике «Красный Октябрь», на подольском заводе «Госшвей-машина», в Харькове на заводе ВЭЖ, типографии им. Петровского, открытых собраниях ячеек и заводских собраниях рабочие, при постановке вопроса об оппозиции, требовали докладчиков от оппозиции и покидали собрания, когда аппаратчики в этом отказывали. Перечисленные факты не единичны, они носят массовый характер. Попытки ЦК привлечь на свою сторону в борьбе против оппозиции беспартийных рабочих потерпели крах. Разрыв между партией и рабочим классом – к этому результату ведет неизбежно его политика.

Одержав «победу», ЦК хочет использовать ее до конца. Он не довольствуется тем, чтобы навязать партии свою оппортунистическую линию. Он хочет выбросить за пределы партии всех тех, что против этой линии борется, хочет лишить оппозицию и в будущем всякой возможности отстаивать в партии пролетарскую линию. Более того, всех, кто борется против оппортунизма, он объявляет государственными преступниками. ГПУ пушено в ход против оппозиции уже без всякого стеснения. «Кто попытается бороться с партией (оппортунисты считают себя теперь партией), будет сидеть в тюрьме», – цинично заявляет Томский. «Если оппозиция попробует вызвать "катастрофу", партия и мокрого места от нее не оставит», – грозит и хвастается Бухарин. А со стороны Угланова сыплются такие же угрозы – но уже не по адресу оппозиции, а *по адресу рабочих*: «Дух сапроновщины мы оттуда в ближайшее время вышибем и научим их работать по Ленину» (т. е. по Угланову – Ленин здесь ни при чем), – грозит он рабочим Дедовской мануфактуры, которые единогласно отказались проводить углановскую «рационализацию», т. е. переходить с 12 станков на 15 без повышения зарплаты и выбросить на улицу своих товарищей. Борьба против оппозиции и борьба против рабочих идут рука об руку.

Политика ЦК вплотную подводит партию к формальному расколу и ликвидации, с одной стороны, и разрыву с рабочим классом – с другой. Будучи вынуждены, в угоду мелкой буржуазии, все больше давить на рабочих, лишая пролетарскую часть партии, путем исключения ее из партии, всякой возможности влиять на политику советского государства, ЦК вплотную подводит к перерождению и диктатуру пролетариата, хотя объективное соотношение классовых сил в стране дает полную возможность ее сохранения и укрепления. Недаром линию ЦК одобряют Устрялов и

Отто Бауэр, недаром они приветствуют исключение оппозиции из партии, недаром буржуазная пресса расхваливает руководителей ЦК как «реальных политиков».

Мы отдаем себе ясный отчет в том, что на оппозицию в ближайшем будущем могут обрушиться жесточайшие репрессии. Мы не закрываем глаз на то, что под ударами этих репрессий наименее выдержанные, наиболее связанные в прошлом с бюрократией элементы оппозиции и даже целые группы могут отказаться от своей линии или от активной борьбы за нее. Оппозиционное движение не является результатом злой воли отдельных лиц или групп. Оно имеет глубокие корни в рабочей части партии и в рабочем классе. Оппортунистическая политика ЦК будет только усиливать протест против нее со стороны всех революционных рабочих. Никакие репрессии, никакие шатания в рядах самой оппозиции не смогут уничтожить *идущего из самых низов, из масс пролетариата* протеста против политики сдачи завоеваний Октябрьской революции, не может остановить того движения, которое ставит своей задачей торжество пролетарской диктатуры, торжество коммунизма.

В. Оборин, Ф. Пилипенко, Т. Харечко, Т. Сапронов, Э. Дунэ, М. Миньков, М. Мино, И. Дашковский, Н. Заварьян, М. Смирнов, В. Смирнов, Л. Тихонов, Б. Емельянов (Калин), А. Сливовкер, С. Шрайберг.

Очередной обман

Г.И. Мясников

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если и говорят, что книги имеют свою «судьбу», то разумеется, что эта «судьба» начинается с момента появления на свет: будут ли ее зачитывать до дыр или она будет спокойно лежать в магазинах, на складах, в библиотеках, в архивах, раздражая всех своим скучным видом, своей ненужностью, своей непристроенностью, чтобы в конце концов пойти на оберточную бумагу.

Да и тогда, когда ее будут читать — много ли, мало ли, то какое она влияние окажет на читающего — даст ли она ему что-нибудь? Откроет ли кусочек истины, правды... Вызовет ли желание пойти той дорогой, куда зовет книга или же она вызовет злобу, раздражение против себя и вокруг нее загорится борьба...

Или, наконец, она вызовет платоническое, бездеятельное сочувствие одних: очень, мол, все это хорошо, но... пусть будет так, как есть, потому что дорога, путь указываемый книгой, это путь тернистый, тяжелый — путь борьбы и лишений, невзгод и страданий... Другие же, проникнувшись к ней злобой и ненавистью, примут все меры, чтобы она попала в разряд кандидатов на скучное прозябание в складах, магазинах, чтобы потом пойти на рынок обслуживать торговцев и покупателя в качестве обертки...

Самая разнообразная, мыслимая и возможная судьба, которую они испытывали, испытывают и будут испытывать — это судьба всех тех, которые уже имели счастье появиться на свет... Предлагаемая же читателю брошюра начала испытывать давление всех сил, будучи еще в «утробе матери своей». Написана она два года тому назад в гор. Эривани, куда автор был сослан после трех с половиной-летнего пребывания в одиночках московской внутренней тюрьмы ГПУ, томской тюрьмы и вятской...

Появилась на свет недозволенным порядком, не законным, а как плод умствований лукавых, как плод дерзаний... и, появившись, должна была прятаться от руки Ирода, от руки потребителя незаконнорожденных и

незаконнослушных младенцев... Пришлось ей побывать и в земле сырой, закопанной в железной банке, и томиться, испытывая вечный страх, что вот-вот иродово племя нагрянет и откроет тайник...

А потом... Крадучись, ночью пробирается некто... Зорко глядит по сторонам. Пошел. Остановился у ворот. Поглядел в ту и другую сторону. Все хорошо. Спокойно. Нет никого из племени Ирода... Шмыгнул в ворота и с заднего хода заходит. Стучится. Отворяет.

— Давайте. Мы ее в несколько рук через копировку перепишем за один день. Пусть оригинал идет в Москву, а мы оставим себе копии.

Сказано — сделано.

Оригинал поехал в Москву. Да и поездка — это не просто пойти, взять билет, поудобней устроиться на облюбованном месте в вагоне на шестидневное пребывание в пути... Нет. Это не так. И совершенно исключена возможность отправиться почтой... А, обманывая зоркость племени Ирода, приезжает посланец... И со всеми предосторожностями достигает благополучно до нас. Забирает. И тайно ускользает. А там, в Москве, оригинал копируется всеми способами и ходит по рукам в вечном страхе за свою жизнь и жизнь всех тех, к кому он в руки попадает...

Оставшаяся копия у меня испытала «судьбу» автора... А автор, 7-го ноября 1928 года, вышедши на демонстрацию, домой не возвратился, а где-то по дороге сбрил усы, бороду, волосы, одел другой костюм и с портфелем, туго набитым рукописями, сел на извозчика и поехал на вокзал... А там купил билет до г. Джульфа. И ждал поезда. Поезд опоздал на 2 ч. 30 мин.

Тучи стали рассеиваться... Это нехорошо. Ночь будет светлая... «Эх, темная ночь, выручай!» Луна на ущербе и появится предутренней зарей! Но лучше, если были бы тучи, ветер, дождь или снег... И темно-темно... А нет. Ну и пусть. Приходит поезд. Садится. Тесно. Лезет на верхнюю полку. Удобнее — глаз меньше.

А около двенадцати часов ночи поезд проходил между станциями Дорошан II-ой и Джульфа, и здесь автор на ходу прыгнул с поезда и бегом к реке, чтобы, пользуясь прикрытием поезда и шумом, невидно и неслышно добежать до реки Аракс... Спешно раздевается. Привязывает на голову портфель и одежду и — в Аракс. Вода жжет: холодная, ледяная. Шумит Аракс. Тучи ходят. Идет небольшой снежок. По руслу дует резкий ветер... Переплыл. Она, рожденная головой, переплыла на голове...

А потом... арестовали власти Персии автора и рукописи... Полицейские участки, тюрьмы...

Зорко следит иродово племя. Хотят похитить... И тут, обманывая бдительность и полицию Персии, и ГПУ, уезжают рукописи в одну сторону, а автор бежит в другую...¹

Два раза портфель, остававшийся у меня, видел руки, которые забирали все содержимое... Но рукописей уже не было. Они уехали... И два раза племя Ирода не нашло новорожденных бунтовщиков и забирало чистую бумагу... Но вот автор переправляется нелегально через персидско-турецкую границу и снова в полицию, тюрьмы, и ссылку, чтобы потом поехать подальше от мест, где ГПУ чувствует себя хозяином...

Полицейский участок маленького городка Кара-коеса, и там родилась другая: «Краткая критика теории и практики ВКП(б) и Коминтерна».

Без стола и стула, питающийся милостью полицейских. Без единой печатной строки, на бумаге, данной полицейскими, строчка за строчкой ложатся мысли... А потом ссылка в гор. Амасия...

И старания друзей и их поддержка открывают дорогу в Константинополь: приговор на четыре года тюрьмы отменен.

Константинополь и другая: «Какое государство в СССР»

И новая попытка украсть у меня рукописи. Полиция арестовывает Ивана Железова за то, что тот подкупал за 1000 турецких лир, чтобы выкрасть у меня рукописи...

Наконец, Франция ... И то, что не удалось ни в Персии, ни в Турции, то удалось во Франции, в Париже.

Из Персии через Берлин — в Париж, миновав все преграды, приехали мои долгожданные и вновь соединились и с портфелем, в котором они переправлялись через Аракс и с головой, на которой переправлялись и которая родила их. Это был праздник. Большой праздник! А 3-го октября 1930г. их не стало. Не стало и портфеля.

¹ Агабеков, рассказавши, что охотились не только за рукописями, но и за головой моей, рассказал не все, что он знает. Почему? Какой хозяин запретил? Сегодняшний или вчерашний? Или оба?

Долгие годы одиночного заключения в ГПУ выращивали их. Надо было не только написать, но и переправить за пределы тюремных стен, а там охранить от Иродова нашествия. А при отправке из одной тюрьмы в другую, а затем в ссылку надо было их провезти. Они жили под вечным страхом истребления... Все миновали, все преодолели и у типографского станка, «среди бела дня», в центре Парижа пропали. И их пропало много: 1) «Немного правды», состоящая из а) двух писем Сталину, по одному Бухарину и Зиновьеву и Рыкову, написанных в одиночках Томской и Вятской тюрем; б) Записка разговора с Максимом Горьким в Эривани; в) И воспоминания о побеге из СССР. 2) «Краткий комментарий [Коммунистического Манифеста Карла Маркса и Ф. Энгельса](#)». 3) «О рабочем государстве». 4) «Критика программы Коминтерна». б) Проекты программы и устава Рабочих коммунистических Партий СССР. 6) «Три вопроса». 7) «Краткая критика теории и практики ВКП (б) и Коминтерна» (Или открытое письмо Троцкому по вопросу организации Рабочих Коммунистических Партий СССР. 8) «Мысли материалиста» (неоконченная). 9) «Проект Платформы Рабочего Коммунистического Интернационала». 10) Три главы воспоминаний. 11) Черновики, конспекты, наброски. Полон портфель.

Если это не рука ГПУ, то все те рукописи, которые есть в архивах ГПУ и ЦК ВКП, ЦК обязан возвратить, доказав тем самым, что он не боится появления их в свет. Если это не будет сделано, то этим устанавливается факт, что это сделано агентами ГПУ, по прямому указанию ЦК.

«Очередной обман» случайно миновал судьбы своих товарищей — он был на прочтении. Сохранилась и «Какое государство в СССР». В копиях сохранились в Германии «Краткая Критика теории и практики ВКП(б) и Коминтерна» и «Проект Платформы Рабочего Коммунистического Интернационала». Сохранилась и «Новейшее Ликвидаторство» (ответ Сорину и Бухарину на их книжку «Рабочая Группа» («мясниковщина») и шесть номеров газеты «Рабочий путь к власти», нелегально издававшейся в Москве.

Судьба брошюрки «Очередной обман» более счастливая, чем ее родных собратьев... Не потому ли, что она меньше всех их? Она выходит в свет после долгих скитаний и мытарств...

Расчет воров простой: автор занят работой по добыванию средств пропитания, и занят весь день. Писать ему нет времени. То, что написано — беспокоит, опасно. На них могут учиться пролетарии всех стран... Из

них могут понять природу современной власти в СССР и, поняв, решить вопрос: за что бороться? Гнет и эксплуатация в странах частного капитализма — невыносимы. Наемное рабство должно быть уничтожено. Но не заменять одну эксплуатацию другой — буржуазную — бюрократической, а уничтожить все виды эксплуатации — такова цель пролетариата. Госкапиталистическая эксплуатация СССР должна быть уничтожена. Но чем заменить? — Вперед или назад? К частнособственному капитализму или к Рабочему государству? Все эти работы освещали эти вопросы, обосновывая ответы как теоретически, излагая философию пролетарской революции, так и практически, разъясняя, что значат слова Маркса: «Первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на ступень господствующего класса, завоевание демократии», показывая на истории Парижской Коммуны и опыта трех русских революций, что это означает: давая конкретные, ясные ответы на вопросы — что такое рабочее государство. Это опасно. Бюрократия это понимала и понимает... А отсюда все качества...

Два года прошло с тех пор, как написана брошюрка. Написана она по настоянию товарищей; по настоянию Вр[еменного] Центральн[ого] Орган[изационного] Бюро Рабочих Коммунистических Партий СССР (Рабочей Группы), считавшего необходимым отозваться на новый трюк бюрократии, выдвинувшей новый лозунг «самокритики». И вот в течение двух с лишним лет этот лозунг не сходит со страниц «Правды» и «Известий» и всех СССР-овских газет вообще. Это постоянство удивительно. И это делает брошюрку современной, нужной и необходимой. Больше того — за это время этот лозунг, рожденный затхлой атмосферой всевластия бюрократии, предназначенный исключительно на предмет обмана пролетариев СССР, через Коммунистический Интернационал перекочевал во все секции и сделался одним из идейно-организационных устоев коммунистических партий всех стран и приобрел тем самым международное значение, и критика его сделалась еще более необходимой.

Вот это перенесение методов организационного строительства из обстановки всевластвующей, господствующей бюрократии, из специфических условий господства, присущих бюрократии: из условий однопартийной формы управления государственного капитализма, перенесение в совершенно иную историческую обстановку, на совершенно иную классовую почву изобличает удивительную «диалектичность» и «марксистскую

выдержанность» всего комплекса мыслей, приведших к этому, как у тех, которые это стремятся перенести, так и у тех, кои не критически воспринимают это и рабски проводят в жизнь.

Господствующая бюрократия этим путем свидетельствует факт, что она разделяет судьбу всех до нее господствовавших классов и с критических и диалектических методов мышления перешла к догматическим, видя в форме своего господства идеал государства (и его же не преjdeши), и стремится пролетариату всего мира навязать как программу своего господства, так и организационные методы. Это выявляет классовую сущность и природу ее устремлений, и, помимо всего прочего, она достигает этим путем укрепления своего господства.

От Троцкого до Сталина, от меньшевиков до «Последних Новостей» все политические направления меряют классовую сущность и природу государства СССР — государственной собственностью средств производства и успехами в области экономического строительства.

Платформа 83-х (троцкистов-зиновьевцев), критикуя «теорию построения социализма в одной стране», выдвинула вместо сталинской пятилетки с 9 % роста индустрии свою, интернациональную, пятилетку с 20 %. Им казалось, что 20 % роста — это интернационализм, а 9 % это «национальная узость и ограниченность», а бюрократия во главе со Сталиным взяла да и выдвинула пятилетку с 30 % роста и в течение двух лет успешно проводит ее в жизнь со значительным превышением первоначальных наметок пятилетки, и есть все основания думать, что предположения пятилетки будут выполнены в четыре года. Казалось бы, для всякого честно мыслящего человека обязательным признать, что мерило, критерий «интернационализма» и национальной ограниченности не выдержали испытания жизни, и разногласия свои обязательно надо обозначить менее возвышенным названием. Конечно, можно сказать, что количество переходит в качество и здесь больше всего это можно ожидать. В самом деле: если не 9 %, а 5 %, а если не 5, а 2 % роста, то в то же самое время сектор частнособственнического хозяйства неминуемо будет расти интенсивнее, и если при 20 % роста индустрии он будет расти 2 %, то при 9 % он будет расти 3-5 %, а при 2 % он неминуемо будет расти 7-9 %, иначе быть не может, так как в противном случае получается остановка развития производительных сил — т.е. крах. Сказать это можно. Но кто может, оставаясь в рамках честного, добросовестного спора, предъявить обвинение Стали-

ну и К°, что они могли пойти на это? Ведь всякому понятно, что вопрос о % роста есть вопрос не принципиальный, а арифметический. Ни Сталин и К°, ни Троцкий-Зиновьев (покойник) ни на минуту не допускали, что % роста государственной промышленности будет ниже % роста частного сектора СССР, а это значит, что частная собственность и частная промышленность, торговля осуждены всем ходом экономического развития на вымирание. Не соха, серп, коса, прялка имеют будущее, а машина, крупнозаводского типа промышленность. Крестьянин — представитель старого, буржуазного мира, мира частной собственности, а бюрократия, организованная в партию и свое государство, распоряжающаяся всеми ресурсами крупной индустрии и индустриального земледелия — она стоит на ступени господствующего класса и олицетворяет в себе представителя крупномашинной промышленности.

Бюрократия — представитель машины — частный собственник, крестьянин — представитель сохи. Борьба не равная. Соха на ладан дышит. Бюрократия совершает свое триумфальное шествие, и это ни на йоту не меняет классовой сущности государства.

Коллективизация — это внедрение государственного капитализма в деревню, как правильно сказал тов. Сапронов. Это первоначальная стадия вытеснения частнособственнического, сошного хозяйства. Второй этап — это превращение всех коллективов в совхозы, а мелкого буржуа в пролетария...

Бюрократия не может остановиться на этапе коллективов, артелей и коммун.

Что такое хорошо оборудованный и организованный коллектив? — Это фабрика, завод сельскохозяйственных продуктов, но разница между фабрикой городской промышленности и коллективом состоит в том, что во главе фабрики стоит бюрократ, единодержавный и единоличный, назначенный комиссией бюрократов, а во главе коллектива стоит выборное управление, и он похож на фабрику, где Советы Рабочих депутатов фабрики управляют производством.

Это принципиально не приемлемо бюрократии. Это соблазн для пролетариата. Он может сказать: вчерашний мелкий буржуа, крестьянин, он может стоять во главе производства, управляя им, а я потомственный, почетный пролетарий не могу делать этого? — Долой бюрократию, да здравствуют Советы Рабочих депутатов предприятий! — А это смерть

бюрократии. Этого она не захочет. И хотя однопартийная форма управления бюрократического государства дает возможность бюрократии подбирать состав правления, но все-таки тут есть много неведомых для бюрократии моментов, и она неминуемо будет стремиться к превращению коллективов, коммун и артелей в совхозы с назначенным директором во главе, чтобы тем самым уничтожить соблазн для пролетариата городов.

Успех государственного капитализма в области экономического развития несомненен. Отрицать его могут только слепцы и реставраторы частнособственнического капитализма. Но эти успехи наряду с кризисом частнособственнического капитализма во всех странах только свидетельствуют одно: государственный капитализм прогрессивнее частнособственнического, сильнее его.

И в самом деле. В 1920 году вся промышленность городов была разорена и доведена до 15-20 % от 1913 года. Белогвардейские орды вкупе и любе с капиталистами всех стран рыскали по стране, уничтожая все, что только можно уничтожить и достигли небывалого в истории успеха в области разорения страны, разрушения ее производственных сил.

С 1921 года в условиях финансовой и экономической блокады начинается тяжелый, длительный процесс восстановления разоренной промышленности. И это достигается в пять лет. К 1926 году промышленность достигла довоенного уровня. А с 1926 по 1930 год достигла 200 % довоенного. И это в условиях отсутствия кредита, финансовой блокады!

Какая страна частнособственнического капитализма могла бы выдержать финансовую блокаду, какую выдержал СССР? И не только дать в этих условиях рост, подобный росту индустрии СССР, а сохраниться и миновать катастрофы? — Такой страны нет. И если в условиях самого тесного экономического сотрудничества и финансирования буржуазия переживает кризис, угрожающий самому существованию ее господства, существованию частной собственности, то что было бы с любой буржуазной страной, если бы она жила в условиях фактической блокады в продолжение больше чем 12 лет? Да начала бы свое развитие с 20 % 1913 года? — Что было бы с ней? Она перестала бы существовать как страна частнособственнического капитализма, в ней была бы революция. А СССР не только живет, но и растет. Растет бурно: так растет, как никогда и ни одна из стран буржуазии. И это при скованности, бюрократической опеке и боязни творческих сил пролетариата, крестьянства и интеллиген-

ции. А что было бы, если бы сами пролетарские массы стояли во главе производства в лице своих Советов Рабочих Депутатов предприятий, во главе распределения в лице Кооперации и во главе государственного контроля и над деятельностью Советов, и над деятельностью Кооперации в лице своих производительных, профессиональных союзов, да так построенное государство имело бы многопартийную форму управления, обеспечивая все права и свободы и юридически, и фактически за всеми пролетариями, крестьянами и интеллигентами в неизмеримо большей мере, чем в любом буржуазном государстве: свободы коалиций (организации партий), слова, печати, собраний и т. д., давая простор всем творческим силам трудящихся масс, скованных вековым гнетом, насилием — разве тогда могло бы иметь место вредительство? Смоленские, артемовские истории? Мелкие и крупные хищения? А теперь нет ни одного крупного строительства, где бы не было хищения, нет ни одного торгпредства, где не было бы казнокрадства, грабительства. И рост, колоссальный рост, невиданный рост экономического, культурно-бытового строительства показывал бы истинные чудеса. И разве так организованный пролетариат — в свое государство — не являлся бы в действительности отечеством всех трудящихся, угнетенных масс? Разве там не находило бы убежище все разномыслящее рабочее племя — гонимое за борьбу против капитализма? А теперь это убежище бюрократии и при том бюрократии, целиком и полностью разделяющей убеждения бюрократии СССР. И будь ты хоть самым патентованным бюрократором, вроде [Троцкого](#), — но раз ты имеешь самые малюсенькие, крохотные разногласия вроде тех, что имели и имеют наши именитые оппозиционеры, сущность которых сводилась к тому, с какого волоса начинается плешь или с какого % роста производства начинается интернационализм — и эти не имеют права думать вслух, «смеяться скопом» и рассаживаются по тюрьмам, рассылаются по гиблым местам, изгоняются из страны, а то и пристреливаются в тиши внутренних тюрем ГПУ, то все многомиллионное пролетарское племя всех стран, все разномыслящее, разноязычное, стремящееся низвергнуть наемное рабство не могут видеть в нем своего отечества. И если все-таки влияние бюрократии СССР велико, то это происходит за счет эксплуатации ореола русской ноябрьской революции и во-вторых — служит показателем того, как тяжело живет пролетариату: хоть черту на рога, но чтобы избавиться от вечного наемного рабства. И одним фактом своего существования Рабочее

Государство делало бы больше, чем все ухищрения бюрократии, чем все златоусты и писатели. Оно было бы набатным зовом, зовущим на сокрушение стен эксплуататорского Иерихона.

Успехи СССР в области экономического строительства показывают лишь, что государственный капитализм сильнее частнособственнического, как успехи буржуазии своего времени показывали прогрессивность ее производственных отношений по сравнению с феодальными.

Те же доказательства, что бюрократия СССР борется против частнособственнического капитализма, как внутри Союза так и вне его доказывают, что государственный капитализм враждебен частнособственническому и являются доказательствами того, что бюрократия верна своим классовым интересам. Как и буржуазия, борясь с СССР, остается верной своим классовым интересам, охраняя свое господство. Она не хочет быть экспропрированной ни бюрократией, ни пролетариатом. И это ни в какой мере не может служить доказательством пролетарской сущности государства СССР.

На частном вопросе «о самокритике» брошюра освещает вопросы программы: за что бороться, вопросы тактики — как бороться, вопросы устава — как строить ряды, чтобы победить. Но все эти вопросы мало разработаны. Другие, сохранившиеся рукописи: 1) «Краткая критика теории и практики ВКП (б) и Коминтерна», 2) «Какое государство в СССР», 3) «Проект платформы Рабочего Коммунистического Интернационала», 4) «Проект Устава Рабочих Коммунистических Партий СССР» — дают более конкретный материал для программно-тактической уставной дискуссии.

Товарищи, те, что действительно болеют и мучаются болезнями и муками пролетариата, все, что дерзают смель суждения свои иметь, все, что смелое и честное есть в пролетариате всех стран, пойдут на эту дискуссию. Они должны знать, за что бороться, как бороться и как строить свои ряды, чтобы победить. Ясные, точные ответы на эти вопросы развяжут энергию пролетариата и помогут организовать для боя и побед.

Заграничное представительство временного Центрального Бюро Рабочих Коммунистических Партий СССР не имеет материальной возможности пользоваться формально, законно признанными свободами буржуазным государством и не может без помощи товарищей издать эти материалы. Необходима материальная поддержка. Будь эта поддержка, мои

рукописи не были бы украдены, а давным-давно были бы в печати. Помогите, товарищи!

Вторая помощь — это продвижение всех брошюр, книг в СССР пролетариям СССР. Надо найти пути, закрепить их и начать работу.

Прекратившийся журнал «Рабочий Путь к власти» должен быть продолжен изданием здесь. Нужны средства, сотрудничество, связи.

Помогайте!

Автор

Октябрь, 1930 г.

СЛОВО ПОКОЙНИКАМ

(Вместо введения)

В сентябре 1843 г. [Маркс](#) писал Руге:

«До сих пор философы имели в своем портфеле разрешение всех загадок, и глупому миру непосвященных оставалось только раскрыть рты, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Теперь философия сделалась светской... Если конструирование будущего и окончательные результаты для всех грядущих времен не наше дело, то я говорю о беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: в том, что эта критика не боится собственных результатов, и в том, что она не отступает от столкновения с предрержащими властями».

Этому критическому настроению одного из будущих авторов «Манифеста» вполне соответствовало настроение другого его автора, [Фридриха Энгельса](#), как это хорошо видно из его интересной статьи, в которой много места отведено изложению взглядов Карлейля.

Карлейль признавался, что у него нет никаких «мориносовых пилюль», никаких панацей для лечения общественных бедствий. Указав на это признание, Энгельс замечает: «В этом он тоже прав. Еще не совершенна та общественная философия, которая выдает два три положения за свой конечный результат и предлагает «мориносовые пилюли». Нам не так нужны голые результаты, как изучение. Результаты без развития, которое ведет к ним — ничто: это мы уже знаем со времени Гегеля. А результаты, которые фиксируются как неизменные и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже, чем бесполезны. Но результаты все-таки

должны принять определенную, хотя и временную форму; развитие должно вывести их из туманной неопределенности и сделать из них ясные мысли».

В течение времени, протекшего с тех пор, как написаны были эти строчки, социальная философия Маркса-Энгельса тоже пришла в своем развитии к известным результатам, которые получили первое систематическое выражение в [«Манифесте Коммунистической партии»](#) и затем пополнялись в других сочинениях авторов. Эти результаты никогда не грешили туманной неопределенностью... Но если справедливо замечание Энгельса о том, что надо дорожить не столько результатами, сколько тем развитием, которое ведет к ним, и что вообще результаты имеют лишь временное значение, то можно спросить себя: не устарели ли результаты, изложенные в «Манифесте», и не осуждены ли они дальнейшим ходом того самого развития, которое некогда привело к ним? Один остроумный француз заметил, что он не хотел бы думать как Вольтер в такое время, когда Вольтер думал бы иначе. Если бы мы захотели думать, как Маркс и Энгельс в такое время, когда Маркс и Энгельс думали бы иначе, то показали бы этим полную неспособность усвоить живой критический дух их учения и, отстаивая его мертвую букву, мы были бы от него гораздо дальше, чем те догматики, о которых говорил Маркс в цитированном выше письме к Арнольду Руге.

Маркс и Энгельс беспощадно критиковали все существующее и не боялись результатов своей критики. Ученики Маркса и Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые их учителями.

Казалось бы, что это само собой разумеется и что говорить об этом излишне, говорит [Г.В. Плеханов](#), но это не правда, что это само собой разумеется и совсем не излишне об этом говорить теперь, в наше время, когда самой высокой добродетелью провозглашается слепая вера в мудрость «философов», заседающих в Политбюро ЦК ВКП, которые «имеют в своих портфелях разрешение всех загадок, и глупому миру не посвященных пролетариев остается только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки». Совсем не лишне об этом говорить, когда «всякая критика линии партии, линии ЦК ВКП и справа и слева считается меньшевизмом» со всеми вытекающими отсюда последствиями для дерзновенных критиков. Неправда, что ЦК ВКП не имеет «мориновых пилюль», никаких панацей для лечения обще-

ственных недугов»; если бы не имел, то критику считал не только уделом дерзких головорезов, но долгом каждого марксиста, долгом каждого революционера. А что они похожи на догматиков, о которых говорил [К. Маркс](#), и, по мысли Г.В. Плеханова, стоят гораздо дальше от Маркса, чем эти догматики, так в наше время никого, уважаемый папаша русского марксизма, в ЦК ВКП этим не смутишь.

Хорошо Вам, уважаемый Г.В. Плеханов, говорить что «ученики Маркса-Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые их учителями», когда Вы находитесь вне пределов досягаемости. А мы вот, следуя Вашему совету, попробовали критиковать «результаты», добытые учениками Маркса-Энгельса, и испытали и испытываем неловкости «результатов» нашей критики. Но так как Вы нас учили, следуя Марксу-Энгельсу, не «отступать от столкновения с предрержащими властями», то мы решили продолжать думать так, как бы думали Маркс и Энгельс, находясь в нашем положении.

И это делаем потому, что: «Сознательные рабочие, ведя дальше свое движение, должны постоянно оглядываться на пройденный рабочим движением путь и обдумывать снова и снова, правилен ли этот путь, нет ли возможности улучшить его». И потому, что: «Только людям неумным и боящимся участия широких масс в политике кажутся неуместными или излишними открытые и страстные споры о тактике, которые постоянно наблюдаются в рабочей печати. На самом деле именно эти горячие споры и помогают тому, чтобы все рабочие втягивались, приучались всесторонне обдумывать свою, рабочую политику, вырабатывали твердую, ясную, определенную классовую линию движения», — как говорил другой, бывший в то время, когда Вы писали свое «Предисловие», в 1900 г. Вашим другом и соратником, другой ученик Маркса и Энгельса Н. Ленин.

Но кроме того этот же [Н. Ленин](#) говорил: «Бывают такие споры и такая борьба мнений в печати, которые помогают читателям понять вопросы политики, глубже дать себе отчет в их значении, тверже решить их.

Бывают споры, которые вырождаются в перебранку, в сплетни и дразги.

Передовым рабочим, которые знают свою ответственность за ход работы, превращающей и организующей пролетариат, надо внимательнейшим образом смотреть за тем, чтобы *неизбежные* споры, *неизбежная* борьба мнений *не вырождались* в перебранку, сплетни, дразги, клевету».

Он же находил, что «политическая невоспитанность россиян сказывается, между прочим, в неумении искать точных доказательств по спорным и важным историческим вопросам, в наивном доверии к восклицаниям и выкрикам, к заверениям и клятвам заинтересованных лиц» (стр. 14). И что «всякий разумный человек понимает, что если идет горячая борьба из-за какого бы то ни было предмета, то для установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих сторон, а самому проверять *факты* и *документы*, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания».

«Спора нет, это сделать не всегда легко. Гораздо «легче» брать на веру то, что попадаетея, что *доведется* услышать, о чем более «открыто» кричат и тому подобное».

Но только людей, удовлетворяющихся этим, зовут «легонькими», легковесными людьми, и никто с ним серьезно не считается. Без известного *самостоятельного* труда ни в одном серьезном деле истины не найти, и кто боится труда, тот сам себя лишает возможности найти истину» (стр. 84).

«Только тот заслуживает названия члена партии и создателя рабочей партии, кто внимательно изучает, обдумывает и самостоятельно решает вопросы и *судьбы* своей партии» (стр. 116).

«Поэтому мы обращаемся только к тем рабочим, которые этого труда не боятся, которые решились самостоятельно разбираться и стараться найти факты, документы, свидетельские показания» (стр. 84).

Причем не бояться критиковать результаты, добытые [Марксом-Энгельсом](#) — не [Плехановым](#), не Лениным и не ЦК РКП.

Тов. [Ленин](#) говорит: «Тов. Чудновский говорил здесь о том, что он позволил себе подвергнуть действия комиссаров резкой критике. Здесь не может быть речи о том, можно или нельзя позволить себе резкой критики, эта критика составляет долг революционера, и народные комиссары не считают себя непогрешимыми. Критика — долг революционера!»

1. Бюрократическое вранье и пролетариат

Всякий грамотный и неграмотный рабочий и крестьянин неожиданно оглушен воем и криками всех партийно-советских профессиональных бюрократов о «*самокритике*».

Каждая газета, каждый журнал только что голосили, завывали, требуя расправы со всяким иначе-думающим — оппозиционным рабочим, крестьянином и пролетарским интеллигентом, — требуя применения крови и железа, требуя расправ направо и налево. И вот, расовав не одну тысячу рабочих, крестьян и интеллигентов по тюрьмам и ссылкам очень «социалистического» отечества, эта бюрократическая орава вдруг заголосила благим матом о «критике», «самокритике», о «беспощадной, сверху до низу, критике»! В чем дело? Почему эта бюрократическая орава, решающая все важнейшие вопросы многомиллионной страны вдали от пролетарских и крестьянских глаз, в тиши кабинетов политбюро ЦК ВКП(б), постановления которого объявляются более непогрешимыми, чем постановления святейшего синода, почему она, только что расправившись с честнейшими рабочими, крестьянами и интеллигентами без всякого гласного суда, без права защиты, Шемякинским судом застенков, только потому, что эти честные революционеры дерзнули сметь свое суждение иметь, да и высказать его, расправившись более жестоко, чем самое подлое из подлых буржуазных правительств (Бела Кун осужден буржуазным, гласным судом к 3 месяцам тюрьмы, а организатор побега из германской тюрьмы, т. Браун, осужден на 6 месяцев), вдруг провозглашает лозунг самокритики?

Партийные и беспартийные рабочие, крестьяне и интеллигенты ошеломлены этим наглым лицемерием и стоят в недоумении: неужели поворот? Неужели теперь над иначе-думающими, чем бюрократия из Политбюро ЦК ВКП(б), рабочими, крестьянами, интеллигентами не будут учинять безгласной, в тиши подвалов ГПУ, внесудебной расправы за то, что они будут высказываться на собрании и в печати? Неужели отныне постановления бюрократии, заседающей в Политбюро ЦК ВКП(б), теряют свою святость и неприкосновенность? Неужели постановления оравы бюрократов, съезжающихся на вселенские и поместные соборы (партсъезды), можно критиковать и вести борьбу за их изменение, набирая большинство? Разумеется, нет. Это очередной обман бюрократии.

Недовольство рабоче-крестьянских масс всевластием, бесконтрольностью, произволом, казнокрадством бюрократии, неспособной даже на самое простое дело: обеспечить хлебом города страны, экспортирующей хлеб, настолько велико, что бюрократия, организованная в господствующий класс и партию, стоящая во главе производства, распределения и

государства, вновь почувствовала, что расправа с оппозиционными пролетариями, крестьянами и интеллигенцией не помогли ей, и почва под ее ногами стала более горячей, чем когда-либо. Вот почему она так неистово завопила о «бюрократизме», о «самокритике».

Но, разумеется, «самокритика», «критика» — должны идти на пользу бюрократии, укоренить власть и господство бюрократии, очистив ряды этой бюрократии от явных казнокрадов, растритителей, бандитов, особенно озлобляющих пролетариат и крестьянство, и этим путем отвести их недовольство самой системой господства бюрократии на мелочи: на уголовные делишки мелкой сошки от бюрократии, бюрократической мелкой шпанки. Бюрократия борется за «честных» бюрократов и призывает рабочих и крестьян помочь ей почистить бюрократические конюшни. Вот рамки «критики», «самокритики», выход за которые бюрократия будет «пресекать» всеми средствами: подкупом, клеветой, тайной расправой в ГПУ, ссылками и тюрьмами. Рабочий класс, трудовики крестьяне, а также честная, пролетарски мыслящая интеллигенция — будут бороться за уничтожение господства бюрократии, за слом всей бюрократической машины, за устранение бюрократии от руководства производством и за замену ее Советами Рабочих Депутатов предприятий, выбирающими все органы управления промышленностью: правления трестов, синдикатов, ВСНХ, в то же время делая эти Советы «основными ячейками государственной власти» (программа РКП(б)); они будут бороться за устранение бюрократии от руководства торговлей, за уничтожение всех наркомторгов, госторгов и передачи всех капиталов, прав и обязанностей кооперации; они будут бороться за устранение бюрократии от государственного контроля и передачу всех прав и обязанностей бюрократической, а не рабоче-крестьянской инспекции, производственным (профессиональным) союзам; они будут бороться за рабочее государство, за диктатуру пролетариата, за пролетарскую демократию, зная, что бюрократия не способна хоть в какой-нибудь значительной мере уничтожить казнокрадство, взяточничество, произвол, издевательства, угнетение и эксплуатацию рабоче-крестьянской массы.

И хотя в своей повседневной борьбе пролетариат будет бороться за частичные требования, за частичное уничтожение бюрократического зла, повышение заработной платы, улучшение охраны труда и прочие реформы социал-бюрократического режима, но борясь с бюрократическим

злом, пролетариат должен знать природу этого зла, которая лежит в самой системе государственного капитализма, во всей системе социал-бюрократического строя.

Только уничтожение этого строя и замена его рабочим государством уничтожит самую почву бюрократии и пакостей ее.

2. Бюрократическая ложь в прошлом и настоящем

Не первый раз социал-бюрократия криками о критике, самокритике, о демократии советской и пролетарской заглушает свой страх перед растущим недовольством рабоче-крестьянских масс, прикрывая в тоже время этим «свободолюбивым» завыванием расправы с иначе-мыслящими пролетариями, крестьянством и интеллигенцией.

Все помнят, как в 1923 году после самых свирепых расправ с пролетариями из «Рабочей группы» РКП(б), преступления которых состояли в том, что они выступили с критикой теории и практики бюрократии в «Манифесте Рабочей группы», выступили с критикой «скопом», группой, критикой организованной, — все помнят, как учинив свирепую, тайную, подвально-гепеускую расправу над ними, бюрократия тогда также заголосила благим матом о советской демократии, о пролетарской демократии. Как потом, в 1924-25 годах, когда недовольство рабоче-крестьянских масс стало выливаться в стихийные забастовки и восстания, эта бюрократия вновь и вновь завопила о «критике» и «самокритике». Так, на XIII Московской партконференции в январе 1925 года теперешний вожак бюрократии [Сталин](#) говорил: «Вопрос стоит так: либо мы, вся партия, дадим беспартийным рабочим и крестьянам критиковать себя, либо нас пойдут критиковать путем восстаний». Грузинское восстание — это была критика. Тамбовское восстание — тоже была критика. Восстание в Кронштадте — чем же это не критика?

«Одно из двух: либо мы откажемся от чиновничьего благополучия и чиновничьего подхода к делу, не будем бояться критики и дадим критиковать себя всем беспартийным рабочим и крестьянам, которые ведь испытывают на собственной спине результаты наших ошибок; либо недовольство будет накапливаться, будет нарастать, и тогда критика пойдет путем восстаний».¹

Кто не узнает в этой речи испуганного, паникерствующего чинушу, до которого докатились волны рабоче-крестьянского недовольства, и который все пообещает, чтобы потом, как только усмирят рабочих и крестьян совокупным действием лжи, провокаций, подкупов и насилия, обмануть их?

Тамбовское, грузинское и кронштадтское восстания — это была критика. Критика рабочих и крестьян принимала форму восстаний и забастовок потому, что они до сих пор не имели права иной критики линии правящей бюрократии и ее партии, права критики устным и печатным словом, сознается Сталин, поэтому-то он и говорит: «Либо мы дадим критиковать себя (бюрократию) всем беспартийным рабочим и крестьянам, либо недовольство будет накапливаться, нарастать и тогда пойдет критика путем восстаний».1

Значит, по признанию вожака бюрократии Сталина, до 1925 года рабочие и крестьяне были лишены всех политических прав: свободы слова, печати, собраний, организации партий (свободы союзов), лишены права критики.

Всевластие, произвол, насилия бюрократии не имеют никакого предела. Потому-то рабочие и крестьяне, испытывая на собственной спине результаты политики Сталиных и К^о и доведенные до отчаяния, решили выявить свое недовольство путем восстаний и забастовок.

«Либо мы откажемся от чиновничьего благополучия и чиновничьего подхода к делу, не будем бояться критики и дадим критиковать себя всем беспартийным рабочим и крестьянам, — либо недовольство будет накапливаться, нарастать, и тогда критика пойдет путем восстаний».

Сам вождь бюрократии от имени всей бюрократии изрекает «свободолюбивые» либеральные фразы и выбалтывает, что на эти фразы его вынуждает страх перед растущим недовольством рабочих и крестьян, которое может вылиться в форму восстаний. Кроме того, этот главчиноша зовет своих собратий отказаться от чиновничьего благополучия, от чиновничьего подхода к делу, т. е. призывает их изменить своей мелкобуржуазно-бюрократической природе. Разумеется, что из этого ничего не вышло. И сам вождь, как и вся орава чиновников, как были бюрократами, так ими и остались.

1 См.: «Правда», № 24, 30 января 1925 г.

Замечательно в этом паническом признании вожака бюрократии то, что «чиновничий», «бюрократический» подход к делу загонял недовольство внутрь; что всякая критика со стороны рабочих и крестьян и справа и слева всей линии этих бюрократов и их партии считалась меньшевизмом и контрреволюцией и с ней расправлялись втихомолку, вдали от пролетарских глаз, в тиши подвалов ГПУ, и тем не менее это не спасло бюрократию, и вождь зовет ее отказаться от бюрократического подхода к делу и дать возможность критиковать себя, не доводя своим «бюрократическим подходом к делу» — т. е. произволом и насилием — рабочих и крестьян до критики путем восстаний и забастовок.

«Самая большая опасность, — продолжает [Сталин](#), — состоит в том, что многие наши товарищи не понимают этой особенности положения в данный момент. Часто говорят: что же в Москве наши лидеры взяли за моду говорить о крестьянстве? Это, должно быть, не серьезно. Это дипломатия. Москве нужно, чтобы эти речи говорились для заграницы. А мы будем продолжать старую политику» (там же). «Вся беда, самая большая опасность состоит в том, что местные работники будут рассматривать новую линию не как линию, а как способ объегоривания заграницы, и будут по-старому, по чиновничьи подходить к делу, рассматривая, как и раньше, всякую критику и справа, и слева, и со стороны крестьян, и со стороны рабочих как меньшевизм, как контрреволюцию и по-старому же будут расправляться с нею: *будут «тащить и не пущать»*».

Сталин сознается, что ему могут не поверить даже его товарищи, так как часто говорились эти «свободолюбивые» речи о свободе критики для обмана рабоче-крестьянских масс, и местные работники могут посмотреть на это как на очередной трюк, фокус на предмет обмана рабоче-крестьянских масс.

Так оно и оказалось. Если бы была свобода критики с 1925 года для всех рабочих и крестьян, то зачем же вновь в 1928 году заговаривать о «самокритике» и «критике»? Тогда обманывали на «критике» для всех рабочих и крестьян, а теперь на «самокритике».

Не только беспартийным рабочим и крестьянам нельзя критиковать всевластную бюрократию, т. е. издавать газеты, журналы, книги не бюрократического толка, не казенного направления, выступать на собраниях, организовываться в группы, партии и выступать на выборах, конкурируя с партийной бюрократией, но и нельзя было выступать с критикой

партийным же товарищам, а как только выступили да попробовали отстаивать свою точку зрения, и бороться в партии за большинство, так тогда с ними расправлялись со свирепостью и жестокостью, которой позавидовали бы даже твердолобые фашисты Италии, расправляющиеся с коммунистами, в большинстве случаев, через гласный суд. А у нас гласный суд существует для воров, убийц, растлителей, казнокрадов, белобандитов, генералов, капиталистов и их наймитов, а с инакомыслящими пролетариями, крестьянами и интеллигентами расправляются втихомолку, в тиши подвалов ГПУ. И пока не обеспечат за рабочими, крестьянами, интеллигенцией самых элементарных прав на гласный суд и на право защиты, которые признаны за всеми категориями уголовных преступников, а также за шпионами, провокаторами, жандармами, генералами и т. д., и т. п., пока с инакомыслящими рабочими, крестьянами, интеллигентами будут расправляться в тиши подвалов ГПУ без права гласной защиты, пока будет существовать для них Шемякинский суд застенков, — до тех пор рабочие и крестьяне не могут поверить бюрократии и их вожакам, что они действительно допускают свободу критики, до тех пор всякие разговоры о критике и самокритике есть наглая ложь, обман и провокация.

В 1925 году бюрократия выступила с лозунгом «критики для всех рабочих и крестьян». В 1928 году с лозунгом самокритики. Но цена этим лозунгам одна и та же, ибо и в 1925, и в 1928 годах ГПУ расправлялось и продолжает расправляться со всяким инакомыслящим рабочим, крестьянином и интеллигентом в своих застенках без гласного суда, без прав защиты. И пока томятся в тюрьмах и ссылках рабочие, крестьяне и интеллигенты, засаженные туда за инакомыслие, за политику, без гласного суда, без права гласной защиты, до тех пор никто не может поверить клятвам и заверениям Сталиных и К^о, что это не очередной бюрократический обман.

3. Разделение труда у бюрократов

Во всех удобных и неудобных случаях, под всякими предложениями и без всякого предложения бюрократические вожаки из Цека ВКП(б) объясняются в любви к пролетариату и сердито порицают бюрократизм. Каждый раз лечение недугов бюрократической машины государства они обещают проводить через вовлечение рабочих и крестьян в государственную рабо-

ту, и каждый раз все это кончается тем, что они несколько бюрократов из интеллигентов и крестьян заменяют бюрократами из рабочих, чтобы спекулировать на рабочем происхождении чиновников. Но как президент Германской республики — шорник Эберт, как президент Совета министров деревообделочник Шейдеман, как токарь по металлу военный министр Носке и т. д. и т. п. не меняли сущности буржуазного государства, так не изменяют чиновники из рабочих сущности социал-бюрократического, госкапиталистического строя. Как для превращения буржуазного государства в государство рабочее необходимо «возвышение пролетариата на ступень господствующего класса», так и для превращения социал-бюрократического государства госкапиталистического строя в государство рабочее необходимо возвышение пролетариата на ступень господствующего класса. Разница только в том, что в частнокапиталистическом обществе пролетариат устраняет от руководства производством и распределением буржуазию, захватывая в руки Советов Рабочих Депутатов предприятия, управление всем производством, а в руки кооперации весь торговый аппарат буржуазии, становясь главой распределения; делая производственные (профессиональные) союзы организациями государственного контроля и над работой Советов Рабочих Депутатов предприятий и кооперации. В госкапиталистическом же обществе рабочий класс устраняет от руководства производством и распределением бюрократию, ставя на место бюрократов: директоров, начей, завов и т. д., Советы Рабочих Депутатов предприятий во главе производства, кооперацию во главе распределения и союзы во главе контроля. В частнокапиталистическом обществе пролетариат низвергает со ступени господствующего класса буржуазию, а в госкапиталистическом обществе — бюрократию. Там он разрушает буржуазную государственную машину, а здесь *бюрократическую*. Буржуазия борется против попыток пролетариата высидеться на ступень господствующего класса, борется и будет бороться против попыток пролетариата стать господствующим классом и бюрократия. Буржуазия охраняет свое классовое господство, бюрократия — свое. Социал-прохвосты из II-го и Амстердамского Интернационалов, охраняя господство буржуазии, неистово орут, что они борются за социализм, а социал-бюрократы из Политбюро, охраняя госкапиталистический строй, называют его социализмом и рабочим государством.

Чего не хочет буржуазия? Превращения пролетариата в господствующий класс, превращения Советов Рабочих депутатов предприятий в главу производства и «в основную ячейку государственной власти» (программа РКП), а кооперации — в главу распределения. Этого буржуазия не хочет, ибо это ее гибель, смерть. Но почему не хотят этого [Сталины](#) и К°, так громко кричащие о том, что они за вовлечение рабочих в хозяйственно-государственную работу, что они борются за рабочее государство, за коммунизм? Как только поставишь этот вопрос — все становится ясным, все фразы, все хорошие слова о коммунизме, о диктатуре пролетариата, — все сразу становится очевидной для всякого рабочего ложью, наглым обманом, сплошным лицемерием. Сталины, [Бухарины](#) и К° не хотят организации Советов Рабочих Депутатов предприятий и передачи им управления производством, а кооперации — передачи всей торговли, всех прав и обязанностей и капиталов наркомторгов, госторгов, и передачи всех функций рабоче-крестьянской инспекции — производственным союзам. Не хотят этого потому же, почему не хочет и буржуазия. Те и другие охраняют свое господство, свои классовые, корыстные интересы — прикрывая эту защиту различными хорошими разговорами.

Если Советы Рабочих Депутатов предприятий будут управлять всей промышленностью, принадлежащей государству, по общему плану для всей промышленности, являясь в тоже время «основными ячейками государственной власти», как говорится в программе РКП(б), а кооперация возьмет всю госторговлю, все права и обязанности и капиталы наркомторгов, госторгов, производственные же союзы возьмут себе всю совокупность прав и обязанностей Рабкрин, то вот та партия, которая добивается этого и, добившись, будет руководить так организованным пролетариатом, — какой она партией является? Рабочей или буржуазной? Ясно, что рабочей!!!

А вот та партия, которая всеми мерами и средствами борется против превращения пролетариата в господствующий класс: во главу производства, распределения, контроля и государства, то какой партией она является? Антирабочей, противпролетарской. Если же это есть партия, которая защищает от нападений пролетариата частнокапиталистический строй, то это будет партия буржуазная. Если же партия защищает госкапиталистический строй, то эта партия бюрократическая. Когда пролетариат организован в Советы Рабочих Депутатов предприятий, в коопера-

цию, в профсоюзы, да стоит во главе производства, распределения контроля и государства, то это ведь и есть смерть бюрократии. И тот, кто стоит против такого превращения пролетариата в господствующий класс, тот на самом деле стоит против борьбы с бюрократизмом, тот криками о критике, самокритике, о борьбе с бюрократизмом – прикрывает свою собственную классовую сущность: одни бюрократы управляют производством, другие торговлей, третьи ими обоими, а четвертые говорят и пишут о бюрократизме, критике, самокритике: простое разделение труда между бюрократами на предмет укрепления экономического и политического господства этих бюрократов и физического и духовного порабощения пролетариата.

4. Рабочая революция и рабочее государство

«Первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на ступень господствующего класса, завоевание демократии», – говорят [Маркс-Энгельс](#) в «[Коммун<истическом> Манифесте](#)».

Рабочая революция есть та революция, которая первым своим шагом возвышает пролетариат на ступень господствующего класса, ставит во главе производства и распределения.

Как пролетариат может возвыситься на ступень господствующего класса? Как он для этого должен быть организован?

В этом же «Коммун<истическом> Манифесте» Маркс-Энгельс говорят, что выполнить свою историческую миссию могильщика буржуазии пролетариат может, только организовавшись в класс посредством ассоциации. Это значит, что только охватывающим поголовно весь пролетариат коллективом пролетариат может подняться на ступень господствующего класса и взять на себя все функции по управлению производством и распределением, которые до рабочей революции были в руках буржуазии, которые и делали буржуазию экономически господствующим классом. Захватывая в свои руки, в руки своей поголовной классовой ассоциации весь аппарат управления производством и распределением, пролетариат не перестанет быть производящим, работающим классом, работающим коллективом.

Это поголовно организованный пролетариат организует производство, работу, сам же и работает, это самоорганизующийся, самовозглав-

ляющийся труд, работающая артель, корпорация, коллегия, как называл позже Маркс.

Изучая опыт Парижской Коммуны, Маркс-Энгельс дали наглядное, практическое разъяснение, что такое пролетариат, возвышавшийся на ступень господствующего класса.

«Самым важным декретом Парижской Коммуны предписывалась такая организация крупной промышленности и даже мануфактуры, для которой не только требовались ассоциации на каждой данной фабрике и заводе, но и нужно было объединить все отдельные ассоциации в один большой союз».

«Такая организация производства, – как [Маркс](#) справедливо заметил в «Гражданской войне <во Франции>», – с необходимостью вела к коммунизму, к прямой противоположности прудонизма»².

[Маркс-Энгельс](#) категорически утверждают, что только такая организация пролетариата, организация его в Советы Рабочих Депутатов предприятий, объединенных в один большой союз, охватывающий все отдельные фабрично-заводские советы, с необходимостью ведет к коммунизму:

«Тайна Коммуны заключается в том, что она по существу своему была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, той давно искомой формой, в которой и могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия – коммуна невысказана, без него она пустой призрак, обман. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство»³.

«Ассоциация», поголовная, всеобъемлющая организация пролетариата на каждом предприятии ниспровергала власть собственника буржуа-эксплуататора; сам поголовно организованный в «ассоциации» – в Советы Рабочих Депутатов предприятий, — пролетариат вставал во главе производства, превращая эту ассоциацию в «основную ячейку» государства. Этим он ниспровергал те экономические устои, на которых держа-

² Энгельс. Предисловие к «Гражданской войне во Франции» 1891 г.

³ Маркс. «Гражданская война во Франции».

лось самое существование классов, а, следовательно, и классовое господство. Без этого условия Коммуна (рабочее государство) немислима, она превратится в пустой призрак, в обман.

Тайна-то Коммуны и заключалась в том, что «ассоциация» пролетариата встала во главе производства, во главе труда. Такая организация, как Советы Рабочих Депутатов предприятий, и ведет с необходимостью к коммунизму. Это-то и есть давно искомая политическая форма, в которой и может совершиться экономическое освобождение труда. Вот единственная дорога к коммунизму.

[Ленин](#) в своем [sic] «Государство и революция», развивая мысли Маркса-Энгельса, пишет: «Один остроумный немецкий социал-демократ 70-х годов прошлого века назвал почти образцом социалистического хозяйства. Это верно. Теперь почти все хозяйство организовано по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм сводит все тресты в организации подобного типа. Над простыми рабочими, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же *буржуазная бюрократия*. Но механизм общественного хозяйничанья уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства – и перед нами освобожденный от паразита высокотехнически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные [в Сов<еты> Раб<очих> Деп<утатов> — Г.М.] рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая всех их, как и всех государственных чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас же по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Вот какое государство на какой экономической основе нам необходимо строить. Вот что дает уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений [Сов<етов> Раб<очих> Деп<утатов> предприятий – Г.М.], вот что избавит трудящиеся массы от протитуирования этих учреждений буржуазией».

В споре с [Каутским](#) по вопросу о рабочем государстве Ленин пишет: «В социалистическом обществе, пишет Каутский, могут существовать рядом друг с другом самые различные формы предприятий: бюро-

кратические (???), тредюнионистские, кооперативные и единоличные. Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократических организаций, таковые, например, – железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто вроде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах». Так пишет Каутский.

«Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах [Маркс и Энгельс](#) на примере уроков Коммуны», – возражает Ленин.

«Железные дороги решительно ничем не отличаются с точки зрения необходимой будто бы бюрократической организации от всех вообще предприятий, крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупнокапиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при выполнении каждым указанной ему доли работы под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, выбирать делегатов, которые «образуют нечто вроде парламента» [СРД пред<приятий> — Г.М.]. Как видим, [Ленин](#), когда он был революционным марксистом, не мыслил себе рабочего государства без СРД п., без «ассоциаций» пролетариата, стоящих во главе производства на месте свергнутой буржуазии. Вслед за Марксом и Энгельсом он видел в этих СРД п. «давно искомую политическую форму, в которой может свершиться экономическое освобождение труда». И вне этой «политической формы» рабочее государство немислимо, оно превращается в пустой призрак, обман.

А [Сталины](#), [Бухарины](#) и К^о сажают в подвал ГПУ каждого пролетария как контрреволюционеров за то, что они осмелятся заговорить об организации СРД п. И называют сами себя марксистами-ленинцами!!! А бюрократию, стоящую во главе производства и государства, его бюрократическую машину называют рабочим государством! И горе тем, кто дерзает в этом усомниться.

«Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, сами мы рабочие опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих [т. е. СРД п. – Г.М.], сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых надсмотрщиков, бухгалтеров (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней), вот наша пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции».⁴

Маркс и Энгельс в «[Коммунистическом Манифесте](#)» говорят, что первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на ступень господствующего класса – завоевание демократии, а Ленин говорит, что с этого надо начать при совершении пролетарской революции, надо начать с превращения СРД п. в главу производства и в основную ячейку государства.

Вожаки же бюрократии – Сталины, Бухарины и К° – пишут программу Коминтерна, а о возвышении пролетариата, организованного в класс посредством СРД п., на ступень господствующего класса – ни звука! Но если пролетарий напомним им об их измене марксизму, тогда они расправляются с ними под одобрительное улюлюканье всей бюрократической оравы.

5. Частнобуржуазный и государственный капитализм и пролетариат

Почта в современном капиталистическом обществе организована по типу госкапиталистической монополии, говорит Ленин. Если все крупные предприятия, тресты превратить, как и почту, в госкапиталистическую монополию, в собственность государства, да и управлять им как почтой, через чиновников, директоров, начальников и т. д., и т. п., то мы будем иметь госкапитализм. Крупная буржуазия исчезла. Во главе производства стоит бюрократия, она из подчиненного в буржуазном обществе слоя превратилась в господствующий класс. Значит госкапитализм – это бюрократия, организованная в господствующий класс, бюрократия, стоящая во главе производства и государства. Бюрократия распоряжается всеми ре-

⁴ Ленин. «Государство и революция», стр. 53.

сурсами промышленности, которыми до нее распоряжалась буржуазия. Господство буржуазии сменилось господством бюрократии. Как буржуазия подчиняет себе все выборные государственные организации в буржуазном государстве, так бюрократия подчиняет их себе в своем государстве. Рабочий класс и при бюрократическом государстве остается экономически и политически поработанным классом. Только теперь не буржуазия выступает в качестве эксплуататора и поработителя, а бюрократия.

«Государство, берущее на себя роль частного предпринимателя, занимается капиталистической эксплуатацией точно так же, как и частный предприниматель, и оно может эксплуатировать даже еще сильнее. Госкапитализм есть самая худшая форма капитализма, так как он сосредотачивает в одних руках экономическое и политическое могущество и, таким образом, может еще острее, еще интенсивнее, нежели частный капитализм, угнетать и эксплуатировать рабочих», – говорит Вильгельм Либкнехт в своей речи на Эрфуртском съезде, обосновывая Эрфуртскую программу. Чтобы избавиться пролетариату от новых захребетников, от новых эксплуататоров, поработителей – от бюрократии, ему надо самому возвыситься на ступень господствующего класса, ему надо организовать в класс посредством СРД п., и все те функции, которые делают бюрократию господствующим классом, – руководство и управление производством и распределением – взять в руки СРД п. Надо чтобы не бюрократ: директор, нач., зав, зам был распорядителем на фабрике, заводе, предприятии, тресте и т. д., а выборный СРД п. орган. Вот это и будет означать то, что говорил когда-то [Ленин](#): «Свести государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, <...> оплачиваемых средней платой рабочего». Вот это и есть наша пролетарская задача. Вот с этого и надо начать при совершении пролетарской революции, говорил Ленин. Это и только это подрывает основы социал-бюрократического строя, основы бюрократического всевластия, эксплуатации, поработнения, основы бюрократического режима. Вне этого все разговоры о борьбе с бюрократизмом есть разговоры, предназначенные на предмет физического и духовного поработнения пролетариата, на предмет обмана рабочих и крестьян.

[Сталины](#), [Бухарины](#) и К^о называют возглавляемое ими государство рабочим. Это для того, чтобы рабочий класс поверил им и не боролся за рабочее государство. Они охраняют свою власть, власть и господство бю-

рокрации. Но если то государство, в котором во главе производства и распределения стоит бюрократия, есть рабочее государство, то каким же будет государство, в котором пролетариат на деле является господствующим классом, т. е. классом, стоящим во главе производства, распределения, контроля и государства, когда его СРД п. стоят во главе производства, являясь в то же время «основной ячейкой государства пролетариата», кооперация возглавляет торговлю, выполняя все функции госторгов, наркомторгов и т.д., производственные союзы выполняют всю совокупность обязанностей Рабкрина, то вот это государство какое? Маркс-Энгельс-Ленин говорят, что рабочее государство. А что скажете вы, господа вожаки бюрократии Сталины, Бухарины и К^о? За один этот вопрос вы готовы расправиться с нами излюбленными вами способами: в тиши подвалов ГПУ, но от этого вопроса вам не отделаться никакими расправами. Пролетариат будет ставить и решать его вопреки вам и в борьбе с вами. А все честное, смелое, идейно чистое перейдет от вас на сторону пролетариата для борьбы и побед.

Для уничтожения бюрократизма, необходимо: 1) При сохранении существующих Сов<етов> Крестьян<ских> Депут<атов> (Сельсоветов) и Городских Советов (советов обывателей городов) организовать СРД п., передав им, как госорганизациям, управление производством. 2) Кооперации передать все капиталы, права и обязанности наркомторгов, госторгов, уничтожив последние. 3) Производственным союзам передать всю работу бюрократической машины государственного контроля, именуемого ныне рабоче-крестьянской инспекцией. 4) Уничтожить все Совнаркомы, созданные по образу Советов министров любого буржуазного государства, передав всю совокупность прав и обязанностей Президиумам ЦИК, организовав при них соответствующие отделы. 5) ЦИК сделать постоянно работающими организациями, а не сессионными *бестолковыми* говорильнями, съезжающимися для санкции действий бюрократии. 6) Уничтожить институт тайных расправ с инакомыслящими рабочими, крестьянами и интеллигенцией путем упразднения судебных функций ГПУ, обеспечивая возможность за каждым тружеником гласность суда к защите. 7) Признание прав и свобод за рабочими, крестьянами и интеллигенцией: свободы слова, печати, собраний, свободы организаций партий (коалиций) и т. д., не в меньших размерах, чем в передовых странах буржуазной диктатуры: Германии, Англии, Франции, Америки и т. д. 8) Амни-

ствия всем рабочим, крестьянам и интеллигентам, засаженым в тюрьмы и ссылки за политику тайным судом ГПУ.

Но разве бюрократия в лице [Сталиных](#), [Бухариных](#) и К^о на это пойдет? Ведь все это – смерть бюрократии, конец ее господству. Она также будет сопротивляться против организации рабочего государства, как буржуазия любой частнокапиталистической страны. Разве захочет буржуазия, чтобы пролетариат организовался в СРД п. и превратил их в организации, управляющие и производством и страной? Разве захочет буржуазия того, чтобы кооперация захватила торговый аппарат буржуазии и управляла и внутренней, и внешней торговлей?

Разве захочет буржуазия, чтобы производственные (проф<ессиональные>) союзы взяли на себя работу министерств государственного контроля? Нет! Она будет бешено сопротивляться этому, сопротивляться всеми мерами и средствами.

А как сопротивляется этому наша бюрократия? Разве не более сурово расправляется она с любым пролетариатом, вздумавшим вести мирную пропаганду и агитацию за рабочее государство, чем буржуазия Германии, Франции, Англии, Америки и т. д., и т. п.?

Разве пролетариат имеет хоть часть тех формальных прав и свобод: свободы слова, печати, собраний, организации партий, которые он имеет в упомянутых частнокапиталистических странах?

Бюрократия говорит, что пролетариат имеет очень мало прав и свобод в частнокапиталистических странах, в странах диктатуры буржуазии. Да, это верно! Но пусть эта бюрократия даст *хотя бы те же права и свободы* рабочим, крестьянам и интеллигенции, какие они имеют в буржуазных государствах! Буржуазия признает за пролетариатом права на свободы: слова, печати, собраний, организации партий и т. д., но так как все средства производства, и в том числе и типографии, и бумажные фабрики, и дома, и транспорт, и связь находятся в руках буржуазии, то, чтобы воспользоваться этими свободами, пролетариат должен собрать по копейкам из своих трудовых грошей средства, чтобы иметь возможность издавать нужные ему газеты, журналы, книги, нанимать помещения для комитетов, собраний и т. д... Здесь свобода и права пролетариата ограничены экономическим рабством его.

В странах государственного капитализма все средства производства, принадлежавшие раньше буржуазии, находятся в распоряжении бю-

рокрации. В этом суть отличия госкапитализма от частнокапиталистического капитализма. Бюрократия России распоряжается всеми средствами производства, как и буржуазия частнокапиталистических стран, но помимо этого экономического порабощения пролетариата она еще лишает его тех формальных прав и свобод: слова, печати, собраний, организации партий даже в тех рамках и пределах, в каких допускает это буржуазная диктатура. Здесь даже на свои трудовые, облитые кровавым потом гроши нельзя издавать газет, журналов, книг (не бюрократического направления), ни организовываться в партии (кроме бюрократической), чтобы бороться за *освобождение от ига бюрократии* и за свое рабочее государство. Рабочее же государство, наряду с формальным, законным признанием прав и свобод за всеми тружениками, обеспечивает также материальную возможность пользоваться этими правами и свободами, делая типографии, дома, транспорт и связь, находящиеся в руках СРД п., доступными для пользования всем трудящимся.

Пролетариат как класс прямо заинтересован в существовании нескольких партий, чтобы иметь возможность выбирать между различными линиями и программами этих партий, чтобы не дать одной какой-нибудь партии захватить власть в свои руки и из слуг пролетариата превратиться в его повелителя и угнетателя, превратиться из борца за права и свободы для пролетариата в его поработителя, лишаящего прав и свобод.

Когда бюрократия кричит, что она зовет пролетариат частнокапиталистических стран бороться за свержение буржуазии, то пролетариат всех стран должен спросить: а кого стремится бюрократия поставить во главе производства – пролетариат, организованный в СРД п., или бюрократов, директоров, начальников, завов, замов и т. д.? Кого она стремится поставить во главе распределения – кооперацию или госторги и наркомторги, т. е. все тех же бюрократов? А кого она стремится поставить во главе государственного контроля – производственные союзы (профессиональные союзы) или бюрократию, назвав ее рабоче-крестьянской инспекцией? А будет ли пролетариат иметь права и свободы: слова, печати, собраний, организации партий, союзов и т. д. не меньше, чем он пользуется ими в частнокапиталистическом обществе, при диктатуре буржуазии?

За что бороться им, за государственный капитализм, за бюрократическое государство или за рабочее государство?

Прежде чем пойти на борьбу, пролетариат всех стран должен знать, за что бороться, чтобы освободиться раз и навсегда от эксплуатации и порабощения.

Старое Марксово знамя [«Манифеста Коммунистической Партии»](#), объявив задачей рабочей революции «возвышение пролетариата на ступень господствующего класса, завоевание демократии», есть знамя пролетарской борьбы против частнособственнического капитализма и госкапитализма; и против буржуазии, и против бюрократии. Под ним соединятся пролетарии всех стран и победят.

6. Программа бюрократического обмана

Бюрократия во главе со [Сталиными](#) и [Бухаринными](#) объявила, *что их власть, власть бюрократии и их партии* – это и есть диктатура пролетариата в союзе с крестьянством. Тот, кто усомнится в этом да и выскажет это вслух, тот будет иметь удовольствие побывать в подвалах ГПУ и испытать на себе «товарищеское» воздействие бюрократии. Бюрократия зорко охраняет власть и господство свое и свирепо расправляется с каждым тружеником, дерзнувшим поднять свой голос против всевластия, за рабочее государство. Вся «программа» самокритики, «рамки», в которые бюрократия ставит всякого «самокритика», есть рамки охраны и укрепления господства бюрократии с присущей бюрократическому государству однопартийной формой управления. В своем обращении «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» ЦК ВКП(б) после бесшабашного бахвальства переходит к практическим мероприятиям, которые ЦК ВКП(б) намерен провести в жизнь. В области советского аппарата: 1) «Борьба с бюрократизмом и дальнейшее смелое упрощение аппарата!» Вы не шутите? Прямо жуть берет от их смелых начинаний! Сами себя хотят истребить! Но послушаем их – как же они хотят бороться с бюрократизмом. 2) «Выдвижение рабочих на государственную и государственно-хозяйственную работу, причем это выдвижение должно быть проводимо в порядке неуклонной, систематической, идущей неослабно изо дня в день работы». Вот видите? – целая революция! «Выдвижение рабочих на государственную и государственно-хозяйственную работу». Так что же, казалось бы, проще: дадим пролетариям организовать в СРД п., превратим их в хозяйственную и государственную организацию, организацию, управляю-

щую хозяйством, производством, в то же время являющуюся «основной ячейкой государства». Это и по [Марксу](#) и по [Энгельсу](#) и по программе РКП(б) (не программа Коминтерна, а РКП(б), ибо из программы Коминтерна этот пункт, представляющий суть программы рабочей революции, тщательно вытравлен). Таким образом, пролетариат, организованный через СРД п., поголовно, изо дня в день, систематически и неуклонно принимает участие во всей государственной и хозяйственно-государственной работе, снизу доверху. Это и есть смерть всем бюрократам, бюрократизму, власти бюрократов над рабочими. Ведь это будет власть рабочих над бюрократами. А чтобы покончить совсем с бюрократизмом, надо еще и в области торговли послать побоку все бюрократические наркомторги и госторги. И все капиталы, аппарат, права и обязанности передать кооперации, за укрепление которой так рьяно, в каждой газете, изо дня в день завывает бюрократия. А чтобы в области госконтроля не оставить бюрократию, которую для обмана рабочих и крестьян назвали «Рабоче-крестьянской инспекцией», – надо передать всю работу РКП, производственным союзам, пролетариям, организованным в свои поголовные организации – союзы. Вот и рабочим госконтроль!

Что вы, помилуйте, вопит бюрократия, да можно ли поголовные всеобъемлющие организации пролетариата СРД п. превращать в госорганизации?! Да виданное это дело? Вот даже [Каутский](#) и тот говорит, что этого делать – никак нельзя. Пусть он говорит. «Советы, – пишет Каутский, вспоминая их возникновение в 1905 году, – создали такую форму пролетарской организации, которая была наиболее всеобъемлющей из всех, ибо она обнимает всех наемных рабочих, в 1905 году они были местными корпорациями, в 1917 году – Всероссийским объединением».

«Уже теперь, – продолжает Каутский, – советская организация имеет за собой великую и славную историю. А предстоит ей еще более могучая и притом не только в одной России. Таким образом, – заключает Каутский, – советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решающих битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу. Но вправе мы требовать от Советов еще большего? Большевики, которые после ноябрьской революции 1917 года приобрели вместе с левыми социалистами-революционерами большинство в русских Советах РД, перешли после разгона Учредительного Собрания к тому, чтобы из Совета, кото-

рый был до тех пор боевой организацией одного класса, сделать госорганизацию».

О каких Советах идет речь? Может быть, о сельских советах крестьянских депутатов, о земстве, поголовной организации мелкой буржуазии? Нет. Речь идет о СРД п., о поголовной, всеобъемлющей организации наемных рабочих всех предприятий.

«Великолепно, организуйтесь в Советы, пролетарии и беднейшие крестьяне. Но боже упаси, не смейте побеждать. Не вздумайте победить. Как только вы победите буржуазию, так вам тут и капут, ибо госорганизациями в пролетарском государстве вы быть не должны. Вы должны немедленно после вашей победы распуститься!»

«О, великолепный «марксист» [Каутский](#)! О, бесподобный теоретик ренегатства». Так говорит Ленин¹. Итак, «бесподобный теоретик ренегатства» против превращения СРД п. во главу производства и в «основную ячейку государства». Он за роспуск их. А бюрократия? А [Сталины](#) и [Бухарины](#)? Они тоже против. Они за роспуск их. Если Каутский бесподобный теоретик ренегатства, то кто же в таком случае эти наши Бухарины и Сталины? Ведь, по мысли [Маркса-Энгельса](#), эти СРД п. есть «давно искомая форма, вне которой и без которой рабочее государство немислимо, превращается в призрак, в обман». Чьими же последователями являются Сталины и Бухарины в этом коренном вопросе пролетарской революции, в вопросе о рабочем государстве, в вопросе: что же такое пролетариат, организованный в господствующий класс? *Каутскианцы или марксисты?*

Бюрократия не только против превращения СРД п. во главу производства и в государственную организацию, но она со звериной злобой и лютой свирепостью набросится на пролетариев, дерзнувших заговорить об организации СРД п. Они ренегаты в квадрате. Мы уже говорили, за какое «орабочение» госаппарата они ратуют – за такое же, как и буржуазия. Ведь буржуазия также вербует из рабочей среды чиновников, чтобы при помощи их еще лучше держать пролетариат в повиновении. То же самое делает и бюрократия, которая непрестанно спекулирует на рабочем происхождении некоторых бюрократов.

Но это неправда! Клевета! Самая гнусная инсинуация (клевета) и поклеп на нашу «когорту» и «старую гвардию». Ведь стоит же она за производственные совещания! Вот послушайте: «Оживление работы про-

¹ См.: «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

изводственных совещаний. Обеспечение на деле возможно более быстрого проведения в жизнь практических предложений рабочих».

Ну вот, то-то же и есть! Однако немножечко истории. Когда узаконены производственные совещания? После выступления «Рабочей группы» РКП в 1923 году. Чтоб не организовывать СРД п., как того требовала «Рабочая группа», поддержанная рабочими, бюрократия, почуяв беду, решила подменить их «производственными совещаниями». И последние были выдвинуты исключительно как орудие обмана пролетариата в руках бюрократии, чтоб дезорганизовывать движение пролетариата в пользу создания СРД п. Это рабочие совещания без всяких прав. Бесплатное приложение к всевластной бюрократии: директору, начу, заву, заму и т. д. примерно с такими же правами, как Булыгинская дума. Но помимо этого [Бухарин](#) выболтал тайну «производственных совещаний». Оказывается, в Америке буржуазия тоже имеет производственные совещания. Разница между нашими и американскими производственными совещаниями одна, и состоит она в том, что в Америке пожелания производственных совещаний проводятся на 85 %, а у нас же на 35-40 %.² В этом, и только в этом разница. Но как в Америке производственные совещания не только не ослабляют господства буржуазии, но и удешевляют издержки ее господства, так и у нас они не только не ослабляют господства бюрократии, но удешевляют издержки господства бюрократии над рабочим классом; ибо она, а не кто-нибудь, воспользуется советами и опытом рабочих по улучшению процессов производства, и она же эту видимость участия пролетариата в управлении производством всячески использует для того, чтобы держать в узде и повиновении рабочих.

Чего не хочет и не захочет буржуазия Америки? Превращения этих производственных совещаний в СРД п., которые бы взяли управление производством и государством. Этого буржуазия Америки не хочет и не захочет. А почему же она этого не хочет? Да потому, что это ее социальная смерть, уничтожение буржуазии.

Ну, а разве наша бюрократия хочет, чтобы мы, рабочие, превратили эти производственные совещания в СРД. п. и поставили бы их во главе производства и государства? Конечно, нет! Она наговорит тучи хитро-сплетенной лжи, чтобы запугать пролетариев и затуманить их сознание. Если же пролетарии все-таки захотят этого, то против них будут пушены

² См. речь [Бухарина](#) на XV партсъезде.

в ход все силы ГПУ. Бюрократия не остановится перед кровавой расправой с рабочими, защищая свое государство. И, тем не менее, пролетариат захочет это сделать и делает.

Почему не хочет бюрократия превращения производственных организаций в СРД п.? Потому же, почему не хочет этого буржуазия Америки, ибо это также есть социальная смерть самой бюрократии, уничтожение бюрократии.

Но, кроме производственных совещаний, созданы контрольные комиссии. ЦК ВКП(б) постановляет: «Распространить контрольные комиссии на все отрасли производства и транспорта». Тоже немножко истории. Контрольные комиссии созданы в 1925 году. И это было ответом на лозунг «Рабочей группы» – «контроль производственным союзам!» Это было ответом на лозунг передачи всех функций рабоче-крестьянской инспекции производственным союзам. Чтобы отвлечь внимание рабочих от этого лозунга, затемнить их сознание, не поступившись ни каплей из своих прав, бюрократия создала временные контрольные комиссии с теми же правами, что и производственные совещания (т. е. без всяких прав), и, конечно, будет всеми силами и средствами сопротивляться передаче всех прав и обязанностей Рабкрин Союзам. Томские, Догадовы и К^о играют при этом ту же роль, какую играли меньшевики и эсеры в С<оветы> Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> до Октября 1917 года, всячески отказываясь взять власть в руки Советов и старательно отговаривая от этого пролетариат. Разница же между ними та, что Скобелевы, Чхеидзе и К^о отказывались брать власть в руки Советов в пользу буржуазии, а Томские и Догадовы в пользу бюрократии. Томские, Догадовы и прочая профбюрократия старательно уговаривают рабочих не брать в руки своих поголовных организаций-союзов дело госконтроля, а оставить его в руках бюрократии, именуемой Рабкрином. Еще старательнее бюрократия профсоюзов внушает рабочим, чтобы те не вздумали организовывать СРД п. и превращать их в государственные организации, возглавляющие производство. Для этого все пускается в ход: застрашивание, подкупы, клевета, тайные расправы ГПУ, и все это обильно прикрывается бесшабашной трескотней о рабочем государстве, диктатуре пролетариата и пролетарской демократии.

Так борются с бюрократизмом в госаппарате и «оживляют» работу профсоюзов.

Теперь посмотрим, каким образом «оживляют» партийную работу. Всякий знает, что каждый год, и того чаще, у нас «оживляют» работу Советов, союзов, кооперации, партии и т. д... Так что ничего специально «самокритического» в этом очередном и теперешнем «оживлении» нет. Это обычные бюрократические штуки, к которым все привыкли и цена которым известна всем. На этот раз мы уже видели, как бюрократы оживляют работу Советов и профсоюзов. Есть и другие пункты «оживления» их, но, так как они никакого принципиально важного значения не имеют, то мы на них останавливаться не будем. Партийную работу решили «оживить» так: 1) «Обеспечить свободу внутренней критики». 2) «Обеспечить полную выборность партийных инстанций».

Просмотрите все постановления с 1921 года и до настоящего момента по вопросам партийного строительства и партийной жизни и найдите хоть одно, которое не заботилось бы о внутривнутрипартийной демократии, о свободе критики, о выборности всех партийных инстанций и т. д.?...

И каждый раз начинают с этого самого места: с «оживления» путем «свободы критики» и «выборности всех инстанций». Почему это? Потому что бюрократия не способна по самой природе своей строить жизнь партии на основах пролетарской демократии. Требовать от бюрократии, чтобы она строила жизнь своей партии на основах пролетарской демократии – это все равно, что от лягушки требовать песен соловья. Наше дело вскрыть всю фальшь и ложь всех этих марксистских словечек и фраз, предназначенных для обмана пролетариата и крестьянства. Бюрократия для оправдания собственного господства форму управления своего государства выдает за рабочее государство, за идеальное государство. В этом она похожа на господствовавшие прежде нее классы, выдававшие форму своего господства за «царствие Божие на земле», за идеал, и его же не преищешь. Утверждая это, бюрократия должна обосновать, и вот выдвигается теория, что пролетариат не может осуществлять свою диктатуру через поголовную всеобъемлющую организацию – СРД п., а через нее, через бюрократию, через ее партию, и отсюда уже положение, что диктатура класса (пролетариата) есть власть одной единственной и единой партии, не допускающей существования никаких других партий. Эта гонимая теория нелепа. Всякий знает, что в частнокапиталистических государствах помимо правящей партии существует множество других. Больше

того. То и дело во всех буржуазных государствах правят, стоят у власти несколько партий сразу, образуя коалицию: правительство «левого блока» во Франции, министерство Мюллера в Германии, Брантинга в Швеции и т. д. и т. п... Не кто-нибудь, а «Правда» сообщала, что в выборах в Германский Рейхстаг участвовало тридцать партий, во Французскую палату до десяти и т. д., в том числе и партии коммунистические, ставящие себе целью вооруженное низвержение буржуазии. Но значит ли это, что в частнокапиталистическом обществе диктатуры не существует? Ничуть не значит. Раз существует государство, то существует и диктатура, и демократия. Это неотделимые свойства всякого государства.¹ Многопартийная форма правления буржуазного государства отнюдь не мешает наличию диктатуры, как однопартийная форма управления мелкобуржуазно-бюрократического государства России не мешает наличию демократии для господствующего класса, для бюрократии.

Однопартийная форма управления присуща не только господству бюрократии, она присуща была и дворянству, феодалам, средневековью. Там тоже диктатура класса, дворянства, была диктатурой партии, как диктатура и власть партии в современной России есть диктатура бюрократии. Надо полагать, что древнее государство родовой и племенной знати, на смену которого пришли рабовладельческие республики Афин и Рима, были тоже с однопартийной формой управления. Так что история человечества знает две формы, две системы управления – однопартийную и многопартийную. Но как при той, так и при другой существует диктатура и демократия. В современной России мы имеем однопартийную форму управления, и диктатура партии здесь равна диктатуре класса – бюрократии, которая стоит во главе производства, распределения и государства, сосредотачивая в одних руках и экономическое и политическое могущество. Бюрократия внушает пролетариату, что ее господство и есть рабочее государство. Она руководствуется при этом исключительно своими корыстными, классовыми интересами, желая обмануть пролетариат, подчинить его своему духовному влиянию и тем самым укрепить, охранить свое господство. Охраняя свое господство и государство с однопартийной формой управления, бюрократия не хочет и не может допустить такой критики ее политики, которая послужила бы основой, платформой другой

¹ См. Борисов «О рабочем государстве», нелегальное гектографированное издание.

партии. Пусть это будет самая мирная, самая умеренная и угодническая критика (как октябристская критика самодержавия), самая «умеренная» и «аккуратная» платформа либералов (вроде [Троцкого](#), [Зиновьева](#) и Каменева), но она не будет допущена до организационного оформления, до организованной критики, до критики группой (до «смеха скопом»), партией, организацией, до критики ежедневной, постоянной, изо дня в день воюющей за влияние на массы пролетариата, крестьянства и интеллигенции; на выборах в правления союзов, кооперации, кассы социального страхования, в Советы и т. д., везде и всюду конкурируя с правящей партией, выдвигая свою программу и своих кандидатов.

Если бы бюрократия допустила это, то охранять свое господство сделалось бы для нее трудней. И она сделает уступку эту только под действием силы. Но и тогда она еще не потеряет своего господства. Но это будет началом конца. Пролетариат же тогда скорее поймет необходимость организации СРД п. и превращения их во главу производства и госорганизации, необходимость передачи кооперации всех функций госторгов, наркомторгов, а производственным союзам всех прав и обязанностей рабкрин. А это и будет могилой бюрократическому всевластью, насилию и господству. Значит, оставаясь верной своим классовым интересам, бюрократия не потерпит организованной критики, которая только и доступна пролетариату, не потерпит критики ее линии, линии Политбюро ЦК ВКП(б), линии ее партии и комитетов. Но раз бюрократия не потерпит «платформенной критики», критики, имеющей свою точку зрения, свою платформу, свою программу, то это и значит, что она не потерпит никакой критики – ибо критики не «платформенной», критики, которая не имеет своей точки зрения, своей программы – такой критики нет. А если же такая и водится в природе, то это просто пустая болтовня, сплетни, «критика» грязненьких делишек маленьких людишек. Такую критику допускают самые деспотические государства. Там, где нет свободы организации партий (свободы коалиции), там нет и не может быть свободы критики. Это азбука, которую нам преподавали в нелегальных кружках низшего типа в 1906 году. Теперь эту азбуку старательно забывают, и немало стараний прилагается для того, чтобы ее забыли все пролетарии.

Господство бюрократии наиболее полно обеспечивается при однопартийной форме управления, когда существует только одна партия, партия бюрократии. Поэтому бюрократия употребит все силы, чтобы не до-

пустить возникновение других легальных партий. А это и значит, что бюрократия не потерпит, не допустит критики своей политики, своей линии. И всякую критику линии ее партии бюрократия будет изображать как контрреволюцию, меньшевизм, пугая всех и все адом крошечным и муками за всякое инакомыслие, ересь и неверие. А если же не поможет и это, тогда на помощь придет ГПУ и будет внушать пролетариям, крестьянам и интеллигентам правильность аргументации ЦК ВКП(б) уже по своему.

Оставаясь верной себе, может ли бюрократия допустить внутрипартийную критику? Разумеется, нет. Ибо внутрипартийная критика есть прежде всего критика политики комитетов, в том числе и ЦК. Критика их линии и противопоставление ей своей линии, а это неизбежно упирается в вопрос о группировках, о фракциях. Фракция же есть потенциальная, скрытая возможность особой, другой партии. И тот, кто не будет допускать существования партий, тот не допустит существования групп, фракций. А это значит, что тот, кто не допускает внепартийной критики, тот не допустит и внутрипартийной. Вот *почему* расправились с оппозицией, без различия направлений, методами ГПУ. И когда бюрократия после этой расправы в тысячу и первый раз возвещает миру, что она желает *«обеспечить свободу внутрипартийной критики»*, то понимающие дело пролетарии знают, что это бюрократические фокусы для обмана пролетариата и крестьянства.

7. Пролетарская демократия — смерть бюрократии

При зарождении большевизма в 1904 году, в июле месяце, состоялась конференция 22-х большевиков, которая вынесла следующее уставное постановление: «Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта послесъездовской борьбы. Требуется обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустранимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого обывательского русла скандала и грязи в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее: Предоставление меньшинству одной (или более) литературной

[sic] группы с правом представительства на съездах самых широких формальных гарантий относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное признание права комитетов получать (в общепартийном транспорте [sic]) те издания, которые им угодно. Точное определение границ влияния ЦК влиять на личный состав комитетов».¹ О чем гласит это постановление, господа бюрократы? Эй, вы, кто там?! [Сталины!](#) [Бухарины!](#) Не прячьтесь за ГПУ, а скажите нам, о чем здесь постановляли большевики? О том ли, чтобы обеспечить права меньшинства, одной или более групп для идейной борьбы с большинством, чтобы меньшинство могло критиковать деятельность, теорию и практику центральных учреждений партии, в том числе и съездов; или о том, чтобы запретить и не дать никакой группе членов партии критиковать деятельность центральных учреждений? Чего хотели здесь большевики? Скажите-ка нам, непогрешимые казеннокоштные вожаки «марксизма»!

Да, большевики не боялись ни критики, ни антикритики и ее результатов. Никаких икон! Никакого запрета для критики всякого постановления съездов, конференций, центрального и местных комитетов. Наоборот! Большевики заботились о том, чтобы как можно шире и реальнее обеспечить права всякого меньшинства по изданию литературы, направленной против центральных учреждений партии, и этим путем они стремились облагородить борьбу, поднять ее выше дрызг, сплетен, скандалов – до достойной борьбы за убеждения. Что имеет общего этот большевизм с тупой унтер-пришибеевщиной Сталиных, Бухариных и К^о?

Теперь, спрашивается, как выглядят в уставе партии те гарантии, о которых заботятся 22 большевика? На первом же съезде после этой конференции устав был изменен и в него внесены эти «гарантии прав меньшинства». «Центральный комитет обязан созвать в течение двух месяцев съезд, если созыва съезда требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. В случае отказа ЦК созвать съезд при требовании половины комитетов съезд созывается организационным комитетом выбранных на конференции представителей от полных комитетов. О.К. по созыву съезда пользуется всеми правами ЦК» (там же). Таким образом, группы меньшинства получили гарантии, что

¹ См.: «ВКП (б) в резолюциях ее съездов и конференций» (1898 – 1926). М., стр. 30.

если бы они своей критикой деятельности центральных учреждений партии собрали на своей платформе 1/2 членов партии (в последующих постановлениях съездов это количество было снижено до 1/3), то они имеют право потребовать созыва чрезвычайного съезда. А если ЦК откажется созвать его, то эти группы образуют Орг<анизационный> Ком<итет> и сами, помимо ЦК, в прямой борьбе с ним, созывают этот съезд. Вот как выглядят уставные гарантии прав меньшинства. Так было до 1921 года. Этот опыт большевиков испытан огнем трех революций: 1905 и 1917 годов. Такое внутреннее строение партии тесно смыкало ее с живыми силами революций и дало великие и славные победы, каких не видел мир.

Что имеет общего этот большевизм с мырцевщиной Сталиных, Бухариных и К^о?

Только после переворота, подготовленного сдвигами в соотношении классовых сил в пользу мелкой буржуазии с 1917 по 1920 гг., в результате которого пролетариат был низвергнут со ступени господствующего класса, а его место заняла бюрократия, что и было формально зафиксировано IX съездом РКП, постановившим упразднить коллегиальность и выборность управления промышленностью и ввести единоначалие и назначенство, – только после закрепления переворота в согласии с обозначившимися стремлениями бюрократии к однопартийной форме управления на X съезде выносятся постановления уже не о гарантиях прав меньшинства, не о гарантиях прав одной или более групп на критику теории и практики центральных учреждений партии, а о воспрещении всем членам партии организованной критики, о воспрещении организовываться в группы, фракции. Постановление это обильно прикрыто болтовней о внутрипартийной рабочей демократии, о праве каждого члена на критику и т. д., и т. п... Критикуйте, товарищи, только не «скопом», не скопляйтесь, не группируйтесь, и покритикуйте без платформы, без точки зрения, без программы. Но ведь это значит лишить членов партии всякой критики, оставив право сплетен, дрызг, склок, взаимных подсиживаний и скандальчиков? И потому-то с тех пор каждый год, а то и два раза в год, выносятся постановления о внутрипартийной демократии, о свободе критики, выборности и т.д... Своими ежегодными постановлениями бюрократия красноречивее всего рассказывает, что никакой внутрипартийной критики, никакой свободы критики, никакой выборности не было и быть не могло. Только возвратившись к революционным традициям революци-

онного марксизма (большевизма), регулировавшим жизнь партии с самого ее зарождения и до 1921 года, можно будет провести внутрипартийную пролетарскую демократию. Но для этого надо быть пролетарской партией, а не бюрократической. «Рожденные ползать летать не могут».

Теперь о выборах. Выбирают там, где есть из чего выбрать. Когда вы приходите в магазин и находите там один сорт папирос, то выбирай, не выбирай, а этот сорт возьмешь. Там, где имеется всего только одна точка зрения, одна программа, одна линия, и им нельзя противопоставлять никакую другую, то выбирай, не выбирай, – эта программа, эта система политики, эта точка зрения будут проводиться. Придешь ли ты на выборы или не придешь, будешь ли выбирать или не будешь, выберешь ли ты Степана, Ивана, Кондрата или еще там кого-нибудь, линия, система политики, программа будет осуществляться та же. Здесь выборы теряют всякий смысл и превращаются в пустую, поистине бюрократическую формальность, где бюрократия получает формальное право продолжать свое правление и господство все в том же духе. Так дело обстоит с «выборностью всех партийных инстанций». То же самое можно сказать о выборах в союзные, кооперативные, советские и т. д. органы. Коль скоро на выборах принимает участие одна партия, партия бюрократии, то выбираешь ли ты или нет, а за этой партией большинство всегда обеспечено. Придешь ли ты на выборы или нет, – пройдут кандидаты все этой же партии. Если же наряду с ними пройдут еще и «честные беспартийные», то только потому, что так было угодно бюрократии, которая по этому поводу не замедлит развести демагогию: «А вот, посмотрите, – начнет она кричать, – всюду такая свобода выборов, что даже беспартийные проходят в члены Советов».

А на самом деле-то ни одна из групп населения, ни пролетариат, ни крестьянство, ни интеллигенция не имеют права организованного участия в выборах: группой, партией со своей программой, тактикой, конкурируя с партией бюрократов. Влиять же на выборы можно только организованно. Что сказала бы бюрократия про выборы в Германский Рейхстаг, если бы там имела право участвовать в выборах одна партия – расисты? Что бы она сказала про получаемое расистами большинство? А если бы в этой Германии проведена была система государственного капитализма, буржуазия была бы уничтожена, все крупные и средние предприятия являлись бы собственностью государства, управляемые через назначение партией

директоров, начов и т. д. и т. п., и тевтонцы (фашисты Германии) сосредотачивали бы в своих руках все ресурсы промышленности, торговли, транспорта, связи, печать, дома и т. д., и т. п., и из года в год на всех выборах во все организации проходили бы кандидаты тевтонцев с придатком «беспартийных» (честных!), то что бы сказала бюрократия? Что было бы в данном случае в Германии: рабочее ли государство и пролетарская демократия? Пожалуй, тевтонцы сказали бы, что у них социализм, а идут они к коммунизму. На самом же деле пролетариат выбирает здесь того или другого члена господствующего класса, который будет представлять и подавлять пролетариат, даст свою санкцию, свое благословение всевластвующей бюрократии. Многие товарищи так пленены «теорией» бюрократии, что диктатура класса есть власть одной единственной и единой партии, не допускающей существования никаких других партий, что никак не могут возвратиться на позиции марксизма по этим вопросам. Они говорят: «Хорошо, у нас государство не рабочее, а бюрократическое, но оно будет рабочее тогда, когда все у нас будет сделано по [Марксу](#): СРД п. возьмут управление производством, кооперация – торговлю, а Союзы всю работу Рабкрин, СРД п., помимо управления производством, вместе с СКД (сельсоветами) и Городскими Советами начнут управлять страной, государством. Но кто же все-таки будет здесь руководить пролетариатом? Партия? Да, партия. Ну, так ведь это значит, что диктатура пролетариата опять будет диктатурой партии! Совсем не значит. Это значит то, что пролетарское государство не обходится без политических партий, которые, то одна, то другая, то третья, а то и все вместе, руководят в данный момент государством. Но это совсем не значит, что, как только та или иная партия дорвалась до власти, то лишала все население, в том числе и пролетариат, права организации партий (права коалиций). Совсем напротив. Крестьяне, которые имели в буржуазном обществе права организации партий, а значит и свободы слова, печати, – в пролетарском государстве не лишаются этих прав и свобод. Если мы хотим обеспечить себе симпатии крестьянства, то как мы можем ставить себе задачей лишение его всех прав и свобод, которыми он пользовался в буржуазном государстве? Если разговоры о союзе, о смычке пролетариата и крестьянства не звук пустой или обман, то мы должны этот союз строить на общих интересах пролетариата и крестьянства. А ясное же дело, что крестьяне заинтересованы – и кровно заинтересованы – в том, чтобы обладать всеми

правами и свободами, в том числе и свободой коалиций не в меньшем объеме, чем это имеют крестьяне в буржуазном государстве. И они, возможно, будут иметь свою партию, а может быть, не одну. Дело пролетариата не лишать прав и свобод крестьянство, а обеспечить за ним материальную возможность пользоваться ими, обеспечить: типографиями, бумагой, транспортом, связью, домами: обеспечить эти партии наравне с другими пролетарскими партиями. Кроме того, рабочая партия – если она только действительно рабочая – не может ставить себе целью лишать пролетариат прав и свобод. Наоборот, потому-то она и рабочая партия, что борется за права и свободы для пролетариата. Та же партия, которая под тем или иным предлогом лишает пролетариат прав и свобод, – перестает быть рабочей партией. Если пролетариат пойдет на борьбу против буржуазного государства, на борьбу тяжелую, жертвенную, то совсем не потому, что хочет лишиться себя прав и свобод: слова, печати и т. д., какие он имел в буржуазном государстве. Наоборот, он ведет борьбу за приобретение новых прав и свобод, за уничтожение ограниченности и недостаточности их в буржуазном государстве, за безграничное их расширение для себя. Помимо законного, формального признания прав и свобод: слова, печати и т. д., которые признаны и в буржуазном государстве, пролетарское государство обеспечивает эти права материальными средствами, предоставляя партиям типографии, бумагу, дома, транспортные средства и связь. Этим пролетарская демократия отличается от буржуазной и бюрократической. Помимо этого – многопартийная форма управления служит гарантией от захвата власти одной партией и превращения ее из слуги народа в его повелителя, эксплуататора и поработителя.

А не может ли эта пролетарская свобода быть использована для свержения пролетариата? Нет. И вот почему. Во-первых, рабочее государство есть самое прогрессивное из всех форм и типов государств, когда-либо существовавших, оно наиболее полно обеспечивает интересы всех тружеников и человечества в целом, давая небывалый простор развитию производительных сил общества. Значит, опасность существует не от партий, не от классов, представляющих будущее, а от классов и партий, представляющих прошлое. Во-вторых, в Англии, где 90 % пролетариев, 5 % капиталистической буржуазии, существует эксплуатация, угнетение пролетариата со стороны этой кучки в 5 %. Там существует много партий, в том числе и партия Коммунистическая, ставящая себе целью вооруженное

низвержение буржуазии, и анархисты, и синдикалисты с подобными же целями. Существуют они легально. Помимо этих революционных партий существуют партии правого порядка, буржуазные партии, консерваторы, либералы, рабочая партия, независимая рабочая партия. В чем сила буржуазии? В том, что в ее руках все материальные средства, и она своим экономическим господством подчиняет пролетариат и духовно и политически; из 90 % пролетариата всего каких-нибудь 5 % голосуют за Компартию.

Допустим теперь обратное. Пролетариат возвысился на ступень господствующего класса, и овладел всеми материальными средствами, и организовался в свое государство. Теперь СРД п. управляют производством и страной, кооперация – торговлей, а союзы контролируют. Спрашивается, если буржуазия, составляя 5 % населения и владея всеми средствами производства, распределения, транспорта и т. д., которыми теперь завладел пролетариат, не нуждалась в течение сотен лет своего господства в формальном запрещении пролетарских организаций, то пролетариат, составляя 90 % населения, владея теми же средствами, что и буржуазия, совсем не будет нуждаться в формальном запрещении организаций буржуазии. Легальное существование буржуазных партий в пролетарском государстве будет менее опасно для пролетариата, чем легальное существование пролетарских партий в буржуазном государстве для буржуазии. Так стоит вопрос. Но это, разумеется, для периода после гражданской войны, после подавления эксплуататоров. И если военно-политические обстоятельства продиктуют необходимость лишения прав и свобод – слова, печати и т. д. – тех элементов, которые явно содействуют и сочувствуют врагу пролетариата, ведущему вооруженную борьбу с ним, то сделать это нужно твердо и без колебаний.

Итак, многопартийная форма управления наиболее полно обеспечивает интересы пролетариата, крестьянства, интеллигенции и всех тружеников, давая простор сильнейшему развитию производительных сил рабочего государства, что ведет к превращению всего общества в одну большую работающую корпорацию, в большую «фабрику» и превращению всего общества в свободную «ассоциацию производителей, где счастье каждого явится условием счастья всех», ведет к коммунизму, к отмиранию государства, диктатуры, демократии и политических партий. Если господству буржуазии не угрожает опасность, когда в выборах в ее рейхс-

таги принимают участие тридцать партий, то господству пролетариата не будет угрожать опасность, если в СРД п., в сельские советы, в городские Советы, в правления кооперативов, союзов и т.д. будут принимать участие триста партий.

Бюрократия против такой критики, которая подрывает самые основы всевластия бюрократии, которая стремится возвести пролетариат на ступень господствующего класса, которая критикует не только грязенькие делишки маленьких людишек: артемовцев, смоленцев и т. д., а всю линию бюрократии, возглавляемой Политбюро ЦК ВКП(б), создающих затхлую атмосферу, приводящую к смоленским, артемовским и т. д. историям. Она против такой критики, которая зовет к уничтожению господства и всевластия бюрократии. Она будет бороться всеми мерами: тайными расправами, ссылками, тюрьмами, клеветой, провокацией, обманом с такой критикой, прикрывая свою расправу обильной болтовней о «свободе критики», о «самокритике».

Весь разговор о «свободе критики», о «самокритике» есть один из способов обмана пролетариата и крестьянства, чтобы укрепить господство бюрократии. Особенно назойливо и разнузданно кричит о «самокритике», о «свободе критики» «Комсомольская Правда», которая одна из первых требовала расправы с иначе думающими, чем бюрократия из Политбюро ЦК ВКП(б), рабочими, крестьянами и интеллигентами.

Кого сейчас под треск фраз о «свободе критики», о «самокритике» рассказывают по тюрьмам, рассылают без всякого суда и защиты в «гиблые места»: Березовки, Обдорски, Турухански, обрекая на медленную смерть? Кого? Разве не пролетариев, крестьян и интеллигентов, осмелившихся критиковать систему бюрократического всевластия, господства насилия и произвола?

«В эту самокритическую чистку мы должны вовлечь широкие массы наших рабочих, уничтожая все те препятствия, которые мешают сейчас свободе критики», – пишет «Комсомольская Правда»¹. А какие это «препятствия, которые мешают свободе критики»? Первое из них – это тайная расправа в застенках ГПУ со всякими иначе думающими рабочими, крестьянами и интеллигентами. Второе «препятствие» – отсутствие прав у вышеназванных вести критику организованно, «скопом», группой, парти-

¹ См.: Огонь самокритики по бюрократизму// Комсомольская Правда, № 135, 13 июня 1928 г.

ей систематически во всех формах. Третье «препятствие» – отсутствие прав *крестьян, рабочих* и интеллигентов вести критику, имея свою точку зрения, платформу, программу, издавая не казеннокоштные, социал-бюрократические газеты, журналы, книги.

Господа писучие бюрократы из редакции «Комсомольской Правды», вы против уничтожения этих «препятствий»?

Или вы будете делать так: писучие бюрократы из редакций газет, журналов будут кричать об «уничтожении» «препятствий», «которые мешают свободе критики», а бюрократы ГПУ под шум и треск этих фраз будут расправляться в своих подвалах с иначе думающими, чем писучая бюрократия редакций (вроде «Комсомольской Правды») рабочими, крестьянами, и интеллигентами?

И вот хотят, чтобы рабочие верили этой бюрократической пачкотне о «свободе критики»! Нет, этот номер не пройдет!

«Беда в том, что многие рабочие не верят еще в безопасность критики начальства, и, главное, в «применение критики». Когда вчерашний густопсовый бюрократ и «зажимщик» за ночь меняет свою личину и выступает в роли стопроцентного апостола самокритики, рабочий не может сразу проникнуться доверием к нему и излить ему всю душу свою,» – пишет та же газета. Что правда, то правда. Рабочие не могут поверить не только вчерашним густопсовым бюрократам, но и сегодняшним, которые произвели разделение труда между собою: один в тиши подвалов ГПУ тайно, вдали от пролетарских глаз расправляется с инако-думающими пролетариями, крестьянами и интеллигентами, а другие густопсовые бюрократы, заседающие в редакциях газет, пишут, что у нас есть свобода критики, чем и прикрывают эти расправы. Вчера еще густопсовые бюрократы из редакции «Комсомольской Правды» требовали расправ над оппозицией, над всеми рабочими, крестьянами и интеллигентами, выступавшими с организованной оппозиционной критикой бюрократического всевластия, произвола и насилия, а сегодня орава густопсовых бюрократических писак неистово горланит о «свободе критики», «выступая в роли стопроцентного апостола самокритики», проливая слезу насчет того, что, мол, наша «беда в том, что многие рабочие не верят в безопасность критики», не верят этой очередной стряпне бюрократической кухни. Это хорошо. Правильно, товарищи рабочие! Не верьте болтовне бюрократии. До тех пор, пока не прекратятся тайные расправы в ГПУ над инакомыслящи-

ми рабочими, крестьянами и интеллигентами, до тех пор, пока рабочие, крестьяне, интеллигенты не будут иметь права издавать газеты, книги, журналы иного направления, чем издает бюрократия, до тех пор, пока томятся в тюрьмах, ссылках рабочие, крестьяне и интеллигенты, запрятанные туда бюрократией, горляющей о свободе критики, до тех пор, пока бюрократия не даст все эти гарантии, – нельзя верить бюрократической ораве писак и болтунов, горляющих о свободе критики!!! Рабочие, крестьяне, интеллигенты будут, конечно, пользоваться всякой возможностью, чтобы изобличить казнокрадов, взяточников, насильников, но, делая это, они будут твердо знать, что уничтожение всевластия, произвола, насилия, порабощения и эксплуатации бюрократии возможно только путем «возвышения пролетариата на ступень господствующего класса, завоевания демократии»: только когда пролетариат, организованный в класс посредством СРД, встанет во главе производства вместо бюрократии, когда он, организованный в кооперацию, встанет во главе распределения – вместо бюрократических госторгов, когда пролетариат, организованный в производственные союзы, возьмет всю сумму прав и обязанностей бюрократической, с позволения сказать, рабоче-крестьянской инспекции, когда СРД п. вместе, в союзе с Советами Крестьянских Депутатов (сельсоветами) и Городскими Советами будут управлять государством, образуя государство смычки, союза рабочих, крестьян и интеллигентов, только тогда они будут иметь права организации партий (свободу коалиций), иметь свободы: слова, печати, собраний несравненно в больших размерах, чем в самых свободных буржуазных государствах. Впервые в истории человечества за все века существования классового общества труженики будут поистине свободными. Только этим путем будет положен конец господству, всевластию, насилию, произволу и порабощению со стороны бюрократии.

Рабочие! Берите знамя [«Коммунистического манифеста»](#) в свои руки, и вперед на борьбу! Помните: «Освобождение рабочих – дело самих рабочих»!

«Никто не даст нам избавленья:

Ни бог, ни царь и ни герой!

Добьемся мы освобожденья

Своею собственной рукой!»

Пусть нас по тюрьмам сажают,

Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники нас ссылают.
Пусть мы все казни пройдем!
Пусть! А в нашей рабочей слободке будет праздник!

1931 г.

Часть III
Памяти Яна Геббса

Ян: салют коммунистическому борцу

Интернациональное коммунистическое течение (ИКТ) потеряло одного из самых верных и активных своих сторонников. Товарищ Ян (RJ) умер в больнице в воскресенье 23 ноября. За несколько недель до этого он перенес тяжелейший инфаркт, однако смог восстановиться настолько, чтобы вернуться домой из больницы. Но следующего удара он выдержать уже не смог. Во время болезни товарищ держался с большим мужеством и достоинством, сохраняя присущее ему чувство юмора. Ему было 46. Ян оставил пятнадцатилетнего сына и подругу, активистку нашей организации. Мы выражаем им наши искренние соболезнования и поддерживаем в эту трудную для них минуту.

RJ вступил в ИКТ в 1975 году. Благодаря своему революционному энтузиазму, которым он заражал и других, он сыграл важную роль в формировании того сообщества революционеров в Саутгемптоне, из которого выросла секция «Мировой революции» (МР). Несколько товарищей из старой секции в Саутгемптоне до сих пор остаются активистами ИКТ. RJ был представителем этой секции в редакции центрального органа МР в период роста организации в конце 1970-х.

Несмотря на то, что RJ по отдельным вопросам расходился с нашей организацией, его принципиальная лояльность ИКТ никогда не вызывала сомнений. В 1981 г. во время кризиса, спровоцированного тенденцией Шенье, в ходе полемики с «внешней фракцией ИКТ» в 1984-1985 гг., а также в ходе недавней борьбы с кланами и паразитизмом, он занимал четкую позицию защиты организации, принципов ее функционирования и политических достижений, завоеванных ИКТ в ходе этих столкновений.

Но более серьезную проблему для товарища, пережившего трудное детство, представлял маргинальный образ жизни. Только в последние годы жизни у него появилась постоянная работа. Как следствие, ярко выраженный индивидуализм не позволил ему в полной мере принимать участие в регулярной коллективной работе. Предприняв попытку усилить организационную сплоченность своей секции в 1987 г., RJ вскоре вышел из ИКТ.

Однако это не ослабило солидарности товарища с ИКТ. В качестве активного сочувствующего, он продолжал продавать нашу литературу (он

всегда был впереди всех по распространению литературы в ходе наших мероприятий) и играл ключевую роль в работе наших книжных магазинов в Лондоне. Он посещал большинство наших публичных собраний и всегда был готов принять участие в дебатах. Товарищ RJ горячо поддерживал рабочую борьбу и без колебаний принимал в ней действенное участие и тогда, когда был членом ИКТ, и позднее, когда, прекратив членство в нашей организации, он поддерживал акции ИКТ. Но, прежде всего, RJ будут помнить за его необычайную страсть к изучению истории рабочего движения. Будучи ненасытным читателем, он собрал внушительную библиотеку из книг, статей и текстов, относящихся к прошлому и настоящему революционного движения.

В последний период своей жизни он работал над изучением истории российского левого коммунизма и успел собрать богатый материал на эту тему. Один из трагических аспектов его преждевременного ухода состоит в том, что из-за проблем, с которыми он сталкивался в изложении своих обширных познаний на бумаге, многое из того, что знал, оказалось утерянным для революционного движения.

Интерес RJ к истории революционного движения нашел воплощение и в той самоотдаче, с которой он участвовал в полемике и дискуссиях внутри современного пролетарского сообщества. Его знали и уважали товарищи из Коммунистической рабочей организации (КРО) как человека, который всегда остро осознавал необходимость солидарности между революционными группами. Действительно, его последовательное противостояние сектантству, открытое отношение ко всему сообществу послужили значимым фактором наметившегося недавно прогресса сообщества в сторону большего единства. Он весьма сожалел о том, что болезнь помешала ему посетить недавнее объединенное собрание ИКТ и КРО, которое он искренне приветствовал.¹

ИКТ смогло также убедить RJ в опасности паразитизма, несмотря на то, что поначалу он испытывал некоторые сомнения на этот счет. Перед лицом последних атак со стороны паразитов RJ не только в очередной раз встал на защиту ИКТ и пролетарского сообщества в целом, но и внес важный практический вклад в борьбу с ними, главным образом, посред-

¹ . Отчет об объединенном собрании КРО и ИКТ в защиту Октябрьской революции см в.: *Revolutionary Perspectives*, series 3, no. 9, Winter 1998 и *World Revolution* no. 210, December 1997.

ством писем в ИКТ, содержащих информацию о сетях и связях паразитов, а также посредством публикации статьи на эту тему в «Мировой Революции» в прошлом году.

В последние годы жизни RJ предпринял решительные меры по изменению своего образа жизни; он получил университетскую степень, продолжил обучение для получения еще одной и, наконец, устроился на постоянную работу в магазине политической литературы, где был не только самым успешным продавцом, но также инициировал многие дискуссии и установил международные связи, о которых нас постоянно информировал. Это были первые шаги на пути к реинтеграции с ИКТ. Преждевременный уход из жизни лишил и его, и ИКТ возможности реализовать эту перспективу.

Тем не менее, ИКТ сделает все возможное, чтобы «спасти» энциклопедические познания товарища в области истории революционного движения; в частности, мы продолжим работу по исследованию истории российской левой и опубликуем наиболее важные из обнаруженных им документов.

Уважение, испытываемое к товарищу всем пролетарским сообществом, было продемонстрировано на его похоронах, которые посетили не только члены и сочувствующие ИКТ, но и товарищи из КРО. Представители обеих организаций говорили о качествах RJ как политического активиста, также было зачитано послание с выражением солидарности от итальянской «Коммунистической борьбы».

Прощай, товарищ. Знаменателен тот факт, что на той же неделе, когда ты умер, господин Капитал тоже перенес подобие инфаркта: финансовые конвульсии, распространяющиеся с Дальнего Востока, служат хорошим доказательством того, что общество, против которого ты вел борьбу, в самом деле едва стоит на ногах, а общество, за которое ты боролся, не утопия, а единственно возможное будущее человечества.

(Из World Revolution no. 210, December 1997)

Салют коммунистическому борцу

Мы вынуждены с прискорбием сообщить о преждевременной кончине Яна, бывшего члена и неизменного сторонника Интернационального Коммунистического Течения в Великобритании. Ему было всего лишь 46 лет, и в последние недели перед смертью 23 ноября он перенес несколько инфарктов. Горькая ирония произошедшего состоит в том, что несчастье случилось непосредственно перед объединенным собранием членов ИКТ и КРО в защиту Октябрьской революции, состоявшимся в Лондоне. Никто не желал так сильно, как Ян, объединенного собрания наших организаций. В письме в КРО в июле 1995 г. он сообщал о своем исследовании истории левого коммунизма в России. Российские левые коммунисты пытались противостоять процессу вырождения революции в 1920-х гг.; многие из них закончили жизнь в сталинских лагерях в 1930-х гг. В том письме Ян писал:

«Мною движет не просто интерес к архивным изысканиям, а стремление прояснить свои политические взгляды. Бывший член ИКТ, я остаюсь к его сторонникам и продолжаю бороться за построение мировой коммунистической партии: я убежден, что способствовать реализации данной перспективы могут только ИКТ, ИБРП (Интернациональное Бюро за Революционную Партию) и, возможно, некоторые бордигисты, т.е. коммунистические группы, связанные с традицией итальянских левых, органическая преемственность и единство которой были прерваны второй мировой войной. Ни одна из этих групп не является партией или ее ядром, однако только они обладают политической и практической способностью работать с возникающими сегодня новыми элементами не на сентиментальной или оппортунистической основе, а посредством конфронтации фракций (групп) и тенденций, подразумевающей расколы и перегруппировки».

Излишне говорить о том, что мы разделяем этот общий настрой и убежденность в необходимости принципиальной полемики, которая помогла бы прояснить, на каких основаниях должна строиться будущая мировая коммунистическая партия. Далее в указанном письме он объясняет, что остается сторонником ИКТ, дабы избежать изоляции и академизма, жертвами которых в течение многих лет становилось немало потенциальных коммунистов. В конце письма Ян предложил выступить с докла-

дом о левом коммунизме в России на учебном собрании членов КРО, сочувствующих и приглашенных в январе 1996 г. в Шеффилде. Собрание, которое посетило много людей, стало ярким событием; даже наименее близкие нам его участники вспоминали об этом событии с удовольствием. От имени участников этого собрания, а также от имени КРО и ИБРП, после того, как с Яном случился инфаркт, мы послали ему письмо с пожеланием скорейшего выздоровления. По словам его подруги Х., он был очень обрадован и с нетерпением ждал момента, когда сможет написать ответ.

ИБРП также направило делегацию на похороны Яна. Мы хотели не только вспомнить жизнь и борьбу Яна, но и выразить наши искренние соболезнования его подруге, сыну и товарищам из «Мировой Революции» (Британская секция ИКТ). После прощальных речей Х. (она продолжает состоять в рядах ИКТ) и другого товарища из ИКТ, товарищ из КРО от имени ИБРП зачитал послание, в котором, помимо прочего, было заявлено, что, несмотря на наши политические разногласия, мы знали Яна как искреннего и преданного классового борца, чья смерть стала громадной потерей для коммунистического движения.

Смерть Яна означала, что он не сможет закончить книгу о российских левых коммунистах. Эта работа будет завершена его товарищами из ИКТ. Мы уже предложили нашу посильную помощь по реализации этого проекта. Помимо того, что книга Яна очень важна для будущей борьбы за коммунизм, она станет достойным памятником товарищу, которому было суждено умереть первым из нашего поколения - поколения, принесшего в 1970-х гг. коммунистические идеи в Великобританию и давшего им организационное оформление.

Ян умер в то время, когда на родине Октябрьской революции появляется новое поколение революционеров. После крушения сталинизма они начинают понимать, что с развалом СССР прекратил существование не коммунизм, а неэффективная форма государственного капитализма. Они также приходят к осознанию того, что Сталин был могильщиком идеалов Октября, а не его наследником. Работа Яна увидит свет, таким образом, в ситуации, когда видно, что человечество делает еще один шаг в направлении того общества, за которое он боролся.

(Из Revolutionary Perspectives, series 3, no. 9, Winter 1998)

ОСНОВНЫЕ ПОЗИЦИИ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ

Интернациональное Коммунистическое течение защищает следующие политические позиции:

— Со времени первой мировой войны капитализм является общественной системой, находящейся в состоянии упадка. Он дважды ввергал человечество в варварский цикл: кризис-мировая война-восстановление-новый кризис. В 80-х годах он вступил в заключительную фазу своего упадка — фазу распада. Этот необратимый исторический упадок порождает лишь одну альтернативу: социализм или варварство, мировая коммунистическая революция или уничтожение человечества.

— Парижская Коммуна 1871 года представляла собой первую попытку пролетариата осуществить такую революцию в период, когда условия для неё ещё не созрели. Как только начало капиталистического упадка привело к возникновению этих условий, Октябрьская революция 1917 г. в России явилась первым шагом к подлинной всемирной коммунистической революции в ситуации международного революционного подъёма, который положил конец империалистической войне и затем продолжался ещё на протяжении нескольких лет. Спад этой революционной волны, в особенности, в Германии в 1919-1923 гг., обрёл российскую революцию на изоляцию и быстрое вырождение. Сталинизм стал не продуктом российской революции, а её могильщиком.

— Этатистские режимы, которые возникли в СССР, Восточной Европе, Китае, Кубе и других странах и именовались «социалистическими» или «коммунистическими», представляли собой лишь крайнее проявление всеобщей тенденции к развитию государственного капитализма, являющейся одной из главных характеристик периода упадка.

— С начала XX столетия все войны носят империалистический характер, отражая ожесточённую борьбу между государствами, большими и малыми, которая ведётся с целью захвата или удержания позиций на мировой арене. Эти войны не приносят человечеству ничего, кроме смерти и разрушения во всё больших масштабах. Рабочий класс может отвечать на них лишь своей интернациональной солидарностью и борьбой против буржуазии во всех странах.

— Все националистические идеологии («национальная независимость», «право наций на самоопределение» и т. д.), какими бы аргументами — этническими, историческими или религиозными — они ни оперировали, представляют собой настоящий яд для трудящихся. Призывая последних стать на сторону той или иной фракции буржуазии, такого рода идеологии разделяют их и толкают к истреблению друг друга в интересах затевающих войны эксплуататоров.

— В условиях упадочного капитализма парламент и выборы есть не более чем маскарад. Любой призыв к участию в парламентском цирке способен лишь подыграть лжи, которая представляет выборы как реальный шанс для эксплуатируемых. «Демократия», особенно лицемерная форма буржуазного господства, не имеет коренных отличий от прочих форм капиталистической диктатуры, таких, как сталинизм и фашизм.

— Все фракции буржуазии являются в равной степени реакционными. Все так называемые «рабочие», «социалистические» и «коммунистические» (ныне экс-«коммунистические») партии, а также левацкие организации (троцкисты, маоисты и экс-маоисты, официальные анархисты) образуют левый фланг политического аппарата капитализма. Всевозможные тактики «народных фронтов», «антифашистских фронтов» и «единых фронтов», смешивающие интересы пролетариата с интересами какой-либо из фракций буржуазии, способствуют исключительно удушению и дезорганизации пролетарской борьбы.

— В условиях упадка капитализма произошло повсеместное превращение профсоюзов в органы капиталистического порядка в пролетарской среде. Различные формы профсоюзной организации, как «официальные», так и «низовые», лишь служат усмирению рабочего класса и саботируют его борьбу.

— Чтобы добиться успеха в классовых битвах, рабочий класс должен объединиться в борьбе, расширяя и организуя её посредством суверенных генеральных ассамблей и делегатских комитетов, члены которых избираются этими ассамблеями и могут быть в любое время отозваны ими.

— Терроризм ни в коей мере не является методом борьбы рабочего класса. Будучи продуктом социального слоя, лишённого исторического будущего, результатом распада мелкой буржуазии, а иногда и прямым выражением перманентной войны между капиталистическими государствами, терроризм всегда служил удобным объектом манипулирования со стороны буржуазии. Апология секретных акций незначительных меньшинств прямо противоречит ориентации на классовое насилие, сознательное и организованное массовое действие пролетариата.

— Рабочий класс — единственный класс, который способен совершить коммунистическую революцию. Революционная борьба неизбежно приведёт его к столкновению с капиталистическим государством. Чтобы уничтожить капитализм, рабочий класс должен будет разрушить все существующие государства и установить в мировом масштабе диктатуру пролетариата: интернациональную власть рабочих советов, объединяющих всех пролетариев.

— Коммунистическое преобразование общества рабочими советами не означает «самоуправление» или огосударствление экономики. Коммунизм требует сознательного устранения рабочим классом общественных отношений капитализма: наёмного труда, товарного производства, национальных границ. Он озна-

чает создание мирового сообщества, в котором все виды деятельности будут направлены на полное удовлетворение человеческих потребностей.

— Революционная политическая организация составляет авангард рабочего класса и является активным фактором в процессе распространения и развития пролетарского классового сознания. Её роль состоит не в том, чтобы «организовать рабочий класс» или «взять власть» от его имени, а в том, чтобы активно участвовать в движении, направленном на объединение различных форм пролетарской борьбы, обретение рабочим классом самостоятельности в борьбе за свои интересы, и одновременно формулировать революционные политические цели пролетарского действия.

НАША ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Политическое и теоретическое определение целей и методов пролетарской борьбы, её исторических и непосредственных условий.

Организованная, объединённая и централизованная на международном уровне деятельность с целью содействия процессу, ведущему к революционному действию пролетариата.

Работа по объединению революционеров, направленная на образование подлинной мировой коммунистической партии, которая необходима рабочему классу для низвержения капитализма и создания коммунистического общества.

НАШЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Позиции и деятельность революционных организаций являются продуктом опыта, накопленного в прошлом рабочим классом, и уроков, извлеченных из истории его политическими организациями. ИКТ ведет своё происхождение от Союза коммунистов Маркса и Энгельса (1847-1852 гг.), трёх Интернационалов (Международного Товарищества Рабочих, 1864-1872 гг., Социалистического Интернационала, 1889-1914 гг., Коммунистического Интернационала, 1919-1928 гг.) и левых фракций, отколовшихся в 20-30-х гг. от вырождающегося Коминтерна, в частности, германских, голландских и итальянских левых коммунистов.